

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«**Челябинский государственный университет**»

На правах рукописи

Чернова Татьяна Анатольевна

**РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И БАШКИРСКИЙ КРАЙ:
ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(СЕРЕДИНА XVI – СЕРЕДИНА XVIII ВВ.)**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент
Конюченко Андрей Иванович

Челябинск - 2019

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Ранняя история башкир (X – XIV вв.): выработка вектора внешней политики	
1.1 Внешнеполитические принципы башкирских племен в болгарский и золотоордынский период.....	45
1.2 Подданничество как внешнеполитическая традиция башкирских племен.....	57
Глава 2. Присоединение башкирских родов к Московскому государству	
2.1 Процесс принятия северо-западными, юго-западными и юго-восточными башкирами российского подданства.....	62
2.2 Условия принятия башкирскими племенами российского подданства.....	79
2.3 Присоединение северо-восточных башкир.....	93
Глава 3. Проблемы русско-башкирских взаимоотношений в XVII – начале XVIII вв.	
3.1. Изменения политики России по отношению к башкирам.....	105
3.2. Религиозная политика конца XVI – начала XVIII вв.....	113
Глава 4. Восстания башкирских племен (вторая половина XVII – начало XVIII вв.). Общие и особенные черты	
4.1. Восстания второй половины XVII в.....	143
4.2. Восстание 1704 – 1711 гг.....	161
Глава 5. Формирование нового курса взаимоотношений Российской империи с башкирами (30-е гг. XVIII в.)	
5.1. Промышленное освоение Урала как новый фактор в российско-башкирских отношениях.....	173
5.2. Оренбургская экспедиция и восстание 1735 – 1740 гг.....	180
Глава 6. Реализация новой государственной политики в отношении	

башкирских подданных (30 – 50 гг. XVIII в.)	
6.1. Религиозная политика государства в 30 – 40 гг. XVIII в.	240
6.2. Восстание 1755 – 1756 гг. и новые методы реагирования властей на недовольства местного населения.....	255
Заключение.....	288
Источники и литература.....	299
Приложения.....	327

Введение

Актуальность темы. В современном мире изучение проблем межнациональных отношений превратилось в насущную необходимость. На постсоветском пространстве межнациональные конфликты являются самыми острыми, а их решение – первостепенным. Ключом к решению является анализ исторических корней этих споров. Обратившись к истокам конфликта, можно найти верный механизм его решения. Российское государство обладает многовековым опытом в этих вопросах. Уже в XVI в. перед Русским царством встает необходимость выработки системы взаимоотношений с новыми подданными различных национальностей и конфессий. От дальнорочности и продуктивности решения данной задачи зависят дальнейшие отношения между народами и успешное функционирование самого государства.

Очень часто непродуманное, некорректное отношение правительства с подданными приводит к спорам и вооруженным конфликтам, решение которых затягивается на долгие десятилетия. Подобную ситуацию мы можем наблюдать сегодня на Северном Кавказе, Балканах, Ближнем Востоке, в странах Восточной и Западной Европы. Но можно привести примеры и другого характера, когда, несмотря на первоначальные сложности, участники диалога смогли найти общий язык и в современном мире демонстрируют добрососедские отношения. Ярким примером являются взаимоотношения между Российским государством и Башкирским краем. При всех недовольствах местного населения политикой правительства в XVII – XVIII вв. и долгого привыкания к новым условиям подданства, введенным в 30-е гг. XVIII в., конструктивный, а иногда чисто прагматичный подход государства к решению проблем принес свои плоды. Башкирия, преодолев интеграционный период, превращается в административно упорядоченный регион страны. Сейчас Башкортостан один из наиболее стабильных и успешно развивающихся регионов РФ.

В последние годы Россия вынуждена развиваться в условиях агрессивной санкционной политики. Поводом послужил акт добровольного присоединения Крыма к РФ. Сложность ситуации заключается не только во внешнеполитическом аспекте и вышеупомянутых санкциях, но и в необходимости включения новых территорий в правовое и экономическое пространство страны. Не всегда реальность совпадает с идеалистическими представлениями обывателей. Чаще всего процесс централизации затягивается, сталкивается с массой всевозможных сложностей и, в конечном итоге, может вылиться в недовольство людей, которые еще вчера добровольно меняли свое гражданство. Обладая многочисленными историческими примерами из отечественной истории, современная Россия должна осознавать те опасности, которые могут встать на пути консолидации «новых земель» с центром.

В этих условиях изучение русско-башкирских отношений, отметивших в 2017 г. 460-летний юбилей принятия подданства, становится как никогда актуальным. Важно детально рассмотреть сам феномен добровольного принятия подданства, продемонстрированный башкирскими племенами. В условиях современной сложной политической и этно-конфессиональной обстановки особо важно изучение примеров, которые свидетельствуют о возможности мирного решения сложных геополитических задач. Главной составляющей данного процесса является обоюдное желание сторон и взаимовыгодные условия сделки. Что и проявилось в начале русско-башкирских отношений – был найден компромисс и обе стороны получили желаемое.

Однако, со второй половины XVII в. ситуация в корне меняется. Видоизменяется само государство. Пережив эпоху Смуты, приход к власти новой правящей династии, трансформацию сословно-представительной монархии в абсолютную, Российское государство постепенно включает национальные окраины в новую систему отношений. Начиная с реформ Петра I, Россия идет по пути европеизации и совершенствования институтов монархического устройства. Одним из показателей которого является централизация самодержавной власти. Этот процесс был длительным и болезненным, ломающим

привычный стиль взаимоотношений метрополии и окраин. В связи с этим актуальным является изучение организации государственного управления на юго-востоке страны, создания и деятельности Оренбургской экспедиции в XVIII в. На смену взаимовыгодным отношениям между Башкирским краем и Российским государством приходит этап дестабилизации. Без изучения истории башкирских восстаний XVII–XVIII вв. невозможно понять и воссоздать полную картину политического и социально-экономического развития Башкирии в XVII–XVIII вв. Было немало дискуссий среди исследователей, как по поводу причин восстаний, так и по поводу оценки отдельных исторических личностей. Пожалуй, наиболее спорной является фигура основателя Челябинска А.И. Тевкелева, с одной стороны дипломата, основателя ряда крепостей на Южном Урале, с другой - военного, генерал-майора, жестоко и решительно расправлявшегося с восставшими. В научной среде не утихают споры вокруг этой неоднозначной фигуры¹. Все это подтверждает исключительную важность и актуальность изучения проблемы башкирских восстаний XVII–XVIII вв.

В целом русско-башкирские отношения середины XVI–середины XVIII вв. иллюстрируют как продолжительный период мирного симбиоза, так и почти вековой период вооруженных кровопролитных столкновений. Что дает возможность исследовать не только межнациональные отношения в крае, но и в целом процесс формирования многонационального (полиэтнического) государства и сложный механизм встраивания окраин в систему централизованного управления.

Объектом исследования являются взаимоотношения Российского государства с башкирскими подданными.

Предметом исследования является включение Башкирского края в централизованное политико-правовое и социально-экономическое простран-

---

¹ Конюченко А.И. Споры вокруг имени основателя Челябинска. // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История – Челябинск, 2012. – № 7. – С. 115–121.

ство (страновое пространство) Российского государства в середине XVI – середине XVIII вв.

Хронологические рамки исследования охватывают событийно-насыщенный период русско-башкирских отношений – с середины XVI в. до середины XVIII в. Нижняя грань обозначена началом добровольного вхождения (добровольного присоединения, добровольного принятия подданства) башкирских родов в состав Московского царства. Верхняя грань приходится на 50-е гг. XVIII в. и подавление башкирского восстания 1755–1756 гг., когда завершается отмена условий, на которых башкирские племена вошли в состав Русского государства. Это завершило период становления системы русско-башкирских отношений и ознаменовало окончательное включение Башкирии в политическую, экономическую и административную инфраструктуру Российской империи. Этот период можно обозначить как интеграционный, когда идет гомогенизация пространства по стандартам страны¹. Интеграция не исчерпывается моментом политического присоединения той или иной территории, напротив, данный момент служит зачастую лишь начальным рубежом длительного социоинтегративного процесса². Отмена условий, наделяющих башкир разнообразными привилегиями, а также оперативное подавление бунта 1755–1756 гг., демонстрируют важные изменения, произошедшие в системе управления регионом, окончательное включение его в «страновое пространство» (политико-правовую, социально-экономическую, административную, хозяйственную инфраструктуру государства). Дальнейшие события развивались в иной обстановке, внутри административной системы империи, что впрочем, не отменяет их оригинальных черт. В исследовании не были включены события 1773–1775 гг., т.к. восстание Е.Пугачева имеет ряд отличительных черт, которые не позволяют включить их в перечень «классических» башкирских бунтов: ведущая роль казачества, феномен

¹ Побережников И. В. Урал в российской истории: интеграция региона в страновое пространство. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Материалы. – Екатеринбург, 2014. – Т. 1. – С. 121–125.

² Там же.

самозванчества, массовое участие крепостных крестьян. Дефиниция пугачевского восстания очень разнообразна. Исследователи трактуют его как «русский бунт»¹ (пусть в нем и принимали участие представители многих этносов), как «крестьянскую войну»², как «фронтирную жакерию (крестьянское восстание на окраине страны)»³. Это движение было совместным выступлением всех недовольных крепостничеством, дворянскими привилегиями, помещичьими и государственными повинностями. Пугачева поддержали люди разных национальностей, выходцы не только из крестьян, но и из казаков и прочих военно-служилых сословий, горожан, заводских работников, дворовых слуг и др. События такого размаха, как социального, так и территориального, можно трактовать как гражданскую войну⁴. Такое разнообразие трактовок лишней раз подчеркивает сложность и многоуровневость данного исторического события, неправомерность сведения его только к одному этническому компоненту.

Территориальные рамки. В современной историографии, прежде всего региональной, прочно закрепилось понятие «Исторический Башкортостан»⁵, но сложно назвать четкие географические границы расселения башкирских племен в ранние периоды их истории. В источниках приводятся различные варианты описания границ территории, принадлежавшей башкирам. Арабские ученые X–XIII вв. упоминают о народе башкир (башгирд, башгурт) и локализуют его на просторах Поволжья, Южного Урала и Зауралья по соседству с булгарами и печенегами⁶. Европейские авторы также неоднократно

¹ Мауль В.Я. Социокультурное пространство русского бунта: по материалам Пугачевского восстания. / Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Томск, 2005.

² Гвоздиков И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. – Уфа, 1999.

³ Александр Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. – Уфа, 2011.

⁴ Смирнов Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестник СамГУ. – 2007. – №5/3 (55) – С. 160.

⁵ История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа, 1994; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. – Уфа, 2004; Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991; История башкирского народа. Т.1. – М., 2009.

⁶ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М.–Л., 1939; Диван лугат ат-тюрк («Словарь тюркских наречий»). – Алматы, 2005; Умняков И.И. Самая старая турецкая карта мира. // Труды Самаркандского государственного педагогического института. – Самарканд, 1940. – Т.1, вып. 1.– С. 103–131; Усманова М.Г. Имя земли отчей.

упоминали башкирские племена в своих трактатах¹. Особое внимание они уделяли вопросам этногенеза, подчас отождествляя венгров и башкир. Дж. де Пано Карпини при перечислении земель, подчиненных монголам, упоминает «Баскарт, то есть великая Венгрия»². Он называет народы, граничащие с баскартами, «непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, то есть великой Булгарией, прилегают Баскарты, то есть великая Венгрия»³. Юлиан, лично побывавший на описываемых землях, говорил, что нашел венгров «близ большой реки Этиль»⁴. Г. де Рубрук в числе стран, которые повинуются татарам, называет Паскатири. «Язык паскатири и венгров - один и тот же;... страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией»⁵.

Интерпретируя данные ряда русских источников и официальных документов, в том числе Книги Большому Чертежу⁶, современные башкирские историки описывают территорию исторической области (XVII–XIX вв.) в следующих границах: южная граница проходила по рр. Илек, среднему течению Яика, Ую, до верховьев Тобола; на западе башкирские земли простирались до Волги в районе современных Самары и Саратова; на северо-западе - до Камы, а частично заходили за нее; на севере - до среднего течения Чусовой; на северо-востоке - по реке Исеть⁷. Согласно энциклопедии Брокгауза и

Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. – Уфа, 1994; Псянчин А.В. Урал-Поволжье в восточной средневековой географической традиции (предварительные наблюдения). // Научное наследие Ризы Фахретдинова и актуальные проблемы востоковедения. – Уфа, 2001. – С. 81–87; Кумеров Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972; Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. – М., 2006; Абд ар-Рашид ал-Бакуви, Китаб Талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар («Сокращение книги о «Памятниках» и чудеса царя могучего»). – М., 1971; Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Дастан. – СПб., 1869; Абу-л-Фида Книга упорядочения стран. // Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 4. Арабские источники XIII–XIV вв. – М., 2002.

¹ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. // Исторический архив. – М.–Л., 1940. – Т. III. – С. 71–112; Иоанн де Пано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911; Матфей Парижский. Великая хроника. Арабские истории. – М., 1993.

² Иоанн де Пано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911. – С. 35.

³ Там же. – С. 50.

⁴ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. // Исторический архив. – М.–Л., 1940. – Т. III. – С. 80.

⁵ Иоанн де Пано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911. – С. 76.

⁶ Книга Большому Чертежу. – М.–Л., 1950.

⁷ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. – Уфа, 2004. – С. 54; История башкирского народа. Т.1. – М., 2009. – С. 37.

Ефрона, во второй половине XVI в. башкирам принадлежала вся земля между Камой и Волгой до Самары и Оренбурга, и на восток по Миассу, Исети, Тоболу и Иртышу до Оби¹.

Таким образом, правомерно соотносить Исторический Башкортостан с территорией, охватывающей - от левобережья Волги до верховьев Тобола, от р. Сылвы до среднего течения Яика, то есть Предуралье и часть Приволжья, Средний, Южный Урал и Зауралье. На этой территории в настоящее время расположены Республика Башкортостан, Оренбургская, Челябинская, частично Самарская, Курганская, Пермская, Свердловская, Саратовская области и восточные районы Республики Татарстан.

Следует прояснить вопрос о названии данной территории. В «Духовном завещании» Ивана Грозного, составленном в 1572 г., перечислены земли, передаваемые им по наследству - территория, населенная башкирскими племенами обозначена как «башкирда»². Современные авторы трактуют это название как «страна башкир»³, хотя конечно ни о какой государственности у башкирских племен говорить не приходится. После включения в состав Московского царства башкирские земли были включены в административную систему: с 1586 г. они получили название Уфимский уезд Казанской губернии, с 1719 г. - Уфимская провинция Казанской губернии, с 1744 г. - Уфимская провинция Оренбургской губернии. Однако, в российском документообороте, параллельно с официальным административным названием употреблялись термины «Башкирия»⁴, «Башкирский край»⁵, «Башкирская провинция»⁶. Начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов в своих доне-

¹ Башкиры. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/009/9467.shtml>. (дата обращения: 16.07.2018.)

² Духовная грамота царя Ивана Васильевича. // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.–Л., 1950. – С.426–444.

³ Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа, 2006. – С. 10; История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 6.

⁴ Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 239, 242, 261, 334, 342, 349, 366, 395, 410, 439, 504, 550.

⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – С. 302.

⁶ Там же. – С. 137.

сениях в Кабинет называл эту территорию - «Башкирская орда»¹, видимо по аналогии с киргиз-кайсацкой ордой. Очевидно, что все эти названия являются синонимами и несут одну смысловую нагрузку, обозначая территорию компактного проживания башкирского ясачного населения. Именно поэтому в диссертации чаще употребляются эти «неофициальные», но общеупотребимые названия. В качестве титульного, прозвучавшего в названии работы, был выбран термин «Башкирский край». Словарь С.И. Ожегова дает следующее определение края: 1. предельная линия, предельная часть чего-нибудь, самая удаленная от центра часть, оконечность, окраина; 2. страна, обширная область, территория, местность; 3. в России: крупная административно-территориальная единица, обычно имеющая в своем составе автономную область². Земли, зафиксированные за башкирскими родами, составляли обширную область на окраине государства. К тому же Башкирия в составе Московского царства сохраняла широкую автономию (автономные черты, самоуправление, периферийность, самостоятельность), будучи «инородным» объектом, и лишь с середины XVIII в. полностью стала частью государства. Именно поэтому, понятие «Башкирский край» на наш взгляд наиболее полно иллюстрирует как особенности географического положения, так и геополитический аспект.

Степень изученности темы. Говоря о выстраивании отношений государства с башкирскими подданными, в литературе чаще всего выделяют их важнейшие вехи. Прежде всего, принятие башкирскими племенами Московского подданства и последующие многочисленные бунты. Именно через призму этих событий авторы дают общую оценку русско-башкирских отношений середины XVI – середины XVIII вв.

В дореволюционной литературе было уделено внимание вхождению башкирских родов в состав Русского государства, но история башкирских восстаний не нашла в ней должного отражения. Динамике отношений прак-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – С. 18, 24, 75, 96, 129, 169.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. – Екатеринбург, 1994. – С.136.

тически не уделено внимания, нет аналитического взгляда на русско-башкирские отношения, преобладает описательный и назывной характер повествования.

Многие дореволюционные историки признавали подданство башкир добровольным (П.И. Рычков, Н.М. Карамзин, В.Н. Татищев)¹. В обобщающих работах по истории России авторы упоминали принятие народами Урало-Поволжья московского подданства после взятия Казани². Детального анализа причин данного поступка сделано не было. Первым русским исследователем, специально посвятившим внимание истории Башкирского края, стал участник Оренбургской экспедиции П.И. Рычков. Первой работой автора стало описание деятельности Оренбургской экспедиции и последующих за ней событий, начатое автором сразу после учреждения Оренбургской губернии (1744 г.)³. П.И. Рычков описывал тяжелое положение башкир накануне принятия подданства, обременительные налоги и повинности, выполняемые ими для казанских и ногайских правителей, голод, эпидемию и мор⁴. Авторы единодушны, что башкирские племена откликнулись на обращение Ивана IV признать власть Москвы и не оказали сопротивления⁵.

В дореволюционный период был представлен и альтернативный подход к трактовке событий середины XVI в. Казанский исследователь В.Н. Витевский первым заговорил о насильственном присоединении башкирских племен к России⁶. Он ошибочно утверждал, что в политических реалиях XVI в. ни один народ по доброй воле не признал бы над собой власть Москвы. Поэтому Витевский формулирует концепцию покорения башкирских земель, растянувшегося на два столетия. Автор утверждал, что в силу кочевого об-

¹ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 8. – СПб., 1819; Татищев В.Н. История Российская с самых древних времен. К. 5. – М., 1848.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 8. – СПб., 1819. – С. 185, 188, 202, 218; Татищев В.Н. История Российская с самых древних времен. К. 5. – М., 1848. – С. 371–372.

³ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002.

⁴ Там же. – С. 33.

⁵ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 33; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 8. – СПб., 1819. – С. 188.

⁶ Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.1–2. – Казань, 1897.

раза жизни башкир их сложно было покорить «одним ударом»¹. Автор, справедливо указывает на кровопролитный характер отстаивания башкирами своих прав: «очень много было пролито инородческой и русской крови на этом обширном пространстве»², но сводит все к теории завоевания и борьбы за независимость. Очевидная заслуга его работы в использовании богатого фактического материала, в том числе по башкирским восстаниям.

Вслед за В.Н. Витевским теорию завоевания повторял профессор филологии В.И. Филоненко. Автор признавал факт башкирского посольства к московскому царю с предложением принятия их в состав царства. Подчеркивал, что сведений о силовом покорении или вторжении русских войск в Башкирию нет³. Но вместе с тем делает вывод, что с «покорением Казани и Астрахани пала и Башкирия»⁴. Причиной многочисленных бунтов называл злоупотребления местной администрации, притеснение «безгласных инородцев», однако справедливо указывает и на воинственный характер самих башкир, подогреваемый переселенцами-мусульманами, мечтавшими о «восстановлении прежней независимости в крае»⁵.

Казанский историк Н.А. Фирсов ставил новые для русской историографии вопросы об отношении народов (этносов) и «имперской» власти. Изучал внутреннюю организацию народов Поволжья, Урала, Сибири до их включения в состав Московского государства, и изменения их положения после завоевания Казанского, Астраханского и Сибирского ханств Россией⁶. История народов на территории бывшей Золотой Орды рассмотрена на основе богатого актового материала, прежде всего, донесений русских служилых людей XVII в. Автор изучил управление и суд среди волжских народов, со-

¹ Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.1–2. – Казань, 1897. – С. 125.

² Там же. – С. 127.

³ Филоненко В.И. Башкиры. // Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1913. – № 2. – С. 31–40; Он же. Башкиры. // Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1914. – № 5. – С. 218–229.

⁴ Филоненко В.И. Башкиры. // Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1913. – № 2. – С. 38.

⁵ Филоненко В.И. Башкиры. // Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1914. – № 5. – С. 218–229.

⁶ Фирсов Н.А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866.

циальные отношения и религиозно-нравственную жизнь иноэтничных подданных и миссионерскую деятельность духовенства в этой среде¹.

Исходя из трактовки принятия подданства башкирами, авторы давали характеристику башкирским бунтам, но в большинстве случаев дореволюционные авторы игнорировали проблемы народных движений. Из многих башкирских восстаний XVII–XVIII в. лишь движение 1735–1740 гг. стало предметом специального исследования². Дореволюционные авторы, за редким исключением, не связывали причины восстаний с политикой государства. Они много писали о политике правительства в крае, но характеризовали ее односторонне, рассматривая царскую Россию как цивилизатора башкир³. В связи с этим причины восстаний авторы видели в особенностях характера народа, образе жизни, в религии или влиянии соседей⁴. Другие авторы в качестве основной причины называли недовольство религиозной политикой государства, а также захваты земель и угодий⁵. Во всей дореволюционной историографии вопроса выделяется оценка историка-краеведа Р.Г. Игнатьева. Он справедливо объяснил возникновение башкирских восстаний всей совокупностью политики царской России в крае⁶.

Положительной стороной работ дореволюционных авторов, является то, что они ввели в научный оборот значительный архивный материал по истории восстаний, отмечали их систематический характер, массовость, охват большой территории. Высказали в целом верные оценки по ряду конкретных

¹ Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель. – Казань, 1870.

² Игнатьев Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии. // Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. VII. 1880–1881 годы. – Уфа, 2013. – С. 19–50; Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – 1900. – Вып. 8.

³ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 56–71; Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 32–33; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга третья. Том XI – XV. – СПб., 1861. – С. 439, 730–732.

⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 58; Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 33; Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства, составленный В. А. Новиковым в 1879 году, продолженный и дополненный до 1902 года депутатом Уфимского дворянства Н. А. Гурвичем. – Уфа, 1903. – С. 9–10.

⁵ Фирсов Н.А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866. – С. 113–114; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга третья. Том XI – XV. – СПб., 1861. – С. 728.

⁶ Игнатьев Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии. // Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. VII. 1880–1881 годы. – Уфа, 2013. – С. 49–50.

аспектов темы, поняли важную роль этих движений в истории, но часто рассматривали их как борьбу за независимость¹. Однако конкретная история движений освещена ими неудовлетворительно. Восстания XVII в. они характеризовали лишь в самом общем плане. Несколько подробнее излагалась история восстаний первой половины и середины XVIII в., но освещались, главным образом, мероприятия властей по их подавлению. Дореволюционные авторы отрицательно относились к восстаниям, считали их проявлением анархии, бунтом, повстанцев называли ворами и разбойниками, их действия - актами грабежа и насилия, не осуждали жестокое подавление движений.

В целом анализа русско-башкирских отношений, их изменений с течением времени дореволюционными историками дано не было, проблематика сводилась к конкретным событиям, причем в подавляющем большинстве причины конфликтов упрощались, не было дано сравнительного анализа, динамика движений не прослеживалась.

Советская довоенная историография приняла в качестве основной теорию о завоевании башкирских родов Русским государством. П.Ф. Ищериков отвергал концепцию добровольного вхождения в состав Русского государства, ссылаясь на отсутствие каких-либо достоверных исторических сведений. По его мнению, Башкирия была покорена Россией, причем сопровождалось это ожесточенной борьбой и кровопролитием².

Свое логическое выражение в качестве парадигмы концепция о завоевании края Московским царством нашла в трудах А.П. Чулошникова. Изучая башкирские бунты, он отмечал их антиколониальный характер³. Подвергая сомнению данные Никоновской летописи о приезде башкир в Казань (1557

---

¹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 58–61; Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 33–35; Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.1–2. – Казань, 1897. – С. 156; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга третья. Том XI – XV. – СПб., 1861. – С. 439, 730–732; Игнатъев Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии. // Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. VII. 1880–1881 годы. – Уфа, 2013. – С. 19–50; Фирсов Н.А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866. – С. 110.

² Ищериков П.Ф. Очерки из истории колонизации Башкирии. – Уфа, 2003.

³ Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С. 6–65.

г.), Чулошников писал, что подчиниться по доброй воле Москве могли только «северо-западные союзы племен, подчинявшиеся до этого Казани и впоследствии составившие Казанскую дорогу»¹. И лишь к концу XVI в. «Москва начала всерьез покорение Башкирии»², закрепляя свое продвижение строительством городов (Уфа, Тюмень, Тобольск). Чулошников доказывал, что большая часть башкир была завоевана Московским царством в конце XVI в.

В послевоенной историографии вопрос о характере вхождения башкир в состав Русского государства претерпел принципиальные изменения. Основная заслуга в этом принадлежит башкирскому историку А.Н. Усманову, опубликовавшему несколько монографий по данной теме³. Автор выясняет причины и предпосылки принятия башкирами русского подданства, анализирует сам процесс добровольного вхождения западных, южных, юго-восточных, а также зауральских башкир в состав России. Усманов, одним из первых советских авторов, особо подчеркнул положительное значение присоединения башкирских племен к Русскому государству. Автор обращается к вопросу о характере русско-башкирских отношений после принятия подданства, характеризуя их с точки зрения вассально-сеньориальных соглашений. Уточняет, что добровольность подданства предполагала и право выбора нового сюзерена. Попытки заменить своего сюзерена проявлялись в отъезде к другому властелину или в приглашении хана в Башкирию с целью ее отторжения от России и организации самостоятельного ханства. Практику отъезда феодалов у кочевых народов автор считает обычным явлением.

Отношения Московского государства с башкирскими подданными советскими авторами рассматривались в рамках формационной теории, сводились к конфронтации «феодального государства» и «трудовых масс». После революции 1917 г. проблеме народных движений против «гнета и насилия»

---

¹ Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С. 22.

² Там же. – С. 25.

³ Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. – Уфа, 1949; Он же. Присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1960; Он же. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982.

стало отводиться центральное место в исторической науке. Причины восстаний историки объясняли антинародной политикой феодального государства. Исследователи положительно оценивали восстания как выступления против политики угнетения, отмечали их массовость, героизм повстанцев, жестокость карателей. В соответствии с концепцией о завоевании Башкирии Русским государством движения рассматривались как акт сопротивления завоеванию.

В работах историков 30–50-х гг. XX в. был сделан крупный шаг в изучении башкирских восстаний. Впервые были написаны специальные работы о движениях 1662–1664, 1704–1711, 1737–1738, 1755–1756 гг.¹. Особый вклад в их исследование внес Н.В. Устюгов. Изучая историю Башкирии, Устюгов сформулировал концепцию «свободного вассалитета» башкир, объяснявшую причины башкирских восстаний XVII – первой половины XVIII вв.² Автор обстоятельно выяснил состав и требования повстанцев, ход борьбы, дал общую их оценку как антиколониальных освободительных восстаний, как крупного и положительного фактора в истории Башкирии и России³. Устюгов верно подчеркивал, что целью правительственной политики в Башкирии было превращение ее во внутреннюю провинцию Российской империи⁴. Союз с киргиз-кайсаками и попытки повстанцев сменить подданство рассматривались Устюговым как утопические и реакционные.

Разработка Устюговым концепции «свободного вассалитета» была связана с его участием в подготовке обобщающего труда по истории Советского Союза⁵. Его работа наглядно демонстрирует сковывающее влияние колебаний официального идеологического курса на историков в 1940–1950-х гг.

---

¹ Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С. 6–65; Лебедев В.И. Башкирское восстание 1705–1711 гг. // Исторические записки. – М. 1937. – Т. 1. – С. 81–102; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л, 1947. – Т.24. – С. 30–110; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. – М.–Л., 1950.

² Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л, 1947. – Т.24. – С. 30–110.

³ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. – М.–Л., 1950.

⁴ Там же. – С. 143.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, Ч. I. – Уфа, 1956.

Приспосабливаясь к изменениям идеологического курса, Устюгов несколько раз менял оценку башкирских восстаний в соответствии с действующей партийной линией. Вместе с тем в его работах по истории Башкирии можно выделить инвариантную основу, остававшуюся неизменной, независимо от идеологической ситуации. К этой инвариантной основе относились указания на наличие патриархальных пережитков в башкирском социальном строе и лидирующую роль представителей знати в башкирских восстаниях, положительная оценка русской колонизации Башкирии и акцентирование негативных сторон башкирских восстаний.

В связи с усилением политизации исторической науки в СССР в 50-х гг. XX в., авторы соответствующих параграфов «Очерков по истории Башкирской АССР» допускали идеализацию политики государства. Они считали, что основную причину восстаний XVII–XVIII в. следует искать в характере социально-экономического развития Башкирии, в ее отставании от центральных районов. Это отразилось во взаимоотношениях башкирских феодалов с царским правительством. Авторы считали, что восстания были вызваны недовольством башкирской верхушки. Последние «тяготились теми сравнительно небольшими ограничениями, которые установила для них царская администрация», стремились к безраздельной экономической и политической власти в крае, не хотели делить власть над башкирским народом с правительством¹. Авторы «Очерков...» также не исключали и подстрекательства башкир со стороны Турции и Крыма, хотя и не подтверждали свою версию серьезными фактами². Делалось общее заключение о башкирских восстаниях XVII–XVIII в., как «реакционных», «бесперспективных», «антирусских», «антинародных» движений феодалов, указывалась их отрицательная роль в событиях истории³.

Историография второй половины XX в. исходила из идеи мирного

---

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, Ч. I. – Уфа, 1956. – С. 106, 171–172.

² Там же. – С. 107, 119.

³ Там же. – С. 116, 123, 169, 171–172.

включения башкирских племен в состав Российского государства¹. Авторы подчеркивали положительное значение присоединения башкир к Русскому государству², доказывали, что башкиры определяли характер своего подданства как добровольный³. Исследователи говорили о значении обращения Ивана IV к башкирам, а также о взаимных обязательствах сторон, сохранившихся до начала XVIII в.⁴. Исследование русско-башкирских отношений обогащается новыми аспектами, встают вопросы об этапах присоединения племен, о присоединении зауральских башкир, об условиях соглашения. Продолжаются попытки типологизации русско-башкирских отношений.

В своих публикациях и трудах Р.Г. Кузеев придерживался концепции добровольности подданства башкир⁵. Развивая ее, пришел к выводу о том, что присоединение различных народов Урало-Поволжья к Русскому государству произошло по-разному в результате: 1) «Казанской войны» (Казань и большая часть Казанского ханства); 2) перманентных завоевательных походов (те или иные группы всех народов региона); 3) и далее мирно (большая часть башкир, определенная часть других народов)⁶. Р.Г. Кузеев высказал свое отношение и к идее Н.В. Устюгова о том, что присоединение к Русскому

¹ Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. – Уфа, 1949; Он же. Присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1960; Он же. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982; Кузеев Р.Г. 400 лет вместе с русским народом: Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. – Уфа, 1957; Он же. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – М, 1974; Асфандияров А.З. Башкирские источники XVI–XIX вв. о добровольном присоединении края к Русскому государству // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 19–25; Он же. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа, 2006; Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991; Он же. Башкортостан и Россия: Взаимоотношения в середине XVI – первой половине XVIII в. // Доннелли А.-С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. – Уфа, 1995. – С. 17 – 28; Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам. – Уфа, 2007.

² Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. – Уфа, 1949.

³ Асфандияров А.З. Башкирские источники XVI–XIX вв. о добровольном присоединении края к Русскому государству // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 19–25; Он же. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа, 2006. – С. 19–54.

⁴ Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991; Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). – Уфа, 2005.

⁵ Кузеев Р.Г. 400 лет вместе с русским народом: Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. – Уфа, 1957; Он же. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – М., 1974.

⁶ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – Уфа, 2016. – С.142.

государству башкирами воспринималось не как «подданство», а как осуществление права «свободного вассалитета». По Кузееву, эта идея более подходит к объяснению специфичного сословного статуса башкирского общества и борьбы башкир за его сохранение, чем ее увязка с трактовкой характера ряда башкирских восстаний¹.

А.З. Асфандияров, опираясь на обширные архивные данные, подтверждал идею о добровольном вхождении большинства башкирских племен в состав Московского государства². В своей фундаментальной работе им были приведены тексты многих сберегательных грамот московских царей северным и юго-западным башкирам³. В обширном исследовании автор изучал проблемы социально-экономического, политического и культурного развития Башкирии в составе России. В отдельном параграфе дается оценка характера вхождения башкир в состав Русского государства, убедительно утверждается, что башкиры определяли характер своего подданства русскому царю как добровольный⁴. Категорически отвергает идею о том, что Башкирия была колонией Российского государства. Подчеркивает, что до 30-х гг. XVIII в. многие вопросы решались самоуправлением, потом же население попало под жесткий контроль властей. Автор выступает с идеей о том, что однотипность социальных и иных институтов Башкирии и России при сохранении определенных особенностей достигалась постепенно, охватывая период с середины XVIII в. до 50–70-х гг. XIX в., когда национальные воинские формирования были ликвидированы вместо всеобщей воинской повинности⁵.

Р.Г. Буканова считает положение башкир в составе Золотой Орды и отношения их с казанскими, ногайскими и сибирскими ханами вассально-

¹ Кузеев Р.Г. 400 лет вместе с русским народом: Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. – Уфа, 1957. – С. 75.

² Асфандияров А.З. Башкирские источники XVI–XIX вв. о добровольном присоединении края к Русскому государству. // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. – С. 19–25.

³ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа, 2009.

⁴ Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа, 2006. – С. 19–54.

⁵ Там же. – С. 386.

сеньориальными, основанными на обязательствах военной службы башкирских феодалов своим сюзеренам. К моменту вхождения в состав Российского государства Башкирия состояла из десятка территориальных тарханств. Каждое тарханство российское подданство принимает отдельно, хотя и на одинаковых условиях. Башкиры сохраняли вотчинное право на свои земли, самоуправление, «свою военную организацию», язык, обычаи и вероисповедание. Такие права они могли получить от царя Ивана IV только благодаря добровольному принятию русского подданства. Договорные отношения между царем и башкирскими феодалами устанавливают сюзеренитет и вассалитет. Р.Г. Буканова соглашается с мнением Н.В. Устюгова о том, что с принятием русского подданства башкирские феодалы рассматривали себя вассалами, а царя - сюзереном, которому были обязаны добровольной службой¹.

В работах И.Г. Акманова характер подданства башкир определяется как добровольный акт. Протекторату или сюзеренитету не было места в централизованном государстве. В специальной статье автор пишет о добровольном принятии русского подданства западными, затем «ногайскими» башкирами². Он говорит о большом значении обращения Ивана IV к башкирам добровольно принять подданство; а также о взаимных обязательствах сторон.

В 70–90-х гг. XX в. на основе архивных материалов и критического анализа опубликованных документов была изучена история башкирских восстаний, обстоятельно исследованы предпосылки, причины и ход движений, состав участников, программы и историческое значение восстаний³. Наибольший вклад в анализ башкирских движений внес уфимский историк И.Г.

¹ Буканова Р. Г. Была ли государственность у башкир? (размышления историка). // Известия Башкортостана. – № 51. – 18.03.1994. – С. 4.

² Акманов И.Г. Башкортостан и Россия: Взаимоотношения в середине XVI – первой половине XVIII в. // Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. – Уфа, 1995. – С. 17 – 28.

³ Акманов И.Г. Организация Оренбургской экспедиции и начало восстания 1735 – 1740 гг. // Очерки истории дореволюционной России. – Уфа, 1975. – Вып. 2. – С. 40 – 139; Он же. Восстание 1662 – 1664 гг. – первое массовое движение башкир // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. – Уфа, 1981. – С. 79–115; Он же. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991; Он же. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. – Уфа, 1993; Он же. О населении исторического Башкортостана в XVII – XVIII вв. // Политическая и социально-экономическая история Южного Урала в XVI – XX в. – Уфа, 1996. – С. 47–68; Вельская Т.Б. О характере восстания 1755 года. // Ученые записки БГУ. – Уфа. 1970. – С. 148–162; Васильев С.М. Роль Батырши в восстании 1755 г. в Башкирии. // Страницы истории Башкирии. – Уфа, 1974. – С. 25–32.

Акманов. В своих многочисленных работах исследователь пришел к выводу, что основной движущей силой бунтов являлись башкирские общинники во главе со своей знатью. Они не были направлены против русского народа, повстанцы боролись «против усиления феодально-крепостнического и национального гнета в стране в целом»¹. Башкирские восстания являлись составной частью общей борьбы «народных масс» Российского государства против ухудшения своего положения. Автор пришел к выводу, что программы восстаний не оставались неизменными, в соответствии с реальной обстановкой и логикой борьбы они видоизменялись, развивались². Акманов высоко оценивает значение башкирских восстаний, считая, что они являются героической страницей истории башкирского народа³. Многовековая борьба за свободу способствовала консолидации башкир как единой народности⁴. В результате восстаний башкиры отстаивали личную свободу и вотчинные права на землю и помешали распространить более тяжелые формы крепостнической эксплуатации на всю Башкирию⁵.

В конце XX в. была сформулирована идея о добровольно-принудительном присоединения Башкирского края к России⁶. По мнению Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой на принудительный характер этого акта указывает обращение царя к башкирам, которое звучит как ультиматум⁷. Схожее мнение было высказано Д.А. Сафоновым, считавшим присоединение Башкирии к Московскому государству добровольно-принудительным актом перед возможной угрозой и агрессией русского царя⁸.

¹ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. – Уфа, 1993. – С. 222.

² Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – Свердловск, 1991. – С. 149–151.

³ Акманов И.Г. Башкортостан и Россия: Взаимоотношения в середине XVI – первой половине XVIII в. // Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. – Уфа, 1995. – С. 26.

⁴ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. – Уфа, 1993. – С. 223.

⁵ Там же.

⁶ История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа, 1994; Сафонов Д.А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.). – Оренбург, 2003.

⁷ История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа, 1994. – С. 289.

⁸ Сафонов Д.А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.). – Оренбург, 2003. – С. 14.

Современные работы стараются выявить новые аспекты проблемы, более глубоко и последовательно проанализировать развитие русско-башкирских отношений. Б.А. Азнабаев первым в историографии специально посвятил монографию интеграции Башкирии в административную структуру Российского государства¹. Он убедительно обосновал добровольность башкирского подданства Русскому государству, показав при этом взаимные обязательства сторон, в основном, сохранившиеся до начала XVIII в. Автором представлены результаты исследования социально-политической формы объединения башкирских общин в XVII–первой трети XVIII в.² Башкирские племена рассматриваются как «единая политическая организация, способная выстраивать взаимоотношения с государством, и формировать государственные структуры»³. По мнению автора в XVII–XVIII вв. у башкир существовало представление о себе как о народе, обладающем политическим единством и представлением о своем международном статусе. Несомненной заслугой работы является анализ методологии изучения кочевых обществ, а также используемой исследователями терминологии. Автор подвергает критике теорию кочевого феодализма. Концепция «чифдома» применительно к башкирскому обществу, по мнению автора, также представляется не корректной⁴. Он использует термин «безгосударственные политии», которые не уступают по уровню сложности социальной жизни и развития культуры жестким стратифицированным государственным образованиям⁵. Автор выдвигает идею о том, что автономия являлась парадигмой развития башкирского этноса, неотъемлемой частью этнической памяти народа и одной из основ его идентичности⁶. Причем широкую автономию, закрепленную за башкирами московской властью, Азнабаев объясняет не только добровольностью вклю-

---

¹ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). – Уфа, 2005.

² Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. – Уфа, 2016.

³ Там же. – С. 262.

⁴ Там же. – С. 269.

⁵ Там же. – С. 286.

⁶ Азнабаев Б.А. Автономия как башкирская этническая парадигма. // 1917 год в судьбах народов России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа, 2017. – Т. 1. – С. 61–66.

чения в состав государства, но и их статусом защитников юго-восточных границ¹. Интересным для исследования является взгляд Б.А. Азнабаева на присоединение зауральских башкир к Российскому государству. Он акцентирует внимание на сложной внутривосточной ситуации, в которой находились сибирские тюрбы². Отношение к российским властям во многом определялось традиционными политическими предпочтениями³.

Современная историография, представленная монографиями⁴ и коллективными работами⁵ по истории края, делает ряд важных выводов по вопросу взаимоотношений властей с башкирами и реакции подданных на политику, проводимую в крае. Прежде всего, башкирские восстания XVII–XVIII в. оцениваются как феномены в истории народов Евразии⁶. Однако, не предоставляют подробного обоснования данному заявлению. В новейших работах по данной тематике, авторы подчас повторяют выводы предшествующих лет, используя методологию и терминологию советской исторической школы⁷. Обращается внимание на то, что восставшие боролись не только за собственные, но и за интересы основной массы пришлого населения Башкортостана⁸. Однако, подача материала и оценки кровопролитных событий весьма неоднозначны. Часть современных историков в своей трактовке восстаний

¹ Азнабаев Б.А. Автономия как башкирская этническая парадигма. // 1917 год в судьбах народов России. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа, 2017. – Т. 1. – С. 63.

² Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. – Уфа, 2016. – С. 268–282; Он же. Политическая ориентация зауральских башкир в середине XVI – начале XVII вв. // Научные чтения памяти профессора А.З. Асфандиярова «Социально-экономическая и военная история Башкортостана (вторая половина XVI–XXI вв.)». – Уфа, 2017. – С. 42–49.

³ Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. – Уфа, 2016. – С. 280.

⁴ Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа, 2006; Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. – Уфа, 2016; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016.

⁵ История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 110–153, 190–241.

⁶ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 94–204, 241–343.

⁷ Худайгулов Т.С. Башкирское восстание 1755–1756 гг. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2008; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016.

⁸ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 370; Худайгулов Т.С. Башкирское восстание 1755–1756 гг. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2008. – С. 9; Амантаев И.Ф. Башкирское восстание 1739–1740 гг. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2012. – С. 20; Имангалин И.К. Башкирский край в первой трети XVIII в. и оренбургская экспедиция. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2013. – С. 17.

особо подчеркивают «воинскую доблесть повстанцев»¹. Делают акцент на том, что башкиры своей «героической борьбой отстаивали интересы всего многонационального населения Башкортостана»². Совершенно недопустимо, особенно в современном крайне политизированном и разобщенном мире, давать подобную возвышенную, преувеличенно хвалебную оценку действий повстанцев и бунтовщиков. Абсолютно нелогично рассуждение о том, что современные башкиры, «потомки восставших XVII–XVIII вв., достойно продолжают дела своих предков, вносят свой вклад в социально-экономическое и культурное развитие единого Российского государства»³. Остается неясным, как современное социально-экономическое развитие страны связано с восстаниями против правительства, кровопролитиями и желанием сохранить широкую автономию от центра.

В исследованиях последнего десятилетия наметилась тенденция пересмотра датировок башкирских восстаний и тем самым увеличения их количества. Если в работах, вышедших до рубежа XX и XXI в. башкирские восстания рассматривались как продолжительные движения, состоящие из отдельных этапов, то в новейших работах такой подход отвергается. Вместо восстания 1704–1711 гг. предлагается изучать три восстания 1704–1706 гг., 1707–1708 гг., 1709–1711 гг. Восстание, начавшееся в период деятельности Оренбургской экспедиции, также делят на три части. Объясняется это различными требованиями и территорией движений⁴. Сложно согласиться с данной датировкой. Искусственное увеличение числа бунтов никоим образом не способствует их изучению и анализу. Поэтому встает вопрос о целесообразности изменения датировок и попытке представить русско-башкирские отношения

¹ Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 85.

² Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 370.

³ Там же.

⁴ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 125; Худайгулов Т.С. Башкирское восстание 1755–1756 гг. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2008. – С. 21; Амантаев И.Ф. Башкирское восстание 1739–1740 гг. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2012. – С. 5–6; Имангалин И.К. Башкирский край в первой трети XVIII в. и оренбургская экспедиция. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2013. – С. 4.

только как череду бесконечных вооруженных столкновений, игнорирование аспектов как бытового (участие русских на стороне восставших, помощь осажденным и голодающим русским военнослужащим со стороны башкир), так и общегосударственного «сотрудничества» (участие башкир в войнах, которые вела Россия в этот период - Ливонская война, Крымские и Азовские походы, Северная война).

Зарубежная историография по проблемам русско-башкирских взаимоотношений крайне бедна, и представлена немногочисленными работами второй половины XX в. Характер присоединения Башкирии к Русскому государству интересовал лидера башкирского национального движения А.-З. Валидова (Валиди, Валиди-Тоган). Он отстаивал мнение о насильственном присоединении края к России¹. По его мнению, Западная Башкирия оказалась в подчинении после строительства городов Самары, Бирска, Уфы, хотя часть «камских башкир» спустя пять лет после завоевания Казани уже стала вносить ясак в пользу русской казны. А в XVII в. русские силы наращивались, чтобы окончательно взять под власть западную Башкирию. Валиди считал, что завоеванный регион занимал незначительную часть башкирского края, «состоящую лишь из 888 башкирских дворов»². К середине XVII в. оказавшиеся под русским владычеством башкиры составили 2 217 дворов³. Юго-западная Башкирия в XVI – первой половине XVII в. находилась под властью ногайцев. А восточная Башкирия была в орбите влияния сибирских кучумовичей. После долгой и упорной борьбы совместно с табынцами и минцами в 1649 г. башкиры-юрматынцы вынуждены были принять русское подданство. Тем самым лишь в середине XVII в. западная и центральная Башкирия включаются в состав России⁴. Очевидно, что автор находился под влиянием политических тенденций и необъективно оценивал события середины XVI в. В книге А.-З. Валиди содержится интересный и разнообразный материал о вос-

---

¹ Валиди Тоган А.-З. История башкир. – Уфа, 2010.

² Там же. – С. 44.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 47–48.

станиях XVII–XVIII в. История движений дается на фоне связей повстанцев с соседними народами и государствами. Оценивая программу восстаний, автор пишет, что они были борьбой за независимость, за избавление от власти России, с самого начала носили национально-освободительный характер¹. Автор высоко оценивает восстания, как длительную и упорную борьбу, как исторический феномен в истории тюркского мира².

Р. Порталь два понятия - сюзеренитет и протекторат употреблял как синонимы³. Он считал, что в 1557 г. при Иване IV башкиры приняли русский сюзеренитет⁴. Далее он пишет об установлении «русского протектората» со второй половины XVII в. До конца XVII в. продолжался формальный протекторат России над Башкирией. Это выражалось в следующем: царь сохранил социальную организацию башкир, не вмешиваясь в их внутренние дела, опираясь на «туземную» аристократию и, ограничиваясь лишь взиманием ясака, иногда привлекая население на временные работы. У башкирских предводителей сохранялось представление о праве ухода (отъезда) от своего сюзерена до конца XVIII в.⁵.

Работа русского эмигранта Б.Э. Нольде посвящена формированию многонациональной Российской империи⁶. Основана на анализе огромного фактического материала, отличается широтой подхода и оригинальными выводами, не потерявшими своего значения для науки. Нольде, приводя многочисленные цитаты из документов XVII–XVIII вв., анализирует включение башкирских земель в состав государства. Автор описывает события с позиций не только историка, но и государственного деятеля, обращая внимание на деятельность администраторов по подавлению бунтов. Присоединение башкирских племен к Российскому государству характеризует как длительный процесс, основанный на договорных отношениях и небольшом ясаке.

---

¹ Валиди Тоған А.-З. История башкир. – Уфа, 2010. – С. 58–106, 121–165.

² Там же. – С. 58.

³ Порталь Р. Урал в XVIII веке. Социально-экономическая история. – Уфа, 2003.

⁴ Там же. – С. 32.

⁵ Там же. – С. 253.

⁶ Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. – СПб., 2013.

Автор пишет, что долгое время русские не встречали в Башкирии никакого противодействия: местные племена постепенно подчинялись Москве и начинали платить ей ясак¹. Справедливо подчеркивается, что по отношению к коренному населению края правительство на протяжении долгих десятилетий вело «осторожную и мягкую политику»². Нольде упоминает политическую разобщенность башкир, указывая, что процесс закрепления русской власти в крае был затяжным и часто выливался в конфликты. История самих восстаний представлена довольно сухим перечислением фактов, глубинного анализа причин не приведено. Акцент сделан на действиях правительства по усмирению башкир, верно обозначена традиция XVII – начала XVIII вв. идти на уступки восставшим, удовлетворяя их требования³. События Оренбургской экспедиции и восстания 1735–1740 гг. характеризуются как новый этап взаимоотношений с краем, как фактическое подчинение башкир русской власти. Нольде называет потери башкир, описывает репрессивные меры подавления бунта, но не дает сравнительного анализа с действиями самих повстанцев.

Зарубежные историки мало интересовались процессом присоединения Башкортостана к Русскому государству. Исключением является американский исследователь А.С. Доннелли, написавший монографию по данной теме⁴. В ней идет речь о политике России на юго-восточной окраине в целом, о жизни народов Среднего Поволжья и Приуралья, о восстаниях башкир. Сделаны верные выводы о массовом характере восстаний, широком применении властями политики «разделяй и властвуй». Оригинальна его оценка башкирских восстаний как «великих пограничных войн»⁵. Автор признает факт добровольного присоединения башкир к России, но считает его формальным. Доннелли полагает, что после взятия Казани в Москву приехали делегаты башкир Казанской дороги, которые просили покровительства русского царя для защиты от ногайцев. За ними последовали другие. К началу 1557 г.

¹ Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. – СПб., 2013. – С. 327.

² Там же. – С. 334.

³ Там же.

⁴ Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. – Уфа, 1995.

⁵ Там же. – С. 64, 92.

большинство башкир Казанской и Ногайской дорог «из-за трудностей необычайно суровой зимы» признало русскую власть¹. Однако он оговаривается, что «последующие длительные войны с целью покорения башкир» показали, что башкирские представительства не отражали мнения всего народа. Автор твердо убежден в том, что «башкиры, находившиеся под властью иноземных правителей еще до появления русских, всего лишь изменили свой вассалитет»². Выходит, что автор «в формальном» присоединении Башкирии к России не видит подданства башкир, считая, что на самом деле в течение двух веков шло завоевание башкир³. Логично, что по мнению автора башкирские восстания XVII–XVIII в. являлись войной башкир против русского завоевания и порабощения⁴.

Таким образом, по истории русско-башкирских отношений второй половины XVI – первой половины XVIII в. имеется значительное число исследований, большая часть которых написана в советское время. В них достаточно подробно рассмотрены политическое и социально-экономическое развитие края, положение этносов, их борьба за свои права. Однако многие темы остаются малоизученными и дискуссионными, сохраняя научную актуальность, социально-политическую остроту и злободневность. Нуждаются в дальнейших специальных исследованиях такие темы как политические традиции и предпосылки принятия российского подданства, вхождение зауральских башкир в состав Русского государства, ментальные аспекты башкирских восстаний, эволюция русско-башкирских отношений в XVII–XVIII вв., характер религиозной политики государства в регионе.

Цель работы заключается в изучении эволюции отношений Российского государства с башкирскими подданными (середина XVI – середина XVIII вв.), особенностей их отношений, истоков конфликтов и специфики взаимодействия.

---

¹ Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. – Уфа, 1995. – С. 55–56.

² Там же. – С. 58.

³ Там же. – С. 65.

⁴ Там же. – С. 103–218, 263–265.

Достижение цели возможно путем решения **конкретных задач**:

- изучить формирование внешнеполитических традиции башкирских племен в ранний период их истории (X–XIV вв.);
- рассмотреть процесс принятия башкирами российского подданства - причины, условия, характер и последствия присоединения башкирских племен к Московскому государству;
- раскрыть процесс формирования принципов государственной политики в Башкирском крае (XVII – начало XVIII вв.): изменение политики по земельным, налоговым, религиозным вопросам;
- исследовать общие и особенные черты первых башкирских восстаний (вторая половина XVII – начало XVIII вв.), причины, требования и цели башкир, а также приемы и методы, используемые государством для урегулирования отношений со своими подданными;
- проанализировать формирование нового курса взаимоотношений Российской империи с башкирами как поворотного пункта в освоении края, включении его в административную систему абсолютистского государства в период деятельности Оренбургской экспедиции и башкирского бунта в 30-е гг. XVIII в.;
- рассмотреть процесс реализации новой государственной политики в отношении башкирских подданных в 30–50 гг. XVIII в., и новые методы реагирования властей на недовольства местного населения.

Источниковую базу исследования составляет совокупность архивных и опубликованных документальных материалов.

Важными для работы были архивные источники, выявленные в фондах центральных и региональных архивов. Изучены материалы Российского Государственного архива Древних актов (РГАДА), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Центрального Государственного Исторического архива республики Башкортостан (ЦГИА РБ), Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра РАН (НА УФИЦ РАН).

В Российском Государственном архиве Древних актов (РГАДА) в фонде Башкирские дела (Ф. 108) хранятся материалы о взаимоотношениях русской администрации с башкирами и о восстаниях последних¹. Важными для исследования являются дела, посвященные выполнению башкирами взятых на себя обязательств защиты юго-восточных границ. В фондах Калмыцких дел² и Разрядного приказа³ содержится информация о столкновениях башкир с калмыками в 30–40-х гг. XVII в. и добросовестной охране башкирами государственных границ.

Важные документы, касающиеся темы исследования, находятся в фондах Государственного архива Оренбургской области. В фонде «Оренбургская экспедиция» находятся указы Сената и государственной военной коллегии статскому советнику Кирилову и генерал-лейтенанту Румянцеву о подавлении башкирских волнений⁴, указы императрицы Анны Иоанновны статскому советнику Кирилову, подполковнику Бахметеву и тайному советнику Татищеву⁵. Особый интерес представляет указ о назначении А.И. Румянцева командующим войсками, подавляющими башкирское восстание, и подробные инструкции, с пометкой «секретно», о том, как следует действовать Румянцеву в Башкирии. В инструкциях подчеркивается важность убеждения башкир добровольно сложить оружие, «ибо строительство Оренбурга никакого притеснения им не несет»⁶. Но в случае продолжения борьбы, Румянцев был обязан без промедления подавить восстание всеми доступными средствами⁷.

Для характеристики реального положения дел при реализации религиозной политики, определенный интерес представляет дело о рассылке указа императрицы о беспрепятственном святом крещении иноверцев⁸. Данный

---

¹ РГАДА. Ф.108. Оп.1. Д. 2.

² РГАДА. Ф.119. Оп.1. 1645 г. Д. 1; РГАДА. Ф.119. Оп.1. 1648 г. Д. 1; РГАДА. Ф.119. Оп.1. 1655 г. Д. 1.

³ РГАДА. Ф.210. Оп.13. Ст. 158.

⁴ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 3.

⁵ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 5.

⁶ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 3. Л. 4об.

⁷ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 3. Л. 4 – 5 об.

⁸ ГАОО. Ф.172. Оп.1. Д. 675.

документ лишний раз ставит под сомнение массовую насильственную христианизацию башкир.

В Центральном государственном историческом архиве РБ информативен для исследования фонд Канцелярии Оренбургского гражданского губернатора (Ф. И-6), где хранятся рапорты Орской дистанции и пограничных линий о продлении срока возвращения беглых башкир из Киргиз-Кайсацкой орды и материалы их допросов¹. Благодаря этим источникам можно проследить не только перипетии частных судеб, переживших вынужденное бегство и плен, но и отношение властей к вернувшимся.

Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН (НА УФИЦ РАН) в фонде Института истории языка и литературы (Ф. 3) хранит материалы академика М.К. Любавского по истории социальных отношений и вотчинного землевладения в Башкирии XVII–XIX вв.², подготовленные, но не изданные «Материалы по истории Башкирской АССР» (Т. 2), посвященные башкирскому восстанию под предводительством Батырши 1755 г.³. Фонд 23 содержит материалы по истории края за обширный период со второй половины XVI в. до 90-х гг. XIX в., собранные уфимским городским главой Д.С. Волковым. Дела содержат информацию о причинах и ходе башкирских бунтов, а также о размерах ясака, пользовании солью, оброках второй половины XVI – первой половины XVIII вв.⁴.

Комплекс опубликованных материалов обширен. Для исследования особое значение имело Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ), прежде всего ряд указов, касающийся поземельных отношений христиан, новокрещен и некрещеных⁵. В них нашли отражение попытки властей распространить христианство среди местного населения, используя, прежде всего, методы экономического воздействия.

¹ ЦГИА РБ. Ф.И-6. Оп.1. Д. 665, 666.

² НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 28, 35.

³ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 12, 19, 20.

⁴ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1, 5.

⁵ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. в 50 Т. (далее ПСЗ РИ-1). – СПб., 1830. – Т. II. – № 867, 923, № 944; Т. V. – № 2734.

Важные источники также были опубликованы в разнообразных сборниках, прежде всего это «Материалы по истории Башкирской АССР», особое внимание уделяющие этнополитической, социально-экономической, административной, военной истории Южного Урала¹, а также сборник «Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях»², включивший в себя указы царского правительства в отношении данных народов, изданных со второй половины XVI в. В сборник вошли законы, регламентирующие все стороны жизни башкир: от административного деления и хозяйственных вопросов до вопросов религии. Также следует отметить работу Н.М. Кулбахтина «Грамоты русских царей башкирам», в объемном приложении к которой собран ценный материал - «копии с копий жалованных грамот» Ивана Грозного различным союзам племен, оберегательные и владенные грамоты и другие документы, подтверждающие привилегии башкир³.

Всю совокупность источников, использованных при написании работы, можно разделить на виды: законодательные акты и нормативно-правовые документы, делопроизводственная документация, научные труды администраторов, источники личного происхождения.

Важнейшее значение для анализа эволюции русско-башкирских отношений имеют законодательные акты и нормативно-правовые документы⁴. В исследовании были использованы материалы ПСЗ РИ⁵, а также разнообразных сборников материалов и документов⁶. Особое внимание было уделено тем положениям, которые отмечали важные вехи в становлении Башкирского края в качестве российского региона. Нормативные документы представлены

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М.–Л., 1949; Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4, Ч.2. Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем в 50 – 70-х гг. XVIII в. – М., 1956; Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002.

² Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – Уфа, 1999.

³ Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам. – Уфа, 2007. –

⁴ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 3, 5; ГАОО. Ф.172. Оп.1. Д. 675.

⁵ ПСЗ РИ–1 Т. I. № 103, 113, 606, 616, 944; Т. II. № 633,700, 867; Т. III. № 1588; Т. V. № 2734, 2741, 2920; Т. VI. № 3636, 3637, 4122; Т. VII. № 4425, 4503, 4650; Т. IX. № 6571, 6890, 6951; Т. XI. № 8236, 8125, 8664.

⁶ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 12, 19, 20, 28; О снятии ясака с башкирцев, мешчеряков и татар, между ними живущих, и о продаже у них вместо сево соли из казны. Сенатский. 16 марта 1754 г. // Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – Уфа, 1999. – С. 52–53.

разнообразными инструкциями, и распоряжениями для местной администрации¹.

Делопроизводственная документация представлена многочисленными рапортами, доношениями, промемориями². Данный источниковый комплекс дает представление о реальном положении дел в регионе, иллюстрирует сложности, с которыми сталкивались российские администраторы в крае. Так как особое внимание в работе уделено башкирским восстаниям, крайне информативны были документы военного делопроизводства. В экстрактах и рапортах о ходе восстаний содержится информация о численности войск, столкновениях правительственных регулярных и нерегулярных подразделений с бунтовщиками, людских и материальных потерях³. Важную информа-

¹ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 3, 5; НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 12, 19, 20; Указ Кунгурской провинциальной канцелярии башкирам-повстанцам Сибирской дороги. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М.Л., 1936. – С. 350; Инструкция начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова капитану Уварову и поручику Ветошникову, посланным для постройки Верхнеяицкой пристани. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 19; Указ из канцелярии Оренбургской экспедиции башкирам Казанской дороги, Иланской волости Аднагулу Ишимову с товарищами об аресте собравшихся на совет башкирских старшин Акая Кусюмова с товарищами. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 30–31; Указ В. Н. Татищева башкирам Сибирской дороги, собравшимся для принесения повинной у оз. Кызылташа. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 189; Указ В. Н. Татищева башкирам Сибирской дороги о выступлении их для обороны провиантского обоза от восставших. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 111–112.

² ЦГИА РБ. Ф.И–6. Оп.1. Д. 665–666; НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп.2. Д. 19, 20, 28; Доношение оренбургского губернатора И. И. Неплюева в Сенат о начавшихся в Башкирии, волнениях и о принятых им военных мероприятиях. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. – 1940. URL: <http://ufagen.ru/node/28953> (дата обращения: 16.08.2018); Доношение мишерского муллы Батырши Али–улы императрице Елизавете о причинах восстания в Башкирии в 1755 г. восстания в Башкирии в 1755 г. и о его собственной роли в подготовке волнений на Осинской, Сибирской и Ногайской дорогах. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II.– 1940. URL: <http://ufagen.ru/node/28953> (дата обращения: 16.08.2018); Рапорт И. К. Кирилова в Кабинет о записи в службу башкирских тарханов, о постройке Верхнеяицкой пристани и о подготовке похода к р. Ори. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С.20; Доношение И. К. Кирилова в Кабинет о возвращении его из Оренбурга и об организации военного наступления на районы восстания. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 66–68; Доношение майора М. Шкадера В. Н. Татищеву о нападении на провиантский обоз башкир и бое с ними у р. Яйбики. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 110; Доношение М. Шкадера и Д. В. Гладышева В. Н. Татищеву об отказе старшины Сибирской дороги, Кара–Табынской волости Юсупа Арыкова пропустить провиантский обоз к Верхнеяицкой пристани. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 112; Доношение И. К. Кирилова в Кабинет с предложением плана подавления башкирского восстания. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 128–129; Доношение В. Н. Татищева в Кабинет об окончании башкирского восстания, о положении в крае и о необходимых изменениях в управлении им. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 601–602.

³ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 19; Доношение И. К. Кирилова в Сенат о положении в Уфимском уезде, о набегах казахов Среднего жуза на Сибирскую и Ногайскую дороги, и о ближайшем его выступлении к р. Ори. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 29; Доношение казанского губернатора П. И. Мусина–Пушкина в Военную коллегию о съездах башкир Ногайской дороги. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 34; Доношение полковника И. С. Арсеньева В. Н. Татищеву о столкновениях с восставшими Сибирского драгунского полка, переговорах с ними и о возвращении в Теченскую свободу. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 113; Доношение Л. Я. Соймоно-

цию о действиях повстанцев содержат свидетельства очевидцев (сказки)¹. К информационно-справочным документам относятся письма, которые содержат частные сведения о положении дел в крае². Судебно-следственное дело-производство сохранило допросные листы участников выступлений³, которые демонстрируют точку зрения коренного населения на изменения в крае, аргументацию действий и их требования. Для объективного анализа причин бунтов важны сохранившиеся челобитные XVII–XVIII вв.⁴

Отдельной категорией делопроизводства являлась дипломатическая документация. В фондах архивов и опубликованных сборниках документов сохранилась переписка начальников Оренбургской экспедиции и губернаторов с ханами казахских орд⁵.

ва о поездке для переговоров с казахами сына Мандара Карабаева – Мавлута и о принятых, в связи с этим, предосторожностях. // *Материалы по истории Башкортостана*. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 640.

¹ Сказка екатеринбургского купца И. Харчевникова В. Н. Татищеву о количестве и намерениях восставших башкир Ногайской дороги во главе с абызом Кильмяком Нурушевым. // *Материалы по истории Башкортостана*. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 66; Сказка башкира Сибирской дороги, Кущинской волости Кабаса Байшанова в канцелярии Оренбургской экспедиции об осаде башкирами провиантского обоза и о возвращении его в Теченскую слободу. // *Материалы по истории Башкортостана*. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 117; Сказка башкира Катайской волости абыза Тахтамыша Ибраимова В. Н. Татищеву об окружении Сибирского драгунского полка башкирами и о их переговорах с полковником И. – С. Арсеньевым. // *Материалы по истории Башкортостана*. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 115.

² Письмо восставших башкир и других националов воеводе кн. П. И. Хованскому с предложением начать переговоры для выяснения прежних обид и притеснений. // *Материалы по истории Башкирской АССР*. Ч. 1.– М.–Л., 1936; – С. 215–216; Письмо приказчика Иргинского завода Осокиных Р. Набатова начальнику Главного правления сибирских и Казанских казенных заводов В.Н. Татищеву. // *Материалы по истории Башкортостана*. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 18; Письмо татарского муллы Надыровой волости Алметя полковнику И. Н. Татищеву о съездах и намерениях восставших и об опасности от них для населения Надыровой волости. // *Материалы по истории Башкортостана*. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 33; Письмо ахуна Майсура Абдрахманова В. Н. Татищеву о пребывании Абулхаир-хана у башкир Ногайской дороги. // *Материалы по истории Башкортостана*. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 536.

³ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 19, 20; Следственное дело особого присутствия Оренбургской Губернской Канцелярии об обстоятельствах, подготовивших восстание башкир Бурзенской волости и убийство каменотесца Брагина. // *Материалы по истории Башкирской АССР*. Т. II. – 1940. URL: <http://ufagen.ru/node/28953> (дата обращения: 16.08.2018); Допросные речи одного из главных руководителей восстания 1735–1736 гг. Акая Кусюмова. // *Материалы по истории Башкортостана*. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 362; Допросные речи руководителя восстания башкир Ногайской и Казанской дорог 1735–1736 гг. Кильмяка Нурушева. // *Материалы по истории Башкортостана*. Т. 6. – Уфа, 2002. – С. 365.

⁴ Выписка из челобитных башкир Уфимского уезда по разным земельным, тягловым и прочим вопросам, сделанная в Коллегии Иностранных Дел // *Материалы по истории Башкирской АССР*. Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С. 75-76.

⁵ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 2. Д. 19; Письмо оренбургского губернатора И. И. Неплюева хану Малой Казахской Орды Нур-Али с выражением удовлетворения по поводу разграбления кочующими около него казахами башкирских беглецов и с предложением принять меры к скорейшей передач. // *Материалы по истории Башкирской АССР*. Т. II. – 1940. URL: <http://ufagen.ru/node/28953> (дата обращения: 16.08.2018); Письмо хана Малой Казахской Орды Нур-Али оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву о разграблении скрывшихся в казахских аулах башкирских повстанцев казахами Алчинского поколения. // *Материалы по истории Башкирской АССР*. Т. II. – 1940. URL: <http://ufagen.ru/node/28953> (дата обращения: 16.08.2018).

Научные труды администраторов содержат важнейшую информацию о событиях Оренбургской экспедиции и последовавшем башкирском восстании¹. Несмотря на вполне объяснимую прогосударственную «руссоцентристскую» позицию, авторы собрали уникальный материал об истории края, этносах, его населяющих.

Источники личного происхождения представлены воспоминаниями, автобиографиями, рукописями². Данные материалы позволяют оценить авторское видение событий. Содержат не только формальные сведения политической истории, но и описания быта, нравов. Но этот вид источников остается одним из самых субъективных. В них иногда присутствуют ошибки, неточности, заблуждения, связанные с плохой осведомленностью самого автора.

Особое значение для исследования имели башкирские шежере - родословные, «генеалогическая летопись», своеобразные письменные памятники XVI–XIX, а иногда и более ранних веков³. По внешним признакам башкирские шежере делятся на два основных вида: номинальные и нарративные. Первый вид представляет собой список глав рода, расположенных в хронологической последовательности. Второй вид также имеет разветвленную цепь имен, но в нём содержатся ещё и повествовательные тексты по истории рода⁴. Шежере позволяют увидеть события глазами самих башкир, проследить мотивацию их политических решений. Использование башкирских родословных помогает удержаться от одностороннего необъективного взгляда на события.

¹ Жуковский П. В. Дополнение к «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова. // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – 1916. – Вып. 33. – С.99–116; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887; Рычков П.И. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. – Уфа, 2002.

² НА УФИЦ РАН. Ф. 23. Оп.1. Д. 1,2,3,5; Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева. – СПб., 1893.

³ Башкирские шежере. – Уфа, 1960.

⁴ Надергулов М. Х. Историко-функциональные жанры башкирской литературы: генезис, типология, стиль и традиции. / Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2009. – С. 19; История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 25.

Таким образом, комплекс опубликованных и неопубликованных источников, весьма широк и разнообразен. Он позволяет проследить основные вехи истории русско-башкирских отношений.

Теоретико-методологической основой исследования стал принцип методологического плюрализма. Цивилизационная теория позволила определить особенности социокультурных факторов (межэтнический и межконфессиональный диалог, ментальные установки и политические традиции, периферийность) русско-башкирских отношений (середины XVI–середины XVIII вв.). Цивилизационный подход в сочетании с теорией модернизации (в интерпретации уральской исторической школы¹) при изучении эволюции отношений Российского государства с башкирскими подданными позволил оценить ее с иной, выходящей за рамки стандартной оценки как «наступление на права башкир и ответная реакция». В исследуемый период происходит интенсивное расширение Российского государства, закладываются основы особой российской цивилизации евразийского (смешанного) типа (русско-евразийской цивилизации). В подобных условиях цивилизационная пограничность обуславливалась не только естественной социокультурной многоядерностью цивилизационной матрицы, но и наличием фронтальных зон, где имели место этноцивилизационные контакты². Центр-периферийный подход и идеи фронтальной модернизации позволили проследить этапы русско-башкирских отношений, их динамику и эволюцию. Смысл подхода заключается в выявлении изменений характера взаимосвязей между центром и ре-

¹ Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. – М.: Наука, 2000; Алексеев В.В. Фронтальная модернизация в имперской России. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Челябинск, 2017. – № 2. – С. 6–13; Побережников И.В. Урал в истории Российского государства: постановка проблемы. // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2012. – № 2. – С. 118–126; Он же. Урал в российской истории (XVI– начало XX в.): Методология исследования. // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2013. – № 1 (38). – С. 16–21; Он же. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен. // Россия реформирующаяся. – Москва, 2013. – № 12. – С. 246–274; Он же. Урал в Российской истории: интеграция региона в страновое пространство. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. – Екатеринбург, 2014. – С. 121–125; Он же. Модернизации в истории России: Направления и проблемы изучения. // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2017. – № 4 (57). – С. 36–45; Он же. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации. // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2018. – № 4 (61). – С. 72–80.

² Побережников И.В. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен. // Россия реформирующаяся. – Москва, 2013. – № 12. – С. 250.

гионом, трансформации места региона в страновой структуре¹. Модель «центр-периферия», ориентирующая на выявление взаимодействий центра и территорий, позволяет вписать Башкирский регион XVI–XVII в. в общестрановой контекст на партнерских правах. В рамках данной модели в качестве центра выступает собственно Российское государство, воплощенное в геополитических проекциях и центральных институтах. Периферия же выступает, во-первых, как производная цивилизационно-страновых характеристик (применительно к Башкирии данное обстоятельство проявило себя далеко не сразу, страновые реалии вплоть до XVIII в. имели здесь лишь поверхностное выражение), во-вторых, как автономное образование, имеющее свою логику развития (применительно к исследуемой территории это обусловлено уникальностью геополитической позиции региона и условиями соглашения середины XVI в., своеобразием сложившего здесь сочетания централизации со значительными элементами самоуправления), в-третьих, как серьезный фактор развития страны (учитывая ту историческую роль, которую играли башкиры во взаимодействии России с кочевыми народами и в освоении Центральной Азии). Применение центр - периферийного подхода позволило рассмотреть Башкирский край как участника сложной системы взаимодействий, выступающего то в роли реципиента (получение льгот и привилегий от Москвы), то в роли донора (выполнение обязательств по охране границ, участие в войнах, выполнение дипломатических «миссий»), как воплощающего общестрановые закономерности исторического развития (совпадение недовольства башкир с выступлениями других подданных государства против усиления централизации), так и активно их формирующего (государство, выстраивая отношения с башкирами, приобретало те черты, которые составили уникальность российской цивилизации). По мере освоения и развития региона избывается такое его качество, как «периферийность»² - автономия (само-

---

¹ Побережников И.В. Урал в истории Российского государства: постановка проблемы. // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2012. – № 2. – С. 123.

² Артёмов Е. Т. Урал в российской истории: диалектика «центр-периферийных» отношений // Вестник УрО РАН. – Екатеринбург, 2012. – № 2 (40). – С. 124–129.

управление, самостоятельность) Башкирского края, и нарастает значимость характеристик, сближающих его с цивилизационно-страновым «ядром». В XVIII в. в силу изменения Российского государства можно говорить о модернизации (эволюции, обновлении) русско-башкирских отношений. Модернизацию в условиях незавершённого освоения уральские историки квалифицируют как фронтирную¹. В первой половине XVIII в. социально-институциональная структура и менталитет населения Башкирии еще в значительной степени носят традиционный характер, но постепенно они модернизируются. Происходит рационализация бюрократической организации, пространство страны в целом становится все более однородным, но некоторые проявления региональной специфики, в частности связанные с незавершенным освоением, сохраняются.

В основу исследования легли важнейшие принципы исторической науки - историзм, объективность, системность. Принцип историзма позволяет показать исторические явления в динамике, в их причинно-следственной обусловленности. Данный принцип предусматривает анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования в их развитии и взаимосвязи. Принцип научной объективности проявляется в стремлении максимально полно и всесторонне характеризовать исторические явления. Принципы историзма и научной объективности позволили проследить эволюционный путь взаимоотношений Российского государства с башкирскими подданными, дать критическую оценку в реалиях исследуемого времени. На основе принципа системности Башкирский край рассматривается с одной стороны как замкнутая система со своими традициями и особенностями, с другой - как часть динамично-развивающегося Российского государства, подверженная общим тенденциям и изменениям.

¹ Побережников И. В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтирной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения. – Екатеринбург, 2010. – С. 308–310; Он же. Модель фронтирной модернизации (на примере восточных регионов России в XVIII–XIX вв.) // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. – Новосибирск, 2010. – С. 34–41; Он же. Особенности фронтирной модернизации (на примере Урала XVIII–XIX вв.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2010. – Вып. 11. – С. 202–210; Он же. Азиатская Россия: фронтир, модернизация // Известия УрГУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (96). – С. 191–203.

В процессе исследования были применены общенаучные методы (синтез, анализ, обобщение, систематизация, индукция, дедукция). Они позволили рассмотреть проблему максимально широко, выявить глубинные корни мотивации башкирского народа, как при принятии московского подданства, так и в последующих восстаниях. Теоретические методы также позволили дать характеристику условиям башкирского подданства и тяжести фискального «гнета».

Для достижения поставленной цели были применены специально-исторические методы: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, историко-генетический. Сравнительно-исторический это критический метод, позволяющий выявить закономерные и индивидуальные черты исторических процессов, на основе параллелей и аналогий формулировать широкие исторические обобщения. Применялся для характеристики положения башкир по сравнению с другими подданными государства, при анализе реакции правительства на башкирские восстания в XVII и в XVIII вв. Проблемно-хронологический подход раскрывает логику развития и последовательное изменение конкретно обозначенного явления, события или процесса. Был применен при рассмотрении русско-башкирских отношений и их эволюции на протяжении двух столетий. Применение историко-генетического метода можно свести к раскрытию происхождения и последовательности изучаемого процесса, показанию изменений в нем. Подход позволил проанализировать процесс включения Башкирского края в инфраструктуру Российского государства.

Положения, выносимые на защиту:

1. Башкиры в X–XIII вв. формируют особую внешнеполитическую традицию - добровольно подчиняться наиболее сильному политическому игроку в регионе ради сохранения своих земель.
2. Объективные причины, политические традиции и ментальные установки приводят к тому, что башкиры добровольно входят в состав Московского государства в середине XVI в. Устанавливаются добровольные меж-

субъектные отношения общности людей с государством, базирующиеся на выполнении взаимовыгодных, заранее оговоренных условий (подданничества).

3. Условия включения Башкирского края в состав Московского царства были необременительны и выгодны для обеих сторон, что дало возможность объединить разные по уровню развития элементы и заложить основу российской цивилизации евразийского типа. Ясак, который обязались платить башкиры, был в разы меньше, чем выплаты других подъясачных народов или податного русского населения. Самое главное - на башкир возлагалась охрана юго-восточных границ. Государство признавало вотчинное право башкир на землю, гарантировало свободу вероисповедания, подтвердило местную систему самоуправления, что закрепило периферийность (автономность) края.

4. Включение северо-восточных (зауральских) башкир не было однородно, но большая часть добровольно вошла в состав Русского государства, получив привилегии и льготы, остальные были завоеваны. Это заложило конфликт между зауральскими родами и московской администрацией, а также внутри башкирского общества, обозначив границу между двумя цивилизационными элементами.

5. Укрепление государства, централизация власти в XVII в. и трансформация его в абсолютистскую империю в начале XVIII в. приводят к одностороннему пересмотру русско-башкирских отношений. Стремление правительства включить Башкирию в страновое пространство (единую государственную инфраструктуру), а также противоречия, заложенные в русско-башкирском соглашении, привели к ряду вооруженных конфликтов второй половины XVII–середины XVIII вв.

6. Башкирские восстания наглядно продемонстрировали цивилизационные различия центра и региона, которые не давали возможность провести синхронизированную модернизацию разноуровневых компонентов. Отсутствие последовательной политики государства по отношению к башкир-

ским бунтовщикам и компромиссы, на которое оно идет во второй половине XVII – начале XVIII в. объясняется логикой интеграционного периода, причем сохранить единство стремились обе стороны.

7. Необходимость освоения фронтальной зоны, стимулируемая событиями в киргиз-кайсацкой орде, потребовала от государства окончательного пересмотра отношений к башкирским подданным. Формирование нового курса взаимоотношений протекало в сложной обстановке деятельности Оренбургской экспедиции и подавления восстания 1735–1740 гг. и нашло выражение в Мензелинской программе и указе от 11.02.1736 г.

8. Отмена условий башкирского подданничества в середине XVIII в. завершает интеграционный период русско-башкирских отношений. Идет последовательная реализация на практике новой политики и стремительное подавление башкирского восстания 1755–1756 гг. продемонстрировало ее эффективность.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней проведен комплексный анализ эволюции русско-башкирских взаимоотношений середины XVI – середины XVIII вв., и сложностей, встающих на пути интеграции Московского государства и Башкирского края в единую цивилизацию. Выявлены глубинные, заложенные в X–XIII вв., мотивации принятия башкирами политических решений, которые будут определять отношения башкир с российской администрацией, в том числе во время бунтов. Проанализированы условия фискальной системы, дан сравнительный анализ тяжести налоговых выплат башкирами и другими подданными государства, как иностранцами, так и русским населением. Проведен анализ законодательства по вопросам религии, проанализированы конфессиональные аспекты русско-башкирских взаимоотношений, и их влияние на причины башкирских недовольств. Охарактеризованы не только политические явления, но и их мировоззренческое восприятие обеими сторонами. Выявлены тенденции политики государств – Московского царства и Российской империи, – по отношению к Башкирии.

Показана эволюция отношений башкир с Российским государством и причины их трансформации.

Изучение русско-башкирских отношений обременено историографией с устаревшей методологией, с традиционными, линейными, упрощенческими подходами к анализу межнациональных отношений. Значимость работы заключается в том, что был представлен новый взгляд на выстраивание отношений Российского государства с национальными окраинами через призму концепций современной методологии. Башкирский край рассматривается не просто как «нестабильная» и проблемная часть государства, а как компонент формирующейся цивилизации, находящийся в резонансе с центром.

Практическая значимость исследования. Положения и выводы диссертации могут быть использованы при составлении обобщающих трудов по военной истории народов Евразии, по истории политических институтов Российской империи, межнациональных и этноконфессиональных отношений, истории Башкортостана и Южного Урала, а также при формировании учебных курсов по отечественной истории, политической истории, россиеведению. Полученные результаты могут быть использованы на практике общественными организациями, работающими в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Структура диссертации обусловлена поставленными задачами и целью исследования и состоит из шести глав, введения, заключения, списка источников и литературы, приложения. Первая глава посвящена формированию политических взглядов башкирских племен в болгарский и ордынский период их истории. Дана характеристика подданничеству как особой внешнеполитической традиции башкир. Во второй главе подробно рассмотрены причины принятия башкирами московского подданства, продолжительность этого процесса и особенности присоединения северо-восточных башкир. Подробно проанализированы условия, на которых Башкирский край вошел в состав Московского государства. Последующие главы посвящены непосредственно истории башкир в рамках российской правовой и экономической

систем. В третьей главе рассмотрены проблемы русско-башкирских отношений в XVII – начале XVIII вв., изменения политики государства в отношении Башкирии, в том числе в вопросах вероисповедания. Четвертая глава посвящена многочисленным восстаниям второй половины XVII – начала XVIII вв., которые стали реакцией местного населения на попытки пересмотра условий договора середины XVI в. и продемонстрировали различия центра и периферии. Пятая глава содержит анализ кардинальных изменений в системе русско-башкирских отношений, которые произошли в 30-х гг. XVIII в. Они связаны с тенденциями фронтальной модернизации и формированием новой политики по отношению к башкирам во время деятельности Оренбургской экспедиции и башкирского восстания 1735–1740 гг. В шестой главе рассмотрены реализация новой политики в отношении башкир в 30–50 гг. XVIII вв. и новые методы реагирования властей на недовольства местного населения. В заключении делается вывод об особенностях взаимоотношений Российского государства и Башкирского края на протяжении интеграционного периода с середины XVI в. до середины XVIII в. Приложения содержат справочные материалы по принятию башкирскими племенами российского подданства, карту уральских заводов первой половины XVIII в., данные о численности башкирского этноса в начале XVIII в., о потерях башкир в ходе подавления восстания 1735–1740 гг., а так же расчеты по приведенным в исследовании цифрам.

Глава 1. Ранняя история башкир (X–XIV вв.): выработка вектора внешней политики.

1.1 Внешнеполитические принципы башкирских племен в болгарский и золотоордынский период.

Ранняя история башкирского этноса остается в науке дискуссионной темой, в которой продолжают обсуждаться теории происхождения этноса, районов его формирования. Несмотря на это, ориентировочно с IX – X вв. можно с уверенностью говорить о башкирах на территории Волго-Уральского региона или «Исторической Башкирии», что подтверждается источниками арабского происхождения. Арабские путешественники, посещавшие Южный Урал в IX-X вв. встретили здесь башкир уже в качестве основного населения. Ибн-Фадлан описывает народ башджарт, живущий за Волжской Болгарией¹.

Выгодное положение башкирских племен обуславливает активное включение их в систему геополитических отношений волго-уральских государств.

Сразу стоит оговориться, что разрозненные башкирские племена никогда не объединялись в такие союзы, к которым может быть применен термин «государство» или даже «протогосударство». Так еще в XIII–начале XV вв. шел процесс этногенеза башкир, который завершился формированием башкирской народности только к концу XV–первой половине XVI в.² Этот процесс совпадает со сложными политическими процессами на данной территории. Племена и рода, позже составившие ядро башкирского этноса, находились в сфере влияния более сильных и развитых соседей - сначала Волжской Булгарии, затем монгольского государства. Однако, несмотря на отсутствие государственности у башкир, на протяжении веков они демонстрировали удивительно развитую политическую сознательность. Последняя проявлялась в согласованных геополитических решениях, которые были приняты при появле-

---

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. – М.–Л., 1939. – С. 66.

² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М., 1974. – С. 506.

нии в Урало-Поволжском регионе сил, угрожающих башкирским кочевьям. Эта геополитическая сознательность не была спонтанной или случайной, она быстро оформилась в особый принцип политики. Башкиры правильно рассчитали свои силы. Отдельные племена не могли противостоять более сильным соперникам и вместо «самоубийственного» сопротивления выбрали более прагматичный путь - добровольного подчинения. Это дало возможность сохранить большую часть своих вотчин, а в долгосрочной перспективе - не погибнуть или ассимилироваться, а сохранить собственный этнос. Конечно, употребляя термин «внешняя политика» применительно к ранней истории башкир, прежде всего, имеется в виду не государственная политика с официальной доктриной, но вектор и традиция взаимодействия кочевого народа с соседними государствами. Башкиры, в отличие от многих народов евразийской степи, перед лицом внешней угрозы проявили удивительную политическую дальновзоркость. Причем сделали это вполне осознанно, многое выиграв от такой схемы действий и не раз повторив этот механизм, что само по себе действительно напоминает некую обдуманную внешнюю политику. Поэтому в рамках исследования, для характеристики действий башкирских племен в условиях угрозы внешнего завоевания был применен именно этот термин.

Древнейшую историю башкирского народа можно разделить на несколько периодов.

Первый можно условно назвать булгарским периодом.

Ранняя история волжских булгар освещена слабо, известно лишь, что на Волге болгары появились в VIII–IX вв. и до середины X в. находились под протекторатом хазарского кагана¹. Постепенно Волжская Булгария усиливается. После поражения каганата от киевского князя Святослава (965 г.) и последующего распада, Булгария фактически получает независимость. XI–XII вв. - период наибольшего процветания Волжской Булгарии.

---

¹ Баркаръ Е. Волжская Булгария. // Межвузовский сборник: Научные статьи студентов и аспирантов вузов Санкт-Петербурга. – СПб., 2005. – С. 72 – 77; Иванов В.А. Путь Ахмеда ибн-Фадлана. – Уфа, 2010. – С. 6.

С развитием Булгарского ханства соседние башкирские земли вошли в состав территории, подконтрольной булгарскому правителю. Политические и торговые взаимодействия быстро приводят к известному культурному влиянию на башкирские племена. Прежде всего, это проявляется в принятии ислама частью западных башкир в начале X в.¹ И хотя прямых письменных упоминаний о протекторате булгар над башкирскими племенами не обнаружено, но общая логика развития средневековых государств, дополненная косвенными доказательствами, подтверждает то, что хотя бы часть башкир была зависима от сильного соседа.

Арабский географ ал-Идриси (1100–1165 гг.) в «Книги Рожера» пишет: «по своим обычаям народ басджиртов подобен тюркам-булгарам»², что говорит о культурном и конфессиональном влиянии последних на башкир. В седьмом секторе шестого климата автор говорит о том, что башкиры делятся на два племени, «которые обитают близ страны гузов за булгарами... Народ басджиртов граничит с баджнаками»³. Автор сообщает, что это воинственные племена, «в их войске около двух тысяч воинов. Они повинуются булгарам»⁴.

Известный востоковед-тюрколог А.-З. Валиди Тоган, ссылаясь на сведения Якута ал-Хамави, утверждает, что башкир обратили в мусульманство в древности семь человек, прибывших из страны булгар⁵.

Есть основания также полагать, что добычей и перевозкой большей части добываемых на Урале металлов и драгоценных камней владели булгарские купцы⁶. Среди жителей села Чуюнчи (в переводе с тюркского означает «чугунщик») Давлекановского района Башкортостана, где были обнаружены остатки металлургического производства начала II тыс. н. э., существует пре-

¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М., 1996. – С. 490.

² Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. – М, 2006. – С. 124.

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 122.

⁵ Валиди Тоган А.-З. История башкир. – Уфа, 2010. – С. 34.

⁶ Рязанов С.В. Ранние мусульманские государства Поволжья и освоение рудных ресурсов Урала в средние века. // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе. – Уфа, 2010. – С. 264; Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). – Уфа, 2012. – С. 38.

дание о том, что здесь плавилы железо для Волжской Булгарии¹.

Таким образом, практически неоспоримым является тот факт, что земли башкирских племен находились под протекцией булгар, и испытывали на себе их культурное и конфессиональное влияние.

Сама логика событий доказывает это. Вполне закономерно, что Булгария, получив независимость, наращивая экономический потенциал и обладая союзниками, стремится расширить свои границы и установить контроль над соседними землями. К тому же, земли эти при всей своей малонаселенности, были очень богатыми. Дополнительным аргументом служит тот факт¹, что башкиры не представляли собой консолидированную силу, которая могла дать отпор булгарам. У них не закончился еще процесс этногенеза, не было своей государственности.

С другой стороны нет свидетельств, повествующих о борьбе башкир за свою свободу и независимость. Вероятно, стороны нашли мирный путь, удовлетворяющий заинтересованные стороны. И что это за путь не вызывает сомнений. Башкирам выгоднее было без борьбы принять булгарскую протекцию. Такая разновидность отношений с соседом, превосходящим по силе и опережающим в политическом смысле, давал возможность сохранить исконных кочевья и заручиться военной помощью от Булгарии.

В середине XIII века наступает перелом в истории Евразии в целом и в истории Волго-Уральского региона в частности. Начинается новый, золотоордынский, этап башкирской истории.

До сих пор вопрос о времени, и главное, обстоятельствах включения башкирских земель в состав империи Чингис-хана оставался слабоизученным. Долгое время считалось, что башкиры были завоеваны между 1236–1242 гг. Эта точка зрения основывалась на работе Плано Карпини. Он называл территории, подчиненные монголам: «Названия земель, которые они одолели, суть следующие: Китай, Найманы, Соланги, Кара-Китай, или черные Китай, Ко-

---

¹ Ульянов С.В. Научный отчет о результатах археологических разведок в Давлекановском, Стерлитамакском, Аургазинском районах Башкирской АССР. – Уфа, 1985. // НА УНЦ РАН. Ф.1. Оп. 6. Д. 123. Л. 2–3.

мана, Тумат, Войрат, Караниты, Гуйюр, Су-Монгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр, Баскарт, то есть великая Венгрия»¹, и сообщал, что эти области были завоеваны после похода в Европу: «Возвратившись оттуда (из Европы – прим. Т.Ч.), они пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их»². Впрочем, современная наука выдвигает и другие версии тех событий.

Башкирский историк А.-З. Валиди Тоган утверждал, что башкиры вошли в состав монгольского ханства в период сибирской кампании (1207–1208 гг.)³. Он объяснял эту «ошибку» путаницей с этнонимами, когда под именем «башкир» в европейских источниках подразумевались и мадьяры. Автор также обращает внимание еще на один интересный нюанс. Валиди указывал на то, что не сохранилось информации о вооруженном сопротивлении башкир монгольским захватчикам. И приходит к выводу о том, что башкиры покорились Чингис-хану по доброй воле⁴. Но и это мнение в историографии оспаривается.

Л.Н. Гумилев утверждает, что монголо-башкирская война тянулась 14 лет, т. е. значительно дольше, чем война с Хорезмийским султанатом и Великий западный поход. «Башкиры неоднократно выигрывали сражения и наконец, заключили договор о дружбе и союзе, после чего монголы объединились с башкирами для дальнейших завоеваний»⁵.

Л.Н. Гумилев в своей работе опирается на «Письмо брата Юлиана о монгольской войне», но в первоисточнике сказано следующее: «он (вероятнее всего речь идет о Чингиз-хане, хотя брат Юлиан называет его Гургута – прим. Т.Ч.) одолел самих куманов и подчинил себе их страну. Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и напа-

¹ Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911. – С. 50–51.

² Там же. – С.51.

³ Валиди Тоган А.-З. История башкир. – Уфа, 2010. – С. 36.

⁴ Там же.

⁵ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. – СПб., 2001. – С. 413.

дали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими... Завладев ими, и обратившись к западу, татары в течении одного года...завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, ...Ведин, Меровию, Пойдовию, царство морданов»¹.

Как мы видим, в данном тексте нет упоминаний о дружественных отношениях башкир и монгол. Зато говорится о героической борьбе жителей Великой Венгрии против захватчиков. На наш взгляд, сложно бесприкословно верить в свидетельства брата Юлиана. Его сообщения о путешествиях в Великую Венгрию имеют явно конъюнктурный характер - на протяжении всего повествования повторяется желание народов Восточной Европы принять католичество и подчиниться Папе Римскому. Среди желающих стать католиками он называет жителей страны Вела (между реками Урал и Эмба)², Великой Булгарии, которые к тому времени уже были мусульманами, и даже Владимиро-Суздальского княжества³. Естественно, это дополнения брата Рихарда в попытке сделать свое сообщение более «приятным» для Рима. Он сообщает также о затяжной борьбе уральских венгров с монголами, которая длилась 14 лет. Если же сопоставить эти данные с сообщением самого же брата Юлиана, записанным братом Рихардом, повествующим о первом путешествии Юлиана на Урал, получается совершенно иная картина.

Первое путешествие венгерских монахов на Урал состоялось в 1235–1236 гг., повторное путешествие - 1237–1238 гг.⁴ Брат Рихард, записавший рассказ брата Юлиана, сообщает о том, что «татары, столкнувшись с ними (уральскими венграми – прим. Т.Ч.), не могли победить их на войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств»⁵. Странно, что проигравшие битву монголы выбрали в качестве друзей победи-

¹ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. // Исторический архив. – М.–Л., 1940. – Т. III. – С. 85.

² Там же. – С. 73.

³ Там же. – С. 80–82.

⁴ Там же. – С. 73–74.

⁵ Там же. – С. 81.

телей. Но мы понимаем, что европейским венграм было лестно упоминание о том, что их далекие родственники, или племена, которых они считали таковыми, одержали победу над врагом и заставили его пойти на союз. Накануне вторжения монголов в Европу эта информация могла вселить надежду на отпор захватчикам.

Но более вероятно то, что именно башкиры, а как раз о них рассказывает Юлиан, искали союза с монголами. Армия монгол представляла собой слаженную систему, к тому времени уже доказавшую свою боеспособность. Вряд ли они бы отступили перед разрозненными башкирскими племенами.

Возможно, в сообщениях венгерского монаха нашли отражения события в Волжской Булгарии. Речь идет о поражении монгольского отряда Джебе и Субэдея в Великой Булгарии в 1224 г. В 1229 г. к р. Яик подошёл Субэдей с 30-тысячным войском. Вместе с войском Батыя, правителя улуса Джучи, ему удалось вытеснить из прикаспийских степей саксинов и половцев. В 1232 г. монгольское войско пыталось вторгнуться в Волжско-Камскую Болгарию, но было отбито. Наступление на запад силами одного улуса Джучи потерпело неудачу. На курултае 1235 г. было решено направить в помощь и подкрепление Бату военные силы других улусов. В походе участвовали 14 ханов-чингизидов, общемонгольское войско достигало 150 тыс. чел. Осенью 1236 г. монгольское войско вновь вторглось в Волжско-Камскую Болгарию и разгромило её¹. Башкиры, как подданные болгар, могли участвовать в данных столкновениях².

С другой стороны, брат Рихард пишет, что «в стране венгров сказанный брат нашел татар и посла татарского вождя»³. Возможно, именно в то время часть башкирских племен подчинилась монголам.

¹ Монгольские завоевания в 13 в. // Большая советская энциклопедия. URL: <http://bse.sci-lib.com/article077793.html>. (дата обращения: 05.08.2018.).

² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М, 1974. – С. 483.

³ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. // Исторический архив. – М.–Л., 1940. – Т. III. – С. 81.

Утверждать это нам позволяет наиболее важный, на наш взгляд, источник - башкирские шежере. Родословные башкирских племен составлялись для внутреннего, сугубо практического пользования - составления генеалогических ветвей. В шежере племени бурзян говорится «...написано шежере для того, чтобы сыновья и дочери, посмотрев на родословную, знали имена отцов и дедов»¹. Таким образом, авторы и составители родословных были свободны от «внешних цензоров» и оценок, и естественно, были более точны в передаче фактов. Им, попросту, не перед кем было притворяться, и не для чего было корректировать информацию.

Целый ряд башкирских шежере упоминает о добровольном подчинении Чингис-хану. Общее шежере четырех племен – Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян - сообщает об их просьбе русскому правительству разделить между племенами земельные угодья, «оставшиеся в наследство от дедов, которые будучи под покровительством хана Чингиза Темучина, получили эти земли с благословенного разрешения великого Темучина хана Чингиза»². Обращает на себя внимание стиль и термины, которые используются в приведенной цитате. Чингис-хан «благословенно разрешил» башкирским племенам населять данные земли потому, что башкиры не были завоеваны, а подчинились добровольно, попросив «покровительства хана Чингиза».

Шежере племени Усерган, изложенное в стихотворной форме, прямо указывает на то, как башкиры подарками и верной службой заручились миром с монголами. Муйтен-бий, «прадед башкирского народа», лично ездил в ставку Чингис-хана с богатыми дарами:

«Пять пар верблюдов он нагрузил подарками,
Ездил он к Чингиз-хану.
Хан оказал ему почести,
Посадил его рядом с собой.
Получил он похвалу от хана,

¹ Шежере башкир племени Бурзян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 127.

² Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 79.

Визиром сделал его хан за жизнерадостность.
 Во все он угождал пади-шаху.
 Украшал его окружение,
 Оказывал ему много почестей и уважения,
 Если хан говорил пой - он пел,
 Если просил рассказывать - рассказывал.
 Каждое желание хана он исполнял.
 Вернувшись оттуда, Муйтен-бий
 В своей стране был бием.»¹

Данное упоминание является очень ценным для реконструкции тех событий. Шежере подтверждает факт встречи Муйтен-бия с Чингис-ханом, вероятно состоявшейся, когда последний находился на Иртыше, незадолго до вторжения в Среднюю Азию (лето 1219 г.). Башкирский бий вернулся из монгольской ставки с ярлыком на управление огромной областью, включающей южно-уральские земли. Таким образом, данная грамота закрепляет за Башкирским краем статус улуса монгольской империи, а Муйтен-бий получает право на управление этим улусом².

В шежере башкир племени Табын также говорится о пожаловании местному бию права собственности на занимаемые ими земли: «С самого начала Чингиз-хан дал страну Майки-бию»³. В родословной башкир рода Кара-Табын племени Табын об этом периоде рассказано более подробно: «Род Кара-Табын идет от Майки-бия. Во времена Чингиз-хана Майки-бий, живя в местности Миадак в Уральских горах, кочевал в долине реки Миасс; он Чингиз-хану возил подарки, став его спутником, ездил вместе с Чингиз-ханом на одной повозке; дали ему имя Уйшин Майки-бий»⁴. Эти сведения подтверждают то, что инициаторами союза с монголами были именно башкиры. Упоминание об «одной

¹ Шежере башкир племени Усерган. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 84–85.

² История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. – Уфа, 2004. – С. 62; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973. – С. 56.

³ Шежере башкир племени Табын. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 156.

⁴ Шежере башкир рода Кара-Табын племени Табын. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 165.

повозке», на которой ездил Майки-бий с Чингиз-ханом, может иметь как прямой, так и переносный смысл. Известно, что монголы перевозили свои кибитки на телегах. С другой стороны, эта фраза может означать, что бий табынцев Майки вошел в союз с монголами и был одним из наместников монгольского хана в Башкирии¹.

Заметим, что никаких упоминаний о продолжительном сопротивлении монгольскому завоеванию в данных шежере нет.

Это лишь несколько наиболее ярких примеров упоминания Чингис-хана в башкирских шежере. В большей части родословных фигурирует имя основателя монгольского государства. В представлениях башкир все великое, могущественное связывалось с Чингиз-ханом². В исторической памяти башкир фигура хана Чингиза действительно была важной вехой, от которой отсчитывались многие родословные и многие события.

Тем не менее, не все башкирские племена так легко и добровольно подчинились монголам. В шежере племени Кыпсак рассказывается о борьбе с монголами «Чингиз-хан в период своего нашествия ... убийством и грабежом совсем уничтожил кипчакские племена»³. Далее говорится о вынужденном подчинении: «некоторые спасли свою жизнь, присоединившись в качестве воинов к орде хана»⁴. Энтузиазма в этом рассказе значительно меньше, чем в вышеозначенных. Также подчеркнут статус подчинившихся - не бии, не привилегированная аристократия, а рядовые воины.

Башкиры получали право бийства (ярлыки) только при условии добровольного вхождения в состав монгольского государства, фактически сохраняли территориальную автономию в составе империи Чингис-хана.

Арабские источники также упоминают о добровольном подчинении башкир Орде. Так, например, арабский историк, географ и энциклопедист аль-Омари в работе «Пути взоров по владениям городов» пишет об одном

¹ Комментарии. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 217.

² Там же. – С. 201.

³ Шежере башкир племени Кыпсак. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 95.

⁴ Там же. – С. 95.

неназванном народе, которым могли быть только башкиры. «В числе тех, которые пришли под защиту этого (золотоордынского) султана, (находится и) тюркский народ, на крайнем севере, у пределов его; он в нищете вследствие бедственного существования, ибо это не оседлые люди, у которых есть посе-вы, и сильная стужа губит их скотину»¹.

Таким образом, большая часть башкирских племен добровольно вошла в состав Монгольской империи, стремясь сохранить свои земельные угодья, добиваясь получения ярлыка на их управление.

Естественно, полностью оградить свои земли от новых хозяев у башкир не вышло. Лучшие кочевья отошли к завоевателям. Это приводит к тому, что башкиры, пытаясь компенсировать потери в степной зоне, расширяют свои владения на севере, в горнолесные и лесные районы Южного и Среднего Урала.

Башкирские рода, как и другие народы, подчиненные монголам, облагались всевозможными налогами и повинностями. Из фольклорных источников даже известны восстания под предводительством Сураман-батыра и Джалык-бия, причиной которых стало повышение размера ясака².

Медленный распад улуса Джучи, начавшийся после хана Узбека, содействует укреплению власти местных биев и батыров. Одновременно углубляется социальное расслоение, усиливается экономическое влияние высших слоев общества - духовенства (муллы, ахуны) и воинов (мурзы, тарханы). Именно на этот период приходится консолидация башкир и создание крупных племенных конфедераций. В главе их стояли местные военачальники, стремящиеся к независимости³. Эпос «Кусяк-бий» повествует о союзе бурзянцев, усерганцев, тангаурцев и тамьянцев, возникшем на Урале, и возглавляемый ханом Мясема⁴. Распад Золотой Орды был вполне выгоден пле-

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб, 1884. – С. 231.

² Мавлетов В.С. История и культура Башкортостана. – Уфа, 2008. – С. 14–16, 68–71.

³ Кузеев Р.Г. Этническая история башкир с конца I тысячелетия нашей эры до XIX века. // Научная сессия по этногенезу башкир. – Уфа, 1969. – С. 107.

⁴ Башкирское народное творчество. Эпос. – Уфа, 1987. – С. 367.

менам, незадолго до этого входившим в ее состав. Башкиры, даже после распада Золотой Орды в конце XV в. продолжают консолидироваться, хотя процесс этногенеза был осложнен политической раздробленностью между Казанским, Сибирским, и Ногайским ханствами.

В XV в. Золотая Орда окончательно распалась, и на ее территории появились Ногайская орда (начало XV века), Казанское (1438г.), Крымское (1443 г.), Астраханское (1459 г.), Сибирское (конец XV в.), Большая орда и другие ханства.

Территория Башкирии оказалась разделенной между тремя ханствами: земли по восточному склону Уральского хребта отошли Сибирскому, земли Западной Башкирии - Казанскому, а основная ее часть - южно-уральские степи и западные склоны гор - Ногайскому ханству¹. Положение башкирских племен накануне падения Казани и принятия российского подданства было очень тяжелым².

Большая Ногайская орда политически ориентируясь на Москву, признав вассальную зависимость от Русского царства, формально сохранила независимость и привычный кочевой образ жизни вплоть до начала XVII в. На деле же еще в 1557 г. добровольно приняла протекторат Русского государства³. Данный пример мог послужить для башкир подтверждением правильности их внешнеполитического курса на мирное подчинение более сильному соседу.

Объективные обстоятельства (разорение от ногаев, отсутствие традиций государственности и консолидирующей идеи, желание сохранить свои кочевья) подтолкнули башкирские рода к решению принять московское подданство. Возможности создания собственного государства башкиры не имели, многие ханства Урало-Поволжья к тому времени были уже подчинены Москве. Башкиры, являясь элементом геополитической системы Волго-

¹ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. – Уфа, 2004. – С. 78.

² Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 33.

³ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. – С. 201–232; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2002. – С. 599–648.

уральского региона, двигались по тому же вектору. Но их действия шли по определенному сценарию и уже не раз были отрепетированы, что отличало башкир от их современников. Башкиры очень грамотно и расчетливо воспользовались ситуацией.

Из всего вышесказанного становится ясно, что уже на ранних стадиях башкирской истории формируется очень важная норма взаимодействия с соседями, которая и оказала существенную, и вероятно определяющую роль в переговорах башкир с московской администрацией. На протяжении нескольких веков, башкирские рода делали все возможное для сохранения своих вотчин. Добровольное подчинение более сильному политическому игроку было для них вполне логичным и естественным. Это не только спасало жизни и давало защиту, но и гарантировало сохранение большей части земельных угодий на сносных условиях. По сравнению с опасностью потерять исконные земли плата ясака была «меньшим злом».

Удивительно, но данная тактика «внешней политики» башкирских племен ни разу не подвела на протяжении почти пятисот лет. Из раза в раз башкиры применяют этот метод самосохранения, который прекрасно себя зарекомендовал еще в период Волжской Булгарии. Этот же способ взаимного согласия башкиры применяют и для налаживания контактов с Московским царством. Тактика неоднократно была отработана и действовала безотказно. На уровне менталитета и исторической памяти подобный способ был закреплен, он был как бы «одобрен и благословлен предками».

1.2 Подданничество как внешнеполитическая традиция башкирских племен.

Прежде чем обращаться к теме присоединения башкирских племен к Московскому царству необходимо прояснить несколько моментов. Прежде всего, конкретизировать терминологию, которую мы будем использовать. Затем рассмотреть ту геополитическую ситуацию, которая сложилась в регионе к середине XVI века. И что самое главное - рассмотреть проблему через призму ментальности традиционных этносов.

В науке различают понятия подданство и подданничество. Если с первым термином никаких противоречий не возникает: подданство - это принадлежность человека к какому-нибудь государству (обычно применительно к монархическому государству)¹, то с последним не все так ясно.

Политология противопоставляет традиционные отношения подданничества и гражданство. В рамках отношений подданничества ни одна политическая инициатива не имеет права на существование без санкции со стороны государственной власти. Дух подданничества опирается на строгие, не подлежащие критике, законы и на сакрализацию власти².

С другой стороны, словарь Брокгауза и Ефрона, давая определение феодализму использует термин «подданничество» в другом аспекте: «Службы и обязанности вассала по отношению к сеньору вытекали из личных отношений, связанных с пожалованием феода; они обуславливали известного рода добровольное подданничество в силу *homagium* (дань уважения) и *fides* (доверия) и предоставляли господину *сюзеренитет*»³.

Таким образом, намечается две традиции в толковании данного термина. Первая подчеркивает деспотический характер отношений, при которых человек полностью закабален установленными в государстве законами. Другой вариант делает акцент на некое соглашение, при котором стороны выступают как равноправные субъекты договора. Одна сторона добровольно подчиняется, другая - принимает на себя ответственность.

Применительно к историческим реалиям, о которых идет речь, на наш взгляд более логично использовать вторую трактовку термина: подданничество - это добровольные межсубъектные отношения общности людей с государством, базирующиеся на выполнении взаимовыгодных, заранее оговоренных условий.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – Екатеринбург, 1994. – С. 461.

² Политология: Краткий энциклопедический словарь-справочник. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 27 – 28.

³ Феодализм. // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/106/106451.shtml>. (дата обращения: 28.11.11.).

В данной ситуации, правомерно различать подданство, как безусловное, абсолютное, не обязательно добровольное включение граждан в правовую систему государства, и подданничество, как добровольное подданство с оговоренными привилегиями.

Подобная система взаимоотношений ярко проявляла себя в русско-башкирских отношениях вплоть до 30-х гг. XVIII в.

Другой, не менее важный термин, который будет использован - «ментальность».

Ментальность (от лат. mens, mentis - ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) - совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности¹.

Характерной чертой ментальностей, в отличие от идеологии и доктрины, является их открытость, незавершенность, «разлитость» в культуре и обыденном сознании. Они выражают не столько индивидуальные установки сознания конкретного индивида, сколько внеличную сторону общественного сознания. Субъектом ментальностей является социум. Они проявляются в словесном языке и языке жестов, в поведении, обычаях, традициях и верованиях².

Таким образом, мы будем использовать термин «ментальность» для обозначения различных культурных стереотипов, свойственных для больших социальных групп, или характеристики духовной настроенности всего общества.

Именно в стереотипах мировоззрения, выступающих в качестве базового уровня сознания, и кроются корни любых взаимоотношений, в том числе - межэтнических.

---

¹ Философия: Энциклопедический словарь. – М., 2004. – С. 457.

² Там же.

Особо важно выделить комплекс стереотипов в социально-политическом поведении башкир. Ранняя история башкирского народа наглядно демонстрирует традиционный подход к решению внешнеполитических задач, что помогает опознать те различия ментальных констант, ставшие принципиальными в отношениях башкирских племен и российских властей, и приведшие в конце концов к бунтам и кровопролитию.

Таким образом, подданничество, как добровольное подданство с привилегиями, оказалось оригинальным и нетривиальным решением сложной дилеммы, перед которой встают многие общности - сопротивляться захватчикам и возможно погибнуть либо быть покоренными и принять навязанные силой правила и законы. Башкирские племена показали еще один путь, который долгое время оправдывал себя. Башкирские племена могли усложнить завоевание Урало-Поволжья, но подчиниться, выставив условия, было более дальновзорким решением. Такая внешнеполитическая тактика принесла свои немалые плоды.

Говоря о формировании внешнеполитических традиций башкирских племен в ранний период их истории (X–XIV вв.), обращают на себя внимание следующие аспекты. Прежде всего, сам факт продуманного плана действий при столкновении с сильным завоевателем. Впервые это было продемонстрировано в X в. в отношениях с Волжской Булгарией. Без затяжной борьбы западные башкирские племена признают над собой власть соседнего государства. Башкиры сохраняют свои земли в обмен на выплату дани. До XIII в. башкиры входят в состав Булгарии, испытывая на себе не только экономическое, но и культурное влияние. В начале XIII в. расстановка сил в регионе кардинальным образом меняется. Впервые столкнувшись с монголами в 1232 г. булгары и входивших в состав их войска башкиры смогли удержать захватчиков. Однако, уже осенью 1236 г. многотысячное общемонгольское войско разгромило Волжскую Булгарию. И башкирам вновь приходится принимать судьбоносное для себя решение. Шежере многих башкирских племен повествуют о добровольном признании над собой власти Чингис-

хана. Другие родословные содержат рассказы о сопротивлении монголам и вынужденном покорении после разгрома. Однако большая часть башкирских родовых групп, направив в ставку Чингис-хана посольства с подарками и добившись ярлыка на правления своими землями, вновь продемонстрировала вполне зрелое политическое сознание. Если в болгарский период еще можно говорить о стихийном, спонтанном принятии решения о подчинении с возможностью сохранения своих кочевий, то уже в монгольский и постмонгольский периоды такой «механизм самосохранения» превращается в своеобразную политику башкирских племен. Что удивительно, учитывая, что своей государственности у башкир не было. Подобная практика позволила башкирам, занимающим довольно важное стратегическое положение буфера между булгарами, половцами, русскими землями и надвигающейся монгольской угрозой, сохранить обширные и богатые земли. К тому же, племена, добровольно вошедшие в состав государства Чингис-хана, сохранили свое сословное устройство, что для традиционных обществ также немаловажно. Таким образом, формируется особый феномен в истории кочевых обществ Урало-Поволжья и Евразии в целом, - подданничество, добровольное подданство с заранее оговоренными привилегиями. Это оригинальная и весьма прагматичная модель внешнеполитических действий. Она позволяла разрозненным племенам башкир, значительно более слабым, чем противник, вести межсубъектный, равноправный диалог и извлекать из сложной ситуации максимум пользы. Неудивительно, что подобный сценарий, не раз спасавший башкир, был прочно зафиксирован исторической памятью народа и быстро трансформировался в одну из ментальных установок национального сознания. Исходя из данного принципа, башкиры будут выстраивать отношения с новым сильным игроком в регионе - Московским государством, но именно ментальные стереотипы, в конечном счете, приведут позже к вооруженному столкновению с российской администрацией.

Глава 2. Присоединение башкирских родов к Московскому государству.

2.1 Процесс принятия северо-западными, юго-западными и юго-восточными башкирами российского подданства.

XVI век для Российского государства выдался не только трудным, но и насыщенным, противоречивым. Именно на этот век приходится преобразование Великого княжества Московского в суверенное Русское царство. Деятельность последних правителей из династии Рюриковичей - Василия III и Ивана IV - была направлена на консолидацию еще недавно зависимого и разобщенного государства, на укрепление его границ и усиление его геополитической позиции в мире. И если западное направление внешней политике не всегда приносило ожидаемые плоды - достаточно вспомнить затяжную и изнуряющую Ливонскую войну - то на восточном направлении достижения были колоссальными. Речь идет не только о территориальных приобретениях, но и о тех важных изменениях, которые произошли на геополитической карте Евразии незадолго до Смутного времени. За довольно незначительный промежуток времени Русское государство из покоренной и зависимой части Золотой Орды превращается в «наследницу» татаро-монгольского государства. Теперь можно говорить об особой русско-евразийской цивилизации. Народы, еще вчера подчиняющиеся Орде, отныне служат «белому царю». И подчас служат добровольно, без завоевания и силового принуждения. И ярким примером этому являются русско-башкирские отношения второй половины XVI века.

После завоевания Казани, Россия устремляет свой взор вглубь материка, отдавая себе отчет, что необходимо дальнейшее продвижение на восток и закрепление на новых территориях. Однако, в отличие от Западной Европы, перенаселенной и вынужденной захватывать новые земли, в Русском государстве не было проблемы с перенаселенностью, которая бы толкала государство на колониальную политику. Причины, вынудившие русских двигать-

ся в Урало-Поволжье были абсолютно другими. С одной стороны - стремление обезопасить свои рубежи. Казанцы, ногайцы и другие осколки некогда великой Орды продолжали устраивать набеги на Русь. Тем самым делая конфликт неизбежным. С другой стороны, российские правители своими поступками позиционировали себя как новую власть в регионе, которую должны признать местные народы. Все действия, предпринимаемые правительством, были направлены на создание образа грозного, но справедливого царя.

Однако, Русское государство, делающее первые шаги по формированию суверенного целостного государства, не имело достаточных ресурсов для одновременного укрепления западных и восточных границ. Несмотря на успешный поход на восток и взятие Казани, перед русским государством продолжало стоять много внешнеполитических задач. Прежде всего, на западном направлении, - решение «ливонской проблемы», выход к морю¹. Даже если согласиться с некоторыми историками, что Иван IV не планировал широкомасштабную войну на западе, и что поход 1558 г. был не более чем «демонстрацией силы», с целью наладить выплату дани ливонцами², в любом случае, нецелесообразно было распылать силы, втягивая Россию в войну на два фронта.

Несмотря на то, что у башкир не было своего государства и на этих просторах они существовали все еще родоплеменным строем, Русскому государству потребовались бы колоссальные резервы, чтобы подчинить эти земли. Сознавая отсутствие этих возможностей, Иван Грозный обращается к народам Урало-Поволжья с предложением добровольно вступить в состав Русского государства и подчеркивает свое доброжелательное к ним отношение: «А сам государь послал всем улусам черным людям ясачным жалованные грамоты..., чтобы шли к государю, не боясь ничего... а их государь пожа-

¹ Шаскольский И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. // Международные связи России до XVII в. – М., 1961. – С. 377; Хорошкевич А.Н. Россия в системе международных отношений середины XVI века. – М., 2003. – С. 204.

² Волков В. А. Войны и войска Московского государства. – М., 2004. – С. 134–161; Филюшкин А.И. Дискурсы Ливонской войны. // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – 2001. – № 4. – С. 46–80.

лует, а они бы ясаки платили, яко же и прежним казанским царям»¹. Тем самым, русское правительство не только увеличивало свою территорию, но и создавало буферную зону между внутренними исконными территориями и враждебной степью. Немаловажно, что данная буферная зона была лояльно настроена по отношению к новому правителю и ее защита была возложена на коренное население, не оттягивая силы с западного направления.

Но решать геополитические задачи и прогнозировать собственное будущее были вынуждены не только русские, но и башкирские правители. Находясь в едином геополитическом пространстве, башкирские племена, пожалуй, оказались в еще более сложной ситуации. Если Россия имела древние государственные традиции, то башкиры не могли похвастаться наличием в прошлом собственного государства. Однако у них, как отмечалось ранее, тоже были исторические примеры, которые позволили правильно рассчитать поменявшуюся расстановку политических сил в регионе.

Принятие башкирами русского подданства проходило в очень напряженной ситуации. Хрестоматийными стали слова П.И. Рычкова, описывающие тяжелое положение башкир незадолго до вступления в российское подданство: башкирские племена, разделенные между Ногайской ордой, Казанским и Сибирским ханствами, сначала «были разграблены и раззорены» ногаями, а когда часть башкир подчинилась казанским и сибирским ханам, то «их еще в большее разорение привели и несносными податями обложили»². Но это свидетельство не дает полного системного представления о том, что происходило в середине XVI в. на огромных пространствах Исторического Башкортостана, не называет решающие аргументы, сподвигшие башкир к принятию московского подданства.

Башкирам не вновь была такая система отношений. Несколько поколений назад, они не смогли защитить свои кочевья от монгольских завоевателей, но, принеся богатые дары и подчинившись, получили право оставить за

---

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. Никоновская летопись. – СПб., 1904. – С. 221; Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам. – Уфа, 2007. – С. 22.

² Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 33.

собой большую часть исконных земель¹. Неудивительно, что в аналогичной ситуации, они решают принять предложение Ивана IV.

Добровольное принятие подданства - довольно нечастое явление в истории. Такое развитие событий в Башкирии стало следствием затруднительного социального и политического положения башкирских племен и существенных изменений в международной системе Волго-Уральского региона в середине XVI в. После падения Казани положение мусульманских государств региона резко ухудшилось. Оставшиеся осколки Золотой Орды находились в глубоком политическом кризисе. Ситуация осложнялась засухой, голодом, чумой, которые длились в течение нескольких лет. Даже самое сильное ханство - Ногайское - находилось в бедственном состоянии: «... зело лютые и студеные, весь скот их помер, яко стадо конския, так и других скотов, а на лето и сами исчезоша»². Итогом стала массовая гибель населения, потери составили по разным данным от 100 тыс. до 1 млн. человек (середины 50-х гг. XVI в.)³. Башкиры в этих условиях имели возможность освободиться от власти ханств, однако, для этого был необходим новый сильный покровитель, который бы гарантировал им стабильные условия для развития.

Возникает вопрос, почему же башкирские рода решают войти в состав Московского государства? Определяющее значение в выборе сыграла победоносная борьба последнего с Казанским ханством. Победа, одержанная русскими войсками в середине XVI в. в Среднем Поволжье продемонстрировала военную мощь нового соседа башкир, что было очень важно для последних. Другим важным моментом стало то, что после падения Казани московский правитель обратился к бывшим подданным ханства с предложением мирно признать над собой власть России, обещая широкий спектр льгот. Н.М. Карамзин, ссылаясь на «Царственную книгу», писал, что Иван IV разослал народам жалованные грамоты, даруя мир и спокойствие: «Идите к нам без ужа-

---

¹ Валиди Тоган А.-З. История башкир. – Уфа, 2010. – С. 36.

² Выбор пути: Россия и Башкортостан. Отзывы о присоединении. // Альманах «Памятники Отечества». – Уфа, 1997. – № 38. – С. 6.

³ Там же.

са и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям казанским»¹.

В шежере рода Юрматы не только подтверждается приезд русских послов с грамотой, но и перечисляются льготы, обещанные за мирное принятие нового подданства: «...когда во все земли были направлены послы с грамотами, которые известили: пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает обычаи»².

Сведения о приезде царских послов и обещаниях московского царя сохранились в шежере других башкирских племен. Родословная бурзян, кыпсак, усерган, тамьян утверждает, что после взятия русскими Казани «башкиры четырех племен, которые живут к востоку от Казани, послали к этому царю Ивану одинаково знатных людей. Он сам желал их прибытия»³. В другом варианте данного шежере говорится: «... послы четырех башкирских племен... ходили от указанных четырех племен, будучи приглашенными в город Казань к великому князю Ивану Васильевичу, надеясь на справедливость царя России»⁴.

Шежере башкир рода карагай-кыпсак племени кыпсак дает еще более подробную информацию: «... русский царь ... во все земли разослал указы, разослал послов. «Пусть никто не убегает, как бежали ногайцы, бросив свой юрт, оставив свои земли; пусть каждый сохранит свою веру, соблюдает свои обычаи», - с такими словами ходили послы»⁵. Башкиры были оповещены о желании Ивана Грозного принять народы Казанского ханства в подданство и даже сохранить за ними религию и обычаи, поэтому Кусяк-бий с «тремя знатными людьми» «ходили и били челом Белому царю, получили грамоты»⁶.

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2, Т. V–VIII. – СПб., 1842. – С. 114.

² Шежере башкир племени Юрматы. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 33.

³ Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 73.

⁴ Там же. – С. 78.

⁵ Шежере башкир рода Карагай-Кыпсак племени Кыпсак. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 117.

⁶ Там же.

Конечно, такой сложный процесс как принятие нового подданства сопровождался значительными разногласиями внутри башкирского общества, усугублялся противоборством ногайских и сибирских властителей. Особо яростно шла борьба башкирских родов с ногайцами.

Башкиры-минцы владели обширными кочевьями по бассейну р. Демы и среднему течению р. Белой. До русского вмешательства в регион они были зависимы от ногайского хана Турэ Баба Тукляса и ногайских мурз Аксак-Килембета и Кара-Килембета. После падения Казани и активизации русских властей в Среднем Поволжье, хан и мурзы приняли решение о смене кочевий и уехали за Яик и Волгу. Примечательно, что ногайцы хотели забрать с собой и зависимое башкирское население. Кanzaфар-бий возглавил сопротивление минских башкир против ногайских властителей, призывая своих соплеменников принять предложение московского царя. «Он сказал: О соплеменники, мы если уйдем отсюда, не сможем жить; где мы найдем землю, как эта; когда он так сказал, все его соплеменники ответили плача: О Казанфари-бий, если умрем, то здесь, если будем жить, тоже здесь»¹. Вновь определяющим фактором стала основная ценность башкирского народа - родная земля и стремление ее сохранить. Впрочем, незначительная часть рода Мин, не приняв происходящие политические изменения, все же выбрала сторону прежних правителей и откочевала с ногайцами. Подавляющее большинство минских башкир осталась на родине, приняв важное решение войти в состав Русского царства.

Не менее острая политическая обстановка сложилась и у другого крупного племени Юрматы. Земли этого рода охватывали огромные территории по среднему течению р. Белой и ее притокам, в центре Башкирского края. Ногайцы стремились сохранить власть над юрматынскими башкирами, убеждая последних в угрозе со стороны Москвы. Однако юрматынцы, также как и минцы, осознавая выгоды нового подданства, оказали ногайцам вооруженное сопротивление. Сначала борьбу возглавил Бурнак-бий, а после его кон-

---

¹ Шежере башкир племени Мин. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 52.

чины Татигас-бий, при котором род Юрматы вошел в состав Московского государства.

Конгломерация четырех племен (Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян) к середине XVI в. занимала колоссальные области на Южном Урале - от современного г. Верхнеуральска по р. Урал до ее поворота на юг до верхнего течения р. Белой до ее поворота на север. Накануне описываемых событий ими правили ногайские Бусан-хан и Актулуш-бий. В шежере красочно описано недовольство башкир политикой последних. Башкирские рода, возглавляемые своими биями, поднимают борьбу против ногайцев, «из-за отсутствия у них справедливости, из-за многочисленности обид этого Бусай-хана и бия Актулуша, схватив, передали хану России Ивану Васильевичу»¹. Таким образом, для юго-восточных башкир задача освобождения от ногайского влияния накладывается на решение проблемы нового подданства.

Общеизвестно, что в тот ответственный момент, когда русское правительство начало завоевание Казанского ханства, а после его захвата взяло курс на мирное присоединение народов Среднего Поволжья и Приуралья, у самих правителей Ногайской Орды не было единства. Мурзе Юсуфу не удалось объединить все силы своего государства для отпора наступлению Московского государства. Главным врагом общего похода против Москвы стал его родной брат Исмаил, который сумел сорвать выступление Ногайской Орды в поддержку Казани. Это обстоятельство вынудило основных противников Русского государства - большинство ногайцев во главе с боевой верхушкой Орды - оставить пределы Башкирии, перекочевать за Волгу и далее в направлении Кубани или на юг, в районы Каспийского и Аральского морей. Эти факты нашли яркое отражение в башкирских шежере. Родословная племени юрматы сообщает: «Ногайцы собрались и держали совет. Наши деды пришли с Кубани из-за земли и воды, они пришли в поисках холодных земель, холодной воды, но оказалось, что зимняя стужа страшнее жарких дней. Но по сравнению даже с холодом опаснее продвижение с севера неверных

¹ Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 78.

русских. На этих землях русских, видимо, много. Считая, что им такие земли не подходят, бесчисленные ногайцы решили бежать»¹.

Тяжелым ударом по Ногайской Орде был захват в 1556 г. русскими войсками Астраханского ханства.

Такая ситуация существенно облегчала борьбу башкир против ногайских правителей и ускорила принятие ими русского подданства. Но в целом же, принятие башкирами решения начать переговоры с Русским государством оказалось делом сложным и долгим.

Если само принятие башкирами решения идти на контакт с русской администрацией можно считать начальным периодом принятия подданства, то официальное, документальное закрепление этого решения - завершающим этапом.

Первоначальное оформление принятия русского подданства происходило в Казани. Русское правительство представлял казанский наместник, от башкир туда прибывали посольства во главе с родовитыми биями. Родовитость была обязательным условием участия в посольстве, - «человеку, не знающему молитв и своей родословной, не пристало говорить речи перед падишахом»². Шежере сохранили имена участников данных посольств.

Само признание башкирами над собой власти московского царя растянулось на несколько лет по вполне очевидным причинам. Западные и северо-западные башкирские племена, находящиеся под властью казанского хана, приняли русское подданство в 1554 г. Посольство некоторых западных родов первым прибыло к казанскому наместнику с просьбой о включении их в состав царства в начале 1554 г. В одной из родословных упоминается, что после взятия Казани Иваном Грозным «четыре племени [занимавшие земли] к востоку от Казани, сговорившись, послали к этому царю Ивану своих знатных людей. Их прихода он (т. е. царь) и сам ждал». Подобное же решение принимается и северо-западными башкирами. В родовых сказаниях башкир

¹ Шежере башкир племени Юрматы. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 32–33.

² Шежере башкир племени Мин. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 52.

Янаульского района рассказывается о том, что «от башкир племени Гайна в Казань, к наместнику русского царя, ездил послом Айсуак-бий - один из родоплеменных вождей гайнинцев»¹.

Следует обратить внимание на историографические противоречия, касающиеся присоединения именно гайнинских башкир. Р.Г. Кузеев, опираясь на обнаруженные в Ленинградском отделении Института востоковедения шежере племени уран и гайна Осинской дороги, считал, что в 1554–1555 гг. посольство уранцев во главе с их вождем Айсуаком приехало в Казань, а посольство гайнинцев - в Чердынь². Н.М. Кулбахтин утверждает, что Урак-бий, предводитель гайна, ездил в Москву в 1552 г. и вернулся от туда с жалованной грамотой о принятии их в российское подданство³. Шежере племени Гайна утверждает: «Урак бий ходил в Чердынь к царю Ивану Васильевичу падишаху. Прийдя в Чердынь зимой на лыжах, пожелал преклонить голову перед царем и стать российским подданным»⁴. Вполне вероятно, что гайнинцы - северные башкиры, - отправили посольство в Чердынь, ведь он находится от владений гайнинцев примерно на таком же удалении, что и Казань⁵. Что касается даты, то она остается неясной. Зато известно, что после взятия Казани, Иван Грозный, оставив наместником князя А.Б. Шуйского-Горбатого, «стояв неделю и оставя часть воинства... ехал Новгороду Нижнему, ... приехав в Новгород Нижний, и пребывал тамо три дня и распустил по домам воинство все; сам же пустился на подводах сто миль до главного места своего, Москвы»⁶. Очевидно, что зимой он не мог быть в Чердыни и принимать гайнинских послов. Вероятнее всего их встретил царский наместник. Но

¹ Кузеев Р.Г. 400 лет вместе с русским народом: присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. – Уфа, 1957. – С. 51; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. – Уфа, 2004. – С. 107.

² Кузеев Р.Г. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству – поворотный пункт в истории края. // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 11.

³ Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам. – Уфа, 2007. – С. 22.

⁴ Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам. – Уфа, 2007. – С. 58; Асфандияров А.З. Башкирские источники XVI–XIX в. о добровольном присоединении края к Русскому государству // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 21; Он же. История башкирских сел и деревень Пермской и Свердловской областей. – Уфа, 1999. – С. 223.

⁵ История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 46.

⁶ Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. Никоновская летопись. – СПб., 1904. – С. 206.

остаётся вопрос о датировке. Большая часть шежере, повествуя о событиях, последующих после взятия Казани, утверждают, что прошло порядка двух лет, пока они приняли решение подчиниться Москве: «... в 959 году ... русские взяли Казань... Был 961 год, когда во все земли ... направлены послы с грамотами»¹, «в 1552 году ... русские взяли Казань... и затем в 1564 году послы четырех башкирских племен ... ходили... к великому князю Ивану Васильевичу»². Комментаторы текста утверждают, что 1564 год указан ошибочно. Вполне вероятно, что посольство двинулось в путь в конце 1554 г., и прибыло в Казань в 1555 г. Составители шежере, или позднее, переписчики вместо цифры 5 (1554) ошибочно поставили 6 (1564)³.

Как мы видим, прямых свидетельств о времени присоединения северных башкир нет. Однако, косвенные упоминания дают нам возможность выдвинуть следующую версию событий. В шежере Гайна сказано, что посол пришел в Чердынь зимой. «Обрадованный падишах, выдав Урак-бию жалованную грамоту, благословил башкир землями ... и реками...»⁴.

Учитывая ментальность башкир, о которой было сказано выше, мы можем согласиться с тем, что северо-западные башкиры, непосредственно соприкоснувшиеся с русскими границами и убедившиеся в силе русского оружия, решили сразу подчиниться Москве и сохранить свои земли. Вероятнее всего, это была зима 1552-1553 гг. Это подтверждается еще одним косвенным фактом. Весной 1553 г. началось восстание народов еще не покорившегося полностью Казанского ханства. Причиной восстания А.М. Курбский называет лояльность царя, которую он проявил осенью 1552 г., не пожелав «выгубить воинство басурманское... пяти различных языков»⁵. К пяти языкам Казанского ханства А.М. Курбский относил, в том числе, и башкир-

¹ Шежере башкир племени Юрматы. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 33.

² Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 78.

³ Комментарии. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 196.

⁴ Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам. – Уфа, 2007. – С. 58; Асфандияров А.З. Башкирские источники XVI–XIX в. о добровольном присоединении края к Русскому государству // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 21; Он же. История башкирских сел и деревень Пермской и Свердловской областей. – Уфа, 1999. – С. 223.

⁵ Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам. – Уфа, 2007. – С. 24.

ский. Значит, осенью 1552 г. Иван Грозный должен был «выгубить» и «башкирский язык». Заслуживают доверия утверждения Курбского о том, что при подавлении восстания 1553-1557 гг. башкирские земли не были разорены: «... понеже хождаху за ними (мятежниками) месяц целый, а предние полки наши гоняху за ними аж за Уржум и Мешь реку за лесы великие, и оттуда аж до Башкирска языка, иже по Каме реке вверх ко Сибири протяжается, и что их было осталось, те покоришася нам»¹. Получается, раз полки Курбского двигались вдоль Камы, ограничивающей с запада земли рода Гайна, карательные отряды дошли только до башкирских земель и остановились.

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что русские власти были уверены в лояльности башкир, а значит, башкирские племена к тому времени уже начали принимать российское подданство. Или, что вероятнее, уже состоялась встреча башкирских послов с русской администрацией. А вот документальное оформление, скорее всего, началось не ранее 1554 г., когда большая часть башкирских племен обратилась к Ивану IV, а многие даже просили о «межевании» земель.

Относительно других западных и северо-западных башкирских племен нет точных и достоверных сведений. Однако, вполне логично предположить, что вряд ли основная часть западных и северо-западных башкир, ставшая политически независимой после падения Казани, могла остаться в стороне от движения своих соседей - гайнинцев. Наиболее близко жившие к границам нового соседа - Русского государства - башкиры племен Байляр, Буляр, Еней, Гирей, Елан, Киргиз, Тазлар, узнав о поездке к представителям русского царя гайнинцев и уранцев, скорее всего, последовали их примеру и к 1554–1555 гг. закончили документальное оформление своего подданства.

Центральные, южные и юго-восточные башкирские племена, входящие в сферу интересов Ногайского ханства, решили последовать примеру западных и северо-западных родов. Одно из крупнейших племен - Мин - в 1554 г. отправляет посольство в Казань с целью переговоров о подданстве. Шежере

---

¹ Сказания князя Курбского. – СПб, 1868. – С. 42.

племени Мин ясно свидетельствует о сложных взаимоотношениях башкир с ногайской верхушкой накануне и в период завоевания Казанского ханства русскими войсками. Интересны следующие строчки «был 956 год. От Каракилмета, Аксак Килмета было разорение. Казанфари-бий, Чублюк, Урман, Туман, Тенэй, Акман остались здесь, платили ясак трем улусам»¹. Заветным желанием ногайцев было увести башкир-минцев с собой, за Волгу и на Кубань. Но большинство минцев осталось на родине. Очевидно, что это было проявлением ментальности башкир, именно того патриотизма и любви к своей земле (в буквальном смысле), которые и обуславливали выбор внешнеполитического курса. Даже несмотря на тяжелое положение и зависимость от «трех улусов», башкиры настойчиво держались за свои земельные угодья.

Другой вопрос, какие улусы имели в виду авторы шежере. Возможно речь идет о разных группировках верхушки Ногайской орды или о Ногайской Орде, Казанском и Сибирском ханствах накануне завоевания Казани².

Далее шежере продолжает: «Потом Иван Калита взял Казань. После этого милостивому царю подчинились. Был 961 год, ... Казань покорили русские»³.

В тексте допущены явные ошибки - Иван Калита вместо Ивана Грозного и 961 г. вместо 959 г. хиджры, - возможно, поздними переписчиками, либо имеется в виду как раз 1554 г., когда было отправлено посольство к московскому правителю. Но в общем плане верно говорится о том, что минцы подчинились русскому царю после завоевания Казани.

В шежере башкир д. Мурадымово рассказывается о поездке посольства башкир-минцев в Казань и указана точная дата - 1555 г. «Потомков 11 биев, ходивших в 1555 году к царю ... для повиновения, называют 11 родами...»⁴.

В это же время к казанскому наместнику ездили делегаты рода Юрматы. В их родословной сказано: «...я, Татигач-бий, не имея никакой возможно-

¹ Шежере башкир племени Мин. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 52.

² История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 46.

³ Шежере башкир племени Мин. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 52.

⁴ Шежере башкир-минцев деревни Мурадымово. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 67.

сти придумать что-либо другое, взял с собой трех человек от трех тюрб народа, сначала Азня, второго Илчикея-Тимера, третьего Кармыша, и вчетвером ... придя в город Казань, согласились быть подданными Белого падишаха»¹.

Особенно важны места шежере, в которых освещается встреча послов после возвращения их из Казани: «вернувшись домой я собрал весь народ и сказал: ай соплеменники, мы к Белому-бию падишаху ходили, подчинились, стали его рабами. Мне, Татигачу, падишах пожаловал чин мурзы, Азня сделал старостой, и, низайше попросив падишаха, земли бежавших ногайцев мы взяли себе. Согласились платить ясак из ста куниц. А теперь и вы примете ли все это - спросил я. Весь народ сказал, хорошо, каждый из нас всей душой согласен»².

Можно предположить, что подобная ситуация была не только у племени Юрматы, но и в других регионах бывшей Ногайской Орды, откуда направлялись посольства в Казань. Не только накануне отъезда, но и после возвращения послы держали ответ перед населением за свою поездку. Очевидно, что вопрос вхождения в состав Русского царства ради сохранения земельных угодий был решен не только верхушкой племен, но и всем башкирским обществом³.

Исключительную ценность для понимания сущности и значения переговоров башкирских посольств в Казани представляет общее шежере самых крупных и влиятельных юго-восточных племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян, ибо оно затрагивает самые важные аспекты переговоров.

Шежере свидетельствует, что после призыва царя прибыли «от племени Усерган Бикбау-князь, от племени Бурзян - Искебиг-князь, от племени Кыпсак - Мушавалин Каракузяк-князь, от племени Тамьян - Шагали Шакман-князь. Упомянутые четыре бия, придя в город Казань, стали подданными

¹ Шежере башкир племени Юрматы. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 33.

² Там же.

³ История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 48.

Ивана Грозного»¹. В тексте источника называется дата - 1564 г., но, по мнению Кузеева Р.Г., здесь явная ошибка переписчиков и речь идет о 1554 г.². Ценно то, что шежере подводит читателя к выводу о том, что в Казани имели место равноправные переговоры башкир и русской власти, в ходе которых были учтены геополитические интересы обеих сторон и приняты взаимные обязательства, которые не могли меняться в одностороннем порядке. «Все мы, будучи в согласии между собой, уплатили наш ясак... и царь Иван Васильевич обещал другими повинностями, учрежденными без нашего согласия, не причинять башкирскому народу страданий»³. Подобную систему отношений мы называли «подданничество». Как мы увидим, нарушение обоюдного характера соглашения со стороны русской администрации и приведет к длительным башкирским восстаниям.

Очень важно и то, что принятие русского подданства племенами Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян послужило примером вхождения в состав Московского государства для их восточных и северо-восточных соседей - кудей, катай и айле. Не случайно об этом содержится материал в общем шежере четырех племен. В нем перечисляются бассейны рр. Инзер, Сим, Лемеза, Уфимка, Узень, Кига, Большой Ик⁴, где проживали различные родовые подразделения айлинцев, кудейцев, катайцев. Как видно из шежере, кудейские, частично катайские и айлинские башкиры, по-видимому, вместе с юго-восточными племенами или чуть позже побывали в Казани.

В этом шежере прямо не говорится о совместной поездке кудейцев, катайцев и айлинцев совместно с послами четырех юго-восточных племен, но констатируется уплата в Казани башкирами этих племен ясака в казну русского царя. В тексте, возможно, пропущен материал о поездке послов восточных и северо-восточных племен в Казань для переговоров, но есть четкие сведения об уплате ими ясака одновременно с представителями юго-

¹ Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 73, 78–79.

² Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 196.

³ Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 79.

⁴ Там же.

восточных племен. «От имеющихся на нашей земле богатств... доставили царю ясак. Но этот ясак разложили между башкирами, живущими в лесах различными родами ...: по реке Инзер род Катай, по реке Сим - род Казаяк, по реке Лезема - род Туркмен, по реке Уфа - род Булэкэй, по реке Узень - шайтан-кудейский башкиры, по рекам Киги, Большой Ик... - дуванские башкиры, усерганские, бурзянские башкиры, живущие по Сакмаре, Белой»¹.

Этот факт вполне позволяет сделать вывод о принятии частью кудейских, катаяйских, айлинских башкир, если не одновременно с юго-восточными племенами, то вслед за ними.

Таким образом, наряду с вышеперечисленными западными и северо-западными башкирами в 1554–1556 гг. приняли российское подданство и другие башкирские племена, жившие на территории Казанского ханства, а также Ногайской орды и Сибирского ханства (см. Приложение 1).

В процессе принятия башкирскими родами московского подданства четко прослеживается этапность. На первом этапе башкирские посольства прибывают в Казань, к наместнику царя Ивана IV и заявляют о своем желании войти в состав Русского царства. Это происходило в 1554–1556 гг. Следующий этап - поездка башкирских послов в Москву, где власти официально оформили присоединение башкирских земель². Там же послам были выданы царские жалованные грамоты. В столицу послы ездили, по всей вероятности в 1556–1557 гг.: «... весной 1557 года царь Иван милостиво принял в Москве старейшин башкир и дал им жалованные грамоты»³. В Никоновской летописи под 1557 г. так же говорится: «... башкирцы пришли, добив челом, и ясак платили»⁴.

В башкирских преданиях и шежере встречаются сведения о поездках посольств башкир в Москву, принятие их Иваном IV, вручении им жалован-

¹ Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 78–79.

² Филоненко В.И. Башкиры. // Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1913. – № 2. – С. 38.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2, Т. V–VIII. – СПб., 1842. – С. 135.

⁴ Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. Никоновская летопись. – СПб., 1904. – С. 283.

ных грамот, которые подтверждали соглашение между башкирскими родами и русской администрацией, а также закрепляли вотчинное право на занимаемые ими земли¹. По утверждению исследователей, жалованную грамоту об установлении четких границ кочевий получил каждый род². Причем, что интересно, в награду за лояльность к московской власти границы закрепленных кочевий были расширены по сравнению с теми, которыми башкиры владели при прежних своих хозяевах: «им, башкирцам подтверждены (вотчинные права на земли – прим. Т.Ч.) за Камою и около Белой Воложки, ... но сверх того и другими многими, на которых они жительствоуют»³.

Основная цель башкир - сохранение своих земельных угодий - реализовалась в названных жалованных грамотах. Неудивительно, что грамоты эти тщательно хранились в родах долгое время, как подлинное документальное подтверждение вотчинного права на землю. Рычков П.И. упоминал, что даже в 30-х гг. XVIII в. жалованные грамоты у башкир «у многих поныне имеются»⁴. Очень часто жалованные грамоты использовались ими при решении спорных земельных вопросов.

Советские историки единогласно утверждали, что жалованные грамоты, данные Иваном IV, не сохранились, так как были ликвидированы в ходе подавления башкирских бунтов XVIII в. Некоторые вообще отрицали существование жалованных грамот⁵. Впрочем, подобное утверждение сомнительно. Башкиры в XVIII и XIX вв., в ходе многочисленных поземельных споров, в качестве доказательства предъявляли жалованные грамоты или их копии. Тексты грамот были даже включены в шежере башкирских племен. Например, в окончательный вариант общего шежере племен Усерган, Кыпсак, Бур-

¹ Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 34, 73.

² Кузеев Р.Г. 400 лет вместе с русским народом: присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. – Уфа, 1957. – С. 61; Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам. – Уфа, 2007. – С. 25.

³ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 58.

⁴ Там же.

⁵ Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С. 23–24.

зьян и Тамьян, составленный в 1864 г., был включен полный текст «Копии с копии» жалованной грамоты Ивана IV¹.

Еще одна копия этой же жалованной грамоты хранится в фонде ЦГИА РБ. Документ написан на русском языке, на гербовой бумаге, заверен секретарем Оренбургской палаты гражданского суда, засвидетельствован архивариусом и заседателем от оренбургского купечества. Грамота была выдана 8 июня 1823 г. поверенному от башкир Каракипчакской волости, тархану Рахманкулу Байгузину в той же Оренбургской палате гражданского суда. В документе содержится подробное описание общих жалованных земель². Особенно интересен комментарий к документу, - в нем дважды подчеркивается, что копия дана с подлинной грамоты 961 г. хиджры (1553–1554 гг.): «... дана сия копия из Оренбургской палаты гражданского суда во исполнение постановленной в 29 день мая 1823 г. резолюции поверенному 9 башкирского кантона Каракипчакской волости башкирцу Рахманкулу Байгузину с грамоты 961 года на земли по Яику реке с прочими... С выданною из Оренбургской палаты гражданского суда с подлинной грамоты копию верно»³.

Таким образом, еще в начале XIX в. существовали грамоты Ивана Грозного, а так же их копии, которые заверялись представителями царской администрации и признавались достаточным основанием для решения всевозможных земельных тяжб.

Немаловажным является тот факт, что не только русские летописи и башкирские шежере, но и жалованные грамоты, данные Иваном Грозным, подтверждают, что в середине XVI столетия северо-западные, юго-западные и юго-восточные башкиры добровольно вошли в состав Русского государства для сохранения своих земель и традиций. Они прекрасно отдавали отчет о своих чисто прагматических целях: «Татигач-бий ... подчинившись и став

¹ Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам. – Уфа, 2007. – С. 32.

² ЦГИА РБ. Ф.И–1. Оп. 1. Д. 432а. Л. 19.

³ ЦГИА РБ. Ф.И–1. Оп. 1. Д. 432а. Л. 19.

поданным, нижайше попросив, взял эти наши земли. Должны знать, что именно поэтому башкиры-вотчинники стали многоземельными»¹.

2.2 Условия принятия башкирскими племенами российского подданства.

Важнейшим является вопрос об условиях, на которых заключался союз башкирских племен с Русским государством.

Как было сказано выше, башкиры традиционно во главу угла ставили земельный вопрос. Именно преданное отношение к своей земле обусловило многовековую историю башкирского этноса.

С другой стороны, мы обозначили и подчеркнули заинтересованность российской стороны в союзе с многочисленными башкирскими племенами, который начал так своевременно выстраиваться мирным путем, путем переговоров.

И первое, что предстояло решить, были условия, которые брала на себя каждая из сторон.

Необходимо досконально проанализировать обязательства, которые они приняли на себя и сравнить, с одной стороны, с теми геополитическими и ментальными предпосылками, которые подтолкнули их к диалогу, а с другой стороны - с тем, как это соглашение трактовалось участниками событий и реализовывалось на практике.

В различных вариантах родословных башкирских племен вполне точно называются те условия, на которых башкиры были включены в состав Московского царства.

В подавляющем большинстве шежере главным условием называется решение земельного вопроса. Как мы уже поняли, это был краеугольный камень башкирской политики.

Иван IV полностью удовлетворил просьбу башкир: территории, занимаемые ими, были закреплены за родами на правах вотчины. Московские власти не испытывали нужды в изъятии у башкир их земель, поэтому новым

---

¹ Шежере башкир племени Юрматы. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 35.

подданным «не токмо те земли, где они прежде подданства своего, будучи еще в малолюдстве и в крайнем убожестве, жили, а именно: за Камою рекою и около Белой Волошки [коя после Белою рекою названа] им, башкирцам, подтверждены, но и сверх того многими местами и разными выгодами пожалованы»¹. Также шежере упоминают тот факт, что царь разрешил расширить границы кочевий: «земли, оставшиеся от бежавших ногайцев, нижайше попросив, взяли себе»². Башкиры отдавали себе отчет о значении и выгодах данного союза, подчеркивая, что «именно поэтому башкиры-вотчинники стали многоземельными»³. Для народа, ведущего полукочевой образ жизни, это было залогом материального благополучия.

В общем шежере четырех племен (Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян) повествуется об организации и межевании земельных угодий, которые были осуществлены русской администрацией по просьбе самих башкир: «обратились с нижайшей просьбой отмерить башкирам ихние земли, воды и выдать им на владение этими землями грамоту»⁴. В этом вопросе послы демонстрируют юридическую грамотность и мудрость. Они требуют письменного подтверждения установившегося союза с московской администрацией. Эта дальновидность гарантировала привилегированное положение башкирских подданных в отличии от других народов, населяющих Русское государство. В любых тяжбах и разбирательствах башкиры имели реальный документ, доказывающий их права. Что касается государства, ему также было необходимо документально зафиксировать и описать новые земли, поэтому «по их (т.е. башкирских послов) просьбе, царь Иван Грозный, своим указом повелел эти земли отмерить, то есть определить их границы... Те земли, которые, посоветовавшись и отмерив, отделили, в упомянутом городе Казани закрепили в книге»⁵.

¹ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 33.

² Шежере башкир племени Юрматы. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 33.

³ Там же. – С. 35.

⁴ Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 73.

⁵ Там же. – С. 73.

В другом варианте шежере этих племен имеется следующий материал переговоров между сторонами по земельному вопросу: «составили указную ... грамоту, в которой особо написали о наших землях... От имени четырех башкирских племен Усерган, Кыпсак, Тамьян, Бурзян, все живущие на этой земле народы... имея между собой полное согласие через поверенного по делам просили милостивого великого царя разрешить... разделить между четырьмя племенами земли, воды и леса, оставшиеся нам в наследство от наших дедов... царь... оказал милость и послал землемеров, повелев им... разделить каждому из нас наши земли, воды и леса»¹.

Очевидно, что при заключении союза между послами башкирских племен и царской администрацией, краеугольным был земельный вопрос. Источники подтверждают, что башкиры до присоединения к Московскому государству имели вотчинные владения. Как было сказано выше, эти земли «получили ... с благословенного разрешения великого Темучина, хана Чингиза»². То есть земли башкир были официально закреплены за ними основателем Монгольской империи и последующими правителями. На самом деле, последние лишь сохранили за башкирами все те владения, которые принадлежали им с X–XI вв. Когда в XV вв. на развалинах Золотой Орды возникли Ногайская Орда, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, то феодальная верхушка последних захватила часть башкирских земель. В сложных условиях середины XVI в., когда одни из этих ханств были завоеваны (Казанское), а другие ослаблены и сами искали протекции и защиты у Москвы (Ногайская Орда), башкиры в ходе переговоров с русской администрацией, подняли вопрос о возвращении отнятых земельных владений. Интересен тот факт, что по факту эти территории уже вернулись к башкирам после отъезда ногайцев. Однако, башкирские делегаты просят от московского царя подтверждения легальности башкирских владений: «земли, оставшиеся от бе-

¹ Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 79.

² Там же.

жавших ногайцев, нижайше попросив, взяли себе»¹, «дали знать царю в Казань, что мы народ из ста илей и взяли себе земли бежавших ногайцев»². Тем самым они признавали власть над этой территорией за московским царем и просили де-юре закрепить за ними вотчины. Что и было зафиксировано в жалованных грамотах, которые четко обозначили границы владений разных родов и племен.

Тем самым башкиры вернули себе исконные земли. Русские власти полностью выполнили основное условие башкирских делегаций - подтвердили и закрепили в их руках все земельные угодья.

Другой пункт, который также требовал разъяснения, был вопрос вероисповедания. Башкирам, исповедующим ислам, и намеревающимся стать подданными христианского государства, необходимо было получить гарантии на свободу выбора религии. Послы, направленные Иваном Грозным в край после подчинения Казани, обещали сохранить конфессиональную принадлежность коренных жителей: «... во все земли были направлены послы с грамотами, которые известили:... пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи»³, «во все земли разослал указы, разослал послов (которые призывали) пусть никто не убегает; пусть каждый сохранит свою веру».⁴

В реалиях XVI в., после долгой и кровопролитной осады Казани, благожелательные заверения русских властей в том, что притеснений по религиозному признаку не будет, оказали положительное влияние на башкир в момент принятия ими решения о принятии московского подданства.

В родословных есть сведения об окончательном решении царских властей по вопросу конфессии, принятом в результате переговоров. В едином шежере четырех родов упомянуто: «Составили указную грамоту, в которой особо напи-

¹ Шежере башкир племени Юрматы. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 33.

² Шежере башкир рода Карагай–Кыпсак племени Кыпсак. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 117.

³ Шежере башкир племени Юрматы. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 33.

⁴ Шежере башкир рода Карагай–Кыпсак племени Кыпсак. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 117.

сали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию»¹.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что Российское государство обязалось уважать религиозный выбор своих новых подданных.

Обращает на себя тот факт, что пункт, касающийся свободы вероисповедания, записан не во всех родословных. Это можно объяснить тем, что к 50-м гг. XVI в. ислам на башкирских землях еще окончательно не закрепился.

Как было сказано, башкиры принимают исламскую веру под духовным влиянием булгар. Немногочисленные мусульманские захоронения на башкирских землях того периода подтверждают, что говорить о глубокой исламизации всех башкирских родов на ранней стадии их истории не стоит².

После перехода башкир под власть монголов никаких изменений в этом направлении не происходит. При Чингис-хане не проводились религиозные реформы, и в целом в границах монгольского владычества действовали принципы веротерпимости. Поэтому особенностью башкирского вероисповедания стала своеобразная смесь древнего тенгрианства, язычества и мусульманства. Наглядно это нашло выражение в развитой родовой символике - тамга, уран, дерево, птица³.

Родовая символика башкирского народа демонстрирует не просто пережитки патриархально-родового строя, а является отсылкой к глубинному пласта домусульманской картины мира. В ее основе лежали анимистические представления. Политеистическое мировоззрение сочеталось с верой в верховное божество - Тенгри. Данные археологических и фольклорных источников подтверждают широкое проникновение тенгрианства в сознание башкир и других народов Сибири и Алтая, и сохранение его вплоть до XX в. Что в свою очередь свидетельствует о том, что мусульманство приживалось дос-

¹ Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 79.

² Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 23–25.

³ Родовая символика башкир. // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. – Уфа, 2002. – С.170–171.

таточно медленно. Причин тому было несколько. В первую очередь кочевой образ жизни усложнял выполнение норм ислама. Сезонные кочевки обуславливали отсутствие культовых сооружений. Другим важным пунктом было отчуждение от центров исламского мира. Тем более, после включения в состав Монгольской империи, находясь под влиянием монгол-язычников, долгое время башкиры были оторваны от единоверцев. Поэтому с убежденностью можно заявлять что, к моменту принятия российского подданства и обсуждения условий союза с Москвой, для башкир вопрос религии был не столь важным и определяющим, как земельный. Это объясняет, почему не все родословные упоминают этот пункт переговоров, а вот подтверждение вотчинных прав на землю русскими властями подчеркивается всегда, иногда даже неоднократно.

Несмотря на поверхностную исламизацию башкир, правительство подтверждает ранее обещанную свободу вероисповедания.

Встает вопрос, что обусловило такое решение Ивана IV, человека глубоко верующего. Вероятнее всего данный широкий жест объяснялся уверенностью победителя в том, что после падения Казанского ханства, оплота ислама в Волго-Уральском регионе, мусульмане уже не представляют угрозу.

С другой стороны, преимущества от сделки с башкирами были однозначно существеннее, чем вероятная опасность того, что они будут пропагандировать ислам и подрывать авторитет православной церкви. К тому же, как было сказано, они сами еще не являлись ортодоксальными мусульманами. В январе 1558 г. Москва объявляет войну Ливонской конфедерации, на сторону которой чуть позже встал ряд сильных европейских держав - Великое княжество Литовское, Шведское и Датское королевства. Война на два фронта была абсолютно невыгодна московским властям, если не сказать губительна. Логично, что планируя широкомасштабные военные действия в европейском регионе, правительство было заинтересовано в ускоренном решении «башкирского вопроса», поэтому оно соглашается на все требования

башкирских делегатов. Тем самым Московское царство укрепляет границы на востоке и освобождает себя от бремени по охране новых границ.

Еще одним важным вопросом было оформление системы местного управления. Шежере сохранили немного информации по этому аспекту, позволяющей сделать косвенные выводы. Почти в каждом шежере записано, что в 1554–1556 гг. казанский наместник даровал башкирским послам звания биев, князей, мурз и тарханов, должности старост¹. Это пожалование башкирских делегаций являлось не только поощрением за покорность, но и фактически формировало иерархию местного самоуправления. В башкирских преданиях говорилось о том, что царские власти, призывая народы Поволжья принять московское подданство, обещали сохранить традиционный уклад жизни, их обычаи². И, как видим, московские власти сдержали слово и выполнили свои обещания.

Немаловажен тот факт, что полученные от Москвы звания не только повышали социальный статус, но и приносили немалые финансовые выгоды. Отныне князья и тарханы освобождались от ясака, к тому же они получили ценные подарки от нового правителя: «получили ярлык, в подарок снедь, атласные материи»³, «ходили и били челом Белому царю, получили грамоты, одели атласные кармазинные шубы»⁴.

Неудивительно, что послы, получившие тарханное звание были заинтересованы в сохранении русской власти в Башкирском регионе, что получит свое выражение во время российско-башкирских конфликтов.

Сохранившиеся источники позволяют выяснить обязательства, взятые Русским государством по отношению к башкирскому народу. Прежде всего, оно удовлетворило просьбу башкир по земельному вопросу. Москва сохранила за ними все занимаемые земли, в том числе вернула отобранные ногайцами владения. Башкиры были объявлены вотчинниками своих земель. Во-вторых, правительство обещало сохранить религию башкир, насильно не принуждать к смене

¹ Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 33, 73, 127.

² Там же. – С. 33, 117.

³ Шежере башкир племени Юрматы. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 33.

⁴ Шежере башкир рода Карагай–Кыпсак племени Кыпсак. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 117.

веры. В-третьих, оно обязалось сохранить власть на местах в руках верхушки башкирского общества, то есть предоставить широкую автономию.

Союз, заключенный между Иваном Грозным и башкирскими племенами был обоюдный. Обе стороны были заинтересованы в заключении этого союза. Поэтому, не только башкиры озвучивали условия, но и Московское государство стремилось зафиксировать свои требования. Башкиры взяли на себя целый ряд обязательств по отношению к Русскому царству.

Одним из первых пунктов договора было обязательство башкирских родов на ежегодную выплату ясака в русскую казну. Впрочем, сам факт выплаты не столь интересен, хотя он и расценивался башкирами как наглядная демонстрация заключенного соглашения. А вот размер установленных выплат заслуживает особого внимания.

Башкиры, находясь под властью казанцев, ногайцев и других потомков Золотой Орды, выплачивали им ежегодный ясак. По свидетельству Рычкова, размер этих выплат был крайне обременительный для населения¹. Это и стало одной из причин, по которой башкиры бросили вызов своим властителям, отказались от их «покровительства» и не захотели вместе с ними покинуть свои кочевья. Поэтому, возникает вопрос - принимая московское подданство, попытались ли башкирские племена ослабить налоговый гнет.

В шежере рода Мин указывается, что послы согласились выплачивать ясак в казну Московского царства: «Ясак, который мы платили милостивому великому царю, 171 куница, 18 батман меда»².

Более подробно обязательства, взятые башкирами перед Московским царством, описывает общее шежере родов Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян: «Башкир приняли в русское подданство с условием верной службы царю... согласились платить ясак, положенный Грозным ясак состоял из лошадей и куниц и лисиц и разного другого ясака, - который, посоветовавшись, разделили между

¹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 39.

² Шежере башкир племени Мин. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 53.

собой... Если при уплате известного лисьего ясака, лис не могли добыть, то рассчитывались медью, от десяти копеек, пятидесяти копеек и до 55 копеек»¹.

Родословная юрматынских башкир помогает понять, насколько разорительным был ясак для их рода: «... мы народ с тремястами домами... согласились платить ясак из 100 куниц»².

Сопоставив эти данные с выплатами, которые взимались с башкирских родов монголами, можно выяснить, насколько обременительным был ясак в русскую казну.

После установления своего господства, татаро-монголы провели своеобразную перепись населения, перераспределив земли и угодья между родами и племенами. Затем башкиры получили родовую символику (тамги, оран, дерево и птицу)³. После этого башкирское население было обложено налогом⁴. Было несколько видов выплат, прежде всего - десятинный оброк, т.е. десятая часть всей собственности, в т.ч. скота⁵. Основу продуктов питания кочевого населения составляли кисломолочные продукты, поэтому сверх десятины они были обязаны отдавать монголам дойных кобыл, что было весьма тяжелым бременем для башкир. По утверждению В. де Рубрука «из Булгарии и Паскатира... им привозят дорогие меха»⁶. Ясак был подушным: «(платил – прим Т.Ч.) каждый, как малый, так и большой, даже однодневный ребенок»⁷. Башкирское население также поставляло ловчих птиц для ханской охоты.

¹ Шежере башкир племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 73–74.

² Шежере башкир племени Юрматы. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 33.

³ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. – Уфа, 2004. – С. 68; Галяутдинов И.Г. «Тарих нама-и булгар» Тажетдина Ялсыгулова. – Уфа, 1990. – С. 135.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. – Уфа, 2004. – С. 68.

⁵ Иоанн де Пано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911. – С. 33; Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – Уфа, 2006. – С. 27.

⁶ Иоанн де Пано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911. – С. 76.

⁷ Там же. – С. 33.

Помимо натуральных выплат башкиры выполняли «трудовые» повинности (выпас скота, подводная повинность, охрана имущества государственных чиновников).

Также башкиры несли военную службу. Например, Тохтамыш «из русских, черкесов, болгар, кыпчаков, башкирдов и мокша собрал войско изрядное. С такою неподдающейся счету армией... двинулся против Тимура»¹.

Очевидно, что положение башкирского населения в период татаро-монгольского владычества было крайне тяжелое, да и после распада Золотой Орды ситуация практически не изменилась: «(Акназар-хан – прим. Т.Ч.) всячески народ изнурял и в бессилие приводил: ибо на три двора по одному токмо котлу иметь допущал и как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал, и землями владел, також и через реку Белую переходить не допущал, а кои звероловством промышляли, принуждены были платить ему за то ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице»².

Можно с уверенностью констатировать, что экономическое положение башкирских родов значительно улучшилось с принятием московского подданства. Обременительные подушные подати при монголах и не менее разорительные налоги при ногайцах и других потомках золотоордынского государства были заменены русской администрацией подворным ясаком. Да и размер его был не грабительский - одна куница с трех домов. Если говорить о денежном эквиваленте, получается приблизительно по 18 копеек с дома (см. Приложение 5).

Что касается медового ясака, он насчитывал 18 батманов. В 50-е гг. XVII вв. большой казанский батман меда (4,095 кг) стоил 40 алтын (120 копеек).

Племя Мин было очень многочисленным, что подтверждается этимологией. «Минг» с тюркского переводится как «тысяча». Основателем этого

---

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений. – М.–Л., 1941. – С. 156.

² Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 122.

рода был «Урдас-бий с тысячью колчанов»¹, т.е. он возглавлял войско из 1000 вооруженных воинов.

Даже если предположить, что их численность была меньше тысячи, но явно больше трехсот, т.к. ясак на них положен был почти в 1,5-2 раза больше, чем на юрматынских башкир. Известно, что в XVIII вв. минцы насчитывали 15 тыс. человек². Точная численность в середине-второй половине XVI в. неизвестна. Не стоит забывать, что в монгольский и ногайский период ситуация не способствовала росту населения у башкир. Если сравнивать размер ясаков юрматынских башкир и минских, можно сделать вывод, что в племени Мин к середине XVI в. было приблизительно 450 - 600 домов.

Общий ясак в размере 171 куницы и 18 батман меда в перерасчете на подворный налог составлял приблизительно 20 коп. Если говорить о натуральных выплатах, то в среднем племя Мин платило по 0,3 куницы и по 0,125 кг меда с дома (см. Приложение 5).

В Башкирском крае (с 1586 г. Уфимский уезд), так же как в центральных областях Русского царства, в этот период был установлен подворный налог. Уже одно это существенно улучшило жизнь башкирских племен, в период монгольского правления плативших подушный ясак. Сложно оценить, какое количество семей входило в понятие «двор». Реальные данные о численности коренного населения края относятся к первой четверти XVIII в. В 1725 г. начальник Главного правления Казанских и Сибирских казенных заводов В.И. Геннин отправил кунгурского бургомистра Юхнева в Башкирию для сбора информации. Юхнев, под видом купца, почти 2 года ездил по краю и тайно собирал сведения о местных жителях. Бургомистр писал, что в каждом башкирском дворе имелось по три взрослых мужчины, «которые могут воевать»³. Эти оценки вполне заслуживают доверия. Они согласуются и с материалами П.И. Рычко-

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М, 1974. – С. 305.

² Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М, 1974. – С. 301.

³ Сведения о башкирах, собранные кунгурским бургомистром Юхневым во время его поездок в 1725–1726 гг. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М.–Л., 1949. – № 546. – С. 485.

ва. Описывая башкирский двор, он утверждал, что «...в каждом дворе их живет обыкновенно по несколько семей»¹. В этнографических исследованиях также указывается, что у башкир, вплоть до XIX в. имела широкое распространение т.н. неразделенная семья, состоящая из 3 поколений².

Итак, каждый башкирский двор имел трех мужчин, способных воевать. Надо на двор прибавить еще три человек за счет детей и стариков, итого в каждом дворе в среднем получится 6 человек мужского пола. А всего, с учетом женского пола, которые составляли порядка 50% населения двора, в среднем, в одном дворе проживали по 12 человек обоего пола³.

Исходя из того, что до 30-х гг. XVIII вв. Уфимский уезд пользовался широкой автономией, и пришлого населения из центральных областей было очень мало, можно предположить, что численность населения не изменялась резко, только лишь варьировалась в естественных границах. Следовательно, и в середине XVI в. под «домами» понимались большие патриархальные семьи с несколькими поколениями. Так как традиционными занятиями башкир были охота и бортничество, логично предположить, что заготовить за год требуемую куницу и 125 грамм меда для 3-6 мужчин не составляло проблемы.

Башкиры были не единственными представителями ясачного населения страны, однако размеры их выплат разительным образом различались. Миллер Г.Ф. приводил данные о ясачных повинностях вогулов: «В 1608 г. ясачные вогулы Пелымского уезда подали челобитную, в которой... просили уменьшить оклад, составлявший от 10 до 12 соболей с человека... оклад был уменьшен до 7 соболей...цена за 7 соболей была установлена в 2 руб. 10 коп.»⁴. Тунгусы впервые были обложены ясаком в 1607 г. «по 2 соболя с каждого»⁵. Размер их ясака не был постоянным, и колебался от 1 до 11 соболей.

¹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887.– С. 64.

² Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX в. // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1968. – Т. III. – С. 343.

³ История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011.– С. 91.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. – М.–Л., 1941 – С. 19.

⁵ Там же. – С. 24.

В 1631 г. нижнеангарские тунгусы платили ясак по 8-9 соболей с человека, а среднеангарские, где процесс обьясачивания только начинался - по 3-4, в 1669 г. тунгусы Приангарья платили по 5-7 соболей¹. Уже тот факт, что коренные жители Сибири платили ясак подушно, говорит о значительно более легком положении башкир, не говоря уже о самом размере выплат. Тем более, что соболь ценился выше, чем куницы. Неудивительно, что жители Сибирской губернии просили снизить непомерно высокий размер ясака, и в целом прослеживалась тенденция к постепенному его сокращению на протяжении XVII в.²

По сравнению с положением крестьян центральных областей страны, также видно, что башкирам были дарованы экономические привилегии. Положение русского крестьянства Н. Карамзин описывал так: «два земледельца, высевая для себя шесть четвертей ржи, давали ежегодно ... две гривны и четыре деньги, две четверти ржи, три овса, осьмину пшеницы, ячменя .... Некоторые крестьяне представляли в казну пятую или четвертую долю собираемого хлеба, баранов, кур, сыр, яйца, овчины...»³. В начале XVII в. большую часть тяглового населения составляли помещичьи крестьяне, обязанные платить денежный оброк и отрабатывать барщину. Норма барщины на крестьянскую выть (пять дворов) - посев ржи в пять четвертей, покос сена в тридцать копен⁴. Единой зафиксированной нормы для отдельного двора не было, поэтому размер барщины менялся от уезда к уезду, в среднем от одной до полутора десятин на двор⁵. Помимо полевой барщины положенные в вытное тягло крестьяне из «вотчинникова» зерна заготавливали «запас» (на

---

¹ Бродников А.А. Сбор ясака: зависимость процесса обьясачивания от потестарно–политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Вып. 1. Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 119–123. URL: <http://zaimka.ru/brodnikov-tribute/> (дата обращения: 23.02.2019.).

² Там же.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2, Т. V–VIII. – СПб., 1842.– С. 217.

⁴ Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. – М., 1974. – С. 121.

⁵ Там же. – С. 122.

выть - осьмину овсяной крупы и осьмину толокна, иногда делали «с прибавкою с полтора и вдвое») и вино (по пять ведер в выти)¹.

Исходя из описания доходности костромских имений князя Ю.Д. Хворостинина в 1630 г. можно высчитать размер налога с крестьянского двора. Получается в среднем от 0,76 руб. до 1,14 руб. в год².

Приведенные цифры наглядно демонстрируют, что тягло русского населения было почти в 4 раза больше, чем башкирский ясак, 76 копеек против 20. И это еще не считая дополнительных поборов и государственных налогов, которые платили крестьяне. И хотя кроме ясака царское правительство обязало башкир выполнять подводную повинность³, в середине XVI в. русских в Уфимском уезде было так мало, что это вряд ли было очень обременительным⁴.

Исходя из названных цифр, становится очевидным, что ясак, выплачиваемый башкирскими родами в русскую казну, был настолько мал, что абсолютно их не обременял. Поэтому, неправомерно оценивать ясак как равносильную плату Москве за дарованное вотчинное право на землю.

Ясак, который являлся чисто формальным, был лишь символом заключенного взаимовыгодного соглашения между Русским царством и башкирскими племенами. От башкирских родов государство ожидало не колоссального вливания в казну, выгода состояла не в прямых налогах с новых подданных, а в той практической пользе, которую они принесли, взяв на себя обязанность самостоятельной защиты юго-восточных рубежей государства.

Пограничная служба и воинская повинность, в отличие от ясачной, реально была важна для государства и приносила ощутимую пользу, освободив последнее от тягот по защите протяженной юго-восточной границы.

¹ Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. – М., 1974. – С.122.

² Там же. – С. 123.

³ Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства, составленный В. А. Новиковым в 1879 году, продолженный и дополненный до 1902 года депутатом Уфимского дворянства Н. А. Гурвичем. – Уфа, 1903. – С. 10; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 64–65.

⁴ Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. – СПб., 2013. – С. 213.

В родословных юго-восточных родов сказано о службе башкир, о том, что стороны, то есть Русское царство и юго-восточные башкиры, составили: «...указную грамоту, особо написали... дали слово... чтобы мы, башкирские роды, стали нести искреннюю службу...»¹.

За этой краткой фразой скрывается важнейший аспект русско-башкирского соглашения. Впрочем, это было выгодно и самим башкирам - они охраняли в первую очередь свои земли от кочевников, параллельно выполняя возложенную на них правительством обязанность².

2.3 Присоединение северо-восточных башкир.

Принятие русского подданства башкирами Предуралья прошло достаточно оперативно и бесконфликтно, обе стороны получили желаемое. Более сложная ситуация сложилась с включением в состав страны северо-восточных (зауральских, сибирских) башкир. Причем проблематичность отношений северо-восточных родов с царской администрацией середины XVI в. предопределила их конфронтационный характер на десятилетия вперед.

Сибирские башкиры с середины XIV в. находились под властью Золотой Орды, с конца XV в. - Сибирского ханства³. После присоединения к Русскому государству в XVII – начале XVIII в. ими управляли тобольские и уфимские воеводы, с 1744 г. - оренбургские губернаторы.

Процесс включения северо-восточных башкир в состав Московского царства был определенно затяжным. На стороне сибирских шибанидов продолжительное время находились, по собственному желанию, некоторые башкирские племена. В начале XVII в. у сыновей Кучума в верховьях Ишима было 250 сынрянцев и табынцев⁴. В 1615 г. опорой их войска составляли башкиры из рода

¹ Шежере башкир племен Бурзян, Кыпсак, Усерган и Тамьян. // Башкирские шежере. – Уфа, 1960. – С. 79.

² Буканова Р.Г. Русско-башкирско-калмыцкие отношения в первой половине XVII века. // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале. XVII–XX вв. – Уфа, 1993. – С. 71; Он же. Была ли государственность у башкир? (размышления историка). // Известия Башкортостана. № 51. – 18.03.1994. – С. 4.

³ Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1960. – С. 57.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. – М.–Л., 1941. – С. 26.

Табын и Сыррян общим числом в 600 человек¹. Часть айлинцев, куваканцев, мякотинцев долгое время также подчинялись кучумовичам².

Известные в настоящее время исторические материалы дают возможность выяснить лишь общий процесс присоединения башкир Сибирской дороги к Русскому государству³.

Как было сказано, башкирские племена, добровольно принявшие московское подданство, сохранили свои земли на условиях права вотчины. В «Ведомостях...»⁴ со 2-го по 5-й кантон, т. е. на всей территории бывшей Сибирской дороги, содержатся сведения, на какой земле - вотчинной, покупной, казенной или арендованной - живут жители указанных кантонов. Если в них указывается, что башкиры являются вотчинниками, то можно сделать вывод о том, что их предки в конце XVI – начале XVII в. добровольно вошли в состав Русского государства, и царское правительство закрепило их земли на условиях вотчинного права.

В Екатеринбургском уезде имелось 34 башкирские аула. Из них жители 13 деревень жили на своих вотчинных землях. Башкиры 21 аула из Улукатайской, Шуранской, Сыррянской, Больше-Кущинской и Айлинской волостей располагались на вотчинах других башкирских волостей на правах припущенников. В Троицком уезде из 95 деревень жители 64 были вотчинниками, остальные 31 деревни - припущенниками. В Челябинском уезде из 130 аулов башкиры 72 являлись вотчинниками, 58 - припущенниками. В данных «Ведомостях...» в Екатеринбургском, Красноуфимском, Шадринском, Троицком и Челябинском уездах зафиксированы 325 башкирских деревень. Из них жители 224 деревень (66%) жили на своих вотчинных землях, 101 деревни (34%) являлись припущенниками⁵. Следовательно, около 66 % башкир бывшего

¹ Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – С. 44–45.

² История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 57.

³ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 49.

⁴ Асфандияров А. З. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. // Южноуральский археографический сборник. – Уфа, 1976. – Вып. 2. – С. 196–343.

⁵ Там же. – С. 203–222.

Сибирского ханства добровольно вошли в состав Русского государства, и их земли были закреплены за ними на вотчинном праве. Предки жителей 34 % башкирских деревень были завоеваны отрядом Ермака, правительственными командами Мансурова и других воевод, поэтому лишены русскими властями вотчинных земель и вынуждены жить на чужих землях в качестве припущенников.

Не менее важен и вопрос, башкиры каких волостей вошли в состав Русского государства добровольно, а каких - были завоеваны.

В «Ведомостях...» перечисляются 20 волостей, где проживали жители этих 325 деревень. Башкиры всех 17 деревень Кугцинской, 13 - Салжиутской, 12 - Дуванской, 8 - Тырнаклинской, 6 - Сартской, 6 - Калмыкской, 5 - Кубалаякской, 5 - Мякотинской, 2 - Шуранской, 1 - Кудейской волостей являлись вотчинниками, т. е. добровольно присоединились к Русскому государству. В материалах по 6-му кантону приводятся факты о жителях 26 аулов Катайской волости, 2 аулов Кудейской волости, по 8-му кантону - о жителях 20 аулов Кудейской волости как о вотчинниках. Итак, башкиры этих 48 аулов Катайской и Кудейской волостей добровольно вошли в состав Русского государства¹.

Среди остальных десяти волостей Сибирской дороги не было единства по этому вопросу. В каждой из них часть аулов оказалась завоеванной, другая часть мирно вошла в состав Русского государства. Соответственно, первые потеряли свои земельные владения, стали припущенниками других башкирских волостей, казны, заводов и казаков. Припущенниками оказались башкиры многих волостей.

По Екатеринбургскому уезду: 3 деревни Улу-Катайской волости находилось на земле Салжиутской волости как припущенники; 5 деревень Улу-Катайской волости - припущенники Бала-Катайской волости; 2 деревни Шу-

---

¹ Асфандияров А. З. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. // Южноуральский археографический сборник. – Уфа, 1976. – Вып. 2. – С. 231–233, 249–252; Он же. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа, 2009. – С. 15–18; 109, 445–446, 500.

ранской волости - припущенники Бала-Катайской волости; 1 деревня Сынрянской волости - припущенники Салжиутской волости; 1 деревня Айлинской волости - припущенники Чирлинской волости; 4 деревни Улу-Катайской волости - припущенники Салжиутской волости; 4 деревни Больше-Кущинской волости - на даче Артинского завода на проданной ими земле; 1 деревни Терсятской волости - на даче Михайловского завода¹.

По Троицкому уезду: 2 деревни Барын- и Кара-Табынской волости - на земле казаков Уйской станицы; 2 деревни Куваканской волости - на земле Барын- и Кара-Табынской волости, спорной с Златоустовскими заводами; 1 деревня Куваканской волости - на земле Саткинского завода; 5 деревень Барын- и Кара-Табынской волости - на земле казаков Уйской станицы; 2 деревни Барын- и Кара-Табынской волости - на земле казенной; 4 деревни Куваканской волости - на земле Барын- и Кара-Табынской волости; 3 деревни Айлинской волости - на земле казаков Чебаркульской станицы; 8 деревень Сызгинской волости - на земле Барын-Табынской волости; 2 деревни Айлинской волости - на земле Тырна-клинской волости; 2 деревни Куваканской волости - на земле Дуванской волости².

По Челябинскому уезду: 39 деревень Айлинской волости - на правах припущенников; 1 деревня Кара-Табынской волости - на правах припущенников; 6 деревень Айлинской волости - имеют землю в общем отводе с казаками Миасской станицы; 5 деревень Айлинской волости - поселены на казенной земле; 7 деревень Айлинской волости - в общем владении с казаками Миасской станицы³.

¹ Асфандияров А. З. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. // Южноуральский археографический сборник. – Уфа, 1976. – Вып. 2. – С. 203–205; Реестр и описание башкирских волостей, составленные в Уфимской Провинциальной Канцелярии со слов камерира Ф. Жилина и уфимцев С. Третьякова и И. Гавренина. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – № 28. – С. 135–136.

² Асфандияров А. З. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. // Южноуральский археографический сборник. – Уфа, 1976. – Вып. 2. – С. 210–212; История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 58.

³ Асфандияров А. З. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально-экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. // Южноуральский археографический сборник. – Уфа, 1976. – Вып. 2. – С. 214–222; Он же. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. – Уфа, 2009. – С. 17–18, 248–252; Реестр и описание башкирских волостей, составлен-

Эти цифры говорят о том, что большая часть зауральских башкир вошла в состав Русского государства по собственной воле, меньшая - была завоевана. Часть табынцев, куваканцев, айлинцев, сынрянцев, ничего не выигравшая от присоединения к Московскому государству, а лишь потерявшая земли, стала той благодатной средой, готовой в любой миг поднять оружие против российской администрации.

Другой вопрос заключается в том, какую альтернативу российской гегемонии рассматривали зауральские башкиры, были ли они едины в своей политической ориентации. Современные исследования отмечают, что за Уралом далеко не все башкиры признавали Кучума и его потомков в качестве своих законных сюзеренов¹. В делопроизводственных материалах Уфимской провинции начала XVIII в. отмечалось, что все башкиры Сибирской дороги разделялись на три тюбы: Катайскую, Айлинскую и Табынскую². Б.А. Азнабаев считает, что у каждой зауральской тюбы была своя политическая направленность. Если Табынская тюба была опорой для кучумовичей и придерживалась имперской традиции чингизидов, то Айлинское объединение ориентировалось на ногайских правителей - потомков Едигея³. Даже в первой трети XVIII в. старшины родов, входивших в Айлинский союз, помнили о земельных пожалованиях ногайских ханов⁴. Катайская тюба, где главенствующую роль играли салжауты (сальюты), поддерживала сибирскую княжескую династию тайбугидов. Таким образом, отношение и к дому Кучума, и к претензиям российской стороны, предопределялось политической традицией, формирование которой произошло еще в XIV–XV столетиях. Сальюты, будучи давними врагами сибирских шибанидов, активно поддержали россий-

---

ные в Уфимской Провинциальной Канцелярии со слов камерира Ф. Жилина и уфимцев С. Третьякова и И. Гавренева. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – № 28. – С. 138; История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 58.

¹ История татар с древнейших времен. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII в.) – Казань, 2014. – С. 123–124.

² Азнабаев Б.А. Политическая ориентация зауральских башкир в середине XVI – начале XVII вв. // Научные чтения памяти профессора А.З. Асфандиярова «Социально–экономическая и военная история Башкортостана (вторая половина XVI–XXI вв.)»: материалы Всероссийской конференции. – Уфа, 2017. – С. 42.

³ Там же. – С. 42.

⁴ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. – М.–Л., 1941. – С. 28–29.

ское продвижение в Сибирь. Отношение к России Айлинского союза было таким же противоречивым, как и политика ногайских правителей в отношении России. Наибольшее сопротивление продвижению русских в Зауралье оказали восточные табынцы, и вплоть до ухода кучумовичей к каракалпакам стремились поддерживать их во всех антироссийских акциях. О сопротивлении красноречиво говорит тот факт, что единственный известный по источникам аманат, выданный московским властям зауральскими башкирами, был Сурабан из рода Голубь восточно-табынского племени, насильно включенного в состав Русского государства¹. Причем даже после включения этих территорий в состав России, зауральские табынцы продолжали сопротивляться российским властям. В.В. Трепавлов отмечал, что кара-табынские башкиры имели репутацию самых преданных сторонников Кучума². Историческая память зауральских табынцев еще в конце XIX в. сохраняла эпизоды совместной с кучумовичами борьбы против российской власти. На основании фольклорных материалов Н. Катанов показал широкое участие табынских волостей в борьбе Кучума и его детей с русскими³.

Впрочем, сторонники российского присутствия в регионе также были. Речь идет о племени Сальют (салжауты) и исторически тесно связанных с салжаутами катаяцах. Именно они представляли противников власти чингизидов. В начале XVII в. противостояние сторонников и противников шибанидов приобретало характер гражданской войны. В 1606 г. хан Али готовился к походу на башкир Уфимского уезда. Узнав об этом намерении сибирского царевича, башкиры «Айские и Челзеуцкие волости побежали с женами и с детьми в крепь, пометав животы»⁴. При этом, войско Али состояло в основном из представителей башкирских родов: «и у царевичев людей ево, и то-

¹ Башкирское народное творчество. Т. 10. Исторический эпос. – Уфа, 1999. – С. 45; Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа, 2006. – С. 57.

² Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. – М., 2012. – С. 120.

³ Катанов Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1895. – Вып.5. – С. 234–238.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – С. 87.

бынцов, и сырянцов и нагайцов человек с 1000»¹. Поэтому когда российские войска появились за Уралом, сибирские воеводы быстро обрели союзников в лице сальютов².

Завоеванные башкиры были обложены более тяжелым ясаком. Сибирские башкиры платили подушный ясак по 1 руб. 19 алтын 3 деньги, а юго-восточные и центральные, принявшие подданство добровольно - со двора в среднем по 20 копеек. Затем размер ясака с зауральских башкир был немного уменьшен (до пяти куниц с человека)³. Они платили и «государевы», и «воевоцкие» поминки⁴.

В.Н. Татищев, начальник уральских казенных заводов, обращаясь к бунтовщикам Сибирской дороги в 1736 г., утверждал: «Известно всему Российскому государству и всем окрестным народам, что вы под власть и державу Российскойскую не вашею доброю волею, ни добровольным договоры, но силою оружия российского приведены, и милостию вечно достойны памяти их величеств, российских государей, при многих ваших прежде бытных вольностей сподоблены»⁵. Указ Кунгурской провинциальной канцелярии башкирам-повстанцам Сибирской дороги от 28.12.1737 г. содержит ответ на их просьбы и жалобы, и также ставит под сомнение добровольность их подданства России: «Якобы не з бою и не силою под власть русскую приведены, но доброхотно пришли»⁶. Становится ясно, что неверно рассматривать процесс включения башкирских земель в состав Русского государства как единый, но по объективным причинам растянувшийся на несколько лет. Необходимо точно разграничить добровольное принятие подданства юго-восточными, юго-западными и северо-западными башки-

¹ История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа, 1994. – С. 155.

² Азнабаев Б.А. Политическая ориентация зауральских башкир в середине XVI – начале XVII вв. // Научные чтения памяти профессора А.З. Асфандиярова «Социально-экономическая и военная история Башкортостана (вторая половина XVI–XXI вв.): материалы Всероссийской конференции. – Уфа, 2017. – С. 46.

³ Очерки по истории СССР. Период феодализма. XVII в. – М., 1955. – С. 805; История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 58.

⁴ Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1982. – С. 180.

⁵ Указ В. Н. Татищева башкирам Сибирской дороги, собравшимся для принесения повинной у оз. Кизылташа. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30–х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – № 103. – С. 189.

⁶ Указ Кунгурской провинциальной канцелярии башкирам-повстанцам Сибирской дороги. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – № 158. – С. 350.

рами и длительное сопротивление Москве, оказанное северо-восточными родами, закончившееся частичным завоеванием.

XVI в. внес колоссальные изменения в историю не только России, но и народов евразийской степи. После присоединения Казанского и Астраханского ханств перед Московской властью открылись прекрасные геополитические перспективы. Прежде всего, возможность включить в свой состав народы, до этого подчинявшиеся ханствам, и соответственно, расширить границы государства до Уральских гор. Однако, реального военного потенциала на это у государства не было. Иван IV, после успешных действий на востоке и юго-востоке, концентрирует внимание на западном направлении. Вести военные действия на два фронта у России не было возможности. Поэтому Иван Грозный старается решить восточную проблему мирным, договорным путем. После взятия Казани он призывает народы Урало-Поволжья добровольно войти в состав государства, обещая всевозможные льготы - от сохранения земель до неприкосновенности религии и обычаев.

Башкирские племена, подчинявшиеся Казанскому ханству и Ногайской орде, встают перед важным историческим выбором. С одной стороны, после взятия Казани русскими войсками, часть башкирских племен фактически оказываются свободными от своих прежних правителей. Ногайская орда, переживавшая острый политический кризис, также фактически утратила контроль над своими ясачными народами. Башкирские племена, верно оценили изменения, происходящие в Ногайском ханстве. У ногаев, занятых междоусобной борьбой, и переживавших глубокий кризис, не было ресурсов, чтобы сохранить контроль над башкирами. Поэтому перед башкирскими родами встал эпохальный вопрос - выбор вектора дальнейшего развития: поддержать ногайских правителей или сражаться за независимость. На их итоговое решение повлиял целый комплекс причин.

Во-первых, по утверждению П.И. Рычкова, ногайские ханы и мурзы беспощадно грабили башкирские племена, что подталкивало последних к попыткам сбросить с себя ногайскую власть.

Во-вторых, башкиры в конце 50-х гг. XVI в. не представляли собой монолитную силу, способную выступить «единым фронтом» против ханов, и что самое важное - создать свое государство. Это были отдельные разобщенные племена, у которых не было опыта самостоятельной государственности, к которому можно было бы апеллировать.

В-третьих, не смотря на зависимое положение, башкиры на протяжении истории сохраняли свои земли и при булгарах, и при монголах, и при казанских татарах и ногаях. Логично предположить, что решая свою дальнейшую судьбу, башкиры далеко не в последнюю очередь, думали о том, как сохранить свои кочевья. Ведь часть ногайцев, откочевавшая на юг, за Яик и юго-запад, за Волгу, пыталась увести с собой и башкир, что вызвало разногласия внутри башкирских племен.

Башкиры на себе ощутили, что появление новой силы в регионе в лице Русского государства, которое уже подчинило себе Казань, не может пройти для башкир стороной. Освободиться от ногаев и сохранить свои земли башкиры могли только посредством соглашения с московским царем.

В-четвертых, после падения Казанского ханства Иван Грозный шлет письмо народам Урало-Поволжья с предложением войти в состав Московского царства. Информация об этом сохранилась как в русских летописях, так и в башкирских шежере.

Учитывая все вышеперечисленные факторы и геополитические аспекты, башкирские племена принимают важное решение - подчиниться Московскому государству. Принцип подданничества, как своеобразная политическая традиция, вновь сохранил башкирам их земли, обеспечив тем самым вполне мирное их существование на несколько поколений вперед.

Сам процесс принятия подданства растянулся на несколько лет (1552–1557 гг.), и его можно разделить на два этапа. Первый - само согласие башкир принять предложение Ивана IV и переговоры с казанским наместником. Второй - непосредственное посольство башкир в Москву, встреча с царем и получение от него жалованных грамот. Интересен тот факт, что в ходе фактически равноправных

переговоров башкир и русской власти были учтены геополитические интересы обеих сторон и приняты взаимные обязательства, которые не могли меняться в одностороннем порядке.

Условия же соглашения были не только четко обговорены, но и зафиксированы в документах, тем самым закрепив особое привилегированное положение башкирских подданных. Все просьбы башкирских делегаций были удовлетворены властью. Прежде всего, была удовлетворена просьба башкир по земельному вопросу. Москва сохранила за ними все занимаемые земли, в том числе вернула отобранные ногайцами владения. Башкиры были объявлены вотчинниками своих земель. Во-вторых, правительство обещало не притеснять религию башкир, насильно не переводить их в другую веру. В-третьих, оно обязалось сохранить власть на местах в руках верхушки башкирского общества, то есть предоставить широкую автономию. Естественно, сам термин «автономия» в XVI в. не применялся и в документах не фигурирует. Однако, башкирами положение в составе нового для них государства осознавалось именно как возможность жить автономно от центральной власти по своим традициям и обычаям, практически не соприкасаясь с русской администрацией. Б.А. Азнабаев даже называет эту систему политического самоуправления башкирской этнической парадигмой¹.

Конечно, Московское царство не только раздавало привилегии новым подданным, но также получило от соглашения выгоду. Башкиры были обложены необременительным ясаком, который являлся своеобразным выражением подданнических отношений и мог выплачиваться как в натуральном виде, так и в денежном. По замечанию П.И. Рычкова, этот ясак был «гораздо меньше и с лучшим учреждением» по сравнению с размером и порядком взимания ясака, бывшим в Башкирии до русского подданства². Башкиры, принявшие подданство добровольно, обязаны были платить подворный налог

---

¹ Азнабаев Б.А. Автономия как башкирская этническая парадигма. // 1917 год в судьбах народов России. Том 1: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа, 2017. – С. 61–66.

² Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 59.

в размере 20-23 коп. с ответственного плательщика. Незначительность данной суммы, особенно по сравнению с русским крестьянином, объясняется тем, что русское правительство было заинтересовано не столько в ясаке, сколько в военной службе, которую башкиры обязались нести по защите юго-восточных границ от набегов кочевников.

Если северо-западные, юго-западные и юго-восточные башкирские племена, достаточно быстро нашли общий язык с новой властью, то северо-восточные (зауральские, сибирские) башкиры неоднозначно восприняли идею вхождения в состав Российского государства. Рода и племена Зауралья имели разную политическую ориентацию, от признания легитимным правителем этих земель Кучума до подчинения ногайским ханам. Салжауты во главе катаяской тюбы, находясь в состоянии гражданской войны с табынцами и сынрянцами, поддержали продвижение русских на восток и признали над собой власть Москвы. В целом, около 66 % северо-восточных башкир подчинились добровольно, сохранив за собой вотчинное право на земли. Меньшая часть, чуть больше 30 %, была покорена, потеряв свои кочевья и превратившись в припущенников. Причем деление шло не только по границам племен, но и делило башкир внутри родов. Часть табынцев, сынрянцев, айлинцев, куваканцев была вынуждена арендовать земли у других родов. Ситуация также усугублялась значительно более высоким ясаком, взимаемым не подворно, а подушно. Это создало точки разлома формирующейся цивилизации как между зауральским населением и русскими властями, так и внутри башкирского общества. С одной стороны мы наблюдаем договорные отношения, основанные на заранее оговоренных взаимовыгодных условиях. С другой - изъятие земель у завоеванных и чрезвычайно высокий размер выплат в казну. Но разница проявлялась не только в нисходящей линии - от верховной власти к подданным. Обратный вектор также существовал. У части северо-восточных башкир изначально сформировалось неприятие того факта, что правителем Зауралья отныне становится Московское государство. Логично, что реакция на любые попытки властей нарастить свое присутствие в регионе была край-

не агрессивная. Раскол башкирского общества по вопросу включения в состав Русского царства и подчинения российским властям сохранится на долгие десятилетия и не раз еще напомним о себе.

В целом, обе стороны получили желаемое: башкиры (в подавляющем большинстве) - сохранили и расширили свои земли и получили широчайшую автономию, Русское царство - силу, которая будет защищать юго-восточные рубежи от кочевников. Именно обоюдная заинтересованность и выгоды, полученные сторонами, позволили объединить в единую цивилизационную систему разные по уровню развития элементы и удержать их достаточно долго для того, чтобы успешно была пройдена стадия интеграции. Однако, разнородность центра и периферии обусловила ряд противоречий, который привел не только к разногласиям, но и вооруженным конфликтам между сторонами.

Глава 3. Проблемы русско-башкирских взаимоотношений в XVII – начале XVIII вв.

3.1. Изменения политики России по отношению к башкирам.

В течение второй половины XVI – XVII вв. московское правительство в целом не вмешивалось во внутреннюю жизнь башкирского общества. Все свои распоряжения оно проводило через местных феодалов. Между тем полной согласованности достичь не удалось, особенно в первое время после принятия башкирами подданства. В течение XVII – начале XVIII в. правительство заверяло башкир в своей верности провозглашенному принципу сохранения вотчинного права башкир на их земли¹.

Однако свое обещание правительство не сдержало. Вскоре после присоединения Башкирии оно стало строить города и крепости для организации управления, укрепления своих военно-политических позиций и усиления обороноспособности края.

Первоначально непосредственную власть и сбор дани осуществлял казанский наместник. Для закрепления своей власти во вновь присоединенном крае, организации управления им и превращения его в плацдарм для проникновения в казахские степи и Сибирь царскому правительству был нужен опорный пункт. В свою очередь башкиры, страдавшие от частых набегов воинственных степняков, нуждались в вооруженной помощи Русского государства. Такую помощь им мог оказать только гарнизон города-крепости. Башкирам город нужен был и как место уплаты ясака, который до этого они вынуждены были возить в далекую Казань². В 1574 году отряд русских стрельцов под руководством воеводы Ивана Григорьевича Нагого на правом берегу р. Белой недалеко от устья реки Уфы построил небольшой укрепленный пункт, который располагался исключительно выгодно с оборонной точки

---

¹ Соборное Уложение 1649 года. – Л., 1987. – С. 188.

² Жуковский И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. – СПб., 1832. – С. 2; Игнатъев Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии. // Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. VII. 1880–1881 годы. – Уфа, 2013. – С. 20.

зрения. На юге река Белая представляла для степняков почти непреодолимую преграду. Протекавшая с севера на юг река Сутолока защищала укрепление с востока. С северо-востока оно оборонялось особым земляным валом, остатки которого сохранялись до конца XIX века¹.

Но если на основании Уфы было получено согласие башкир и они даже участвовали в строительстве города, то с конца XVI в. положение меняется. Возникает много крепостей, но правительство уже не интересовалось мнением местных жителей. К началу XVIII в. в крае насчитывался 31 укрепленный пункт². Царские власти заселяли города и крепости служилыми людьми, наделяли их землей за счет башкирских вотчин³. Башкирские земли отводились также монастырям, дворцу, казне, с начала XVIII вв. земли начинают изыматься под заводы. Служилые люди, духовные феодалы и самовольно расширяли свои владения. Карт и планов угодий тогда не было, и границы жалованной земли в грамотах неопределенно обозначались речками и по прочим признакам, вплоть до отдельных росших деревьев: «новокрещену Ивану Ивановичу сыну Кадомцеву в Уфимском уезде, дикое поле, порозжая земля (порожня, пустая, «ничья») за Уфою рекою вверх по Таушу речке на педдесят четьи в поле»⁴, что давало возможность расширять границы своих угодий без особых усилий. Однако, несмотря на то, что в XVII – начале XVIII в. количество переселенцев увеличивается, но их «численность была невелика, крепости, деревни и села пришлого населения представляли собой редкие островки в сплошном массиве башкирских поселений»⁵.

Примечательно, что общегосударственные интересы для правительства превалировали над законностью и вотчинными правами ясачного населения.

¹ Ранняя история окрестностей Уфы. URL: <http://www.gorodufa.ru/?p=41>. (дата обращения: 07.08.2018.).

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С.190; Меншиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. / Автореф. дис... док. ист. наук. – Курган, 2004. – С. 27.

³ Акманов И.Г. Основные этапы формирования многонационального населения Башкортостана (конец XVI – начало XX века). // Ватандаш. – Уфа, 2001. – № 7. – С. 27.

⁴ Цит. по: Ищериков П.Ф. Очерки из истории колонизации Башкирии. – Уфа, 2003. – С. 30.

⁵ Акманов И.Г. Основные этапы формирования многонационального населения Башкортостана (конец XVI – начало XX века). // Ватандаш. – Уфа, 2001. – № 7. – С. 27.

Официальные власти подчас шли даже на фальсификацию, как это имело место в Зауралье в 90-е гг. XVII в.¹ После челобитной 1694 г. башкира Я. Аккузина «с товарищи», в которой он жаловался на захват части его вотчинных земель русскими слободами и острогами, по распоряжению из Москвы был проведен сыск тобольским дворянином И. Полозовым и подьячим Я. Лапиным². Полозов опроверг притязания башкир, доложив начальству, что башкирское население на зауральских землях появилось только после восстания 1662–1664 гг.³ Современные исследования доказали, что в ходе данного поземельного спора была совершена явная фальсификация⁴. Государство, не желая возвращать плодородные земли ясачному населению, скрыло результаты первого сыска стольника Г. Тухачевского, который подтверждал, что земли местного населения изъяты незаконно. Специально был отправлен Полозов, со списком конкретно составленных вопросов, чтобы в итоге земли остались за русским земледельческим населением⁵. Следует признать, что действия властей оправдывались тем, что в это время Сибирь только начинает обеспечивать себя хлебом, перестает зависеть от продовольственных поставок из центральных областей. «Сибирские отпуска» дополнительным тяжелым налоговым бременем ложились на население тех районов, которые поставляли в Сибирь сошные запасы. Только в 1685 г. с поморских городов была снята повинность поставки хлеба в Сибирь⁶. Руководство Сибирского приказа осознавало тяжелые последствия возврата земель башкирам, поэтому был повторно проведен сыск и получены «нужные» результаты⁷. Интересы большего количества «заинтересованных» людей (как жителей Европейской части России, там и жителей Сибири), а также желание самого государства

¹ Самигулов Г. Х. Материалы сыска тобольского дворянина Ивана Полозова 1695 года в свете вновь выявленных документов. // Научный диалог. – Екатеринбург, 2016. – № 9 (57). – С. 217–229.

² Допросные речи тобольского дворянина Ивана Полозова в Сибирском Приказе о поездке его на реку Исеть в разные сибирские остроги и слободы для «меры» земель и переписи крестьян. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – С. 96.

³ Там же.

⁴ Самигулов Г. Х. Материалы сыска тобольского дворянина Ивана Полозова 1695 года в свете вновь выявленных документов. // Научный диалог. – Екатеринбург, 2016. – № 9 (57). – С. 217–229.

⁵ Там же. – С. 223.

⁶ Там же. – С. 222.

⁷ Там же. – С. 223, 225.

закрепить «хлебную независимость» Сибири, для властей оказались важнее (что неудивительно), нежели права зауральских башкирских родов.

Таким образом, в XVII – начале XVIII вв. Российское государство, не отказываясь от формального признания вотчинных прав башкир, на деле проводило политику постепенного захвата их земель.

«Законное» и «незаконное» присвоение земель вызывали массу челобитных башкир. В конце XVII в. была подана челобитная от имени башкир всех четырех дорог, явившаяся выражением общего протеста башкирского народа против земельной политике властей.

Вызывали недовольство многочисленные повинности. Наряду с ясаком, существовал дополнительный поземельный налог; общинники платили и косвенные налоги. Время от времени правительство повышало их размер. Это имело место в середине 30-х гг. XVII в., в 1704 и 1734 гг.¹. Впрочем, усиление налогового гнета в это время испытывали не только национальные окраины, но и коренное население центральных областей государства. Связано это было чаще всего с военными нуждами страны. Башкиры также постоянно жаловались на тяжесть налогов и произвол сборщиков². Все более обременительными для населения становились военная служба, почтовая и подводная повинность.

Основа противоречий между Россией и башкирским народом была заложена в разном понимании условий вхождения башкир в состав Русского государства. Ведь российское подданство башкир было осуществлено на совершенно иных условиях, чем у соседних народов:³ за ними признавалось право на вотчинное владение своими землями, а также право сохранения своей религии и обычаев. Но вся беда заключалась в том, что Россия рассматривала договорные обязательства как уступки, которые можно было отменить в одностороннем порядке, в то время как башкирское население придавало им

---

¹ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л., 1947. – т.24. – С. 61.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 190.

³ Там же. – С. 144.

особое, экстраординарное, значение, верило, что они никогда не будут нарушены.

На наш взгляд необходимо рассматривать не только политические и экономические причины бунтов, но помнить о ментальном аспекте проблемы.

Еще один важнейший аспект взаимоотношений государства с подданными, который в последующем привнесет в них особую остроту и конфликтность, это изменения самого государства. Башкиры, на протяжении веков апеллируя к договоренностям с Иваном Грозным, исходили из политических реалий середины XVI в. Однако, время, прошедшее с эпохи последних Рюриковичей до воцарения и укрепления новой династии, для России не прошло бесследно. Прежде всего, необходимо помнить о трансформации системы самодержавия. Конечно, сложно характеризовать правление Ивана Грозного - первого русского царя, как сословно-представительную монархию, а Земские соборы, впервые созванные при Иване IV как полноценный выборный орган, реально ограничивающий власть монарха.

В.О. Ключевский писал о том, что в отличие от европейских парламентов, Земские Соборы в России не столько ограничивали монархию, сколько служили ей. Земский собор в XVI в. составлялся из двух высших правительственных учреждений, руководивших управлением церковным и государственным, и из ответственных исполнительных органов центрального и местного управления¹. Такой состав сообщал Земскому собору характер совещания правительства со своими собственными агентами, органами центрального и местного, военного и финансового управления. Поэтому Собор XVI в. не был представительным собранием в строгом смысле слова. Чины, участвовавшие в несении государственных служб и тягостей, призывались центральным правительством, чтобы обсудить государственное дело и, приняв известное решение, обязаться нести налагаемые им тягости. Это лишь высшая

---

¹ Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Часть первая. – СПб., 1902. – С. 388.

форма всенародной круговой поруки, на которой было основано все управление в Московском государстве¹.

В XVII в., в силу событий Смутного времени, и полной децентрализации власти, ситуация с Земскими соборами начинает меняться. Новая династия была выбрана именно Земским собором, причем заседавшим в «расширенном» составе. При царе Михаиле Федоровиче наблюдается усиленная деятельность Земских соборов². Что вполне объяснимо - выбранный молодой царь стремился придать легитимности своим указам и должен был опираться на поддержку совещательного органа. Но в целом, это была вынужденная мера. Впрочем, мнения, заявленные на Соборе, не имели сами по себе силы: Собор имел только совещательное значение³. С середины XVII в. и вовсе наблюдается «разрушение Земских соборов»⁴. С одной стороны, это стало следствием усиления царской власти, укрепления династии. Второй правитель династии Романовых, Алексей Михайлович, получивший власть не от выборщиков, а по традиции, в наследство от отца, уже не был так зависим от Земских соборов. С другой стороны - сами участники Соборов довольно часто самоустраивались от решений. Представители того или другого класса на Соборах не обсуждали вопроса во всех отношениях, а разбирали его только с той стороны, которой он касался представляемого ими класса⁵.

Новой династии необходимо было усилить центральную власть, консолидировать общество, чтобы решить массу проблем (внутренних и внешних), унаследованных от «великой разрухи» Смутного времени. По мнению В.О. Ключевского именно укрепление самодержавия и централизация «убивает Земские соборы», которые были лишь высшей формой участия земства в управлении⁶. Во времена Алексея Михайловича Соборы после обсуждения

¹ Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Часть первая. – СПб., 1902. – С. 388.

² Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Часть вторая. – СПб., 1902. – С. 75.

³ Там же. – С. 78.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 80.

⁶ Там же. – С. 81.

вопросов подавали царю челобитные, которые заканчивались заявлением: «мы думаем так-то и то-то, а впрочем, во всем твоя государева воля»¹.

А.Н. Медушевский полагает, что говорить о сословно-представительной монархии в России XVI–XVII вв. можно лишь с формально-юридической точки зрения, так как право созыва Земских соборов в России принадлежало правительству, а решения, принятые ими, не были обязательными для него и не ограничивали власти царя². В XVI–XVII вв. они созывались обычно в условиях экономических трудностей, войн или для принятия ответственных внутривластных или внешнеполитических решений, чаще всего непопулярного характера, когда правительство нуждалось в поддержке или одобрении своих действий со стороны широких слоев населения³.

Д.Н. Альшиц вообще приходит к выводу о практически полном отсутствии в истории России периода сословно-представительной монархии, и говорит о формировании неограниченного самодержавия еще в эпоху Ивана IV⁴. Опираясь на введенные им в научный оборот исторические источники, автор доказывает, что правление Ивана Васильевича нельзя считать примером монархии, ограниченной сословно-представительными учреждениями, хотя бы потому, что Земский Собор 1566 г. покорно и единодушно проголосовал за продолжение Ливонской войны - т.е. за решение, которого хотел царь. Но как только некоторые участники Собора посмели в форме верно-подданнейшей челобитной высказать протест против опричной системы управления, на них обрушились суровые наказания. Большинство членов Боярской думы за годы опричнины были казнены или насильственно пострижены в монахи⁵. Автор однозначно заявляет, что если сословно-представительная монархия в России была, то с «обезьязыченными Земскими Соборами и обезглавленной Боярской Думой»⁶.

¹ Ключевский В.О. Лекции по русской истории. Часть вторая. – СПб., 1902. – С. 137.

² Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. – М., 1993. – С. 39.

³ Там же. – С. 40.

⁴ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. – Л., 1988. – С. 99–101.

⁵ Там же. – С. 124.

⁶ Там же. – С. 127.

История сословно-представительных органов Московской Руси очень неоднозначна. С одной стороны они не имели ни возможностей, ни юридически закрепленных прав реально ограничивать самодержавие, с другой - приобретали большое влияние и даже учредительные функции в кризисный период. Имело значение и то, что в допетровской Руси абсолютизм еще не обладал сильным управленческим аппаратом и достаточной военной и полицейской мощью. Окончательно искоренить земские традиции и сословные права он еще был не в силах, хотя эта задача на следующем этапе будет выполнена.

Получается, что Иван Грозный заложил основы не просто царства, а того самого абсолютизма, который полностью сможет оформиться лишь к рубежу XVII–XVIII в. Однако, несмотря на все сложности и период ослабления, верховная власть в России имела четкий вектор развития - стремление к абсолютной централизации власти. Петр I, поставив перед страной сложнейшую задачу преобразования в мировую империю с выходом к морю, фактически завершает это стремление, доводит его до логической точки. В условиях абсолютной самодержавной власти все подданные как бы уравниваются в своем служении государству. На первый план выходят нужды страны, постоянно увеличивающиеся, в силу ведения затяжных войн. Жизнь, свобода, права подданных ставились в прямую зависимость от внешнеполитических амбиций правителя. В такой ситуации подданному практически невозможно сохранить свои сословные и экономические привилегии. Внутренние реформы, проводимые Петром, затронули все стороны жизни населения страны, сломали привычный уклад. Любая попытка критики или прямого неподчинения строго каралась. Проведенные изменения не были экстраординарными и временными, они носили постоянный характер и население центральных областей, в конечном счете, достаточно быстро осознало бесповоротность реформ. А потому примирилось с ними и научилось жить в новых условиях.

Совершенно другая картина наблюдается на территории Башкирского края (Уфимского уезда). Свободы, дарованные Иваном Грозным, долгое время служили своеобразным буфером между башкирами и видоизменяющимся государством. Власти, не имея достаточных сил, средств и времени на решение этого вопроса, сами усугубляли ситуацию, что приводило к еще большему расколу и еще большему различию между русским подданным и башкирским. Подданный из центральных областей, принимая все новшества (пусть и неохотно), двигался в одном русле с державой, в то время как башкиры оставались в системе политических взглядов и отношений середины XVI в. Столкновение нового и старого, реформ и традиций неизбежно приводило к острым конфликтам. Компромиссы же лишь отодвигали в долгосрочную перспективу необходимость окончательного решения проблемы.

3.2. Религиозная политика конца XVI – первой половины XVIII вв.

Религиозная политика государства в Башкирии в конце XVI-первой половины XVIII в. является одним из самых сложных и дискуссионных аспектов русско-башкирских отношений этого периода. Современная башкирская и татарская историография практически однозначно рассматривает данный вопрос в русле планомерного насильственного обращения местных жителей в христианство, причем первыми шагами на пути христианизации называются «наказная грамота» 1555 г. и грамота царя от 18.07.1593 г.¹. Указ царя Федора Алексеевича от 16.05.1681 г. расценивается как апофеоз притеснения исламской веры, окончательное решение властей изменить конфессиональную карту Урало-Поволжья. Однако в историографии представлена и другая, менее эмоциональная и тенденциозная точка зрения на данную проблему².

¹ Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в Российском законодательстве второй половины XVI – XVIII вв. – Казань, 2002. – С. 58; Ногманов А.И. Самодержавие и татары. – Казань, 2005. – С. 49; Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 62; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 59; Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. – Казань, 2001. – С. 43.

² Сергеев Ю.Н. Православное духовенство Южного Урала: очерки истории духовного сословия (вторая половина XVI – XVIII вв.). – Уфа, 2004; Фазылова В.В. Мирный этап христианизации народов Башкирии (вто-

Долгое время, вплоть до 30-х гг. XVIII в., в ареале религиозной политики российского государства были, прежде всего, жители бывшего Казанского ханства. Тем не менее, это не мешает региональным историкам говорить о насильственной христианизации всех без исключения народов Среднего Поволжья и Урала.

Прежде чем приступать к анализу религиозной политики, необходимо прояснить терминологию. Возникает закономерный вопрос - что считать насильственной христианизацией. И вообще, каковы критерии этой самой насильственности? И не логичнее ли говорить о процессе экономического стимулирования со стороны государства перехода из ислама в православие, при отсутствии угрозы физической расправы.

Толковый словарь дает такое определение насилию - применение физической силы к кому-нибудь; принудительное воздействие на кого-нибудь, нарушение личной неприкосновенности¹. Философская энциклопедия трактует насилие как общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью внешнего принуждения, представляющего угрозу жизни вплоть до ее разрушения, подчиняют себе других, их способности, производительные силы, собственность². Однако, необходимо особо подчеркнуть, что в исследовании речь идет не о межличностных отношениях, а о взаимодействии государства со своими подданными. М. Вебер, говоря об определении государства, настаивает, что его специфическим средством является физическое насилие, и если бы существовали социальные образования, которым было бы неизвестно насилие как средство, тогда отпало бы понятие «государства», и наступило бы то, что в особом смысле слова можно было бы назвать «анархией»³. Государство, по мнению Вебера, это челове-

---

рая половина XVI – 70-е гг. XVII вв.). // Этносы и культуры Башкортостана: история и современность: Материалы научно-практической конференции молодых ученых. – Уфа, 2006. – С. 67–70; Самсонов Н.В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI–XVIII вв. (историко-правовой аспект). / Автореф. дис... канд. юр. наук. – М., 2007.

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. – Екатеринбург, 1994. – С. 495.

² Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/779. (дата обращения: 03.11.2017.).

³ Вебер М. Политика как призвание и профессия. // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 644.

ское сообщество, которое внутри определенной области с успехом претендует на монополию легитимного физического насилия. И даже единственным источником «права» на насилие, социолог считается государство¹.

Поэтому, любые государственные решения носят принудительный характер. Подданные государства обязаны их выполнять, в противном случае последует наказание. Максимум, на что может рассчитывать подданный, это компромиссный характер отношения с властью, когда государство применяет систему «кнута и пряника», поощряя человека выполнять те или иные требования в обмен на льготы и привилегии. В данном случае логичнее говорить о правовом принуждении или добровольно-принудительном акте.

В законодательстве Московского царства XVI–XVII вв. не было запрещено исламское вероисповедание. Учреждения и институты не закрывались, наравне с действующими мечетями и кладбищами не запрещалось строить новые².

Одновременно с этим, Русскому государству необходимо было не только привлечь иноверцев к службе, но и стимулировать их переход в православие. Законодательные акты свидетельствуют о чрезвычайно гибкой и разумной политике правительства по отношению к мусульманам в этом вопросе. Начиная с «наказной грамоты» (1555 г.) Ивана IV первому казанскому архиепископу Гурию, Русское государство стремится выстроить систему отношений с мусульманскими подданными - жителями бывшего Казанского ханства. На первом месте, естественно, было создание условий для перехода «новых» подданных в православие. Светская власть в России испокон века опиралась на православную Церковь, а социальной опорой самодержавия было православное население. С присоединением Казанского ханства, перед властью очень остро встал вопрос о формировании у казанцев «верноподданнических чувств» по отношению к новому правителю. И РПЦ должна была идти в авангарде этого движения. Акт принятия православия своеобраз-

---

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. // Избранные произведения. – М., 1990. – С. 645.

² Самсонов Н.В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI–XVIII вв. (историко-правовой аспект). / Автореф. дис... канд. юр. наук. – М, 2007. – С. 17.

ным образом демонстрировал готовность местного населения принять изменившиеся властные отношения, рассматривать московскую власть не как вчерашнего врага и узурпатора, а как легитимного правителя.

Созданная Казанская епархия охватывала огромную территорию: «Город Казань с окрестными улусу, Город Свяга з Горною стороною, Васил город, Вятская земля вся»¹. Если сравнить ее с картой расположения православных епархий в середине XIX столетия, то нетрудно заметить, что она охватывала земли восьми епархий (губерний) - Казанской, Уфимской, Симбирской, отчасти Самарской, Саратовской, Нижегородской, Вятской и Пермской². Впрочем, на деле реализация полномочий зависела, прежде всего, от степени освоенности региона. Башкирский край, хоть и входит формально в состав Казанской епархии, был слишком автономен от центральной власти, чтобы говорить о массовом проникновении православных миссионеров. Долгое время церковное строительство ведется близ г. Уфы - оплота московской власти в регионе.

Согласно «наказной памяти», архиепископ был обязан проявлять особую заботу о тех, кто принял крещение, «обласкать, беречь во всем», чтобы остальные «инородцы», видя «такое благочестие и бережение и жалование новопрощенным», тоже захотели стать православными. При проведении христианизации Гурию предписывалось руководствоваться «началами любви христовой» - крестить только тех, кто добровольно изъявит желание, вести миссионерскую работу методом убеждения, без жестокости и насилия³. В своей миссионерской деятельности архиепископ Гурий должен был обратить большое внимание на тех татар, которых власти привлекали к суду. За при-

¹ Цит. по: Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. – Чебоксары, 1981. – С. 29–30.

² Покровский И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 1. – Казань, 1897. – С. 140, 143–144; Загидуллин И.К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в казанском крае во второй половине XVI – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2016 – № 8. – С. 146.

³ Загидуллин И.К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в казанском крае во второй половине XVI – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2016 – № 8. – С. 146.

нятие крещения архиепископ мог освободить осужденного от наказания. Ряд ученых (В.Д. Димитриев, И.К. Загидуллин) считают данную меру подтверждением того, что царское правительство в немалой степени рассчитывало на принудительную христианизацию¹. Безусловно, сложно говорить об искреннем принятии христианской веры в ситуации, когда человек вынужден выбирать между уголовным преследованием и сменой религии. Однако, мы не об искренности и говорим. Что же касается добровольности, данное условие выполнено - человек волен был решать. Никаких дополнительных тягот и наказаний не предполагалось, если преступник не соглашался принять православие.

Примечательно, что в «наказной памяти» 1555 г. была дана установка на проведение миссионерской работы только среди татар, хотя в крае проживало значительное число чувашей, марийцев, мордвы, удмуртов². Круг миссионерских интересов архиепископа Гурия очерчивался, прежде всего, представителями титулованной знати - его деятельность была направлена на крещение элиты бывшего ханства³. Крещение представителей местной элиты являлось наиболее эффективным средством инкорпорации их в российскую социальную иерархию. Как особо подчеркнуто в грамоте, миссионерская деятельность должна была строиться на мирной проповеди, уговорах и льготах.

Основным стимулом принятия христианства, которое использовали московские власти, было материальное вознаграждение неофитов. Размер поощрения напрямую был связан с социальным положением человека: чем значительнее был статус, тем больше был размер «награды». Родовитые та-

¹ Димитриев В.Д. Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI–1861 г.). // Проблемы религиозного синкретизма и развитие атеизма в Чувашской АССР. – Чебоксары, 1978. – Вып. 86. – С. 83; Загидуллин И.К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в казанском крае во второй половине XVI – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2016 – № 8. – С. 147.

² Загидуллин И.К. «Наказная память» царя Ивана IV архиепископу Гурию как исторический источник. // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы: Тезисы и краткое содержание докладов международной научной конференции. – Казань, 1997. – С. 260–263.

³ Загидуллин И.К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в казанском крае во второй половине XVI – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2016 – № 8. – С. 148.

тары после крещения, кроме дорогих подарков, расширяли свои поместные земли почти в два раза. Мурзам и представителям рода чингизидов, после принятия православия даровался княжеский титул¹.

Другой немаловажной задачей государства было дальнейшее сопровождение неофитов, инкорпорация их в православное общество, недопущение возврата к прежним верованиям. Царская грамота от 18.07.1593 г. ориентировала власти на принятие мер по удержанию новокрещен в лоне православной церкви. Грамота разрешала применение широких административных мер вплоть до наказания и заключения в тюрьму провинившихся новокрещен за их отказ от соблюдения обрядов церкви или игнорирование наставления православного духовенства. Данная грамота стала реакцией на жалобу казанского митрополита Гермогена, в которой он писал о несоблюдении новокрещенами христианских обычаев, приверженности старым мусульманским традициям: «к церквам Божиим не приходят, и крестов на себе не носят, ... и попов в дома не призывают и отцов духовных не имеют, и к роженицам попов не зовут ... и детей своих не крестят, только поп не обличит их; и умерших к церкви хоронить не носят, кладут по старым своим татарским кладбищам; а женихи к невестам по татарскому своему обычаю приходят, а венчався у церкви и снова венчаются в своих домах попы татарскими, а во все посты, и в среды и в пятницы, скором едят»². В документе однозначно сделан акцент на стремление властей удержать неофитов в лоне церкви, предписывалось расселить новокрещен и мусульман, создать для первых отдельные слободы близ Казани, наказывалось обеспечить эти слободы «духовным сопровождением» - «и слободу им устроити, и церковь поставити, и попа, и дьякона, и пономаря, и проскурницу прибрати и другую устоити велели»³. В

¹ Самсонов Н.В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI–XVIII вв. (историко-правовой аспект). / Автореф. дис... канд. юр. наук. – М, 2007. – С. 18.

² Царская грамота в Казань, о построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенов, поколебавшихся от соседства с иноверцами в православной вере, о разрушении татарских мечетей, с запрещением впредь строить оные, и о недозволении русским людям жить в услужении у татар и немцев. 18 июля 1593 г. // К истине – через документы // Эхо веков. – 1999. – № 1/2. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580-1600/Fedor_I/gram_kazan_sloboda_novokresen_18_07_1593.php. (дата обращения: 08.11.2017.).

³ Там же.

противном случае следовало наказание: «а которые новокрещены хрестьянские веры крепко держати и поученья митрополита и отцов духовных слушати не учнут, и вы б тех велели смиряти, в тюрьму сажати, и бити и железа и в цепи сажати, а на иных и заповеди имати, а иных отсылали б к Ермогену митрополиту, и митрополит им епитимьи чинит по правилам святых апостол, чтоб однолично новокрещенов всех во хрестьянскую веру привести крепко и утвердить, а от татарския б веры отучити и остращати»¹. Как очевидно из текста грамоты, речь, во-первых, идет только об уже крещенных, и интересы мусульманского населения никоим образом не затрагивает. Во-вторых, наказание было дифференцированным - не только физическое, но и духовное (наложение епитимьи).

Немаловажен тот факт, что данный указ касается не только новокрещенных татар, но и призван защитить русское православное население от исламского и католического влияния: «многие де русские полоняники живут у татар ... и пьют с ними, и едят с одного и женятся у них, да многие ж де русские люди ... живут у немец по слободам и по деревням, добровольно и в деньгах, и те де все люди также хрестьянские веры отпали и превратились у татар в татарскую веру, а у немец в римскую и в люторскую веру»².

Здесь четко вырисовывается другая сторона проблемы, о которой в национальной историографии практически не упоминается. А именно - исламизация пришлого, прежде всего русского, населения края. Тем более, крайне сложно понять насколько добровольно шел переход из православия в ислам или католичество/лютеранство. Особенно, если учитывать, что речь идет о «полоняниках», то есть зависимых людях. Неудивительно, что правительство стремится защитить своих «исконных» подданных, не допустить распространения мусульманства среди русского крестьянства. Православное население

¹ Царская грамота в Казань, о построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенов, поколебавшихся от соседства с иноверцами в православной вере, о разрушении татарских мечетей, с запрещением впредь строить оные, и о недозволении русским людям жить в услужении у татар и немец. 18 июля 1593 г. // К истине – через документы // Эхо веков. – 1999.– № 1/2. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580-1600/Fedor_I/gram_kazan_sloboda_novokresen_18_07_1593.php. (дата обращения: 08.11.2017.).

² Там же.

было социальной опорой российского самодержавия во все времена, и не удивительно, что любая попытка посягнуть на данную страту рассматривалась государством как посягательство на саму власть и мгновенно пресекалась. Царская администрация распорядилась выкупить должников-православных за счет средств казны и перевести их в дворцовые крестьяне или передать татарам-новокрещенам и «молвили б татарам и немцам, чтоб они русских людей всех поотпускали и вперед русских людей к себе не принимали, и денег им займы не давали»¹.

Если позиция государства по отношению к татарам в конце XVI – начале XVII вв. вполне ясна, и выражается в поощрении принятия православия с одной стороны и защите русского населения от исламизации с другой, то вопрос с христианизацией башкир продолжает быть открытым. С одной стороны мало информации о христианских миссионерах, действовавших на территории Башкирского края в этот период. С другой, если говорить о притеснении ислама, следует понять, насколько глубоко ислам проник в сознание полукочевого башкирского общества, насколько верны они были нормам Корана.

Необходимо помнить о поверхностной исламизации башкир в дорусский период. Древние башкиры были язычниками-кочевниками и исповедовали древнюю религию тюркских народов тенгрианство. Ислам же начал проникать в Башкирию из Булгарии еще в X веке. В первой половине XIII в. территория современного Башкортостана была завоевана ордами Батыя. При хане Узбеке (1312–1342 гг.) ислам был объявлен официальной религией Золотой Орды, что способствовало повторной, более интенсивной исламизации башкирского народа. Но при этом, они всячески сопротивлялись давлению на их духовную и культурную жизнь. В духовной сфере башкиры были верны своим языческим тенгрианским представлениям. Имело широкую популяр-

---

¹ Царская грамота в Казань, о построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенов, поколебавшихся от соседства с иноверцами в православной вере, о разрушении татарских мечетей, с запрещением впредь строить оные, и о недозволении русским людям жить в услужении у татар и немцев. 18 июля 1593 г. // К истине – через документы // Эхо веков. – 1999. – № 1/2. URL: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580-1600/Fedor_I/gram_kazan_sloboda_novokresen_18_07_1593.php. (дата обращения: 08.11.2017.).

ность доисламское по своему происхождению башкирское национальное сказание о батыре Урале¹, напоминающее русские героические былины, в котором, среди прочего, воспевалась борьба с захватчиками-мусульманами. Полукачественный образ жизни башкир также не способствовал укоренению ислама в народном сознании, и его нормы проявлялись лишь в поверхностном исполнении обрядов². Однако, несмотря на это, сохранение ислама в неприкосновенности было одним из условий заключения союза между башкирскими родами и московским государем. Объяснить этот феномен можно лишь тем, что за два столетия башкиры адаптировали мусульманство под свой образ жизни и смогли сочетать его традиции и обряды с доисламскими.

Во второй половине XVI – начале XVII в. Русское царство придерживалось своих обещаний и не притесняло религию и обычаи башкир. Во всяком случае, нет прямых свидетельств о массовой христианизации населения края, тем более насильственной. Как было сказано выше, планы по христианизации жителей бывшего Казанского ханства, затрагивали, прежде всего, татар, а не башкир. Скорее всего, это связано с тем, что имея в прошлом опыт государственного устройства, разветвленную сеть мечетей и медресе, многочисленных образованных мулл и имамов, Казань представляла большую угрозу для государства, нежели разрозненные башкирские роды с поверхностной исламизацией и крепкими доисламскими традициями. Русская колонизация Башкирского края также численно уступала переселенцам в Казани, поэтому говорить об исламском влиянии башкир на русских также не приходится. То есть башкиры, живя автономно, не создавали конфессиональных проблем для Москвы. Поэтому и не удивительно, что на протяжении почти века после принятия подданства башкирами, государство практически не вмешивалось в их духовную жизнь.

В начале XVII в. государство продолжает защищать православное население от притеснений со стороны мусульман. С 1627 г. иноверцам запре-

¹ Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос. – Уфа, 1970. – С. 192–195.

² Щипков А.В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. – СПб., 1998. – С. 85–86.

шалось владеть православными холопами. Правительство обосновывало данное ограничение тем, что «православным християном от иноверцов чинитца теснота и осквернение, и многие бес покаяния, без отцов духовных помирают, и в великий пост и в ыные посты мясо и всякой скором едят неволею»¹. Впрочем, речь пока шла только о холопах («дворовых»).

За православной церковью было закреплено исключительное право миссионерской деятельности в стране. Проповедование мусульманского вероисповедания православным жителям страны запрещалась, наказанием за нарушение этого запрета была смертная казнь. Статья 24 главы XXII Соборного Уложения 1649 г. вводила наказание за такой вид преступления как «совращение в мусульманскую веру», при этом не имело значения, как именно православный принимал ислам «насильством», «обманом», «по согласию». В качестве наказания предусматривалась смертная казнь путем сожжения для иноверца, совратившего православного в другую веру, последний подвергался только епитимье (церковное наказание): «А будет кого бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом русскаго человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия. А ... того русскаго человека отослать к патриарху, или к иной власти, и велети ему учинити указ по правилом Святых Апостол и Святых Отец»².

Следует отметить, такой способ исполнения смертной казни в российских правовых актах ранее не упоминался. В историко-правовой науке существует мнение, что Россия стала практически единственной страной, в которой массовое сожжение, присущее средневековой Европе, не допускалось³. Такой подход к наказанию обуславливался принципами российского судеб-

¹ Цит по: Самсонов Н.В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI–XVIII вв. (историко-правовой аспект). / Автореф. дис... канд. юр. наук. – М, 2007. – С.19.

² Соборное Уложение 1649 года. – Л.,1987. – С. 292.

³ Бархин И. Сожжение людей в России в XIII–XVIII вв. // Русская старина. – 1885. – № 1. – С. 189; Арсеньева Г.В. Соборное Уложение 1649 г.: закрепление ответственности за преступления против церкви и религии. // Achievement of high School–2013 Материалы IX Международной научно-практической конференции. – София, 2013. – С. 3–6.

ного разбирательства, в соответствии с которыми требовалось обязательное наличие при обвинении в религиозных преступлениях доказательств. Дела о богохульниках, а также церковных мятежниках даже в тех случаях, когда в качестве обвиняемых выступали духовные лица, не подлежали церковному суду, судопроизводство осуществлялось Сыскным и Судным приказами. В соответствии со ст. 1 главы I Соборного Уложения сожжение как смертная казнь могло применяться только в тех случаях, когда вина полностью подтверждалась «да будет сыщется про то допряма»¹.

В середине XVII в. власть начинает предпринимать более активные шаги по распространению христианства среди коренного населения Урало-Поволжья. Целый ряд законодательных актов ограничивал вотчинные права иноверцев, тем самым подталкивая их к смене вероисповедания, ради сохранения своих привилегий. Однако, речь опять таки идет прежде всего о татарах, башкиры оставались на периферии этого движения.

Первым актом, принятым в данном направлении стал указ царя Алексея от 1651 г., разрешивший незамужним и вдовым мусульманкам сдавать свои прожиточные поместья неофитам-родственникам мужского пола, а также в «русские роды» за то, чтобы «тем людям с тех их поместей государевы службы служить, и их вдов и девок кормить, и замуж выдавать с приданным...»². Получается что, стремление властей связать пожалование земельных участков со службой конкретных подданных, а параллельно обеспечить женщин, потерявших кормильцев, на практике ограничило сферу действия главы Соборного Уложения № XVI «О поместных землях»³, дав возможность перехода земельных наделов нерусских феодалов к русским помещикам⁴.

Через 2 года, в 1653 г. этот процесс углубляется посредством указа, постановившего «иноземцам, всяких чинов людям, вотчины свои продавать

---

¹ Соборное Уложение 1649 года. – Л., 1987. – С. 70.

² ПСЗ РИ–I Т. I. – СПб., 1830. – № 73. – С. 262–263.

³ Соборное Уложение 1649 года. – Л., 1987. – С. 179–197.

⁴ Ногманов А.И. Самодержавие и татары. – Казань, 2005. – С. 49.

русским людям, а иноземцам некрещеным не продавать»¹. Если землевладельцы-мусульмане продавали земельный надел, он в любом случае попадал либо к русским, либо к неофитам. Это объяснялось общей тенденцией середины XVII в. по замене вотчинной формы землевладения на помещную. Чтобы иноверцы могли получить надел земли, они обязаны были поступить на государеву службу. Но говорить о каком либо притеснении по религиозному признаку не стоит, потому что процесс слияния поместий и вотчин для православной части общества также носил директивный характер, и его реализация шла ускоренными темпами.

В конце царствования царя Алексея был издан указ от 19.07.1675 г., запретивший неофитам сделки с землей, причем мера касалась как поместий, так и вотчин². Вопреки юридической практики предшествующих лет, согласно которой землевладельцы, перешедшие в православную веру, обладали всеми правами наравне с русскими, в том числе правом распоряжаться землями, покупать и продавать их между собой или русским людям, отныне любые операции с землей запрещались. Подобное запрещение может быть объяснено только какими-то текущими соображениями³, но было вновь озвучено в «Новоуказных статьях о поместьях», подписанных в марте 1676 г. после восшествия на престол царя Федора⁴, а позже в их новой редакции от 10.08.1677 г.⁵. Впрочем, вскоре, 20.02.1678г., состоялся «боярский приговор», который признал распоряжения 1675–1677 гг. «противными» положениям главы № XVII «О вотчинах» Соборного Уложения и разрешил различные виды земельных операций между неофитами и русскими людьми⁶.

В правление царя Алексея был также принят указ «Об оставлении вотчин и поместий, отобранных у татар и других иноверцев, за теми, кому они отданы, и о приискании новокрещенам из выморочных вотчин»⁷, подписан-

¹ ПСЗ РИ–I Т. I. – СПб., 1830. – № 113. – С. 308.

² ПСЗ РИ–I Т. I. – СПб., 1830. – № 606. – С. 1007.

³ Ногманов А.И. Самодержавие и татары. – Казань, 2005. – С. 51.

⁴ ПСЗ РИ–I Т. II. – СПб., 1830. – № 633. – С. 23.

⁵ ПСЗ РИ–I Т. II. – СПб., 1830. – № 700. – С. 129.

⁶ ПСЗ РИ–I Т. II. – СПб., 1830. – № 719. – С. 152–153.

⁷ ПСЗ РИ–I Т. I. – СПб., 1830. – № 616. – С. 1029.

ный не позднее начала 1676 г. Из текста документа неясно, за какие проступки у мусульманских феодалов были изъяты их владения. Вероятно, это связано с невыполнением условий службы, например, побегом, довольно массово случающимся в то время. В зависимости от тяжести вины за него наказывали по-разному, подчас до полного лишения поместий¹. Впрочем, документ подтверждает, что государство продолжает политику поощрения и льгот в обмен на принятие православия - провинившихся перед государством вновь наделяли землей в случае крещения: «а которым новокрещеным даны отписные старья поместья мурз и татар, а после того мурзы и татарове крестятся, и им старых их поместей не поворачивать же, а велеть им поместья приискывать вновь из выморочных поместий»².

Косвенные данные приводят к мысли, что при царе Алексее было проведено частичное изъятие земельных наделов у феодалов-мусульман. Подтверждает эту гипотезу текст указа, изданного в 1676 г.: «которые татарские и иных иноземцев поместья и вотчины розданы в роздачу русским людям и новокрещеным за крещение в православную веру, и тем быть за теми по даче; а прежним помещикам басурманам не давать»³. Вероятнее всего, власти такими методами пытались активизировать переход в христианство феодалов-иноверов, т.к. других путей для расширения своих угодий у них не было.

Впрочем, необходимо понимать, что отношения государства с подданными всегда носят утилитарно-прагматический характер, поэтому верная служба иноверцев всегда остается в большем приоритете, нежели стремление государства подтолкнуть их к смене религии. Участники русско-турецкой войны 1676–1681 гг. получали жалованье за участие в боевых действиях вне зависимости от вероисповедания. Указом от 29.09.1678 г. служилым мурзам и татарам, так же как и русским людям увеличивались поместные и денежные оклады за их участие в сражениях с турками под г. Чигирином. Награждены были лица, получившие ранения. За тяжелые раны даровалось сто

¹ Ногманов А.И. Самодержавие и татары. – Казань, 2005. – С. 52.

² ПСЗ РИ–I Т. I. – СПб., 1830. – № 616. – С. 1029.

³ Там же.

четвертей земли и пять рублей денег к окладу, а также выдавалось четыре рубля на лечение; за легкие раны, соответственно, пятьдесят четвертей земли, три рубля к окладу и три рубля на лечение¹. Никакой градации вознаграждений по национально-религиозному признаку не было.

Важен тот факт, что государство оказывало своеобразное экономическое сопровождение новокрещенам, не останавливаясь только на самом акте крещения. В дальнейшем, новокрещены продолжали находиться на особом счету, государство стремилось обеспечить их достойное существование. 23.03. 1678 г. Федор Алексеевич издал указ, в котором был заложен комплекс мер по социальной защите ясачных новокрещен, с одной стороны, и изоляции их от мусульман и последователей традиционных верований, с другой. В указе особо подчеркивается, что «... новокрещеном во всяких делах велено держать ласку и привет и береженье большое, чтоб видя то, их братья некрещенные от прелестных своих вер обратились в православную веру»². Согласно указу, при производстве переписи в Казанском уезде должны были придерживаться следующих правил. Новокрещенам, ставшим батраками в хозяйстве мусульман, указывалось выделить наделы и предоставить льготы «в тягле»³. Представителей других социально незащищенных групп новокрещен в лице вдов, сирот, «безродных людей» рекомендовалось отдать на временное, до получения ими материального попечения от казанского воеводы, содержание местным посадским или сельским обществам. И, наконец, в случае выявления факта совместного проживания новокрещена в своем доме с родственниками прежней религиозной традиции, предписывалось не давать им совместно владеть землей и последних выселять к мусульманам⁴. Указ раскрывает стремление правительства материально поддержать и оказать реальную по-

¹ ПСЗ РИ–I Т. II. – СПб., 1830. – № 732. – С. 178–179.

² Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 74.

³ Там же. – С. 73.

⁴ Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 73–74.

мощь новокрещенам, оказавшихся в тяжелой финансовой ситуации или попавшим в экономическую зависимость от татар-мусульман. В указе царя Федора Алексеевича так же говорилось, что вновь пожелавших перейти в христианскую веру так же обеспечить поддержкой: «и которые крестится похотят и их велено принимать, и как крещены будут, и их по тому ж устроить»¹. Таким образом, для улучшения своего благосостояния обедневшему инородцу не было более удобного случая, как принять крещение во время проведения переписи. Как видно из данного указа, попечение о социальном статусе новокрещен являлось важным пунктом земельной политики власти. Представление земельных угодий, освобождение от налогов на определенный срок, особое «ласковое» отношение, являются традиционными рычагами, используемыми правительством в деле крещения и христианизации.

Между 1670 г. и 1680 г. по всей видимости, действовал указ о поощрении новокрещен жалованьем «по три рубля денег, да по сукну»². Однако полный текст указа не сохранился, есть упоминания о нем в письме Ивана Власова от 1681 г., адресованного царю Федору Алексеевичу. Челобитчик являлся воеводой в одной из крепостей Иркутского края³. Насколько данные меры касались башкир опять-таки неизвестно. В любом случае, выделение казенных средств на крещение нерусского населения в регионах свидетельствует о материальном поощрении как основе христианского просвещения⁴.

В 1680 г. царская администрация вновь поднимает вопрос о вотчинах иноверцев, принявших православие. К этому вопросу пришлось вернуться из-за того, что возникала юридическая коллизия между порядком наследования, установленным Соборным Уложением и указами конца царствования Алексея Михайловича. Согласно Уложению 1649 г. приоритетом пользовались ближайшие родственники усопшего. А указы царя Алексея запрещали

¹ Цит. по: Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 74.

² Там же. – С. 68.

³ Там же.

⁴ Там же.

некрещеным владеть и распоряжаться вотчинными землями, унаследованными от крещенных родственников. В результате законным был признан принцип первенства крещенных родственников перед некрещеными по вопросам наследования земли: «после крещеных иноземцев давать вотчины родственником и родственницам крещеным, по Уложению, а некрещеным родственником и родственницам и ближним не давать для того, ... некрещеным иноземцем из своих вотчин за собою держать не велено»¹. Если до этого указа подобная норма и реализовывалась, то вряд ли на постоянной основе. Теперь же она была взята за общее правило разрешения подобных дел².

Интересно, что уже в феврале 1681 г. государство сталкивается с многочисленными челобитными, в которых находят отражение недовольства новокрещен тем фактом, что обещанные выплаты либо даны не в полном размере, либо не даны вовсе: «Ядринского уезду и иных городов и уездов мурзы Татарова и Мордва и иных вер иноверцы многие крестятца в православную христианскую веру, а нашего великого государева жалованья, за недоборы денежной казны, за крещение им в городах не дано, а иным дано несполна против указных статей; и о том жалованье новокрещены нам, великому государю, бьют челом, а денежную казну собрать вскоре не мочно»³. Особенно примечателен тот факт, что не только государство использует прагматичный подход к проблеме, делая ставку на финансовую заинтересованность смены религии, но и сами подданные совершенно однозначно воспринимают акт крещения только как возможность обогатиться. Ни о какой морально-нравственной стороне вопроса и тем более искренности речи не идет.

Государство ищет приемлемые, прежде всего с финансовой точки зрения, способы воздействия на мусульманское население, поэтому на жалобы о недоплатах за крещение, отреагировало вполне логично - за неимением в казне ресурсов, выплаты были заменены на налоговые льготы: «для того

¹ ПСЗ РИ-1 Т. II. – СПб., 1830. – № 814. – С. 262.

² Ногманов А.И. Самодержавие и татары. – Казань, 2005. – С. 53.

³ Цит по: Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 70.

крещения, вместо нашего великого государя жалованья, имъ, новокрещеномъ мурзамъ и Татаромъ и всякимъ служивого чину людемъ, въ нашей великого государя службе давать лготы на шесть летъ, а ясашнымъ людемъ въ ясакъ и во всехъ всякихъ податяхъ въ плотяже лготы на шесть летъ же; а нашего великого государя денежного жалованья и соболей и суконъ за крещение не давать»¹.

Указ от 16.05.1681 г. «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин...» некоторыми исследователями характеризуется как апогей принципа насильственной христианизации². Но стоит обратить внимание, что это была только реакция правительства на ущемление прав православных крестьян со стороны мусульманских феодалов: «...мурзы и татарове в поместьях своих и в вотчинах крестьянам чинят много налоги и обиды, и принуждают их к своей басурманской вере и чинят осквернение...»³. Текст указа не называет конкретные «обиды», чинимые христианам, но можно предположить, что речь идет о бытовом непонимании между православными и мусульманами. Различный календарь, прежде всего разница в «святых» днях (воскресенье у христиан и пятница у мусульман), различные праздники и обряды, могли привести к конфликтам землевладельца с крестьянами по вопросам «рабочей недели», и повлечь за собой всевозможные штрафные санкции за «прогул». Государство, в 90-х гг. XVI в. уже обозначившее свое негативное отношение к исламизации русских крестьян, вновь было вынуждено защищать своих православных подданных. Так как ситуация была не нова, и мусульмане-вотчинники прекрасно представляли реакцию властей, неудивительно, что указ от 16.05.1681 г. регламентирует довольно жестокое наказание за притеснения православных - вотчинники теряли свои земли: «мурзам и татаром ска-

¹ Цит по: Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 70.

² Ногманов А.И. Самодержавие и татары. – Казань, 2005. – С. 49–50; Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 62; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 107.

³ ПСЗ РИ–I Т. II. – СПб., 1830. – № 867. – С. 312–313.

зять, что изпомещены они будут»¹. Впрочем, следует помнить, что еще в сентябре 1653 г. был издан подобный указ, касающийся инославных. У немцев, которые ввели налоги для православных крестьян, были изъяты поместья: «велено у поместных и кормовых немцев, которые в православную христианскую веру греческаго закона не крестились, поместья их и вотчины со всеми угодьи, со крестьяны, и с бобыли ...и со всеми крестьянскими животы...отписать на государя»². Как уже было сказано, наказание последовало после того, как стало известно об «онемечивании» православных: «...некрещеные немцы, им крестьяном чинили всякую налогу и утеснение в нашей православной вере ..., и крестьянским душам многое осквернение, и многие без отцов духовных, без покаяния помирали, и в великой пост, и в иные посты мясо и всякой скором с ними немцы ели, и с ними неволею всячески приобщались, и от святыни, по неволе от них немец, отлучались»³. Очевидно, что государство резко негативно относится к любой попытке отлучения исконных подданных от православной веры, вне зависимости от инициатора, будь то немец или татарин. Ислам никоим образом не выделялся, наоборот, ставился на одну ступень с другими конфессиями.

Указ 1681 г. также констатировал привилегии новокрещенам. Те, кто переходил в христианство, получали жалованье и льготы: «а будет которые мурзы и татарове в православную христианскую веру креститься; и тех крестить; и отписным крестьяном за ними быть по-прежнему, да им же давать жалованье поместным и безпоместным мурзам по 10 рублей, женам их по 5 рублей, детям их против матерей в полы, татаром по 5 рублей женам их по 2 рубли с полтиною детем их против матерей в полы»⁴. Важно отметить, что основная масса мурз и служилых людей не имела крепостных крестьян,

¹ ПСЗ РИ–I Т. II. – СПб., 1830. – № 867. – С. 313.

² ПСЗ РИ–I Т. I. – СПб., 1830. – № 103. – С. 292.

³ Там же. – С. 292–293.

⁴ ПСЗ РИ–I Т. II. – СПб., 1830. – № 867. – С.313.

впрочем как и башкиры, поэтому смело можно утверждать, что вышеперечисленные денежные суммы предназначались именно для этой категории¹.

Указ от 16.05.1681 г. был направлен на христианизацию аристократической элиты татар, а шестилетняя льгота от налогов и повинностей должна была способствовать крещению ясачного населения². Рассматривать этот указ как кульминацию антиисламской политики Русского царства, приведшую к массовому насильственному обращению мусульман в православие, будет абсолютно неверно. Государство лишь, выполняя свои обязанности перед подданными, защищало православное население, так же как оно это делало в последнее десятилетие XVI в.

Впрочем, мусульмане также были подданными государства, и власть не собиралась идти на полный разрыв отношений с ними. Недовольство иноверцев указом от 16.05.1681 г. стало одной из главных причин, вскоре принудивших правительство пойти на его отмену. После восшествия на престол царей Петра и Ивана Алексеевичей (май 1682 г.) мурзам и татарам были возвращены половина изъятых поместий и вотчин: «по челобитью мурз и татар, поместий их и вотчин быть за ними по половине, а другой половине быть в отписных на Великих Государей»³. Через 2 месяца, 13.07.1682 г., «великие государи пожаловали мурз и татар поместьями и вотчинами другою половиною по прежнему»⁴. Но подчеркивалось, чтобы они, «видя их великих государей милость, им великим государям служили, а ко крестьянам никаких налог, и православной христианской вере тесноты не чинили»⁵.

Государство продолжало нуждаться в услугах служилых людей разных национальностей. В это время идет активизация внешней политики, государство обратило свой взор на юг, на Черное море. Пренебрегать той ощутимой воинской силой, которую обеспечивали иноверцы, было недопустимо. По-

¹ Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 67.

² Там же. – С.88.

³ ПСЗ РИ–I Т. II. – СПб., 1830. – № 923. – С. 403.

⁴ ПСЗ РИ–I Т. II. – СПб., 1830. – № 944. – С. 456.

⁵ Там же.

этому, вернув часть поместных и вотчинных земель, правительство царевны Софьи начало проводить линию на возрождение прежних правовых традиций. Налицо прагматичное отношение к вопросам вероисповедания со стороны властей. Приоритетным оставалась заинтересованность в верной службе инородцев, поэтому государство делает ставку на уступки, компромиссы, демонстрируя лояльное отношение к иноверцам.

С другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что сами попытки государства мотивировать народы Урало-Поволжья сменить веру создавали дополнительную нервозность в отношении с подданными. Указы, направленные на социальную защиту новокрещен доказывают, что неблагополучная в социально-экономическом плане группа ясачного населения, вероятно, воспользовалась предоставленным шансом улучшить свое благосостояние, однако растеряв предоставленные правительством преимущества, вскоре превратилась в батраков¹. Наметился своеобразный раскол внутри инородческого общества, что также не стабилизировало ситуацию на национальных окраинах. Накладываясь на сложные налоговые и поземельные отношения, все это приводило к серьезным последствиям. И хотя основным мотивом многочисленных восстаний в Башкирии было, прежде всего, желание сохранить экономические привилегии, требования о сохранности ислама также были названы повстанцами, которые стремились к сохранению полной автономии и невмешательства государства не только в жизнь мусульманского населения, но и в их отношения с зависимыми от них представителями других национальностей.

Маловероятно, что указ 1681 г. мог быть главной причиной восстания башкир 1681–1684 гг., так как территорией действия указа были «низовые города». Историки не раз обращались к теме идентификации этих городов. Дореволюционные и советские историки считали, что к ним относились территории Казанской и Астраханской губерний. Д.И. Багaley в «Очерках из ис-

---

¹ Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С.74.

тории колонизации степной окраины Московского государства» относит к низовым окраинным городам следующие: Терки, Астрахань, Царицын, Самара, Казань, Тетюши, Курмыш, Алаторь, Касимов, Кадома и Темников¹. М.Н. Тихомиров, П.П. Елифанов под низовыми городами подразумевают города, находившиеся по среднему и нижнему течению Волги (Казань, Астрахань и др.)². Современные же исследователи тенденциозно расширяют территорию действия указа 1681 г. до бассейна Камы. Казанский историк И.П. Ермолаев относит к низовым территориям уезды, расположенные в Волжском бассейне ниже Нижнего Новгорода и Приуралья³.

Башкирские земли здесь не указаны напрямую, поэтому вероятнее всего, данные меры их либо не коснулись вообще, либо затронули только косвенно. Не следует забывать, что русских в регионе в тот период было крайне мало, тем более крепостных, поэтому указ не мог ущемить земельные права башкир. Впрочем, хоть последние и пользовались широкой автономией, но не были изолированы, поэтому логично, что они знали об этом указе, но то, что испытали на себе его действие крайне маловероятно. Борьба имела многостороннюю мотивацию: религиозный вопрос для повстанцев был тесно переплетен с социальным и увязывался с сохранением прежнего статуса. Нельзя исключить и того, что руководители восстания внесли свою лепту в вольное интерпретирование указа от 16.05.1681 г., называя его началом тотального принудительного крещения народов Поволжья и Приуралья⁴.

Часть историков XIX в. предполагала, что одной из главных причин башкирских восстаний XVII–XVIII вв. являлась активная пропагандистская

¹ Багалеи Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – М., 1887 г. – С. 52.

² Соборное Уложение 1649 года. – Л., 1987. – С. 325.

³ Ермолаев И.П. Создание Приказа Казанского дворца как модели управления полиэтничным регионом. // Окраины Московского государства и Российской Империи: инновационные подходы в изучении Имперской истории России. – Казань, 2015. – С. 22

⁴ Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 74; Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа, 1999. – С. 14–17.

деятельность татарских мулл-переселенцев¹. В частности, Н.А. Фирсов считал, что «башкиры в какие-нибудь 50-60 лет фанатизированы были на магометанский лад и явились послушным орудием в руках разных действительных и мнимых татарских ханов и мулл... Башкирский край сделался собственно колонией татар, не хотевших подчиняться Русской власти и не терявших веры в возможность возврата старого магометанского порядка вещей»².

Башкиры, поднимая восстание, и сражаясь на свои права, «превентивно» требовали от государства подтверждения неприкосновенности своих религиозных прав. Что и было сделано властями, к тому же в документах и нет упоминания о том, что государство планировало расширить территорию действия вышеназванных указов, включив в них башкирские земли. Русские поселенцы в Башкирии были малочисленны вплоть до 30–40-х гг. XVIII в., поэтому не требовались какие-то строгие меры для защиты христианского населения от воздействия мусульман. Отсюда и невмешательство государства в конфессиональную жизнь башкир.

В начале XVIII в., с активизацией внешнеполитических событий, многочисленных военных кампаний, проводимых Петром I, правительство было вынуждено идти на крайне непопулярные меры, для пополнения казны. В том числе на увеличение налогов с мусульман. На этот раз башкиры в полной мере ощутили на себе новую политику государства. В 1704 г. в край были присланы «прибыльщики» А. Жихарев и М. Дохов, огласившие указ о введении новых налогов. Башкиры должны были платить налог с мечетей, мулл, с каждого молящегося, с абызов, с калыма, уплачиваемого родителям невесты. За повторный и последующие браки мусульманин должен был также платить налог в казну. Указ требовал от башкир строить мечети по образцу православных церквей, кладбища также требовалось располагать рядом с мечетью. Матримониальные отношения и факты смерти требовалось фиксировать в

¹ Филоненко В.И. Башкиры. // Вестник Оренбургского учебного округа. – Уфа, 1914. – № 5. – С. 218–219; Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – Уфа, 2006. – С. 265.

² Фирсов Н.А. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. – Казань, 1866. – С. 114.

присутствии священника¹. С одной стороны, эти меры можно рассматривать, как попытку государства притеснить религиозные чувства мусульман и заставить их поменять религию. Однако, надо отдавать себе отчет, в каких исторических реалиях были приняты данные указы - государству в то время, прежде всего, были необходимы денежные средства на продолжение военных кампаний. Обеспечить этот финансовый поток в казну должны были подданные. Не следует забыть и того, что предыдущие указы о предоставлении налоговых льгот ясажным новокрещенам на 6 лет так и не были отменены и продолжали действовать². Очевидно, что в такой сложной экономической ситуации государство, наоборот, было заинтересовано в том, чтобы мусульмане сохраняли свою веру, заключали многочисленные браки, посещали мечети и платили в казну подати за это, нежели приняли православие и «исчезли» из фискальной системы в качестве налогоплательщиков на 6 лет. К тому же не следует забывать о личностном факторе - Петр I никогда не отличался религиозным фанатизмом и рвением, зато вошел в историю как царь-полководец, царь-завоеватель. К тому же именно при Петре в армии начинает закладываться принцип веротерпимости. В условиях ведения войн для такого правителя вряд ли на первый план выйдут вопросы религии и христианизации. А вот чисто финансовый аспект проблемы явно интересовал Петра Алексеевича, ищущего любую возможность пополнить казну.

Начавшееся в 1704 г. восстание вынудило власти отменить непопулярные меры. Вряд ли стоит делать особый акцент на сворачивании политики христианизации. Прежде всего, речь шла об облегчении налогового давления. Для государства подавление восстания было обременительно, учитывая разворачивающиеся события на западном направлении. Этим, так же можно объяснить и то, что восстание не могли полностью подавить целых 7 лет.

¹ История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 118; Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 61; Он же. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 126.

² Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 88.

Поэтому властям выгоднее было пойти на уступки и путем компромиссов наладить мирную жизнь в Башкирии.

Через два года после подавления башкирского восстания, Петр I вновь обратил свой взор на поволжских мусульман. В ноябре 1713 г. был издан указ «О крещении в Казанской и Азовской губерниях магометан, у которых в поместьях и вотчинах находятся крестьяне православной веры»¹. Практически в ультимативной форме было велено помещикам в течение полугода либо креститься, либо потерять свое имущество. Данная мера распространялась только на тех мусульман, кто владел православными крестьянами, что в принципе продолжает традицию защиты православных крестьян от исламизации: «в Казанской в Азовской губерниях бусурманам магометанской веры, за которыми есть поместья и вотчины и в тех их поместьях и вотчинах за ними крестьяне и дворовые и деловые люди православныя ....они бусурманы крестились конечно в полгода; а как воспримут святое крещение, и теми поместьями и вотчинами и людьми и крестьяны владеть по прежнему»². Однако изыматься должны были не только христиане, речь шла о всех землях и зависимых людях: «а ежели они в полгода не крестятся, и те их поместья и вотчины с людьми и со крестьяны у них взять и отписать на Великаго Государя, и без указа никому не отдавать»³.

Конечно, данная мера вполне может быть рассмотрена как явное принуждение к смене религии, потому что фактически не оставляла выбора. Впрочем, если помещик не желал менять веру, теоретически он мог просто «избавиться» от православных крестьян, посредством продажи их русским помещикам или отпуска на волю. В указе речь шла только о тех, в чьих поместьях жили христиане, и такой прием вполне мог избавить помещиков и от нежелательного крещения, и гарантировал сохранение земель. В любом случае, данный указ, в отличие от предыдущих, больше вписывается в концепцию принуждения к крещению. Однако, следует подчеркнуть несколько мо-

---

¹ ПСЗ РИ. Т. V. – СПб., 1830. – № 2734. – С. 66.

² Там же.

³ Там же.

ментов. Во-первых, речь все также шла о регулировании отношений между землевладельцами-мусульманами и зависимыми от них православными крестьянами. Во-вторых, указ касался именно привилегированного сословия, о рядовых подданных речь не шла. А ведь именно они в процентном соотношении составляли подавляющую массу мусульман страны, поэтому о массовом характере говорить не приходится.

Чуть позже, 27.11.1713 г. издается указ, подтверждающий меры воздействия в вопросах христианизации: «деревни, которые за басурманами, сказать, что ежели не крестятся все, отнять и чтоб в том долгова сроку не давать»¹.

Причем в этом же указе говорится также «о поселении ямщиков в С. Петербургской губернии, о недаче никому без прогонов подвод, и о закреплении губернаторам списков рекрутам и переведенцам». Территория действия той части указа, к которой говорится о крещении, не конкретизируется. Таким образом, текст является своеобразным сбором мелкосрочных указов по текущим делам. Так как этот указ, вышел всего через 3 недели после предыдущего, можно предположить, что он был лишь подтверждением предыдущего решения, и его вряд ли можно рассматривать, как попытку распространить выбранные меры на всю страну.

Изымание поместий и вотчин в пользу государства за отказ от крещения было мерой суровой и фактически впервые ставило мусульман перед тяжелейшим выбором. В данном конкретном случае, можно согласиться с тем, что христианизация народов Поволжья приобретает насильственные черты. Угрозы жизни, конечно, не было, но и обречение помещиков на незавидную жизнь неимущих, вряд ли смягчало ситуацию.

Данная мера могла, вероятно, поспособствовать ускорению христианизации в названных регионах, учитывая, что срок был определен шестью месяцами, однако, приблизительно через два года, в июле 1715 г., государство было вынуждено издать следующий указ, касающийся религиозных от-

---

¹ ПСЗ РИ. Т. V. – СПб., 1830. – № 2741. – С. 71.

ношений: «ежели которые мурзы и татары и другие люди магометанския веры, за которыми есть русские крестьяне, восприимут православную христианскую веру, и за ними тем русским крестьянам быть по прежнему; а которые мурзы и татары и другия магометанския ж веры креститься не похотят, и у тех русских крестьян с пашнею и со всеми угоды, чем они крестьяне владели, отписать на Великаго Государя, а мурзам и татарам жить в домах своих и земель, их и всякаго угоды и мельниц, которыми они владели, кроме крестьянских земель не отписывать, а владеть им»¹. Анализируя текст данного указа, можно сделать несколько выводов. Самый очевидный - государство идет на смягчение предыдущей меры, теперь речь идет лишь о изъятии у помещиков-мусульман православных крестьян с их наделами. Это фактически возврат к старой практике защиты христиан от исламизации. Но есть еще один очень важный нюанс, который не сразу бросается в глаза. А именно - по прошествии двух лет, несмотря на полугодичный срок, установленный предыдущими (довольно суровыми) законами, мурзы и татары продолжают владеть землей и православными крестьянами. Очевидно, что указы от 1713 г. хоть и носили явно принудительный характер, однако в полной мере реализованы не были. До такой степени, что потребовался новый указ, опять-таки регламентирующий вопросы владения иноверцами православными людьми. Об этом также следует помнить, рассуждая о жестоких мерах, принимаемых государством, чтобы посредством «психологического прессинга сломить волю и неповиновение служилых татар»².

Что же касается ясачного населения, государство не делало попыток ужесточения мер для активизации христианизации, продолжая действовать путем всевозможных льгот. В сентябре 1720 г. был опубликован сенатский указ на докладные пункты Сибирского губернатора князя Черкасского³. На вопрос о том, выдавать ли по прежним указам награждения иногородцам, при-

---

¹ ПСЗ РИ. Т. V. – СПб., 1830. – № 2920. – С. 163.

² Загидуллин И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. – Казань, 2016. – № 6. – С. 89.

³ ПСЗ РИ. Т. VI. – СПб., 1830. – № 3636. – С. 234.

нявшим православие, Сенатом дана резолюция: «иноземцам, которые воспримут христианскую веру, награждение давать против прежнего и по своему рассмотрению»¹. Как уже было сказано выше, государство, даруя награды иноверцам за крещение, не оговаривало срок их действий. Фактически они продолжали существовать. На практике, вероятно, их реализация зависела от конкретных возможностей местных властей. Однако, когда эти самые местные власти интересуются актуальностью прежних указов, Сенат подтверждает, что льготы продолжают действовать.

Вслед за этим распоряжением, касающимся, прежде всего, Сибирской губернии, государство сочло необходимым отдельным указом подтвердить и гарантировать льготы неопитам: «Которые некрещенные разных народов люди восприяли православную веру, или которые впредь воспримут, ... тем во всяких государственных сборах и в издельях давать льготы на 3 года, дабы тем придать к восприятию веры греческаго закона лучшую охоту ... и для оных новокрещенных на строение церквей и утвари и на дачу оным новокрещенным для крещения, Казанскому митрополиту давать по 1000 рублей на год»².

Несмотря на многочисленные указы, касающиеся религиозной жизни, башкиры практически не испытывали на себе миссионерского давления. Успехи православных миссионеров среди башкир были более чем скромны: в первой четверти XVIII в. в Башкирии крещеных было 300 дворов³. В начале XVIII в. численность башкирского этноса составляла порядка 250-300 тыс. человек⁴. Таким образом, при всем комплексе мер, используемом государством, только около 1,2-1,4 % населения Уфимской провинции стали христианами (см. Приложение 5).

¹ ПСЗ РИ. Т. VI. – СПб., 1830. – № 3636. – С. 234.

² ПСЗ РИ. Т. VI. – СПб., 1830. – № 3637. – С. 234–235.

³ Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа, 2006. – С. 370.

⁴ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – М, 1974. – С. 335, 510.

XVII в. принес много изменений для России. Выстояв во времена Смуты, российская государственность окончательно определилась с вектором своего политического развития, и начиная с первых правителей из дома Романовых, планомерно двигалась в сторону абсолютистского типа монархии. В отличие от Смутного времени, когда государство стояло на краю гибели и не имело возможности контролировать подданных, вновь восстановленная в 1613 г. монархия, усиливая централизацию, тем самым усиливала и контроль за жителями страны. Отныне, на первый план выходят общегосударственные интересы и цели, а подданные, вне зависимости от их желаний, должны были обеспечить эти цели материальными и человеческими ресурсами. Конечно, политическая трансформация государства была длительным и сложным процессом, не только с формально-юридической точки зрения. Ситуацию усугубляло сопротивление подданных, с трудом привыкающих к новым условиям. Не стоит забывать, что именно XVII в. вошел в историю под названием «бунташный». И именно в XVII в. обостряются до кровопролития отношения с башкирскими подданными.

Несмотря на значительные привилегии, которые получили башкиры, став подданными Москвы, довольно быстро государство начинает нарушать условия договора. Прежде всего, это вылилось в строительство крепостей и городов в крае. И если о строительстве Уфы, для удобного взноса ясака и укрепления обороны, просили сами башкиры, то все остальные укрепленные пункты строились по инициативе государства без согласования с местными жителями. К началу XVIII в. на территории края насчитывалось около 30 укрепленных пунктов, которые были заселены русским населением, что в свою очередь приводило к земельным спорам, недовольству и челобитным. При формальном признании вотчинных прав башкир, государство в XVII в., тем более в начале XVIII в., осознает себя безусловным верховным собственником всех земель и распоряжается ими по собственному усмотрению.

Наряду с нарушением земельным прав, государство начинает увеличивать размер ясака, а также вводить дополнительные повинности и косвенные

налоги. Это объяснялось, прежде всего, нуждами на военные расходы. Государство пополняет казну за счет усиление фискального гнета по всей стране, и башкиры не были исключением. Однако башкиры, в силу особенностей своей политической истории, не были к этому готовы. Ведь они фактически впервые стали не просто данниками сильного соседа, а обрели статус подданных. И в качестве подданных испытывали на себе все тяготы, переживаемые страной. Впрочем, их положение, даже не смотря на повышение размера налогов, благодаря автономии и самоуправлению, было все-таки легче, чем жителей центральных областей.

Перед государством стояла еще одна проблема - урегулирование отношений с мусульманским населением Урало-Поволжья. К концу XVII–началу XVIII вв. сформировалось две тенденции взаимоотношения власти с иноверными подданными: с одной стороны поощрение и всевозможные льготы новокрещенам, с другой стороны - пресечение исламизации русского крестьянства. Государство демонстрирует однозначно негативное отношение к любым попыткам притеснения православных со стороны феодалов-мусульман. Наказание было суровое - от изъятия православных крепостных до полного лишения поместий и вотчин. Однако, немаловажен тот факт, что подобное отношение было не только к мусульманам, но и к инославным христианам. Поэтому неправомерно говорить об исключительном положении ислама в Российском государстве XVI–начала XVIII вв. Также необоснованным является тезис о насильственной христианизации башкир. В указах данного периода непосредственно башкиры практически не упоминаются. Государство старалось посредством православного просвещения инкорпорировать, прежде всего, элиту, а затем уже ясачное население бывшего Казанского ханства. Башкиры же, в силу своей автономии, и практически отсутствия в крае православных крестьян, находились в стороне от этого процесса.

Таким образом, на протяжении XVII–начала XVIII вв. государство периодически, в одностороннем порядке, нарушало условия башкирского подданничества. Башкиры, в многочисленных челобитных, жаловались на нару-

шения условий договора времен Ивана Грозного. Однако, основная проблема как раз и заключалась в разном понимании условий и сроков действия привилегий. Если башкиры, ссылаясь на Жалованные грамоты XVI в., верили, что их автономия является неприкосновенной до того момента, пока они сами выполняют свою часть обязательств. Государство же, ориентируясь на создание монархии имперского типа, обладая амбициозными внешнеполитическими планами, существовало уже в системе новых отношений и категорий. Башкирский край осознавался властями как неотъемлемая часть страны, которая обязана двигаться и развиваться в едином русле в ней. Башкиры, исходя из традиционных взглядов, конечно, не могли примириться с подобным, отсюда и глубинная причина всех конфликтов.

Глава 4. Восстания башкирских племен (вторая половина XVII – начало XVIII вв.). Общие и особенные черты.

4.1. Восстания второй половины XVII в.

Следует сразу отметить различия в представлениях русских и башкир. По мнению русских, восстание со стороны тех, кто уже однажды принес присягу верности, было свидетельством измены. Для башкир же восстание являлось их неотъемлемым правом¹. Русские по-другому относились к этому вопросу: тех башкир, которые встали на сторону русских, они называли «верными башкирами», а тех, кто выступил против - «бунтовщиками»². Здесь опять прослеживается ментальный конфликт сторон, разное восприятие статуса друг друга. Договорной характер подданства воспринимался башкирами совершенно конкретно - на уровне обыденных контактов с представителями администрации. Башкиры полагали, что сопротивление местным властям, нарушающим российские законы, является проявлением лояльности верховному правителю. В своих челобитных к царю, башкиры называли злоупотреблявших чиновников «ворами», т.е. нарушителями закона. В сознании башкир существовал устойчивый стереотип поведения верховного правителя. По их мнению, царь не может издавать указы, противоречащие уже сложившемуся законодательству³. Отсюда и ожесточенное сопротивление всем новшествам, проводимым властями, категорическое отстаивание своих привилегий.

Важно, что при всей сложности ситуаций, ни одна из сторон не желала разрыва единства, конфликты протекали в пределах цивилизационной границы. Ни в одном из многочисленных восстаний, как увидим далее, башкиры не пытались отложиться от Русского государства. Требования, выдвинутые

---

¹ Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. – Уфа, 1995. – С. 55; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 13.

² Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С. 38–39.

³ Азнабаев Б.А. Автономия как башкирская этническая парадигма. // 1917 год в судьбах народов России. Том 1. – Уфа, 2017. – С. 63.

ими, были самые насущные: прекратить отбирать у них вотчинные земли, вернуть исходные подати (которые они платили исправно) и не притеснять их религию и обычаи. Они требовали от своего верховного правителя выполнения обязательств, тогда как они добросовестно выполняли свои. Башкиры, как люди феодального общества, считали, что имеют право на такую форму протеста, но угрожали лишь оружием, а не выходом из государства, так как вошли в него добровольно и обдуманно¹. Не являясь насильно присоединенными, они не рассматривали русских как захватчиков. Они не препятствовали строительству крепостей, если власти сначала советовались с местными феодалами (биями), лишней раз подчеркивая, что эти земли не были захвачены. Мирно войдя в состав Московского государства, они не хотели выходить из него, единственно, что им нужно было - не только формальное, но и фактическое сохранение за ними их земли и обычаев. За это они и боролись в ходе многочисленных восстаний.

Ход и этапы названных восстаний достаточно изучены. К тому же наш интерес составляют лишь отдельные моменты данных событий, прежде всего отличительные и уникальные черты движений, причины и цели башкир, а также методы урегулирования конфликтов, избранные государством в качестве основных. Поэтому остановимся на этих моментах, подчеркивая отношения башкир к правительственным решениям, а также постараемся определить географию событий - что провоцировало восстания той или иной башкирской дороги.

Башкирское восстание 1662–1664 гг. является первым вооруженным движением башкирских племен против государственной администрации. Впервые за вековую историю русско-башкирских отношений они вылились в кровопролитную борьбу. С этого восстания начинается целая череда вооруженных конфликтов, разгорающихся в крае регулярно. Поэтому так важно понять причины первого из них, понять, почему башкиры рискнули всеми

---

¹ Акманов И. Г. Башкортостан и Россия: Взаимоотношения в середине XVI – первой половине XVIII в. // Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. – Уфа, 1995. – С. 24.

своими привилегиями, широкой автономией и подняли оружие против Москвы.

Немаловажное значение для понимания причин башкирских восстаний второй половины XVII в. имеет анализ этно-политической ситуации в Башкирском крае накануне первого башкирского восстания 1662–1664 гг. К 30-м гг. XVII в. в регионе появился еще один фактор, который вносит изменения в устоявшийся порядок вещей, и ломает традиционные компромиссные русско-башкирские отношения. Этим фактором явились многочисленные калмыцкие племена торгоутов и дербетов, откочевавшие из Джунгарии, которые в 1620-х гг. оказались в непосредственной близости от юго-восточных рубежей России. Их появление у границ Русского царства дестабилизировало военно-политическую ситуацию в этом регионе. С одной стороны, активизировалась деятельность сибирских шибанидов. После заключения союз с калмыками, кучумовичи стали нападать на российские окраины¹. В союз с калмыцкими племенами вступила также Алтыульская Орда². Алтыульские воины с этого времени принимали самое деятельное участие в набегах на российские земли³. Под натиском торгоутов и дербетов подавляющее большинство Больших ногаев оставило привычные кочевья и уехала на «крымскую сторону» Волги.

В 1630-х гг. калмыцкие племена окончательно утвердились между рр. Яик и Волга. Они вытеснили башкир с ясачных земель по Яику, Сакмаре, Б. и М. Узени. В этот момент перекочевка калмыцких родов в Заволжье непосредственным образом влияла на политические, экономические и торговые интересы Русского государства. Пришлые кочевники заняли не только находящиеся под защитой Москвы ногайские земли, но и претендуют на башкирские вотчины, вот уже 70 лет являющиеся частью российского царства.

---

¹ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л., 1947. – т.24. – С. 45–48.

² Государственное образование ногайцев в междуречье Яика, Эмбы и Сырдарьи, выделилось в середине XVI века из Ногайской Орды. // Тrepавлов В.В. История Ногайской Орды. – М., 2002. – С. 512.

³ Буканова Р.Г. Взаимоотношения башкир с ногайцами, калмыками и казахами в XVI– XVIII вв. // Ватандаш. 2010. – № 6. – С. 44.

Угроза со стороны калмык привела к тому, что роль башкир в охране юго-восточных границ страны резко возросла. Тем более, что в первую очередь набегам подвергались именно башкирские кочевья. Правительство, посредством тарханов и биев, организует защиту границ. В пограничную службу коренного населения входило «проведывание вестей» о противниках и недопущение их набегов на государственные земли¹.

При заключении союза с Московским государством, башкиры обещали защищать юго-восточные границы государства. Как было сказано выше - это было важнейшей частью принятых ими на себя обязательств. Столкнувшись с серьезной угрозой со стороны калмыков, башкиры честно выполняли свои обязательства перед московской администрацией.

В 1633 г., когда калмыцкие отряды впервые появились близ р. Камыш-Самара, из Астрахани был отправлен отряд стрельцов. Однако усилия русских воинов были тщетны, а отряд, высланный на помощь и состоящий из ногаев и татар, не оказал никакой помощи. Сражение на р. Б.Узени закончилось победой калмык². Башкиры же выступали надежными союзниками русских войск, и их совместные действия были весьма успешными. В июле 1644 г. общим отрядом русских ратников и башкирских воинов, возглавляемым уфимским воеводой Л.А. Плещеевым, было нанесено поражение крупному калмыцкому отряду³.

Регулярными были порубежные бои башкир с калмыцкими группами, захватившими их исконные земли. Причем, тактика калмык отличалась от рядовых набегов с целью легкой наживы или незначительных приграничных стычек, и больше напоминала заранее спланированные акции⁴. По свидетель-

---

¹ Буканова Р.Г. Русско-башкирско-калмыцкие отношения в первой половине XVII века. // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале в XVII–XX вв. – Уфа, 1993. – С.71–72; Он же. Взаимоотношения башкир с ногайцами, калмыками и казахами в XVI– XVIII вв. // Ватандаш. 2010. – № 6. – С. 45.

² Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века. // Исторические записки. – М., 1939. – Т.5. – С. 68–69.

³ РГАДА. Ф.210. Оп.13. Ст. 158. Л. 397–398; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л., 1947. – т.24. – С.50.

⁴ Буканова Р. Г. Взаимоотношения башкир с ногайцами, калмыками и казахами в XVI– XVIII вв. // Ватандаш. 2010. – № 6. – С. 46.

ству московского посла, уроженца Уфы, А. Черникова, плененного калмыками и сбежавшего от них, «Лаузан-тайша говорил им не таяся, что хотел итти с воинскими своими людьми войною на низ по Белой реке и по Каме на Уфимской и на Казанской уезды, на чувашу и на черемису, и хочет де воевать до Казани» (сентябрь 1645 г.)¹. Информация подтверждалась «выходцами» из калмык². Планы были реализованы уже в сентябре 1645 г., когда совместные отряды калмыцких тайшей и ногайских мурз неоднократно нападали на земли Закамья³. Калмыки, небольшими отрядами, проводили разведку, на р. Ик ими были пленены несколько чувашей. Данные из различных источников подтверждали, что калмыки готовятся к крупной военной кампании⁴.

Крупный военный поход на Уфимский и Казанский уезды калмыки планировали и в 1648 году⁵. Планы их были сорваны успешными действиями башкир, которых возглавил князь А. Сулейманов. Последние узнали о планах врага от казанского татарина И. Исаева, сбежавшего из калмыцкого плена. Он рассказал, что «Дайчин-тайша послал под Астарахань войною пять тысяч калмыков, да под Самару, и под Саратов, и под Царицын пять тысяч же человек. Да в Казанской и Уфинской уезды вниз по Белой и по Каме рекам пять тысяч же человек, да в Уфинской же уезд вверх по Белой реке для вожей и языков пятьсот человек»⁶. Башкирские воины разных волостей уезда (Кипчакская, Минская, Айская, Табынская), отвезя свои семьи в безопасное место, начали готовиться к столкновению с калмыками. Под началом князя Сулейманова собралось 560 человек рядовых воинов, возглавляемых своими биями⁷. Отряд башкир настиг калмыков, к тому времени уже переправив-

¹ РГАДА. Ф.119. Оп.1. 1645 г. Д. 1. Л. 112–113.

² Там же. Л.114–115, 137.

³ Воеводский наказ голове Андрею Федорову Люткину о том, чтобы он шел со своею сотнею за Каму, в Ахтачинский острожек против калмыков и нагайцев, отправившихся на русские, чувашские и мордовские деревни Казанского уезда. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. (Акты археографической экспедиции.) Т.4. – СПб., 1836. – С.1–2.

⁴ Буканова Р. Г. Взаимоотношения башкир с ногайцами, калмыками и казаками в XVI–XVIII вв. // Ватандаш. 2010. – № 6. – С. 46.

⁵ РГАДА. Ф.119. Оп.1. 1648 г. Д. 1. Л.1–1об., 18–19.

⁶ Там же. Л. 3–4.

⁷ Буканова Р. Г. Взаимоотношения башкир с ногайцами, калмыками и казаками в XVI–XVIII вв. // Ватандаш. 2010. – № 6. – С. 47

шихся через р. Белую и разоривших деревню Телкал. Жители деревни - ясачные мордовцы - были захвачены в плен. Башкирский отряд организовал ловушку калмыкам у р. Армыте, где и состоялся бой, закончившийся победой башкир¹.

Подобных примеров было достаточно, чтобы утверждать, что основная тяжесть защиты юго-восточных рубежей страны от разорительных набегов калмыков и ногайцев лежала на местном населении.

Несмотря на успехи башкир, в конце 40-х гг. XVII в. калмыки уже кочевали в непосредственной близости от р. Волги. В связи с этим появляется опасность вторжения калмыцкой конницы в центральные регионы Московского царства, которая усиливается вероятностью союза между калмыцкими тайшами и Крымским ханством.

К 1650-м гг. Русское царство уже накопило достаточный опыт противоборства с кочевыми народами. В это же время ведется строительство Закамской укрепленной линии, были основаны укрепленные крепости (Заинск, Шешминск, Ахтачинск, Мензелинск), заселенные крестьянами, служилыми людьми и казаками из центральных областей. Что вызвало недовольство башкирского населения, так как многие остроги были возведены на их вотчинах. И это не удивительно - башкиры добросовестно выполняли свою часть сделки, в то время как московская администрация, строя крепости на башкирских землях, нарушала их вотчинное право. В 1645 г. башкиры Казанской дороги пытались уничтожить крепость, но потерпели поражение. «Заинчицкиков большею частию предали казни»². И, тем не менее, открытое недовольство и сопротивление не вылилось в крупномасштабное восстание всех четырех дорог. Скорее всего, это объясняется тем, что башкиры осознавали опасность калмыцких притязаний и их регулярных попыток начать полномасштабную войну. Башкиры, хоть и были недовольны захватом земли под строительство крепостей, понимали, что данные укрепленные линии будут

---

¹ Буканова Р. Г. Взаимоотношения башкир с ногайцами, калмыками и казаками в XVI–XVIII вв. // Ватандаш. 2010. – № 6. – С. 48.

² НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 82.

защищать не только внутреннюю часть страны, но прежде всего их же земли. Башкиры приняли данное вынужденное нарушение русскими властями условий подданничества ради безопасности собственных кочевий.

Действительно, после завершения строительства Симбирской и Закамской засечной черты, роль башкир в защите границы снижается, облегчая им пограничную службу, так как укрепленные валами и засеками линии, отрезали для калмыцких конников путь вглубь страны.

Однако, окончание строительства Закамской линии совпало с вековым событием в истории русско-калмыцких взаимоотношений. В 1655 году калмыцкие тайши впервые принесли письменную шерть - присягу на верность русскому царю. Все данные ранее клятвы были устными, и калмыками почти всегда нарушались. В ответ московское правительство закрепляет за калмыцкими родоплеменными союзами право кочевания по р. Волге. Царская администрация также рассылает в Уфу и понизовые города указ о ненападении на новых подданных¹.

Конечно, Московское государство было заинтересовано в налаживании конструктивных отношений с калмыцкими тайшами. Если в 1630-40х гг. оно защищало интересы своих башкирских подданных, требуя неприкосновенности их вотчин, то с вхождением калмыков в состав страны, ситуация меняется. Правительство отдает предпочтение новым подданным, в ущерб уже имеющимся. Правительству было важно закрепить недавно вошедших в состав России калмыков, использовать их конницу в военных действиях против Крымского ханства. Поэтому в конце 50 – начале 60-х гг. XVII в. оно запретило башкирам нападать на калмыцкие улусы².

Подобные изменения в русско-башкирских соглашениях, да еще сделанные в одностороннем порядке, без какого-либо повода со стороны башкир, не могли не вызвать недовольства. Башкиры подтвердили свою предан-

---

¹ РГАДА. Ф.119. Оп.1. 1655 г. Д. 1. Л. 99.

² Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С. 42; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л., 1947. – т.24. – С. 97–98.

ность правительству, проливая кровь, защищая интересы Москвы, и естественно были возмущены предательством государства, которое утратило заинтересованность в них как защитниках юго-восточных границ. Однако башкиры не собирались безмолвно взирать на попытки государства лишить их законных земель. Нет ничего удивительного, что недовольство, спровоцированное содействием царского правительства калмыцким феодалам в захвате земель в юго-западной Башкирии, вылилось в вооруженное восстание¹.

Восстание началось в Зауральской Башкирии, что примечательно, потому что поводом к вооруженному движению послужил захват юго-западных земель Башкирии. Данный факт только подтверждает ранее высказанное - зауральские башкиры готовы были использовать любой факт, чтобы поднять восстание. В июле 1662 г. отряд под предводительством Сары Мергена, состоявший из 600 башкир, мари и татар, напал на Катайский острог и Далматов монастырь. Разорив окрестные деревни, повстанцы вернулись к озеру Иртяш, где оставались их семьи².

В начале августа повстанцы нападали на укрепленные пункты, расположенные по рр. Исеть, Чусовая и Пышма. Движение становилось массовым. Но под напором карательных отрядов восставшие отступили³.

Другим районом, где развернулась ожесточенная борьба, был юг Кунгурского уезда. По данным Пермской летописи, в июле отряды повстанцев Сибирской и Осинской дорог нападали на крепости, монастыри и села уезда. К ним присоединились кунгурские, вятские и уржумские татары. В конце месяца восставшие взяли Кунгур, а так же заняли и разорили Степановский острог, Воздвиженскую и Рождественскую пустыни, монастырские села и

¹ Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С.24; Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л., 1947. – т.24. – С. 32; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. – Уфа, 1993. – С. 92.

² Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С. 44; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 112.

³ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л., 1947. – т.24. – С. 85–87.

деревни на р. Сылве¹. Из крупных населенных пунктов района уцелел только Спасский монастырь, где и укрылось окрестное население².

Спустя десять лет монахи Соликамского Вознесенского монастыря так описывали события 1662 г.: «...в прошлом де во 170 [1662] году уфинские башкирцы изменили и Кунгурской острожек взяли, и села и деревни запустили, и русских людей и их черемису, и жен их и детей порубили, и в полон побрали, и пограбили без остатку, а они де к изменником ни в чем не приставали и сидели с рускими людми в осаде в Спаском монастыре, и с изменники бились, не щадя голов своих...»³. По рассказам кунгурских черемисов «...в прошлом де во 170 [1662] году, сылвенского поречья ясашные татары и уфинские башкирцы изменники многие места, села и деревни опустошили и их Воздвиженскую пустыню церковь Божию сожгли, и многих старцов и белцов порубили, и житницы с хлебом и мельницы сожгли...»⁴.

Между районами повстанческой борьбы были, по-видимому, определенные связи. Имеются сведения, что еще до начала восстания посланцы Сары Мергена побывали на севере Башкирии, призывая население к выступлению. Кроме того вряд ли было случайным то, что движение в Кунгурском уезде началось сразу вслед за выступлением зауральских повстанцев.

О событиях на Казанской и Ногайской дорогах в 1662 г. сохранилась лишь общая информация. Вероятно, башкиры этих дорог, получившие ряд выгод от соглашения с Москвой, не решались братья за оружие при первых же проблемах. Логично предположить, что они хотели защитить свои земли и ждали от правительства выполнения своих обязательств. Однако правительство, впервые столкнувшееся с башкирским восстанием, не осознавало всей опасности, и той глубины различий между взглядами башкир и самого государства на сложившуюся ситуацию. Для администрации царя Алексея

¹ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 113.

² Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л., 1947. – т.24. – С. 85–87.

³ Цит. по: Порталь Р. Урал в XVIII веке. Социально–экономическая история. – Уфа, 2003. – С. 178.

⁴ Цит. по: Там же.

Михайловича естественно и логично было реагировать на события, прежде всего, исходя из насущной геополитической обстановки. А союз с калмыками имел большое значение для России. Неудивительно, что власти, в стремлении реализовать внешнеполитические цели, не приняли во внимание внутриполитический аспект - тот факт, что протекторат над калмыками и защита их улусов ущемляет права других подданных, башкир. Последние не готовы были мириться с подобным положением дел.

В обращении уфимского воеводы стольника А.М. Волконского к восставшим говорится: «в прошлом во 170-м году от вас, ото всех дорог башкирцов, учинилась измена и всякое воровство, Уфимской и Казанской уезды повоевали, церкви божьи обругали и пожгли, и села, и деревни, и хлеб, и сена пожгли ж, и людей побили и в полон поимали»¹. Во главе повстанцев стояли Гаур Акбулатов и Улекей Кривой².

Осенью 1662 г. обеспокоенное размахом народного движения в Башкирии царское правительство приняло меры для борьбы с повстанцами. Было отдано распоряжение о переброске в Башкирию значительных воинских сил. Осенью 1662 г. из Тобольска выступили пехотный и драгунский полки под командованием полковника Д. Полуэктова. Направленность правительственных войск, прежде всего на зауральских повстанцев подтверждает, что это был основной центр движения, вызывающий тревогу властей.

Узнав о приближении полков Полуэктова, основная масса восставших оставила район сибирских слобод и отступила в горы. Но Полуэктову удалось настичь повстанцев около озера Иртяш. Многие бунтовщики были убиты, нескольких взяли в плен. Каратели разорили окрестные башкирские деревни³.

Действия команды Полуэктова не привели к прекращению народного движения в этом районе. В это время происходит раскол в рядах бунтовщиков. Мерген, выражая стремление наиболее радикальной части, настаивает на

---

¹ Цит. по: История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 210.

² НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.12. Д. 112. Л. 96.

³ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 81.

продолжении борьбы. Он обращается за помощью к калмыцкому тайше Тайчину. Но калмыки не поддержали зауральских башкир, что не удивительно, учитывая недавние конфликты между калмыками и башкирами. Еще одной причиной отказа может быть нежелание калмыков портить отношения с новым сеньором - московским правительством, которое встало на их сторону, разрешив захват части башкирских земель, что и послужило поводом к восстанию.

Некоторые повстанцы стали склоняться к переговорам с властями. Узнав об этом, тобольский воевода направил к ним своих послов. Несколько «лучших» башкир в свою очередь побывали в Тобольске. Переговоры шли до марта 1663 г., но реальных результатов не дали. Однако примечателен сам факт попытки башкир пойти на переговоры. Как уже было сказано выше, больше половины зауральских башкир приняли российское подданство добровольно, и получили от государства земли в вотчинное владение. Неудивительно, что при первой же неудаче восстания, они постарались сохранить хотя бы то, что имели. Другой же группе нечего было терять, и нечем было торговаться с русской администрацией - их предки были подчинены насильно и они были вынуждены платить крайне обременительный налог. И пойдя они на мировую, продемонстрировав слабость, им бы уже не приходилось рассчитывать на какие-либо поблажки и улучшения. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить наметившийся раскол в рядах повстанцев.

Общее руководство борьбой с восстанием правительство возложило на князя Ф.Ф. Волконского, одного из казанских воевод. Одновременно был смещен уфимский воевода. Им стал стольник А.М. Волконский. Карательные войска подошли к Мензелинску, а затем направились в Уфу. Командование обращалось к восставшим с призывом принести повинную, чего не было сделано по отношению к сибирским башкирам. Власти понимали, что предуральские башкиры в подавляющей массе настроены к властям более лояльно, нежели зауральские. Попытка решения конфликта мирным путем, в рамках переговоров, здесь была более жизнеспособна. Первыми явились те башкир-

ские феодалы, которые не принимали участие в бунте, однако решили засвидетельствовать свою верность властям и тем самым обеспечить безопасность своих привилегий.

Во время продвижения войск к Уфе пришла с повинной часть повстанцев Казанской и Ногайской дорог. В Уфе воеводы казнили предводителей движения «Гоурка да Улекейка Кривова с товарищи»¹, однако не сохранилось сведений о том, как они попали в руки властей. Скорее всего, они были выданы властям башкирами, принесшими повинную². Осенью 1662 г. были проведены карательные акции по Сибирской дороге, потому что местное население не пожелало прийти с повинной. Поход не достиг своей цели³.

В ноябре в Уфе по приказу князя Г.С. Черкасского были созваны 300 представителей различных волостей для переговоров. Собравшиеся башкиры решили прекратить борьбу и составили челобитную на имя царя⁴.

В итоге обстановка в Уфимском уезде немного нормализовалась. Однако об окончательном мире говорить еще было рано. Решая продолжить движение, бунтовщики искали союзников. Сибирские башкиры налаживали связи с коренными народами Зауралья. Они также приглашают присоединиться к ним царевича Кучука, правнука Кучума, который прибыл после смерти Сары Мергена.

Известно, что сибирские царевичи, в том числе и Кучук, не представляли серьезную силу в военном отношении. Зачем же тогда он был нужен восставшим? Последние пытались, по-видимому, использовать царевича как фигуру, вокруг которой можно было объединить нерусские народы Зауралья в борьбе против царского правительства. Не случайно они параллельно вели

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.12. Д. 112. Л. 98.

² Акманов И.Г. Восстание 1662 – 1664 гг. – первое массовое движение башкир. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. – Уфа, 1981. – С. 89; Он же. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 114.

³ Чулошников А.П. Феодалные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. – М.–Л., 1936. – С. 59–63.

⁴ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.–Л., 1947. – т.24. – С. 102.

переговоры и с калмыками, чтобы получить от них более существенную помощь. Были установлены связи с калмыцкими тайшами Дайчином и Аюкой¹.

Активные действия возобновились весной 1663 г. Вновь первыми выступили жители Сибирской и Осинской дорог. К ним присоединились манси и группа русских людей из Верхотурья². Это может служить доказательством того, что башкиры подняли восстание не против русских, а конкретно против политики правительства.

Летом 1663 г. вооруженная борьба развернулась по всему Зауралью. Примечательно, что во главе бунтовщиков стояли местные башкиры (А.Урускулов, Б. Токтамышев, У.Баккин), а не представители калмыков или сибирские шибаниды.

В обострившейся обстановке в район восстания вновь направили значительные воинские силы под командованием полковников Д. Полуэктова и В. Бланка³.

Весной 1663 г. возобновилось восстание на Ногайской и Казанской дорогах, где и происходил захват земель, спровоцировавший восстание. Башкиры поддержали калмыки, однако сложно утверждать, что их участие было многочисленно.

Безрезультатной оказалась попытка организации общей операции всех 4 дорог осенью 1663 г. После провала этой операции бунтовщики Ногайской дороги начинают переговоры с воеводой, который обещал им прощение за участие в восстании и различные уступки. В итоге переговоров башкиры Ногайской дороги прекратили борьбу и составили челобитную на имя царя, прося того о прощении. В конце февраля 1664 г. они вернулись в Уфимский уезд с царской грамотой⁴.

---

¹ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л., 1947. – т.24. – С. 82, 90–91.

² НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1 Л. 81об.

³ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 211.

⁴ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 81об.

На Казанской же дороге восстание продолжалось. Обращает на себя внимание подчеркивание воеводой в обращении к повстанцам активности именно рядовых башкир («молодые люди»)¹.

Призывы прекратить восстание долго оставались безрезультатными. О времени прекращения борьбы и начале переговоров сведений не имеется.

В ходе переговоров башкиры добились удовлетворения некоторых своих претензий. Уфимский воевода А.М. Волконский был снят с должности за злоупотребление властью. Наиболее важным и злободневным для башкир стало подтверждение вотчинного права на земли и угодья. Новый воевода Ф.И.Сомов был обязан рассматривать все поземельные жалобы и удовлетворять требования. Верховная власть пообещала наладить сбор ясака и пресекать попытки грабежа².

В зауральских районах борьба не прекращалась. Крупные военные силы Полуэктова громили башкирские деревни. В это тяжелое время сибирские царевичи не пришли на помощь повстанцам, хотя царевич Кучук имел под рукой отряд из 300 человек, а рядом кочевали его братья Чучалей и Асан³.

Поход Полуэктова не достиг цели, и летом 1664 г. восстание возобновилось. Но к октябрю 1664 г. прекратились активные действия. Видимо, в это время между башкирами и царевичем Кучуком произошел окончательный разрыв, и Кучук ушел из Башкирии. Бунтовщики пошли на переговоры с тобольским воеводой. Вооруженное сопротивление прекращается.

Восстание 1662–1664 гг. было первым массовым выступлением башкирского народа. В отдельные периоды восставших поддерживали представители других этнических групп урало-поволжского региона (татары, манси, русские). Также участие в бунте приняли калмыцкие рода и сибирские шибаниды. Впрочем, последние были привлечены только для консолидации пов-

---

¹ Память уфимского воеводы кн. А. М. Волконского уфимским башкирам с призывом к покорности и к прекращению восстания. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – С. 164.

² Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. // Исторические записки. – М.– Л., 1947. – т.24. – С. 105–107.

³ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 211.

станцев (так как были слишком слабы для реальной помощи), а вот калмыки реально оказывали военную помощь башкирам. Несмотря на это ни те, ни другие не сыграли существенной роли в движении, их участие не изменило характер бунта. Материалов, доказывающих желание отказаться от московского подданства и намерения башкир признать над собой власть калмыцких тайшей или сибирских шибанидов, нет. Данное восстание продемонстрировало желание русской администрации лишить башкир их автономии, реализовать верховное право свободно распоряжаться башкирской землей. С другой стороны, во время восстания обнаружилась разобщенность башкирского общества, показав истинные интересы сторон, мало поменявшиеся за сто лет. Большая часть башкир шла на переговоры с властями ради установления мирных взаимовыгодных отношений, другая - меньшая - часть, находясь в затруднительном экономическом положении, легко поднимала восстание, используя любой повод, который давало им московское правительство.

Временные уступки властей не устранили главных причин недовольства местного населения. Продолжающийся захват башкирских земель, фискальный гнет, злоупотребления местных властей создавали предпосылки для нового вооруженного выступления¹.

Весной 1681 г. в ряде мест Уфимского уезда идет формирование повстанческих отрядов. Сохранились документальные свидетельства о налаживании связей в июне-июле между Сибирской и Ногайской дорогами². Совместные отряды бунтовщиков в августе 1681 г. разворачивают активные действия в центре Башкирского края. Массовый характер движение приобрело весной 1682 г. Наиболее интенсивные действия развернулись на Осинской дороге. Основной удар восставшие направили на Кунгур и его окрестности. Движение поддержали мордва и татары. Было беспокойно на западе и в центре Башкирии. «Башкиры, соединяясь то с киргизами, то с казанскими и сибирскими татарами и калмыками, подступили к Уфе, грабили Казанский

---

¹ Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 73.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 212.

уезд, жгли селения и посевы, убивали и брали в плен жителей и доходили до Верхотурья, Тюмени и Кунгура»¹. На основании некоторых косвенных материалов историки предполагают, что старшина Сеит, выступивший предводителем восстания, был духовным лицом и феодалом².

Традиционно в историографии поводом для начала восстания считается политика христианизации народов Урало-Поволжья. Как говорилось ранее, правительство не стремилось насильно обратить в православие всех жителей бывшего Казанского ханства, однако, указы, призванные регламентировать отношения мусульман с православными, конечно, вызывали недовольство. Прежде всего, у татарских феодалов и духовных лиц. Информация об этом, естественно, доходила и до башкир, создавая почву для недовольства и желания с оружием в руках защищать свои конфессиональные привилегии. Сохранение исламской религии было одним из условий вступления башкир в состав государства, поэтому неудивительно, что в восстании приняли участие не только сибирские башкиры, но и рода из центральной и западной Башкирии. Именно последние точно знали, что российские власти обещали сохранить их религию и обычаи, и считали, что имеют полное право отстаивать свои привилегии.

В середине мая 1682 г. правительство приняло решение направить против повстанцев крупные воинские силы. Стягивая к Уфимскому уезду войска, правительство параллельно стремилось урегулировать ситуацию «дипломатическим» путем. В царской грамоте власти официально подтверждали право населения исповедовать религию предков, обещали прощение бунтовщикам и разные «милости»³. Это привело к расколу в рядах повстанцев. К компромиссу с властями склонялась, в первую очередь, верхушка башкирского общества - та его часть, которая действительно пользовалась привилегиями и не хотела их терять. Именно они, как ответственные налогоплательщики, представляли, насколько незначительна плата башкир за автономию,

---

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 82.

² Хадыев М. История башкир. – Уфа, 2007. – С. 88.

³ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 212.

которой они пользовались уже более ста лет. Другая группа восставших во главе с Сеитом не шла на соглашение с властями и продолжала борьбу. К ним присоединились отряды калмыков, к которым восставшие обратились за помощью. Несмотря на то, что калмыки приняли протекторат Российского государства, тайша Аюка вел вполне самостоятельную, а подчас и двуличную политику по отношению к Москве - то принимая подданство, то выходя из повиновения и устраивая набеги¹.

В августе - октябре активные действия разворачиваются на Ногайской дороге. Активизация восставших на западе и в центре Уфимского уезда вызывает волнения в Зауралье. Необходимо отметить, что и здесь восстание началось также вопреки сопротивлению части «лучших» башкир.

В этой обстановке власти приступают к решительным действиям. В августе - сентябре в верховьях Яика состоялось крупное сражение. Но сведений о его результатах в источниках не обнаружено². Во второй половине XVII в. в верховьях р. Яик располагалась Куваканская волость, а племя кувакан, как было сказано выше, не входил в число тех, кто добровольно принял российское подданство. Это является еще одним подтверждением того, что способ включения башкирских племен в состав государства напрямую влиял на их взаимоотношения с московской администрацией.

Массовый характер движения, появление в Башкирском крае калмыцких отрядов серьезно осложнило борьбу карателей с бунтовщиками. Тем более надо помнить, что в это же время московские стрельцы вышли из повиновения, и правительство не могло пополнить местные карательные экспедиции.

Поэтому правительство прибегает к тактике «разделяй и властвуй». К переговорам с тайшей Аюкой приступает астраханский воевода. Подарками и обещаниями в начале 1683 г. он добивается от калмыков полного отказа от

---

¹ Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. – Элиста, 2007. – С. 112–114.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 214.

дальнейшей поддержки башкирских бунтарей¹. Это помогло правительству усмирить повстанцев: «только отпадение от бунта усердного их союзника, калмыцкого хана Аюка, и вследствие этого, ослабление бунтующихся успокоили понемногу страну»².

Башкирских повстанцев старались успокоить обещаниями прощения и уступок. В правительственной грамоте от октября 1682 г. официально осуждалась политика захвата башкирских вотчин. Был уволен уфимский воевода Коркодинов, а на его место назначен московский окольный князь Д.А. Барятинский. Это были важные уступки башкирам со стороны Москвы. Несмотря на эти меры, весной 1683 г. бунт продолжился, теперь на территории Ногайской дороги. По всей вероятности, обещания и словесное осуждение политики местных чиновников, не решали коренных причин восстания. После нескольких сражений с уфимским отрядом повстанцы вынуждены были уйти в степь.

В вооруженных столкновениях на Казанской дороге башкирам оказывали поддержку отдельные калмыцкие отряды. Но в основном калмыки в этот период уже отошли от восстания.

После нескольких поражений в районе Мензелинска, осенью 1683 г. на большей части Уфимского уезда бунт был подавлен. Но в 1684 г. волнения продолжились, однако после поражения в сражении у с. Богородского, бунт резко пошел на убыль.

Сеит бежал и продолжил борьбу на территории Сибирской дороги.

Второе башкирское восстание, продолжавшееся с перерывами около четырех лет, было направлено против налогового гнета. Его главной движущей силой были рядовые общинники. Феодалная верхушка и «лучшие» башкиры отошли от восстания сразу же после отказа властей от непопулярных мер, приведших к выступлению. Подобный раскол в рядах повстанцев характерен для всех башкирских восстаний. Постоянными союзниками баш-

¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 215.

² НА УФИЦ РАН. Ф. 23. Оп.1. Д. 1. Л. 82об.

кир являлись татары, мишари, мари, чувашаи. Важной была, особенно в военном отношении, поддержка восставших со стороны калмыцких отрядов, хотя они участвовали лишь в определенные периоды движения.

Правительство не сумело быстро подавить восстание вооруженным путем. Это объяснялось сложной социально-политической обстановкой в центре страны, отвлечением значительных воинских сил на подавление восстания в Москве и других городах, а также широким размахом народного движения в Башкирии.

4.2. Восстание 1704 – 1711 гг.

Резкое усиление налогового гнета в стране в начале XVIII в. коснулось и Башкирии. Летом 1704 г. в Уфу была привезена грамота Приказа Казанского дворца об изъятии в казну наиболее крупных рыбных ловель, обложении населения дополнительными многочисленными сборами, провидении переписи населения и ряда мер, затрагивающих религиозные чувства мусульман: «с абызов с мечетей и с кереметей, и со всякого человека по три деньги на всякой год»¹. Башкиры должны были платить налог с мечетей, мулл, с каждого молящегося, с абызов, с калыма, уплачиваемого родителям невесты. Был введен налог с мечети - по пять рублей с каждого муллы и по одному алтыну с приходящих в мечеть². Указ требовал от башкир строить мечети по образцу православных церквей, кладбища также требовалось располагать рядом с мечетью. Матримониальные отношения и факты смерти требовалось фиксировать в присутствии священника.

Кроме этого новый указ затрагивал земельные интересы башкир - в ведение казны переходили наиболее крупные рыбные ловли по рр. Кама, Белая и другим с прилегающей территорией. Дополнительные сборы назначались с домовых ульев, с бань, со свадеб, с лошадиных и жеребьячьих кож, с печей, с мельниц, с прорубей, с окон, погребов, с каждого приехавшего в город на ба-

¹ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. – Уфа, 1993. – С. 123; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 126.

² Асфандияров А.З. Религиозная политика царизма в Башкортостане в период феодализма. // Башкирский край. – Уфа, 1991. – Вып.1. – С. 17–18; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 36.

зар. «Прибыльщики» Андрей Жихарев и Михаил Дохов, привезшие указ в Уфу, в своем рвении придумывать новые статьи налога дошли до нелепых вещей: они обязали башкир платить налоги с цвета глаз¹.

Созванные в Уфу выборные от башкир посчитали, что данные поборы ведутся без одобрения царя, а раз так они имеют право не подчиняться «незаконным» требованиям. Башкиры апеллировали, прежде всего, к грамотам прежних лет: «... в прошлых де годах присланы к ним великого государя грамоты, что всяких поборов вновь не накладывать, и вотчин не отымать, и их веры не нарушить до окончания жительствова². Князю Уракову, приехавшему из Казани в начале 1705 г. для выяснения обстановки в крае, башкиры говорили «их мечети велели им они переписчики огораживать, и в той де городьбе у мечетей мертвых их класть, а то их де вере мертвых около мечетей не кладут, и по тому знатно, что ведут их ко крещению»³.

Однако, необходимо уточнить, что усиление налогового гнета распространялось не только на башкир, или мусульманское население Урало-Повольжья. Это была общая тенденция начала XVIII в.

Выборные от башкир избили «прибыльщиков», отняв у последних привезенную бумагу и уничтожили ее. С этого прямого неповиновения чиновникам начался самый продолжительный бунт в Уфимском уезде.

С целью подавления недовольства на начальной стадии в регион были присланы войска, командовал которыми комиссар А.Сергеев. Правительство, несмотря на острую реакцию местного населения на налоговые повышения, продолжает выбранную линию. Сергеев объявляет башкирским делегатам, что каждая дорога обязана поставить на нужды армии по пять тысяч голов лошадей. Услышав отказ, комиссар применяет силовой метод достижения цели - после полученных побоев несколько делегатов умерло, остальные вы-

¹ История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 118; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 126.

² Докладная выпись, сделанная в Правительствующем Сенате о притеснениях и обидах башкирам со стороны представителей русской администрации А. Сергеева, М. Дохова и А. Жихарева и о следствии по этому делу. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936.– С. 208–209.

³ РГАДА. Ф.108. Оп.1. Д. 2. Л. 3.

нуждены были согласиться собрать по 1300 голов с дороги. Сбор «обещанных» лошадей вылился в разграбление населения¹. «В Уфу прислали воеводу Сергеева, он и его сподвижники Хохлов и два брата Аристовы, раздражали инородцев оскорблением их религии; суровостью, насилием и неумеренным корыстолюбием вызвали негодование во всей Башкирии»².

Ответной реакцией со стороны местного населения стал отказ выплачивать ясак и подчиняться распоряжениям местной власти. Весной 1705 г. ситуация накаляется до предела и башкиры некоторых волостей Казанской и Ногайской дорог берутся за оружие. Жители именно этих областей, имея на руках Жалованные грамоты, понимали, что происходящее беззаконие нарушает легитимные привилегии башкирского народа. Поэтому и неудивительно, что вооруженное сопротивление начинается именно с западных и центральных областей Уфимского уезда.

В это время народные волнения охватили Среднее Поволжье, а в Астрахани вспыхивает бунт. Башкиры знали об этом, сочувствовали восставшим³. В такой напряженной обстановке верховное правительство решает усмирить башкир, обещая разобраться с причинами недовольства. В конце 1705 г. фельдмаршал Б.П.Шереметьев не только освобождает из-под ареста башкирских делегатов, посаженных туда по приказу А.Сергеева, но и сменяет уфимского воеводу. Начинаются переговоры с повстанцами, которым было предложено составить челобитную на имя царя, что они и сделали, рассчитывая на «высочайшую милость». Итогом переговоров стало снижение напряженности, однако окончательного мира не наступило. Башкиры, исходя из своего предыдущего опыта, понимали, что обещания, данные представителями власти, не всегда выполняются в полном объеме.

Весной 1706 г. восстание вспыхнуло с новой силой.

¹ Докладная выпись, сделанная в Правительствующем Сенате о притеснениях и обидах башкирам со стороны представителей русской администрации А. Сергеева, М. Дохова и А. Жихарева и о следствии по этому делу. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936.– С. 208.

² НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 82об.

³ История и культура Башкортостана. – Уфа, 2003. – С.64–67.

Весной 1706 г. правительство подавило астраханское восстание. Не переросло в полновесный бунт волнение жителей Среднего Поволжья. Это радикальным образом сказалось на отношении властей к башкирским повстанцам и выдвигаемым ими требованиям.

По распоряжению Петра I башкирские послы, привезшие челобитную, 18.07.1706 г. были арестованы. Под конвоем их отправили в Казань «для подлинного розыску». По решению казанской администрации Д. Ишкеев, предводитель движения на Казанской дороге был казнен, остальные приговорены к тюремному заключению¹. Так завершается первый этап восстания.

С осени 1706 по осень 1707 гг. вооруженных столкновений не было. Но жестокая расправа с делегатами провоцирует новую волну недовольства местных жителей. Никогда до этого российские власти не подвергали репрессиям башкир, пришедших с челобитными. Представители башкирских племенных союзов обладали «посольским иммунитетом» и поэтому шли на переговоры с центральными властями, веря в справедливость последних и надеясь на их заступничество от «прибыльщиков». Новая же власть, в лице нарождающейся империи, не собиралась признавать паритет собственных требований и желаний своих подданных. Это был первый сигнал смены приоритетов юго-восточной политики, уход от традиций замирения и уступок к традициям абсолютной централизации и беспрекословного подчинения окраин столице.

Готовясь к возобновлению борьбы, башкиры ищут помощи у Крымского ханства и Османской Турции. Однако последние не оказали поддержку повстанцам. Посланец восставших Мурат смог установить лишь связи с некоторыми народами Северного Кавказа². Это является доказательством того, что для башкир было не принципиально у кого просить помощи. Ранее башкиры никогда не искали поддержки у других государств, все коллаборации проходили на уровне личной заинтересованности участников движения. На-

---

¹ Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 95.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 216.

ряду с башкирами поднимали оружие другие народы Урало-Поволжья, также испытывающие на себе все возрастающее влияние государственного аппарата. Если же говорить о калмыках, то до принятия российского протектората, их целью была просто нажива. Башкиры, вероятно, могли рассчитывать на содействие со стороны Крыма или Турции, если бы собирались поменять подданство. Однако, отсутствие поддержки от крымчан и турок, лишний раз подтверждает, башкиры воевали не за освобождение от русских, а за сохранение вольготного положения внутри страны. Следовательно, не собирались «идти под руку» крымского хана или турецкого владыки, так как в противном бы случае Крым и Турция явно бы заинтересовались возможностью присоединить к себе обширные земли Башкирского края. Их прохладное отношение к событиям, разворачивающимся в Башкирии, подтверждает мнение о том, что башкиры не собирались в обмен на помощь принимать новое подданство.

Широкомасштабная борьба развернулась осенью 1707 г. После одержанной крупной победы под Соловарным городком, бунт охватывает весь Уфимский уезд. В движение опять включились татары, мари, чуваша, мишари. Из Казанского уезда были направлены 2 регулярных полка, которые тщетно старались подавить восстание. Д.С. Волков так описывал события: для подавления бунта и поимки предводителей в ноябре 1707 г. «послали из Уфы Петра Хохлова с отрядом в 900 человек; с ним отправились и башкиры, которые обещались верно служить; с другой стороны, от Казани на помощь шел ...Сидор Аристов с конным отрядом в 770 человек и полковник Рыдарь с солдатскими полками. Хохлов встретил мятежников на урочище Юрактау...бывшие с Хохоловым башкиры изменили ему и, соединяясь с своими, осадили отряд Хохлова в степи»¹. Мало того, что башкиры в открытую пошли на предательство, так еще и проявили жестокость: «морили десять суток, не давая ни пить, ни есть, ни спать, и когда русские обезумели от голода

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 82об-83.

и безсонницы, башкиры разорвали обоз, побили и взяли в плен 400 человек»¹. 500 человек во главе с Хохловым смогли прорваться к Соловарному городку, и дожидаться помощи от Аристова и Рыдаря².

Осенью 1707 г. юго-восточные и южные регионы страны были охвачены восстанием, во главе которого стоял атаман К.А. Булавин. Исследователи единодушно утверждают, что между башкирскими повстанцами и казаками-булавинцами существовали связи³.

В начале 1708 г. восстание расширяется, охватывая часть Казанского уезда. Тяглое населения, также как и башкиры, испытывая экономическое давление, поддерживает бунтовщиков. Феодалы же по большей части остаются верны правительству и участвуют в подавлении восстания⁴. Мятеж набирал обороты, разрастался, что логично приводило в многочисленным жертвам среди мирного населения: «села и деревни запылали... день ото дня умножается воровство и грабительство башкир», казанский вице-губернатор Кудрявцев докладывал царю, «что многие татары Казанского уезда пристали к мятежникам, многия закамские селения и село дворцовое Елабуга в осаде, Заинск ... сожгли, людей перерубили, иных забрали в плен и ... башкиры возмущают к возстанию татар и чуваш»⁵.

Для защиты Казани и подавления движения были отправлены 5 регулярных полков во главе с П.И. Хованским. Петр I призывает калмыков, яицких казаков, русских крестьян, выступить против повстанцев, обещая скот, имущество и пленных в качестве награды⁶. Однако, правительство продолжает пытаться урегулировать конфликты в регионе путем компромиссов:

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 83.

² Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.1–2. – Казань, 1897. – С. 131.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга третья. Том XI – XV. – СПб., 1861. – С.730–732; Лебедев В.И. Башкирское восстание 1705–1711 гг. // Исторические записки. – М. 1937. – Т. 1. – С. 90; Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. – М., 1962. – С. 7.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 217.

⁵ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 83–83об.

⁶ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 217; Чаев Н.С. Булавинское восстание 1707–1708 гг. – М., 1935. – С. 404.

«занятый войною со шведами Петр Великий решил остановить бунт, как можно скорее и потому велел Хованскому уладить дело мирным путем»¹.

Хованский склонил восставших к переговорам. Переговоры не принесли результатов, но власти сумели выиграть время. Правительство успело стянуть силы к Казани. Под напором правительственных войск бунтовщики были вынуждены отступить за Каму.

17 марта 1708 г. Хованский возобновил переговоры с повстанцами. С повинной явились жители некоторых западных волостей Казанской дороги. Большая часть повстанцев продолжала борьбу. В движении принимают участие зауральские башкиры, которые всегда легко шли на конфликт при любой провокации со стороны государства.

В конце мая полки, возглавляемые Хованским, переправились в Закамье. Это заставило башкирских бунтарей принести повинную. Хованский от имени верховной власти обещал повстанцам прощение и «обнадежил государевой милостью» отменить новые статьи налогов, рассмотреть их жалобы на местные администрации. Башкиры дали согласие сложить оружие, платить ясак и выполнять повинности по старому окладу². Летом 1708 г. в Башкирском крае наступило затишье.

Это еще раз подчеркивает то ментальное различие, которое обнаруживают башкиры и представители центральной власти. Интересы последних обладали широким имперским масштабом, допускали циничное использование доверия подданных для усмирения недовольства. В то время как башкиры все еще верили обещаниям и готовы были по-прежнему служить государству. Проблема заключалась в том, что государство стремилось получить от них не просто «прежнюю» службу, а беспрекословное подчинение и выполнение всё увеличивающихся требований. Войны, которые вела в тот период Россия, ложились тяжелым грузом на плечи подданных. Однако, если прави-

---

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 83об.

² Докладная выпись, сделанная в Ближней Канцелярии из доношения Разряда об отписке воеводы кн. П. И. Хованского о прекращении волнений башкир. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936.– С. 285–287.

тельство осознавало всю важность ведущихся военных кампаний, то для рядовых башкир эти затяжные войны были лишь обузой, которую они стремились сбросить.

Однако, осенью в уезде вновь началось брожение, которое в 1709 г. вылилось в вооруженное сопротивление. Причиной возобновления движения стало невыполнение тех посулов, которые дало правительство. Несмотря на обещание не вводить новые повинности для башкир, летом 1708г. с них требуют тысячу человек для службы в Петербурге¹. Также не было проведено расследование в отношении ряда местных чиновников, превышающих свои полномочия.

Подавление Булавинского бунта позволило властям сконцентрировать в Казани значительные воинские силы. При необходимости они оперативно могли быть направлены в Уфимский уезд. Казанский губернатор П.М.Апраксин обратился к башкирским феодалам со специальными письмами, в которых призывал сохранить верность государству, обещал за это царскую милость. Большая часть тарханов и биев откликнулась на призыв губернатора. Однако восстание от этого не утихло.

Предводители бунтовщиков Алдар Исянгильдин (Ногайская дорога) и Уракай Юлдашбаев ищут помощи у каракалпаков. Каракалпакский хан обещал поддержку, и ранней весной 1709 г. его родственник (по разным источникам племянник или внук) в сопровождении всего 60 человек приехал в Башкирию. Среди повстанцев распространился слух, что летом приедет каракалпакский хан с 10-тысячным войском². К сожалению, сохранившиеся документальные сведения не позволяют объяснить, на каких условиях последний соглашался поддержать башкир. На наш взгляд некорректно пытаться объяснить данную помощь, как плату за обещание перейти в подданство к каракалпакскому хану, что подтверждается немногочисленностью каракалпакского отряда.

¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 218.

² Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 185.

Ожесточенная борьба продолжалась и осенью 1709 г., даже несмотря на то, что каракалпацкий отряд покинул регион, тем более большой поддержки от них не могло быть. Движение приостановилось лишь в декабре в связи с наступлением холодов.

В движении 1710 г. башкиры действовали одни. Союз между ними и каракалпаками расстроился. К осени 1710 г. восстание пошло на убыль под натиском правительственных карательных отрядов. Башкиры принесли повинную. Однако и это не означало полного завершения восстания. Летом следующего 1711 г. жители Ногайской и Казанской дорог готовят поход на Уфу, в последней попытке защитить собственные привилегии. Однако информации о боях под городом не сохранилось. Осенью в крае наступил мир.

Так завершилось самое продолжительное башкирское восстание. Движение хоть и было подавлено войсками, но повстанцы сумели добиться удовлетворения ряда своих претензий, которые были озвучены еще во время переговоров с Хованским в феврале 1708 г. Тогда башкиры объясняли причины бунта: «... наперед де сего к нему великому государю к Москве на прибыльщиков о всяких своих нуждах посылали они свою братью ясачных людей челобитчиков и те де их челобитчики были переиманы и биты кнутъем, а иные перевешаны, а отповеди им никакие не учинено. И чтоб де великий государь пожаловал их, велел с них башкирцев, и татар, и с вотяков, и с черемисов для их скудности новонакладную на них прибыль снять, и они башкирцы и татары отступят и пойдут в дома свои и разоренья никакого чинить не будут»¹. Не выхода из состава Русского царства, а ослабление налогового давления - вот чего добивались башкиры, поднимая восстание.

Добровольно приняв российское подданство, башкиры на протяжении века пользовались теми льготами, которые гарантировало им правительство. Однако с 60-х гг. XVII в. ситуация начинает меняться. Верховная власть, расширяя сферы своего влияния, начинает относиться к привилегиям башкир

---

¹ Письмо восставших башкир и других националов воеводе кн. П. И. Хованскому с предложением начать переговоры для выяснения прежних обид и притеснений. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936.– С. 215–216.

как к анахронизму, который изжил себя и в новых геополитических реалиях неактуален. С этих пор правительство, продолжая признавать вотчинное право башкир на земли, предпринимает шаги по фактическому изменению статуса башкир. Подданничество уже не отвечает интересам российского государства. Конечно, башкирские племена крайне остро отреагировали на эти изменения. Естественное желание отстоять свои права выливается в череду массовых кровопролитных бунтов - 1662–1664 гг. во главе с Сары Мергеном, 1681–1684 гг. во главе с Сеит-батыром, а так же 1704–1711 гг., возглавляемый Алдаром Исянгильдином и Кусюмом Тюлекеевым. Башкирские восстания были наглядным проявлением цивилизационных различий между центром и пограничьем, которые не давали возможность провести синхронизированную модернизацию всех компонентов системы, несмотря на разный уровень их развития.

Ситуация усложнялась тем, что всплески башкирского недовольства совпадали с военными кампаниями (русско-польская война 1654–1667 гг., русско-турецкая война 1672–1681 гг.) и народными волнениями (Астраханский бунт, восстание К. Булавина). Когда государство было ориентировано на разрешение внешнеполитических проблем, ослабевали центростремительные силы, обнажались различия между элементами формирующейся цивилизации, на тот момент еще не завершившей слияние в единое целое. Совпадение с другими бунтами в стране свидетельствует о том, что политика правительства в Башкирском крае была не уникальна, и общая тенденция укрепления центральной власти встречала сопротивление по всей стране. С другой стороны, контакты башкир с другими очагами восстаний, служат доказательством того, что башкиры, как бы автономно не жили, воспринимали себя как часть российского государства, им были близки и понятны недовольства других подданных страны. Это косвенно подтверждает тот факт, что башкиры в ходе восстаний никогда не стремились выйти из состава Российского государства, не искали себе нового правителя.

В целом, анализируя башкирские восстания второй половины XVII – начала XVIII вв. можно выявить ряд характерных черт. Прежде всего - причиной всегда были нарушения московскими и местными властями условий подданничества, наступление на башкирские привилегии. Раскол башкирского общества, наметившийся еще при Иване Грозном, сохранялся и вылился в еще одну примечательную особенность башкирских бунтов. Северо-западные, юго-западные и юго-восточные башкиры с готовностью шли на переговоры с представителями царской администрации. Получив от них подтверждения своих свобод, легко складывали оружие и получали прощение. Зауральские же башкиры, которые не обладали Жалованными грамотами, испытывая на себе тяготы налоговой системы, легко восставали, используя любой повод, но не шли на контакт с администрацией. Сама компромиссная система урегулирования отношений с башкирами также является общей чертой этого периода, и может быть объяснена логикой интеграционного периода. Правительство, не обладая административным ресурсом в крае, старается наладить отношения с бунтующим регионом мирным путем, идя на уступки, подтверждая вотчинные права, налоговые льготы, снимая представителей местной администрации.

Восстание начала XVIII в., при сохранении общих черт, обладает важной спецификой. Впервые государство явно и открыто обнародует свои приоритеты. Идет широчайшее наступление на права и свободы подданных, причем по всей стране. Башкиры также испытывают на себе резкое усиление налогового гнета, нарушение установленных порядков и поднимают восстание, которое продлилось 7 лет и стало самым продолжительным. Причиной такой затяжной борьбы стали методы самого государства, используемые для подавления бунта. Государство, все также не имеет свободных ресурсов для окончательного решения «башкирской проблемы», и вынуждено идти проторенным путем переговоров и компромиссов. Однако, отныне компромиссы из реальных уступок превращаются в фикцию, пустые обещания с целью успокоить недовольство местных жителей и заставить их сложить оружие.

Башкиры, исходя из принципов наивного монархизма, по традиции верили всем обещаниям верховной власти, но ситуация не менялась. Еще одной оригинальной чертой восстания начала XVIII в. стало выдвижение хана повстанцами в качестве консолидирующей силы. Впрочем, неопровержимых доказательств того, что башкирские рода стремились выйти из состава государства, нет. Башкиры вновь боролись за сохранение своей автономии внутри Русского царства. Но затяжная Северная война истощала казну, требовала все новых вливаний, содержание армии и флота лежало тяжелым бременем на населении страны. Интересы государства бесповоротно становятся определяющими. Обещания, данные башкирам, идут в разрез с этими интересами, соответственно, не выполняются, что провоцирует башкир вновь и вновь братья за оружие. В итоге восстание было подавлено, но государство осознает слабость своих позиций в регионе, поэтому закрепляет военный успех новыми обещаниями и подтверждениями привилегий башкир. Впрочем, очевидно, что ситуация лишь консервируется, компромиссы как полумеры не решают глубинных причин конфронтации, отодвигая необходимое радикальное решение на неопределенный срок.

Глава 5. Формирование нового курса взаимоотношений Российской империи с башкирами (30-е гг. XVIII в).

5.1. Промышленное освоение Урала как новый фактор в российско-башкирских отношениях.

Перемены в отношениях между русской администрацией и башкирскими подданными в начале XVIII в. были вызваны событиями, разыгравшимися севернее Башкирии (с 1719 г. - Уфимская провинция). Пуск Каменского и Невьянского горных заводов ознаменовал начало промышленного освоения восточных склонов Урала, что привело к глубочайшим изменениям в регионе¹. При достаточно слабой освоённости периферийных земель, можно говорить о проведении в стране модернизации фронтального типа². Происходит наложение на процесс традиционного освоения окраин новых технологий, социальных институтов, культурных ценностей, преимущественно западного происхождения³. Это дополнительно усложнялось тем, что башкиры с кочевым укладом жизни абсолютно не были заинтересованы в успехе промышленного освоения, не осознавали его важность для государства.

В период правления Петра Великого, в эпоху продолжительных военных кампаний и крупномасштабного строительства, Российскому государству потребовался уральский металл и лес. Был проложен путь в Сибирь, облегчающий освоение региона. Однако, Урал продолжал отпугивать частных предпринимателей своей удаленностью и малонаселенностью. Строить здесь горные заводы, которые в любой миг могли подвергнуться нападению кочевников, могло позволить себе только государство.

Толчок для промышленного развития дала продолжительная Северная война⁴. Промышленный интерес к Уралу начался уже в начале военных дей-

---

¹ Порталь Р. Урал в XVIII веке. Социально-экономическая история. – Уфа, 2003. – С. 104; Струмилин С.Г. Чёрная металлургия в России и в СССР: технический прогресс за 300 лет // Труды Института истории науки и техники. – М., Л., 1935. – С. 74.

² Побережников И.В. Модернизации в истории России: Направления и проблемы изучения. // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2017. – № 4 (57). – С. 42.

³ Там же. – С. 43.

⁴ Порталь Р. Урал в XVIII веке. Социально-экономическая история. – Уфа, 2003. – С. 39.

ствий, когда Швеция прервала поставки железа. Русское царство в 1699 г. начинает создавать собственную тяжелую промышленность, и неудачи русского оружия в начале войны, особенно в битве при Нарве, усилили злободневность и первоочередность этой задачи.

Времени для ее реализации было крайне мало, поэтому правительство Петр I, не имея возможности опереться на частную инициативу, возлагает на государство всю тяжесть освоения Урала: «для нужд государственных, прежде всего и главнейшим образом военных, возникали и множились казенные предприятия»¹. «Нужда государственная» - это был определяющий принцип петровской эпохи.

Северная война способствовала активизации деятельности прежних центров металлургии (Тула - «Городищенские заводы», железоделательные мануфактуры на реке Скниге «Каширские заводы»; Карелия - металлургические мануфактуры на водяной энергии «Олонецкие заводы»), а также требовала строительства новых заводов недалеко от театра военных действий. Вокруг Петербурга строятся металлургические заводы. В 1702 г. рядом с Устюжной Железнопольской (один из центров русской кустарной промышленности (индустрии) на р. Ижина) и Белоозером были созданы заводы, с 1703 г. поставляющие боеприпасы для флота². На Ладоге запускаются пять Олонецких заводов. В 1703 г. на р. Лососинка по приказу царя был основан крупный Шуйский (с 1704 г. Петровский) оружейный завод, число работников на котором достигало тысячи человек. Кончезерский медеплавильный (с 1719 г. чугуноплавильный) завод, построенный в 1707 г., и, особенно, Пушечный двор, реконструированный из старых московских цехов, где к 1720-1725 гг. работало, согласно И.К.Кирилову, 218 мастеров³, демонстрируют картину развития тяжелой промышленности на западе Российского государства при

---

¹ Любомиров. П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. - М., 1947. - С. 520.

² Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1: IX-XVIII вв. - М.-Л., 1947. - С. 65-66.

³ Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. - М., 1977. - С. 45.

Петре Великом¹. Таким образом, в 1710-х гг. русская индустрия располагалась преимущественно в северо-западных районах страны. Однако истощение рудных и лесных ресурсов замедлили развитие этих производств.

Урал же не сразу превращается в промышленного лидера. О его легкоплавких и высококачественных рудах, почти неистощимых лесах правительство знало уже давно, но этот регион был слишком отдален, поэтому мог производить исключительно полуфабрикат, продукт, который должен пройти одну или несколько стадий обработки, прежде чем стать готовым изделием, годным для производственного потребления². В 1696 г. воевода Верхотурья Д.Протасов по приказу царя начинает поиски руды. Вскоре были найдены образцы руды в рр. Тагил и Нейва (Невья), которые после тщательного изучения были признаны годными³.

После этого указом от 10.06.1697 г. воеводе К.П. Кизлову было поручено выбрать место для возведения литейного завода и фабрики по производству пушек и ядер⁴. В 1700 г. началось строительство Невьянского завода на р. Нейва (Невья), а 15.12.1701 г. он выдал первый чугун. В 1701 г. возник Каменский завод, первая партия чугуна была получена 15.10.1701 г⁵. В 1704 г. были построены Уктусский Нижний завод и железоделательный Алапаевский Нижний завод. А в 1724 г. заработал медеплавильный Полевской завод (см. Приложение 2).

Уральские горные заводы выплавляли существенное для того времени количество металла. С 1701 г. Невьянский завод мог в три выпуска выдавать около двух тонн чугуна в сутки⁶. Каменский завод, который в 1701 г. изготовил только две мортиры и три пушки, в 1702 г. давал уже около трехсот пу-

¹ Порталь Р. Урал в XVIII веке. Социально-экономическая история. – Уфа, 2003. – С. 39.

² Лякишев Н.П. Энциклопедический словарь по металлургии. Т. 2. – М., 2000. – С. 112.

³ Порталь Р. Урал в XVIII веке. Социально-экономическая история. – Уфа, 2003. – С. 40; Бакланов И.Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. // Известия государственной академии истории материальной культуры имени Н.Я. Марка. – Л., 1935. – Вып. 134. – С. 16.

⁴ ПСЗ РИ. Т. III. – СПб., 1830. – № 1588. – С. 325–326.

⁵ Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. I. – М.–Л., 1949. – С. 55.

⁶ Злотников М.Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов. // Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов в 1735 г. – М., 1937. – С. 21.

шек¹. В 1704 г. он расширяется, на нем запускают вторую домну. Большая часть чугуна отправлялась на дальнейшую переработку в московский Пущечный двор и в Воронеж, ближе к южному театру военных. Интересно, что уральские заводы вплоть до конца XVIII в. будут выполнять функцию сырьевого поставщика для центральных заводов.

Исходя из вышесказанного, можно с уверенностью констатировать, что правительственными усилиями за несколько лет был разбужен промышленный потенциал Урал. Причем планы не ограничивались только насущными задачами, а имели долгосрочную перспективу. Именно поэтому, начав тяжелый и затратный путь промышленного освоения края, государство стремилось подключить к процессу частных лиц и, в конце концов, переложить на них управление горными предприятиями. Так, например в 1702г. Невьянский завод был передан Н.Д. Антуфьеву (Демидову), тульскому оружейнику, вскоре ставшему крупнейшим промышленником в стране.

После 1710 г. российская тяжелая промышленность, особенно казенные предприятия, постепенно приходят в упадок. Вынужденный застой уральской промышленности был обусловлен прежде всего тем, что государство пока не испытывало острой нужды в уральском железе, производство которого обходилось достаточно дорого, т.к. сырье добывали в Зауралье. Брусковое железо, изготавливаемое для предприятий Москвы и Воронежа, необходимо еще было доставить до Чусовой, а это приблизительно 150 верст от Невьянского, и 50 - от Уктусского заводов. Это естественно не могло не сказаться на объемах производства первых горных заводов Урала. Они продолжали функционировать, но у государства, истощаемого Северной войной, не было ресурсов для финансирования строительства новых предприятий, тем более, что мощностей центральных заводов хватало на обеспечение нужд армии и флота. Частная инициатива также долгое время не проявляла особого

---

¹ Порталь Р. Урал в XVIII веке. Социально-экономическая история. – Уфа, 2003.– С. 41; Бакланов И.Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. // Известия государственной академии истории материальной культуры имени Н.Я. Марка. – Л., 1935. – Вып. 134. – С.16.

интереса к этому региону страны¹, мало того что отдаленному, так еще и крайне нестабильному. Башкирский бунт, с разной интенсивностью длящийся с 1704 по 1711 гг., сказывался, в том числе и на работе горных заводов, и даже периодически приводил к их остановкам. Не стоит забывать и о целеустремленном конкуренте казенных заводов на Урале - А.Н. Демидове, который всеми способами вытеснял отсюда государство².

Горные заводы, построенные по приказу царской администрации, долгое время не могли стать органичной частью Урала, оставаясь чем-то инородным, никоим образом не обеспечивая потребности коренного населения. Металлургические предприятия, поглощая залежи руд и богатые леса, были ориентированы на запад - непосредственно на нужды армии или опосредованно, изготавливая полуфабрикат для московских, петербургских или воронежских заводов. Обеспечивало функционирование уральских предприятий множество людей разного чина. Из-за постоянной нехватки трудовой силы приходилось привозить рабочих из центральных областей Русского царства³.

Таким образом, строительство горных заводов в определенной мере инициировало социальные изменения на огромной территории. Потребность в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов фронтальных зон, способствовала росту миграционной активности и, соответственно, создавала проблему адаптации⁴. Промышленное освоение Среднего Урала привело к повороту направления крестьянской миграции на юго-запад региона, то есть в Башкирию. На смену слабому ручейку колонистов, вяло сочившемуся с запада и почти не влиявшему на численность населения в бассейне р. Белой, пришел мощный людской поток с севера, при каждом всплеске «индустриализации» выбрасывавший на Яик всё новые волны

¹ Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. – М, 1947. – С.343.

² Порталь Р. Башкиры и Россия в XVIII в. // Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. – Уфа, 2005. – С. 149.

³ Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 98.

⁴ Побережников И.В. Модернизации в истории России: Направления и проблемы изучения. // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург, 2017. – № 4 (57). – С. 42–43.

беглых. Причем беглые не пополняли сословие местного казачества, а в подавляющей массе становились припущенниками на башкирских землях¹. Поэтому, чтобы не сорвать промышленное освоение края, государству пришлось добиться от башкир выдачи беглецов².

Из этого следует, что экономические причины заставили правительство пойти на прямое вмешательство во внутренние дела башкирского населения. Прежние условия башкирского подданства под влиянием насущных экономических и политических проблем начинают видоизменяться. В 1720 г. правительство направило на Урал В.Н.Татищева, с поручением о реорганизации старых и строительстве новых казенных предприятий.

Назревшие внутренние и внешнеполитические задачи требовали пересмотра политики правительства в Башкирии, перехода к широкому хозяйственному освоению этого обширного региона страны. Еще в начале 20-х гг. XVIII в., после окончания Северной войны, Петр I «изволил особливое попечение иметь ... своевольный башкирский народ на вечное время обуздать» и превратить Башкирию в плацдарм для наступления на Казахстан и Среднюю Азию³, которые в это время переживали военно - политический кризис, что создавало благоприятные условия для усиления России, вплоть до постепенного вхождения последних в состав Российского государства. «Петру «хотелось среди Башкирии устроить крепости и ввести в них достаточное количество войска, усмирить непоседных башкир, присоединить к России киргиз и чрез это открыть торговый путь в Среднюю Азию, а на Аральском море устроить торговую пристань»⁴.

Что касается внутренних задач, то, как уже говорилось, в начале XVIII в. в Башкирии обнаружены богатые запасы железных и медных руд и естест-

---

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 35. Л. 2; Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа, 2006. – С. 204–207.

² Фирсов Н.А. Иностранческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель. – Казань, 1870. – С. 352–353.

³ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 4; Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.1–2. – Казань, 1897. – С. 6.

⁴ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 84.

венно заводчики нуждались в свободе хозяйственной деятельности, чтобы искать руду и строить предприятия в любом уголке Башкирии¹.

Не менее важным было и то, что в связи с завершением русской колонизации Среднего Поволжья усилился интерес дворян центральных районов к Башкирии. Дворяне не прочь были расширить свои имения за счет башкирских вотчин². Тем более, что в это время в Башкирии, из-за миграции местного населения, существовали «впусте лежащие» или «выморочные вотчины». Они по законам империи принадлежали государству³. Доказать свое право на землю башкиры могли с помощью жалованных грамот. Однако если жалованной грамоты не было, то другой юридической гарантией права владения землей был ясак, при земельных спорах башкиры ссылались на факт платежа ясака за определенный земельный участок, - за выморочные земли никто не платил, значит, они считались свободными, принадлежащими только государству. Тем самым, казенные земли могли поступать «в раздачу» служилым людям, дворцу, монастырям, а вотчинные башкирские земли для этих целей не использовались. «Служащим в Оренбургской экспедиции штаб - и обер-офицерам велено раздавать порожние дикие земли, которых ныне множество состоит в пусте, а не наши, башкирские», - отмечали сами башкиры⁴.

Таким образом, важность промышленного освоения Среднего Урала для государства в то время, когда назрели многочисленные внешнеполитические и внутривнутриполитические задачи, обусловила необходимость изменения отношения правительства к Башкирии. Башкиры пытались спасти свои льготы, которыми они пользовались с момента вступления в Московское царство, подавая челобитные. Незадолго до начала Оренбургской экспедиции, выведшей отношения государства с подданными на новый уровень, Анне Иоан-

¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 221.

² Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 98.

³ Шакурова Ф.А. Правовой статус башкирских земель в период позднего феодализма (методологический аспект проблемы). // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. – Уфа, 1988. – С. 101.

⁴ Прощение башкир Казанской и Сибирской дорог сотника Ишали Мусина с товарищами в Сенат о возвращении помещице И. А. Апраксиной проданной ей ими земли, захваченной казачьим атаманом В. И. Могутовым. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т 4, Ч.2. Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем в 50 – 70-х гг. XVIII в. – М., 1956. – С. 47.

новне была подана челобитная от всех четырех дорог. В ней отражены как привилегии башкир, так и притеснения прав местного населения со стороны чиновников. На документе, хранящемся в РГАДА есть пометка канцеляриста «Слушано июня 11 1733.»¹. Однако, никакой резолюции вынесено не было, чаяния башкир просто проигнорировали. Приоритет был отдан стремлению правительства включить Башкирский край в хозяйственно-промышленную инфраструктуру государства.

5.2. Оренбургская экспедиция и восстание 1735 – 1740 гг.

Вплоть до 1730-х гг. российское правительство проводило на юго-восточных рубежах относительно инертную политику, сводящуюся к укреплению прежних и строительству новых небольших крепостей, а также незначительному увеличению военного контингента. Так, в 1727 г. было решено укрепить российские границы драгунскими и пехотными полками, в том числе направить 10 полков в города Поволжья: Пензу, Саратов, Самару и Царицын. Впрочем, судя по правительственным шагам, продуманного долгосрочного плана внешней политики в этом регионе еще выработано не было. В первой трети XVIII в. центр с одинаковым недоверием относился как к киргиз-кайсакам и каракалпакам, так и к своим подданным: башкирам, калмыкам, яицким казакам и приграничным татарам. Однако с созданием регулярной армии и флота, техническим переоснащением вооруженных сил в ходе Северной войны необходимо было пересмотреть систему организации иррегулярных войск и подчинить их единому командованию. Традиционная «вольная служба» себя уже изжила. Начинается наступление царского правительства на «вольности» яицких казаков и башкир. В 20-е гг. XVIII в. путем создания Яицкого войска была предпринята попытка окончательно подчинить яицких казаков. Вотчинное право башкир, непосредственно связанное с их воинской службой, позволяло им претендовать на самостоятельность во внутренней жизни. Однако в рассматриваемое время вотчинное право башкир пришло в противоречие с интересами России: перед

---

¹ Акманов И.Г. Челобитная башкир Уфимской провинции на имя императрицы России Анны Ивановны о своих нуждах от 1733 г. / Ватандаш. – Уфа, 2005. – № 6. – С. 81–93.

империей стояла задача освоения природных богатств Урала, превращения Башкирского края во внутреннюю провинцию и дальнейшего расширения территории на восток¹.

Даже спустя полтора века после вхождения в состав России Башкирия фактически оставалась неосвоенной частью территории государства, а государственная администрация в крае была представлена лишь уфимским воеводой. Поэтому с XVIII в. начинается целенаправленное изучение башкирского народа и поиски путей включения Башкирского края в общероссийскую административную структуру. Как правило, эта миссия возлагалась на российских чиновников, направляемых в Поволжье и Урал, и осуществлялась в строгой секретности.

Сохранилось несколько проектов, касающихся организации управления башкирами и относящихся к первой половине XVIII в. Наиболее известны «записки» известного государственного деятеля, начальника горных заводов Урала и Западной Сибири В.Н. Татищева (1724 г.)², кунгурского бургомистра Юхнева (1726 г.)³, казанского губернатора А.П. Волынского (1730 г.)⁴, а также проекты руководителей Оренбургской экспедиции (комиссии)⁵.

Всех русских чиновников, впервые оказавшихся на Урале, особенно интересовали башкиры, которые упорно продолжали отстаивать свои права. В первой трети XVIII в. актуальным становится вопрос о новых принципах в организации управления Башкирским краем и башкирским народом. Этому вопросу было посвящено «Представление о причинах башкирских волнений и о

¹ История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 163.

² Представление начальника Главного Правления Сибирских и Казанских казенных заводов В.Н. Татищева в Кабинет о причинах башкирских волнений и о мерах для улучшения управления башкирами. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М.–Л., 1949. – № 545.– С. 481–483.

³ Сведения о башкирах, собранные кунгурским бургомистром Юхневым во время его поездок в 1725 – 1726 гг. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М.–Л., 1949. – № 546. – С. 483–487.

⁴ Записка о башкирском вопросе в Российской империи и о наилучших способах его разрешения, составленная казанским губернатором А. П. Волынским 1730 г. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – № 134. – С. 302–306.

⁵ ПСЗ РИ. Т. IX. – СПб., 1830. № 6571. – С. 309–317; Неплюев И.И. Проект Неплюева о преобразовании Яицкого войска. // Русский архив. – 1878. – Кн. 2, Вып. 5. – С. 5–33.

мерах для улучшения управления башкирами», написанное В.Н. Татищевым в 1724 г., после его возвращения с Урала¹.

В целом, мнение и предложения В.Н. Татищева, изложенные в его многочисленных записках, донесениях и рапортах правительству, представляют собой комплексную программу освоения этого региона.

В своем «Представлении» В.Н. Татищев сначала дал общую характеристику башкирскому обществу, затем подробно изложил свое мнение о способах прекращения башкирских восстаний и управления краем. В традиционном устройстве внутреннего самоуправления башкирского общества он видел причины башкирских непокорностей и своевольств. В повседневной жизни, по наблюдениям В.Н. Татищева, башкиры были неподсудны никому из царских чиновников. Только на ежегодных йыйынах под Уфой, «для которого они всягодно из разных отдаленных мест ко Уфе съезжаются многолюдством», в результате обсуждения принимались коллегиальные решения. В этих съездах Татищев видел главную опасность: так как башкиры не только «в тех съездах о делах своих имеют советы», но любой из влиятельных башкир может использовать съезд для призыва к очередному восстанию².

В.Н. Татищев понимал, что экономическая независимость башкирской общины, та относительная политическая самостоятельность, которая существовала во внутренней жизни башкирского общества, могут оказаться привлекательными для других подданных России, особенно тех, которые в этот период находились в состоянии крепостной зависимости и испытывали на себе все тяготы крепостного права. При этом, В.Н. Татищев считал, что невозможно покорить башкир только репрессивными мерами. Немаловажное значение он придавал обучению их представителей русской грамоте, что способствовало бы

---

¹ Представление начальника Главного Правления Сибирских и Казанских казенных заводов В.Н. Татищева в Кабинет о причинах башкирских волнений и о мерах для улучшения управления башкирами. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М.–Л., 1949. – № 545. – С. 481–483.

² Там же. – С. 481.

установлению взаимопонимания между администрацией и местным населением¹.

Чтобы предотвратить в будущем выступления башкир и окончательно подчинить их царской власти, В.Н. Татищев предлагал ряд мер. В первую очередь, следовало «разделить» башкир «под разные суды, подобием как казанския татара розделены были по пригородам». Для этого необходимо было в удобных местах построить городки и в каждом из них назначить особых судей, чтобы башкиры не имели возможности ездить в Уфу. Для безопасности судей он предлагал дать «оним судьям по несколько салдат с ружьем»².

Автор проекта понимал, что строительство крепостей на башкирских землях вызовет возмущение местного населения. Тем более, что любой городок должен был быть соответствующим образом укреплен. Поэтому он предлагал провести среди башкир разъяснительную работу: «Однако ж, дабы они того зло не приняли, объявить им, что то чинится для пользы и спокойности их, наипаче же для защищения от обидящих россиан и протчие тому подобные притчины; а руским пограничным объявить, чтоб никто в своей обиде управляться собою не дерзал, но ездили б бить челом оним судьям»³.

В том случае, если по каким-то причинам не будет возможности построить города-крепости, то предлагалось поступить иным образом. Например, «объявить нужной случай, каковаго похода от Казани в Сибирь, и велеть зделать от Казани прямо через башкирския жилища к Тобольску или Цареву Кургану дорогу, по оной построить почты по пристойной мере и росписать оных татар для подвод по несколько на каждой стан, и поставить на каждом салдат, а чрез 2 или 3 стана камисара, и оним дать над ними суд, якобы на время, которое весьма безпрекословно учинят». Однако лучше всего объявить, что эта дорога нужна для проезда императрицы, и тогда башкиры «то с великою охотою немед-

---

¹ Представление начальника Главного Правления Сибирских и Казанских казенных заводов В.Н. Татищева в Кабинет о причинах башкирских волнений и о мерах для улучшения управления башкирами. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М.–Л., 1949. – № 545. – С. 481.

² Там же. – С. 482.

³ Там же.

ленно исполняют»¹. Здесь В.Н. Татищев тонко уловил отношение башкир к царской власти, которую они, действительно, почитали, а виновниками всех злоупотреблений считали наместников царя.

В.Н. Татищев предлагал обучить башкир русской грамоте. «Взять от лучших мурз детей и обучать грамоте русской. Однако надобно, чтоб учителя были доброго жития, а особливо не пияницы, которое татаром весьма мерско». Через русскую письменность и язык постепенно вовлекать этих детей в православие, но «чтоб силою к вере не понуждали, но с ласкою и толкованием помалу закон христианской знать им давали, чрез что со временем без принуждения вкоренится»².

В заключительной части своего «Представления» В.Н. Татищев еще раз обосновывает необходимость строительства городов-крепостей на примере политики Ивана Грозного по отношению к казанским татарам. Городки эти, по его мнению, следовало построить вдоль рр. Яик и Тобол и «населить рускими, хотя ссылочными такими, которые на смерть осудятся», послав с ними их жен и детей. Тем самым предполагалось не только закрыть границы, но и прекратить набеги каракалпаков и других степных народов.³

Большинство идей, изложенных в данном «Представлении», будет реализовано в период деятельности Оренбургской экспедиции.

Очевидно, сбор сведений о местных жителях входил в должностные обязанности русских чиновников, направляемых в Уфимскую провинцию. В 1725 г. в Башкирию с секретной инструкцией от начальника Главного правления Казанских и Сибирских казенных заводов В.И. Геннина был направлен кунгурский бургомистр Юхнев. Под видом торговца мелкими товарами он пробыл в поездке с ноября 1725 по март 1726 г., собрав подробные данные о численности баш-

¹ Представление начальника Главного Правления Сибирских и Казанских казенных заводов В.Н. Татищева в Кабинет о причинах башкирских волнений и о мерах для улучшения управления башкирами. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М.–Л., 1949. – № 545. – С. 482.

² Там же.

³ Там же. – С. 483.

кирского народа (см. Приложение 3). Результатом его поездки стало «Секретное уведомление о башкирском деле»¹, представленное им Геннину.

В конце своего донесения, очевидно, выполняя данную ему инструкцию, Юхнев излагает план действий русского правительства, «ежели случитца, что войну иметь против башкирцов». Бургомистр подчеркивал, что «летом, как летучей народ, в степи не поймашь, разве жен и детей их, а зимой способнее для того, что они в домах живут и лошади их в то время плохи, токмо надлежит заранее учинить в удобных местах магазейны с правиантом, также сена... Чтоб они впредь не бунтовали, надлежит их, сколько возможно, вывезть в Русь и розделить, и от того в Руси людей умножитца и бусурман примут в христианскую веру и потому Башкиры будут от них пусты и на такой доброй земле можно впредь русских поселить»².

Известен еще один проект управления башкирами, относящийся к 30-м гг. XVIII в. Это - «Записка казанского губернатора А.П. Волынского в 1730 г. о башкирском вопросе в Российской империи и наилучших способах его разрешения»³.

Записка об управлении башкирами была составлена А.П. Волынским приблизительно в 1730 г., в тот период, когда он оставался еще в должности казанского губернатора. Поскольку непосредственных контактов с башкирским населением он не имел, то данная «Записка», по существу, отражает общее отношение российских чиновников к башкирскому народу, которое нельзя было назвать дружелюбным. Главный идеологический тезис, возможно, был заключен в следующей фразе: «Первое, что они имеют - махOMETанской закон и по закону своему, конечно, должны быть христианом неприятели...»⁴.

¹ Сведения о башкирах, собранные кунгурским бургомистром Юхневым во время его поездок в 1725 – 1726 гг. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – М.–Л., 1949. – № 546. – С. 483–487.

² Там же. – С. 483.

³ Записка о башкирском вопросе в Российской империи и о наилучших способах его разрешения, составленная казанским губернатором А. П. Волынским 1730 г. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – № 134. – С. 302–306.

⁴ Там же. – С. 302.

Особое беспокойство у царских чиновников вызывала многочисленность башкир и притягательность башкирского общества для нехристианского населения Поволжья и беглых русских крестьян. А.П. Волынский видел опасность в том, что население в Уфимской провинции «непрестанно умножается и растет, так что чрез 20 прошедших лет не было прямых башкирцов больше 35 000, или по крайней мере 40 000, а ныне з беглецами стало больше 100 000; а имянно казанские, сибирские, темниковские и протчих тамошних уездов ясашние татары большая половина в Башкиры перешли; к тому ж и протчие иноверцы, мордва, чуваша, черемиса, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда ж перешли. И понеже за 30 лет прошедших не бывало нигде ясашных русских сел, но все были иноверцы, и разве изо ста один или два в котором селе крещены, а ныне множество таких сел, в которых уже и ни одного не сыщется иноверца, кроме самых русских. И сие зделалось таким образом, что те вышепомянутые иноверцы один за другим перешли чрез несколько лет в Башкиры, а на их места в ту ясашную подать набралися и поселилися беглые руские, как я о том от многих низовых помещиков единогласно слышал (нарочные имея о том разговоры). А ныне же и русских немалое число от подушных податей беглецов в Башкиры перешло...».¹ Волынский призывает не верить башкирам даже в мирное время и предпринимать все меры к их ослаблению: «И хотя ныне видим, что башкирской народ является кроток, однако ж не возможно сказать, чтоб оной был в совершенном и послушании, понеже беглых принимают, несмотря ни на какие указы, и податей не платят, но живут по своей воле, как сами хотят. И тако не надлежит ни на какие их кроткие поступки уповать; и в том им верить...».² Далее в 18 пунктах своей записки он предлагает изощренные способы ослабления башкирского народа.

Первое, что он предлагает - натравить башкир на казахов и каракалпаков и развязать между ними войну. Воспользовавшись этим, вдоль границ Башки-

¹ Записка о башкирском вопросе в Российской империи и о наилучших способах его разрешения, составленная казанским губернатором А. П. Волынским 1730 г. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – № 134. – С. 302–303.

² Там же. – С. 303.

рии разместить русские войска «под образом, будто оные стоят для опасности от каракалпаков», укрепить уфимский гарнизон, где следовало иметь 3 или 4 батальона, устроить магазины с припасами в Уфе и закамских городках. Одновременно под предлогом покупки лошадей послать в Уфимский уезд вместо унтер-офицеров геодезистов и «велеть тайно описывать места и поселения». Необходимо было узнать не только о «положении мест, так и поселении жилищ их и сколько их людно, между тем же мощно будет подлинно увидеть прямых ли больше башкирцов, или пришлецов новопоселившихся и все ли они оные оружейны, или сколько таких будет, и сколько земледельцев»¹. В результате можно было узнать: «каков оной башкирский народ, и каковы места их, и как оной силен и оружен, и какое земля тамошняя имеет богатство и каким образом мощно с ними поступать»².

Столкнув башкир с каракалпаками, по мнению Волынского, можно было бы «оных каракалпаков до основания разорить, и... чтоб махометаня у нас не были блиско в соседстве, и для того всеми мерами надлежит оных искоренять и до умножения не допускать»³. Впоследствии поступить таким же образом с башкирами, при этом каким-либо «политическим способом их... убавить хотя бы до половины», а остальных обложить податями, а также использовать в военных походах царской России. А.П. Волынский писал: «Надеюся, что когда башкирцы увидят страх от приближившихся к ним или внутрь их вшедших регулярных войск, примут на себя подати немалые, надеюся тысяч по 50-ти ежели не больше»⁴.

Конечная цель, которая ставилась в проекте А.П. Волынского, - «оной бо-гомерской народ под иго привести», в результате чего государство получит прибыль и избавится от опасности со стороны башкир⁵.

¹ Записка о башкирском вопросе в Российской империи и о наилучших способах его разрешения, составленная казанским губернатором А. П. Волынским 1730 г. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – № 134. – С. 304–305.

² Там же. – С. 305.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. – С. 306.

Проект Волынского не был принят Сенатом. Главный изъян проекта состоял в том, что его автор выступил против включения в состав империи областей с мусульманским населением¹. Тем не менее, вскоре часть проекта была реализована в ходе строительства Новой Закамской линии. И впоследствии, на протяжении всего XVIII в., в вопросах управления Башкирским краем царские чиновники руководствовались основными идеями, которые были изложены в проектах В.Н. Татищева и А.П. Волынского.

Обобщая содержание проектов первой трети XVIII в. об управлении башкирским народом, следует отметить, что они в той или иной степени отражали уровень знаний представителей царской администрации о Башкирском крае и башкирах. Чем меньше они знали о башкирах (А.П. Волынский, Юхнев), тем враждебнее было их отношение к ним. Соответственно предлагаемые меры в целях обеспечения безопасности государства сводились, в основном, к физическому уничтожению значительной части коренного населения. Другие чиновники, прежде всего В.Н. Татищев, предлагали более разумные варианты, отвечающие как интересам имперской политики, так и учитывающие некоторые особенности социально-политического устройства башкирского общества.

Таким образом, после смерти Петра Великого Россия не собиралась отказываться от своих намерений относительно юго-восточных окраин. Представленный в 1734 г. в правительство проект обер-секретаря Сената Ивана Кирилловича Кирилова об организации Оренбургской экспедиции являлся отражением чаяний Петра I. В проекте говорилось о необходимости завязывания устойчивых торгово-экономических связей с Казахстаном и Средней Азией, превращения их в рынок сбыта и источник сырья для русской промышленности, а также ставилась задача постепенного присоединения этого региона к России². Одной из первоочередных задач было строительство города при устье реки Орь: «о котором городе сами Абдулхаир хан и башкирцы просят, чтоб построить у устья Орь реки, тот весьма нужен не только для од-

---

¹ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). – Уфа, 2005. – С. 183–186.

² ПСЗ РИ. Т. IX. – СПб., 1830. – № 6571. – С. 309–317.

ного содержания киргизцов, но и для отворения свободного с товарами пути в Бухары, в Водокшан, в Балх и в Индию (чего император Петр Великий весьма домогался...)... тот же город закроет за собою башкирцов и все набеги воровских киргиз-кайсаков, которые теми местами приходили, пресечь, а войско к тому из армейских полков не надобно... а башкирские тарханы и мещеряки сами с охотою, сколько потребно, служить могут и почтут за домашнюю службу»¹.

Определяя цели предлагаемых мероприятий, И.К. Кирилов писал: «При нынешнем благополучном самодержавстве государыни нашей императрицы божьим милосердием и судьбами счастьем ея величества два дела великой и бессмертной не только славы, но и к расширению империи и к неисчерпаемому богатству открываются: первое - известное, Сибирская и Камчатская экспедиции, второе - еще не открытое, киргиз-кайсацкое каракалпакское. И когда они с божьею помощью по совершенству произведутся, то надежду подает, что ко многому еще многое владение российское и доходы к облегчению подданных прибудут»². Таким образом, ясна общая направленность замыслов Кирилова - это стремление расширить территорию государства и получить новые природные и хозяйственные богатства³.

По словам известного исследователя Уолтера Коларза, «основание Оренбурга явилось одним из наиболее выдающихся событий Российской империи, вторым по значимости после завоевания Казани»⁴.

Большое внимание в проекте уделялось Башкирии. И.К. Кирилов обращал внимание на необходимость укрепления позиций правительства в крае с тем, чтобы предотвратить башкирские восстания. Автор подчеркивал, что укреплением южных окраин Башкирии «достигались три важные цели, непосредные и безпокойные башкиры стали бы сдерживаться рядом укреплений от

¹ ПСЗ РИ. Т. IX. – СПб., 1830. – № 6571. – С. 312.

² Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т. I. 1734 год. – Оренбург, 1900. – С. 1.

³ Акманов И.Г. Из истории Оренбургской экспедиции (характеристика «Проекта» И.К. Кирилова) // Очерки истории дореволюционной России. – Уфа, 1972. – Вып. I – С. 105–106.

⁴ Цит. по: Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. – Уфа, 1995. – С. 105.

хищных набегов, было бы можно зорко следить за действиями кочевников киргизских степей, людей не менее беспокояных, чем башкиры, и, наконец, эту линию прекращались бы сообщения башкир с киргизами»¹. Кирилов, опровергая возможную критику, акцентировал внимание на том, что башкиры добровольно приняли подданство и верно служили российской короне, в том числе против единоверцев: «ежели сие дело (строительство Оренбурга – прим. Т.Ч.) кто хотел опровергать, представя опасности от башкирцов ...тому можно многие примеры представить:...башкирцы сами в подданство пришли...утверждены в подданстве одною Уфою, коя так малолюдна, что сотой доли против башкирцов людей в ней нет и всегда верно служили не токмо против шведов и поляков, но и против турков и крымцов»². Башкирский бунт начала XVIII в. Кирилов также отвергает в качестве аргумента против предложенного им проекта, совершенно здраво осознавая, что причины крылись в ужесточении экономического давления со стороны государства: «а о бунте бывшем ежели зрело разсудить, то больше сделалось от того, что хотели прежняя привилегии опровергнуть, рыбныя ловли, мельницы отнять и подати лишняя наложить и многих лучших людей Сергеев с товарищи опоили и топили»³.

Кириловым был выдвинут план по организации интенсивного использования природных богатств Башкирии. Для этого предполагалась система мероприятий, включавшая кроме основания Оренбурга, укрепление юго-восточной пограничной линии, привлечение башкир к постоянной воинской службе по охране границ, колонизацию Башкирии земледельческим и торгово-промышленным населением из центральных районов России, что раньше было запрещено. И.К. Кирилов определил место для Оренбурга - опорного пункта наступления на Среднюю Азию; центра военного окружения Башкирии, а также крупного торгового центра.

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 85.

² ПСЗ РИ. Т. IX. – СПб., 1830. – № 6571. – С. 315.

³ Там же.

Проект И.К. Кирилова, при всех несомненных плюсах, обладал рядом противоречий. Реализация намеченных мероприятий могла способствовать развитию региона, но параллельно они означали резкое усиление административного гнета в Башкирии, так как их осуществление неминуемо вело к изъятию значительной части башкирских земель под крепости, заводы, деревни пришлого земледельческого населения, увеличению повинностей, установлению постоянного контроля царской администрации над башкирским населением¹.

1.05.1734 г. императрица Анна Иоанновна одобрила проект Кирилова. Он же возглавил Экспедицию, его помощником стал А.И. Тевкелев. Экспедиция была наделена широкими правами политического и военного характера.

Прекрасным поводом для строительства крепости на Южном Урале стало принятие российского подданства в октябре 1731 г. киргиз-кайсаками Младшего жуза во главе с Абулхаир-ханом². Уфимский городской голова Д.С. Волков в XIX в. вообще называл Абулхаира «главным виновником построения укреплений по южной окраине Башкирии»³. Для защиты новых подданных было решено построить на устье Ори город⁴. Таков был официальный предлог для прибытия команды Кириллова в Башкирию.

Опасаясь сопротивления со стороны башкир, власти скрывали от них намерения Оренбургской экспедиции. Но слухи об основании нового города на юге Башкирии серьезно встревожили коренное население⁵. По утверждению участника Экспедиции П.И. Рычкова, башкиры опасались, что «всеми их землями хотят завладеть, и того бы ради всеми силами противиться и г. Оренбург строить не давать, толкуя, что из - за того им никакой воли не бу-

---

¹ История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 173.

² Сафонов Д.А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.). – Оренбург, 2003. – С. 15.

³ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 85.

⁴ Там же.

⁵ Имангалин И.К. Башкирский край в первой трети XVIII в. и оренбургская экспедиция. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2013. – С. 21.

дет»¹. Решение об этом принято в конце 1734 г. – весной 1735 г. на йыйынах – народных собраниях.

Но прежде, по старой совещательной традиции 500 башкир Ногайской и Казанской дорог направили двух представителей в Уфу с известием о том, что они приехали «для слушания указа»². Собравшиеся пытались получить разъяснения от властей о целях Экспедиции. Примечательно, что разъяснений просили именно те рода и дороги, которые изначально проявляли лояльность к русскому государству и когда-то, поверив призыву Ивана Грозного, присоединились к Московскому царству.

Однако власти не собирались согласовывать свои мероприятия с башкирами. Послы были избиты и брошены в тюрьму. Тогда башкиры послали в Уфу новых представителей с просьбой о выдаче паспортов для поездки в столицу с челобитной. Как видно, В.Н. Татищев верно подчеркивал, что башкиры почитают царскую власть, не доверяя местным чиновникам, и именно от верховного правителя ждут защиты от произвола.

К сожалению, отношение властей, в том числе и верховных, изменилось по отношению к своим башкирским подданным. Посланцев ожидал еще более жестокий прием. Рычков так описывает события: «от Килмяка-абыза с товарищи бунта зачинщиков присланы были к нему, Кирилову, башкирцы, со объявлением, что они такого его походу изнести не могут, и принуждены будут в том всеми своими силами препятствовать, из которых присланных один тогда ж по учиненным ему розыскам, при чем полковник Тевкелев ревность свою оказал, умер, а другой взят и содержан был долгое время в обозе под караулом»³. Современные башкирские ученые однозначно трактуют случившееся как преднамеренное убийство⁴. Хотя, вероятно, подобной цели у организаторов экспедиции не было. Однако и отрицать очевидное бессмысленно

¹ Жуковский П.В. Дополнение к «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова. // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – 1916. – Вып. 33. – С. 111.

² НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 86.

³ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 44.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 231; Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. – Уфа, 1977. – С. 33.

- проявленное «рвение» Тевкелева, приведшее к смерти башкирского посланника, еще больше обострило ситуацию, продемонстрировав решительность участников экспедиции в проведении запланированных мероприятий.

Обстановка в крае была крайне взрывоопасна, уже были все причины для бунта: все более активное вмешательство царской администрации в башкирские дела - распоряжение пустующими землями; указы о льготах тем, кто примет христианство, строительство заводов, повышение ясака.

На наш взгляд, правительство не проводило какие - либо меры, направленные исключительно против башкирского этноса. Все мероприятия были обусловлены имперскими интересами по укреплению государства. Для начала XVIII в. повышение налогов и сборов не было новостью, так как Россия вела постоянные войны, и казну необходимо было пополнять. Но повод для восстания, безусловно, дали уфимские власти, жестоко избив послов от башкир. Так началось одно из самых кровопролитных восстаний в Башкирии.

Приготовления к бунту велись скрытно, информация о них почти не просачивалась. Но все же, активизация башкир и крупные башкирские съезды заставляли чиновников задуматься и начать готовиться к худшему. Так в начале февраля 1735 г. начальник горных заводов В.Н.Татищев получил письмо от приказчика Иргинского завода Осокиных Р. Набатова, в котором сообщалось о крупных башкирских съездах. Набатов просил Татищева обеспечить охрану завода: « ... слышно непрестанно есть, на которые великие чинят съезды, каких прежде не бывало. Еще ж близ их живущия крестьянство и черемиса с великим тщанием убираются в острожки. А и татара ... весьма тужат, аще де станется война, то де незнамо куда и деваться, понеже де русские в острожки не пустят... прошу нам отечески помиловать и от таких вредотворных страхов избавить, а имянно: ... с казенных заводов колико

надобно за деньги порох и кананера пожаловать отпустить милостиво повелеть»¹.

Руководитель же проекта И.К. Кирилов, зная о противниках в Кабинете, понимал, какова будет участь экспедиции, если правительству станет известно о недовольстве местного населения, поэтому в своих донесениях всегда старался приукрасить ситуацию, которую спровоцировала экспедиция². Кирилов писал зимою из Уфы: «Башкиры всеми чинимыми распоряжениями довольны»³. В рапорте о записи в службу башкирских тарханов, о постройке Верхнеяицкой пристани и о подготовки похода к р. Орь Кирилов писал: «... в Уфе и в Уфинском уезде все благополучно. Служилых башкирских тарханов поныне в службу в. и. в. записалось, и о тарханстве подтвердительные указы получили 773 человека. К службе в.и.в. помянуты тарханы и служилыя ж мещеряки, татары, при том и яшашныя башкирцы, охотою лутчия выбираютца, и одни перед другими тщатся, в чем бы угоднее службу показать. О которой Верхояицкой нужной пристани ... та совершенно утвержена, потому что Кара-Табынского роду все тубей башкирцы со общаго в собрании согласия сами выбрали и отвели удобное место на устье речки Уельяды. И, ответчи то место, сюда приезжали лутчия люди, человек с 15, которым некоторое награждение учинено, дабы сей дикой народ, один на другова смотря, наипаче к службе в.и.в. ревность имели»⁴.

Естественно, Кирилов осознавал всю опасность возможного башкирского бунта, поэтому и стремился контролировать ситуацию. Буквально за неделю до столь радужного своего рапорта в Кабинет, он инструктирует капитана Уварова и поручика Ветошникова, посланных для постройки Верхне-

¹ Письмо приказчика Иргинского завода Осокиных Р. Набатова начальнику Главного правления сибирских и Казанских казенных заводов В.Н. Татищеву. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 18.

² Имангалин И.К. Башкирский край в первой трети XVIII в. и оренбургская экспедиция. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2013. – С. 21.

³ Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – 1900. – Вып. 8. – С. 12.

⁴ Рапорт И. К. Кирилова в Кабинет о записи в службу башкирских тарханов, о постройке Верхнеяицкой пристани и о подготовке похода к р. Ори. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С.20.

яицкой пристани: «Всякими удобвозможными способами проповедывать накрепко о зборищах башкирских, ... Бude явятца какие возмутители с Нагайской или других дорог, то искать случая всякими образы их поймать, не желея, хотя что верным Сибирской дороги башкирцам и обещать награждение. Самим, паче чаяния, в случай какой противности ни на какие обнадеживании не полагаатца, потому что известно - ветренной и обманчивой народ»¹. Так же И.К. Кирилов, в противоречие собственным заверениям, не очень полагался на верность местного населения: «Хотя Сибирской дороги тархан Таймас батыр и другая обнадеживали суды и плоты провожать, однакож на то крепко надеетца не мочно, но всегда свою опасность командированным иметь надлежить, и пушечками, плывучи по новому пути, по пристойности, где увидят людей, поздравлять, и к себе блиско никого не подпускать, и ни на какую верность не слагатца»².

Обращает на себя внимание тот факт, что впервые за историю русско-башкирских отношений уже на начальном этапе бунта активистами выступали ногайские и казанские башкиры, а не сибирские. На первый взгляд, это объясняется тем, что в Уфе были казнены представители именно этих дорог, но это слишком простой ответ на поставленный вопрос. За этими событиями кроются важные изменения в русско-башкирских отношениях. Если раньше «казанцы» и «ногайцы» вступали в борьбу с русской администрацией по примеру сибирских башкир, и первыми же шли на замирение, то теперь именно они поднимали народ на восстание. Что же спровоцировало такие перемены?

На наш взгляд, причиной такого резкого изменения поведения западных и северо-западных башкир стало прямое и ничем не прикрытое нарушение русской администрацией условий башкирского подданничества. Если раньше западные и северо-западные башкиры могли апеллировать к этим ус-

¹ Инструкция начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова капитану Уварову и поручику Ветошникову, посланным для постройки Верхнеяицкой пристани. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 19.

² Там же. – С. 19.

ловиям, то теперь, при смене правительственного курса именно казанские и ногайские башкиры теряли больше всего - теряли те земли, ради сохранности которых когда-то давно их предки отказались от независимости. Неудивительно, что западные башкиры решили во что бы то ни стало отстаивать свои привилегии, тем более что они свою часть договора выполняли исправно, и поднимали сибирских башкир на восстание против Оренбургской Экспедиции.

Находясь в Уфе и готовясь к походу на р. Орь, И.К. Кирилов старался наладить контакт с башкирами и тем самым убедить их в том, что от Экспедиции не будет местному населению никакого урона. Прежде всего, Кирилов разбирали всевозможные жалобы и просьбы: «Прежде от воевод по кого башкирца пошлют, то оной захочет приедет, а не захочет не приедет, а инья и посланных побивали, а ныне тотчас всякой без ослушания едет, да и сами собою столько приезжают, сколько никогда в Уфе не бывало, требуя о управных делах. И, что могу, на словах между ими развожу, а дошедших в письменной суд, воевода, отложив прежней обычай, без лошадей, без камок и без денег судит. И тако увидели башкирцы себя богатыя, средня и убогая в равенстве, чему весьма рады»¹.

Однако данные послабления не могли урегулировать назревавшего конфликта, и И.К. Кирилов это, судя по всему, прекрасно понимал, поэтому и подчеркивал необходимость надеяться более на регулярные силы, нежели на помощь сибирских башкир.

15.06.1735 г. команда И.К. Кирилова в составе более 3 тысяч человек направилась к р. Орь: «Команда, определенная к Оре реке, состоит в трех батальонах Казанского и Уфимского гарнизонов, а налицо за командованием на Верхояицкую пристань и в Сакмарск, и на вечныя квартиры девять рот, гарнизонного ж драгунского Казанского полку 3 роты (кои отпустятца к Закамской линии, когда Вологоцкий драгунской полк прибудет); городских

---

¹ Доношение И. К. Кирилова в Сенат о приезде башкир в Уфу для суда и регистрации тарханных грамот, о таможенных и других сборах. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 22.

уфинских и бирских служилых людей и недорослей, учрежденных драгунами, три роты; уфимских казаков 150 человек в готовности»¹.

Узнав о выступлении Экспедиции, башкиры приступили к формированию вооруженных отрядов. Они шли вслед за Кириловым, отрезая его от Уфы. Отряд Казанской дороги возглавили Акай Кусюмов, Улиф Тохтаров и Тевеней.

В это время в волостях Казанской и Ногайской дорог разворачивается открытая борьба между повстанцами и сторонниками властей. В башкирской историографии данный раскол рассматривается как результат сословного расслоения, говорится о том, что широкие массы общинников стояли за восстание, оставшиеся верными властям тарханы, «лучшие» башкиры и муллы оказались в изоляции. Некоторые из них даже просили убежища у царской администрации. Ход событий в крае, разногласия и борьба между самими башкирами трактуются в литературе как движение, с самого начала носящее социальный характер². Но насколько такой подход объективен, и не обусловлен ли он еще советскими стереотипами в изучении истории восстаний, предполагающими рассмотрение конфликтов исключительно с точки зрения классовой борьбы.

Прежде всего, необходимо разобраться, кем были предводители данного восстания - Акай Кусюмов и Кильмяк Нурушев. Были ли они простыми общинниками, сражавшимися против феодального угнетения, или наоборот являлись представителями той верхушки общества, которая как раз таки и теряла привилегии благодаря Оренбургской Экспедиции. Акай Кусюмов являлся башкирским феодалом Тамьянской волости Ногайской дороги. Что самое интересное, Акай был «потомственным» бунтарем: «Дед его и отец, Кусюм Тюлекеев, старинные башкирцы Уфинского уезду. И в прошлых годах

¹ Доношение И. К. Кирилова в Сенат о положении в Уфимском уезде, о набегах казахов Среднего жуза на Сибирскую и Ногайскую дороги, и о ближайшем его выступлении к р. Ори. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 29.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 233; Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 121.

дед его в бунт Сеитовской был согласником, и за то в Уфинском уезде по Казанской дороге повешен, а отец его Кусюм, в бунте был Алдаровском и после того бунту умре в доме своем»¹. Сеитовским восстанием называлось башкирское восстание 1681–1683 гг., башкирское восстание 1705–1711 гг., в котором видную роль играл батыр Алдар Исекеев, а также отец Акая Кусюм Тюлекеев иногда называлось «Алдари-Кусюмовским». Правда в 1709 г. К. Тюлекеев отошел от восстания, участвуя в переговорах с царской администрацией, продолжал отстаивать интересы башкир мирными средствами². Сын Акая Абдулла также продолжит семейную традицию - станет одним из предводителей Казанской дороги в восстании 1735–1736 гг.

Акай проживал в качестве припущенника в Енейской волости Казанской дороги. Вероятнее всего семья потеряла статус вотчинников благодаря своему очень активному участию в восстаниях, хотя еще отец Акая был вполне состоятельным человеком. Кусюм был владетельным и властным представителем верхушки башкирского общества. Рычков приводит следующую его характеристику: «Сказывают, что он так усилился и самовластен был над башкирцами, что тех, кто в противность воли его поступали, вешал на деревьях, и утоплял в воде, бросая в проруби, и теми своими поступками у башкирцев поныне в немалой славе»³. Кусюм также выделялся незаурядными личными качествами и являлся батыром. Акай же в свою очередь возглавил представителей волостей Казанской дороги на всебашкирском йыйыне под Уфой, принявшем решение начать восстание. Этот факт также подтверждает высокое социальное положение Акая.

Кильмяк Нурушев также был представителем феодального сословия Юрматынской волости Ногайской дороги. Был известен как Кильмяк-батыр и

¹ Допросные речи одного из главных руководителей восстания 1735–1736 гг. Акая Кусюмова. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 362.

² Акманов И.Г. Кусюм Тюлекеев. // Энциклопедия Башкирии. URL: http://ufagid.com/encyclopedia/kusum_tul.html. (дата обращения: 5.10.2013.).

³ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. – С. 380.

учитель-абыз¹. Имел огромную популярность в Башкирском крае². «Дед и отец ево старинные башкирцы, и были ль в прежняя бунты согласники, не знает, а отец ево умре в Алдаровской бунт, в которой он, Кильмяк, сам воровал»³. В составе посольства башкир - участников восстания 1704–1711 гг. - побывал в Крыму и Турции (1706–1707 г.). Являлся одним из инициаторов всебашкирского йыйына, на котором было решено поднять восстание.

Таким образом, исходя из того, что предводители и вдохновители восстания были представителями верхушки башкирского общества, будет не вполне правомерно рассматривать движение как социально-обусловленное. Скорее высокое положение руководителей косвенным образом только подтверждает тот факт, что башкиры поднимали восстание, чтобы защитить свои привилегии и вполне вольготное автономное положение.

Летом 1735 г. движение охватило многие районы Ногайской дороги. Такая же ситуация сложилась на территории Казанской и Осинской дорог: формировались повстанческие отряды, шла борьба между восставшими и сторонниками властей. Намечается раскол внутри башкирского общества, часть - стремится заверить власти в своей лояльности, поддерживая власти и сообщая о повстанческих настроениях, другая часть - поднимает народ на бунт, называя первых - ворами. « башкирцы промеж себя воровски умышленно учинили збор, чтоб на оной поход (к р. Орь – прим. Т.Ч.) башкирцов ... не отдавать. А вы и другия ваши братья, разных деревень добрые люди, ... в том согласии не были, и на збор к ним не ездили. Токмо де деревни Урмекеевой ездил один человек, Девет Багышев, и бранил вас и, которые де ездят в Уфу, называл ворами. Да деревни Лаишлы Солтангул Кансуяров на тот збор

¹ Акманов И. Г. Кильмяк Нурушев. // Энциклопедия Челябинска. URL: <http://www.bookchel.ru/ind.php?what=card&id=605>. (дата обращения: 5.10.2013.).

² История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 191.

³ Допросные речи руководителя восстания башкир Ногайской и Казанской дорог 1735–1736 гг. Кильмяка Нурушева. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 365.

ездил же и говорил вам: ежели вы на збор к ним не поедете и без мирского совету на службу людей отпустите, то хотели вас на пути ограбить»¹.

Как мы видим, раскол приводит к прямым вооруженным столкновениям повстанцев с «лучшими людьми»: «деревни ... Нарат-Тамак и Сергап, что они отправили от родственников своих к означенному походу на службу дву человек, и напали на них ... воровским умыслом угрожали всячески и хотели вести ко умышленным воров на збор к Акаю Кусюмову ... и хотели побить до смерти, от которого де их нападения вы едва освободились. А другие иноверцы из ваших деревень ... на збор все уехали»². Повстанцы не собирались шадить тех, кто подчиняется указам российской администрации: «Мы де, Надыровы волости, бояся живем, для того - всякие ведомости слышим: Надыровой волости, как надобно, разорим, а Надыра де, как попадет, и брюхо распорем»³. Здесь речь идет о Надыре Уразметеве, башкирском феодале, старшин Надыровской волости. Уразметев входил в состав башкирского посольства ко двору в Петербурге во время организации Оренбургской экспедиции⁴. Последнее как раз таки и настроило повстанцев против Надыра.

Указ из канцелярии экспедиции, обращенный к жителям Казанской дороги, относится ко времени пребывания Оренбургской экспедиции в Чесноковском лагере. В это время до руководителей экспедиции дошли сведения о недовольстве башкирских феодалов и о многочисленных съездах их. Однако ни та, ни другая сторона не решалась начать решительные действия. Публикуемый указ, выданный накануне отправления в путь к устью Ори, является одной из мер для предотвращения возможного выступления. Знаменательно, что в этом случае Кирилов и Тевкелев решили опереться на среднее звено

¹ Указ из канцелярии Оренбургской экспедиции башкирам Казанской дороги, Иланской волости Аднагулу Ишимову с товарищами об аресте собравшихся на совет башкирских старшин Акая Кусюмова с товарищами. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 30.

² Там же. – С. 30–31.

³ Письмо татарского муллы Надыровой волости Алмея полковнику И. Н. Татищеву о съездах и намерениях восставших и об опасности от них для населения Надыровой волости. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 33.

⁴ Комментарии к документу № 8. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 665.

башкирских феодалов. Среди лиц, на имя которых дан указ, мы не находим представителей крупной феодальной верхушки. Эта ориентация была отмечена и руководителями восстания Кусюмовым и Нурушевым, жаловавшимся на то, что указ был дан «худым людям»¹. Значит, руководители Экспедиции осознавали, что крупные феодалы настроены против интеграции Башкирии в административную структуру Российской империи, против потери ими широких привилегий и не станут способствовать поимке Акая Кусюмова «с товарищами». Не надо сбрасывать со счетов и сословную солидарность крупных феодалов, которые бы не захотели выдать российским властям одного из своих.

Любые контакты с российской администрацией рассматривались повстанцами как признак предательства башкирских интересов. Башкирами плохо осознавались те перемены, которые произошли с российской государственностью в начале XVIII в. Для них, в силу традиционного мышления, власть все еще отождествлялась с московской политикой. Неудивительно что они апеллировали к своим договорам с царской администрацией, забывая, что ситуация коренным образом поменялась с оформлением новой, уже имперской концепции геополитики. Та часть населения, которая сохранила верность правительству, пыталась найти защиты у последнего: «мы, Надыровы волости люди, бояся живем... Башкирцы много собрались разных волостей, сколько их было на зборе... А на мирском приговоре было это: верхние башкирцы Тамьянской волости ...как де генерал с полками с Уфы пойдет, то они будут к Кусюмову сыну писать, а он с своею силою пойдет»².

Однако надо отдать должное, башкиры все еще остерегались идти на прямое столкновение с русскими: «... ежели де русские люди нас не тронут, и мы их не тронем; коли де поедут русские люди брать наших - не дадим; когда

¹ Комментарии к документу № 9. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 665.

² Письмо татарского муллы Надыровой волости Алметя полковнику И. Н. Татищеву о съездах и намерениях восставших и об опасности от них для населения Надыровой волости.// Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 32.

поедут город строить - не пустим, а как на степь выедут - станем рубить»¹. Скорее всего, это объяснялось с одной стороны тем, что движение только набирало обороты, и активисты только еще поднимали массы на восстание. С другой - не надо сбрасывать со счетов тот факт, что не были до конца прояснены намерения русской администрации и цели Экспедиции. Именно неуверенность башкир в своем будущем и толкала их на демонстрацию силы и напоминание властям о ранее установленных границах вмешательства правительства во внутреннюю жизнь башкир. Сохраненное башкирами мировоззрение середины XVI в. приносило особую оригинальность ситуации, подчеркивая политическую наивность населения края. Традиционное деление мира на «своих» и «чужих», «хороших» и «плохих» привело к непониманию происходящего: русская администрация, не посмотрев на честное выполнение башкирами своих воинских повинностей и честное отстаивание интересов России на фронтах всевозможных войн, вдруг идет на сближение с Малым Жузом, старым врагом башкир. Именно от них - киргиз-кайсаков - башкиры с середины XVI в. защищали юго-восточные границы Российского государства. Повторялась ситуация с калмыками начала XVII в.

Башкиры, не обладая развитым управленческим мышлением, воспринимали поступки русских чиновников как их собственное желание, отсюда крайне неприязненное отношение к тем из них, кто реализовывал на практике новое отношение империи к подданным. В допросных листах А. Кусюмова встречаем такую мысль: «... яко полковник Тевкелев приказывал верным башкирцом и татаром, чтоб ево, Акайку, и других воров поймать, а за то обещал давать сукнами. Чего ради согласились они - кто за ними от Тевкелева приедет, тем противиться и друг друга не выдавать... А при розезде приказывали всем, у кого в Уфе есть друзья, дабы уведомиться - о поимке их один ли полковник Тевкелев предложил, или обще с статским советником

---

¹ Письмо татарского муллы Надыровой волости Алмея полковнику И. Н. Татищеву о съездах и намерениях восставших и об опасности от них для населения Надыровой волости.// Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 32.

Кириловым и уфимским воеводою»¹. Налицо попытка четко обозначить для себя «врага». После того, как пропали посланные в Уфу представители, башкиры решили обратиться к императрице, видя в ней олицетворение справедливости (еще один традиционный стереотип): «И оные посланные к ним не возвратились, а слышали, что умерщвлены. И до того, убоясь, они выбрали между собою Умера Тохтарова с ызветом в город ехать и искать взять паспорт, с которым бы мог кто от них проехать ко двору е.и.в. для челобитья, что вышеписанных посланных их в Уфе запытали»².

Однако, правительство отныне не собиралось выстраивать межсубъектные отношения с подданными, объясняя им свои замыслы и испрашивая у них разрешения. Власти опирались на сохранивших верность башкир. Сохранились указы из канцелярии Оренбургской экспедиции, в которых верно-подданным башкирам обещают награды за информацию о предводителях восстаний и их поимку: «Того ради по указу е.и.в. вам, Аднагулу с товарищи, служа е.и.в. во всякой верности, вооружаясь в воинские оружие, показанных плутов Акая Кусюмова с товарищи, как можно всех переловя, привести в канцелярию Оренбургской экспедиции, за что вы, Аднагул с товарищи, от е.и.в. награждены будете высокою милостию»³.

Повстанцы стремились всеми силами расширить движение, и подчас дело доходило до принуждения: «...присылал оной Акай к нему в деревню Юнмин дважды по человеку. И по оным де посылкам он, Узекей, не поехал. И по третьей посылке прислал оной Акай трех человек приставов, и взяв де, повели под неволею. И по привозе оной Акай допрашивал: кому он хочет служить - русским ли, или им. А ежели де им не будет служить, то де хотели

¹ Допросные речи одного из главных руководителей восстания 1735–1736 гг. Акая Кусюмова. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 363.

² Там же.

³ Указ из канцелярии Оренбургской экспедиции башкирам Казанской дороги, Иланской волости Аднагулу Ишимову с товарищами об аресте собравшихся на совет башкирских старшин Акая Кусюмова с товарищами. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 30–31.

срубить, а жен их взять в полон...И приложил де ис под неволи он, Узекей, тамгу, чтоб итти с ним, Акаем...»¹.

Таким образом, каждая сторона стремилась заручиться поддержкой широких масс населения Башкирии. Администрация Оренбургской экспедиции, несмотря на регулярные сообщения о брожениях и съездах башкир, продолжала действовать по заранее намеченному плану создания в крае форпоста для контактов с азиатскими народами. Назревающий конфликт неизбежно должен был вылиться в вооруженные и кровопролитные сражения.

19 июня с Закамской линии в Уфу прибыл Вологодский драгунский полк на помощь команде Кирилова. 1 июля отряд Нурушева на 160-ой версте от Уфы напал на вологодцев. Сражения с перерывами продолжались до 6 июля. Только помощь И.К. Кирилова, отправившего часть войск на помощь, заставила башкир снять осаду вологодцев. Через несколько дней войска соединились с силами Экспедиции. В сражениях с ротами Вологодского полка приняли участие башкиры 14 волостей Ногайской, 7 волостей Казанской и нескольких волостей Осинской дорог. Повстанцев поддерживали татары, часть мишарей и чуваш².

В середине июля, по-видимому, в Юрматынской волости Ногайской дороги состоялся совет восставших Казанской, Ногайской и Осинской дорог. Было решено продолжить борьбу.

В июле – августе 1735 г. восстание охватило всю европейскую часть Башкирии. В западной Башкирии совместно действовали повстанцы из башкир, татар, чувашей, мари и мордвы³.

Противоречивы цифры, говорящие о численности восставших. Среди жителей Башкирии распространялись сведения об огромной силе, которую

¹ Доношение казанского губернатора П. И. Мусина–Пушкина в Военную коллегия о съездах башкир Ногайской дороги. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 34.

² Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – 1900. – Вып. 8. – С. 15–16; Акманов И.Г. Организация Оренбургской экспедиции и начало восстания 1735 – 1740 гг. // Очерки истории дореволюционной России. – Уфа, 1975. – Вып. 2. – С. 130 – 139.

³ Кузеев Р.Г. 400 лет вместе с русским народом: присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. – Уфа, 1957.– С. 47; Галигузов И.Ф. Народы Южного Урала: история и культура. – Магнитогорск, 2000. – С. 67.

собрал Нурушев. В сентябре 1735 г. екатеринбургский купец И. Харчевников сообщал В.Н. Татищеву о количестве восставших башкир Ногайской дороги: «...у вора Кильмяка-абыза в зборе войска 15000, а еще послал от себя 17 человек в Казачью орду для подзыву воевать»¹. Однако исследователи скептически относятся к названным цифрам. Сведения о силах восставших, фигурирующие в донесении Харчевникова, явно завышены. В допросах руководителей восстания Нурушева и Кусюмова, а также в ряде других документов имеются данные о том, что число восставших в этот момент не превышало 3000 человек. В то же время имеются указания на то, что преувеличенные сведения намеренно распускались восставшими.

С середины июля свои основные удары они направляли против гарнизонов новой и старой линий Закамских крепостей. В конце июля большой отряд Кусюмова подошел к Мензелинску. Но город устоял. В августе они действовали в Прикамье.

По приказу И.К. Кирилова из зауральских русских деревень должен был поступать провиант к устью р. Орь. Продовольственный обоз был отправлен из Теченской слободы в конце июля на 1084 крестьянских подводах под охраной полроты сибирских драгун². Малочисленность охраны скорее всего объясняется тем, что вооруженное сопротивление в Зауралье только набирало оборот, и российские администраторы не осознавали еще того масштаба, который примет повстанческое движение. Начальником обоза являлся уфимский дворянин прапорщик Гладышев. В начале августа отряд под предводительством башкира Киргиз - Табынской волости батыра Юсупа Арыкова и башкира Тюбелясской волости Сибирской дороги Баюраса Енурусова в 30 верстах от Верхнеяицкой крепости совершил нападение на обоз. Ход сражения известен лишь в общих чертах: «..телег с 30 и больше, побили

¹ Сказка екатеринбургского купца И. Харчевникова В. Н. Татищеву о количестве и намерениях восставших башкир Ногайской дороги во главе с абызом Кильмяком Нурушевым. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 66.

² Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 261.

трех человек и взяли некоторое число лошадей»¹. Одновременно в осаде оказался и Верхнеяицк². 5 августа восставшие напали на солдат, рубивших лес вблизи крепости, и убили 15 человек. В тот же день башкиры отогнали 87 казенных лошадей. Затем они окружили Верхнеяицк и держали его в осаде около месяца. В источниках не сохранились сведения, позволяющие уточнить, когда и при каких обстоятельствах обоз вырвался из окружения и когда восставшие сняли осаду с крепости. Современные исследователи предполагают, что это связано с приближением отряда Тевкелева, и с попыткой повстанцев остановить его, устроив пожар в степи³.

В первое время местные власти не имели достаточных сил для подавления восстания. Основные силы Экспедиции во главе с И.К. Кириловым были заняты закладкой Оренбурга. В Уфе и других крепостях команд было мало и они не решались на открытое выступление против повстанцев.

24.08.1735 г. Кабинет получил первые донесения от И.К. Кирилова после начала восстания, где говорилось, что потери войск невелики, скоро Экспедиция дойдет до р. Орь и приступит к строительству города. Правительство указало Кирилову «того строения оставлять не подлежит»,⁴ тем самым правительство окончательно санкционировало основание Оренбурга, несмотря на вооруженный протест башкирского народа, не желавшего примириться с дальнейшим укреплением и расширением влияния правительства в регионе.

Проект продвижения на восток посредством оренбургского плацдарма был настолько важен для правительства, что 13.08.1735 г. была создана Башкирская комиссия для подавления бунта, главой был назначен крупный военный деятель генерал-лейтенантом А.И.Румянцев. Ему были подчинены все

¹ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 261.

² Допрос Тевкелевым башкира Сулеймана Карашаева и других. // Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т.2. 1735 и 1736 годы. – Оренбург, 1900. – С. 131–134.

³ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 262.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 234.

власти Приуралья и Среднего Поволжья, в том числе начальник экспедиции Кирилов.

Именным указом императрицы Румянцеву было приказано незамедлительно ехать в Башкирию и «употребляя всякие к тому возможные способы, башкирской народ в покорность и верность привести и то их возмущение прекратить и от чего Боже сохрани до дальнего расширения не допустить»¹.

Румянцеву были даны подробные инструкции, также он был наделен широкими полномочиями: «велено для усмирения башкирцев послать вас немедленно и дать вам полную мочь и власть, чтобы во усмирении тех башкирцев ты поступал как по тамошнему состоянию дел наилучше и способнейшее заблагорасудишь»². Эта мысль несколько раз повторяется в тексте инструкции.

Восстание вынудило Кирилова отказаться от первоначального проекта, в котором башкирам отводилась важная роль в дипломатических и военных акциях правительства на юго-восточной границе³, и заняться башкирским вопросом. Уже в сентябре 1735 г., после закладки Оренбургской крепости, докладывал в Кабинет об организации военного карательного похода в районы восстания⁴.

В целом, И.К. Кирилов придерживался жесткой линии, относительно башкир, требуя, прежде всего, полного их подчинения, а затем, намереваясь создать образцовую систему правления. Наряду с беспрецедентными по жестокости репрессивными мерами он разработал долгосрочную программу ликвидации власти родоплеменной знати. Были сформулированы как административные, так и экономические, методы ее ослабления. Указ о разрешении башкирским общинам продавать вотчинные угодья не только подорвал тра-

¹ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 3. Л. 8.

² Там же. Л. 4.

³ Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). – *Уфа, 2005.* – С. 198; Акманов И.Г. О населении исторического Башкортостана в XVII – XVIII вв. // Политическая и социально-экономическая история Южного Урала в XVI – XX в.: Мат. конф. – Уфа, 1996. – С. 47–49.

⁴ Доношение И. К. Кирилова в Кабинет о возвращении его из Оренбурга и об организации военного наступления на районы восстания. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 66–68.

диционную привилегию родовой знати распоряжаться вотчинными владениями, но создал правовую базу для массовой помещичьей, заводской, крестьянской колонизации края. Кирилов отстаивал следующие мероприятия: все те, кто был схвачен во время совершения бунтовщических действий, должны были быть казнены; тех, кто сдались добровольно, следовало пощадить, однако сослать в ссылку. Главных зачинщиков бунта следовало схватить и безжалостно казнить¹. В отличие от прежней практики, тех, кто совершил незначительные проступки, не следовало избивать кнутом, а отправлять в Прибалтику в качестве солдат или в Рогервирк на каторжные работы. Беглых славянского и неславянского происхождения выслать в Прибалтику солдатами или рабочими на уральские рудники.

Следовало ввести ограничительные меры по контролю деятельности местного башкирского населения. Все собрания башкир запрещались, кроме ежегодных и санкционированных русскими чиновниками.

Также были внесены предложения по урегулированию мусульманских дел. В каждой дороге, должен был быть один представитель мусульманского духовенства, назначаемый русским правительством.

Всем жителям волостей, принимавших участие в волнениях, должно быть запрещено ношение оружия.

Что касается переселенцев - небашкир, И.К. Кирилов внес следующее предложение: тех из них, кто сражался против русских, следовало наказывать, а проявившим верность предоставить постоянное право пользования землей, на которой они поселились, а также их могли освободить от обязательств по уплате оброка своим хозяевам - башкирам.

Однако следует учитывать изменения в расстановке политических сил в регионе. Если до августа 1735 г. Кирилов, как глава Оренбургской Экспе-

---

¹ Письмо И. К. Кирилова А. И. Румянцеву о недостаточности мирных средств для прекращения восстания башкир и мерах, необходимых для его подавления. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 79–80; Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 129; Порталь Р. Россия и башкиры: проблемы взаимоотношений (1662 – 1798). // Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. – Уфа, 2005. – С. 116–117.

диции был достаточно волен в своих решениях, то с назначением Румянцева «главным командиром», ситуация для Кирилова поменялась. Дело всей его жизни, мечта о продвижении в Азию, стояла под угрозой. Башкиры подняли восстание и тем самым спровоцировали излишне пристальное внимание к делам в регионе. Кирилов лишился самостоятельности и вполне справедливо опасался за судьбу проекта строительства Оренбурга. Румянцеву было разрешено свернуть экспедицию, если ситуация на месте окажется слишком сложной: «Ежели полученные о тех башкирцах ведомости подлинно основательны и оные действительно в таких противностях состоят в таком случае статского советника Кирилова тебе остановить и того походу к Орь-реке продолжать ему не велеть»¹. Неудивительно, что Кирилов старался продемонстрировать Кабинету, что ситуация с башкирскими недовольствами у него под контролем и может быть быстро решена силовыми мерами. Конечно, вряд ли строительство Оренбурга было бы отменено полностью, такой уступки башкирам бы правительство не сделало, но могло отложить его на неопределенный срок или, что было немаловажно для Кирилова, сменить руководителя Экспедиции. Во всяком случае, в инструкции было поручено Румянцеву разъяснить башкирам пользу строительства крепости для местного населения: «а ежели они намеряемое строение крепости на Орь реке в какую противность и обиду себе ставят то им на то показать, что та крепость для единого их защищения и пользы от киргиз-кайсаков строитца вознамерена, от которой не токмо чтоб им какая обида и утеснение быть могло, но паче совершенной безопасности от киргиз-кайсаков служить имеет»².

Румянцев, прибывший 19.09.1735 г. в Мензелинск, выступал за более умеренные методы управления. В своих взглядах он руководствовался не столько соображениями гуманности, сколько хорошо осознаваемой им слабостью позиций русских в регионе³. В инструкциях императрицы, прилагаемых к указу о назначении Румянцева, так же говорилось о том, что сначала

¹ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 3. Л. 7.

² Там же. Л. 5.

³ Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. – Уфа, 1995. – С. 137.

надо попробовать урегулировать конфликт мирным договорным путем: «употребляя вначале всякие пристойные добрые способы и уговаривая, и об-надежа их е.и.в. высочайшею милостию...»¹. Оценив ситуацию на месте, он обратился к восставшим с предложением прекратить борьбу и начать переговоры. Ему было поручено разобраться со всеми жалобами, поступавшими от башкир и продемонстрировать тем самым милость государыни по отношению к своим башкирским подданным: «...е.и.в. повелела тебя нарочно к ним отправить для справедливого исследования всех тех обид и причин, которые им башкирцам...учинены были и что ты имеешь полную мочь и власть ... правосудие показать и виноватых по достоинству наижесточайшее нака-зать»². Тем самым должна была снизиться напряженность в регионе, а так же укрепиться вера подданных в «добрую» императрицу. В этом случае пов-станцам даже обещали прощение за поднятое восстание: «...в учиненных уже от них противностях е.и.в. всемилостивейшее прощение обещает и в том их чрез него (Румянцева – прим. Т.Ч.) накрепко обнадеживает»³.

Однако особых надежд на мирное разрешение конфликта у правитель-ства не было, в противном случае оно не стремилось бы централизовать си-лы, сосредоточенные в регионе, и упорядочить их действия. Все командиры в регионе были подчинены А.И. Румянцеву, который наделялся широчайшими полномочиями: «... обретающимся в тамошних местах и на Уфе всем воен-ным и протчим командиром быть в твоей команде, и по твоим ордером и оп-ределениям поступать и исполнять как ты велишь и за потребно рассу-дишь...»⁴. Указы Сената, подтверждающие полномочия Румянцева были от-правлены тайному советнику Ф. Наумову, действительному статскому совет-нику графу П. Мусину-Пушкину, статскому советнику И. К. Кирилову, в ад-министрации Казанской и Астраханской губерний и Уфимской провинции. К местным «воинским и протчим командирам» - Указы из военной, иностран-

---

¹ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 3. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 3.

ной и адмиралтейской коллегий. «...ежели оные добрые способы для скорейшаго усмирения их не предупредят то в таком случае употреблять оружие и против тех возмутителей неприятелей действовать и во всем так поступать как военной резон требует...»¹.

Правительство подготовилось к обостренному течению переговоров с башкирами, поэтому П. Мусину-Пушкину было приказано ехать в Уфу и участвовать в подавлении повстанческого движения: «Казанскому губернатору графу Платону Мусину-Пушкину велено ехать на Уфу наскоро, и приехав до твоего (Румянцева – прим. Т.Ч.) приезде на Уфу, тот час войска как регулярные так и нерегулярные на Уфе и из окрестных мест собрать сколько возможно, и употреблять к пресечению тех башкирских возмущений и ко охранению города Уфы и уездов ...»².

Одновременно с этими перестановками, И.К. Кирилов приступил к реализации своего плана жестокой расправы с повстанцами и подавления восстания вооруженным путем. За 10 дней команда Кирилова razорила 21 аул Юрматынской и Тамьянской волостей, которые выдвинули главных предводителей восстания - Кильмяка и Акая.

Для И.К. Кирилова Оренбургская экспедиция была важнейшим делом его жизни, воплощением мечты Петра Великого, неудивительно, что он стремился всеми силами взять ситуацию под контроль и тем самым сохранить заинтересованность правительства в строительстве Оренбурга и свое положение в этом мероприятии.

После ряда неудачных сражений с командами И.К. Кирилова и А.И. Тевкелева основная масса восставших во главе с Кильмяком и Акаем приняла предложение Румянцева о переговорах. На йыйыне башкиры составили челобитную с традиционными жалобами на строительство крепостей, церквей, на насилие со стороны башкирской феодальной верхушки. Жаловались на жестокость обращения Кирилова, Тевкелева. Они просили прави-

---

¹ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 3. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

тельство отозвать Оренбургскую экспедицию. Челобитную подписали представители 27 волостей Казанской, Ногайской и Сибирской дорог. Осенью 1735 г. в европейской части Уфимской провинции наступило затишье, однако в Зауралье обстановка продолжала оставаться сложной.

К восстанию присоединились сибирские башкиры. Скорее всего, поводом послужило строительство Верхнеяицкой пристани для налаживания продовольственных поставок к месту строительства Оренбурга. Даже тот факт, что старшина и тархан Т.Шаимов дал разрешение властям на строительство пристани и ряда крепостей в Зауралье, не смог сдержать недовольство местных башкир¹. Шаимов также обещал предоставить охрану для обозов, что, однако, не внушало российским властям спокойствия, учитывая сложную и взрывоопасную ситуацию в регионе. Кирилов писал капитану Уварову и поручику Ветошникову, направленным на строительство вышеназванной пристани: «Хотя Сибирской дороги тархан Таймас батыр и другая обнадеживали суды и плоты провожать, однакож на то крепко надеетца не мочно, но всегда свою опасность командированным иметь надлежить, и пушечками, пlyingчи по новому пути, по пристойности, где увидят людей, поздравлять, и к себе блиско никого не подпускать, и ни на какую верность не слагатца»².

В ноябре 1735 г. из Теченской слободы к Оренбургу был отправлен крупный продовольственный обоз, насчитывающий порядка шестисот подвод, охраняемый тремя ротами из числа регулярных войск. Полковником А. И. Тевкелевым была дана точная инструкция на случай нападения бунтарей: «Чтоб ежели от башкирцев будет препятствие или за зимним путем до Оренбурга пройти будет невозможно, то б оный сложить в Верхояицкой пристани»³. 22.12.1735г. в 60 верстах от Верхнеяицка повстанцы «... человек 1000 и

¹ Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т.1–2. – Казань, 1897. – С. 134; Валеев Д.Ж. Таймас Шаимов. // Башкортостан: Краткая энциклопедия. URL: <http://encycl.bashportal.ru/taimas.htm>. (дата обращения: 6.11.13.).

² Инструкция начальника Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова капитану Уварову и поручику Ветошникову, посланным для постройки Верхнеяицкой пристани. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 19.

³ История города Верхнеуральска. URL: <http://verhneuralsk.wen.su/history.html> (дата обращения: 6.11.13.).

больше» напали на обоз и остановили продвижение¹. Майор М. Шкадер пишет В.Н. Татищеву о нападении и просит о помощи: «А сего ж декабря 22-го дня со отправленным провиантским конвоем и с прочими припасами подле реки Яйбики от неприятелей воров башкирцов сидим отакованы, и была баталья от утра до самого вечера. А от Теченской слободы в разстоянии в 270 верстах, а до пристани не дошли за 60 верст. И оных воров башкирцов человек 1000 и больши и отоковали нас со всех сторон. А ныне мы сидим во отаке ... Тако ж что урону в людех и в конех, того ныне в скорости описать невозможно, тако ж де и итти с места никак невозможно ... покорно просим, дабы соблаговолили послать к ... полковнику Ивану Савичу Арсеньеву указ, дабы ... шел к нам со всею своею командою на выручку провианта и для сикурсу немедленно»². После получения данного послания, В.Н. Татищев обращается к зауральским башкирам, напоминая, что императрица прислала Румянцева в край с обещанием простить прегрешения, чем уже воспользовались западные башкиры во главе с Кусюмовым. Татищев призывает зауральцев оказать помощь обозу: «вы немедленно все, сколько возможно в самой скорости собравшись, шли в показанное место на выручку того обоза и оной проводили до безопасного места, а их, воров и возмутителей, переловя, суда прислали, за что милостивно от е.и.в. будите пожалованы. А к полковнику Арсеньеву и другим войском о том указы посланы, чтоб для обороны оногo обоза и сокращения бунтовщиков шли с поспешением»³.

Примечательно, что не испытывая особого доверия к башкирскому населению, российские чиновники призывают их на помощь. На лицо циничная тактика стравливания башкирских родов друг с другом. Татищев достаточно подробно «напоминает» зауральским башкирам о ситуации на Казанской и

¹ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 263.

² Доношение майора М. Шкадера В. Н. Татищеву о нападении на провиантский обоз башкир и бое с ними у р. Яйбики. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 110.

³ Указ В. Н. Татищева башкирам Сибирской дороги о выступлении их для обороны провиантского обоза от восставших. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 111.

Ногайской дорогах, и особо подчеркивает, что Сибирская и Осинская дорога не поддержали бунтарей и продемонстрировали верность верховной власти: «Известно всем вам, как башкирского народа Казанской и Нагайской дорог и Юрматинской волости и протчих некоторые злоумышленники ... дерзнули нечаянно руским людям нападения, убивства и грабления учинить. А вы, Сибирская и Осинская дороги, тогда к оным возмутителем и нарушителем верного подданства не токмо не пристали, но и во всякой рабской всеподданнической верности пребывали, но еще верные свои службы оказывали»¹.

Майор М. Шкадер и прапорщик Д.В. Гладышев тщетно стараются наладить диалог с бунтовщиками и их главарем Ю.Арыковым. Повстанцы, осознавая свой численный приоритет, не желали отступить: «оной вор Юсуп с товарищи сказал нам, что де мы того правиянту отнюдь не пропустим и будем с ними чинить баталию как возможно, до последняго человека, а силы де у меня и того больше и вся в готовности»².

На помощь окруженным обозникам был направлен полковник И.С. Арсеньев во главе Сибирского драгунского полка. Поход команды Арсеньева не остался тайной для восставших. 12 января, когда команда находилась уже в 15 верстах от обоза, повстанцы напали на полк и после продолжительного боя, правительственные войска были вынуждены отступить к сибирским слободам³. Однако, отчеты о данном бое носят противоречивый характер. И.С.Арсеньев в докладе Татищеву писал, что бунтовщиков было «человек тысячь с 5 и больше»⁴ против 507 драгун и 98 крестьян, у последних «у многих ружья не имелось»⁵. Также подробно перечислял количество потрачен-

¹ Указ В. Н. Татищева башкирам Сибирской дороги о выступлении их для обороны провиантского обоза от восставших. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 111.

² Доношение М. Шкадера и Д. В. Гладышева В. Н. Татищеву об отказе старшины Сибирской дороги, Кара-Табынской волости Юсупа Арыкова пропустить провиантский обоз к Верхнеяицкой пристани. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 112.

³ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 264–265.

⁴ Доношение полковника И. С. Арсеньева В. Н. Татищеву о столкновениях с восставшими Сибирского драгунского полка, переговорах с ними и о возвращении в Теченскую слободу. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 113.

⁵ Там же.

ных в бою боеприпасов: «И на той баталии выпалено: патронов с пули фужейных 4079, картечь 1057, пистолетных 1198, пороху пушечного 115 картузов, в них весу 2 пуда 6 фунтов, ядер 115, картечь свинцовых 31, чугунных 84»¹. Исходя из названных цифр, очевидно, что бой носил ожесточенный характер, но тогда настораживает количество пострадавших воинов и животных: «И на той баталии убито: драгун 6, крестьянин 1; ранено: капитан 1, ундер-афицеров, капралов и драгун и других чинов 36, крестьян 3, итого 45 человек; лошадей казенных драгунских побито 25, ранено 31, итого 56: да побито ж крестьянских 10, ранено 22»². И удивляют не только явные арифметические ошибки, ведь если подсчитать убитых и раненых то получается не 45, а 47 человек. Поражает, что при таком массированном обстреле, правительственные войска просто не могли проиграть. По показаниям самого Арсеньева бой длился почти 1,5 суток: «и была с ними баталия от половины дни до вечера и во всю ночь, и на другой день третьяго на десят числа с утра до самого ж вечера»³. Если подсчитать все произведенные залпы из всех видов орудий получится 6564 выстрела, около трех выстрелов в минуту. При такой интенсивности стрельбы, драгуны вполне могли сдержать или даже отбросить превосходящего по силе противника, однако этого не произошло. Вероятнее всего полковник несколько видоизменил ход событий, чтобы выглядеть в глазах начальства более исполнительным. Это дает повод сомневаться в других показаниях, принадлежащих перу Арсеньева.

Дополнительную информацию для анализа событий дает сказка башкирского абыза Т. Ибраимова, повествующая со слов башкира К. Карабашева об окружении Сибирского драгунского полка бунтарями и об их переговорах с полковником И.С.Арсеньевым. Со слов К. Карабашева, ездившего к Арсеньеву по распоряжению Татищева, выходит, что количество нападавших Арсеньевым в его донесении явно завышено: «объехали их воры башкирцы, а

¹ Доношение полковника И. С. Арсеньева В. Н. Татищеву о столкновениях с восставшими Сибирского драгунского полка, переговорах с ними и о возвращении в Теченскую слободу. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 113.

² Там же.

³ Там же.

имянно Сибирской дороги, Табынской волости Юсуп, а чей отчеством и прозванием не знает, со многими людьми, например, тысячи з две, и не доехав до правиантского обоза, например, верст за 15, и их осадили и с ними билась»¹, причем расстояние до окруженных обозников совпадает с предыдущим источником. Ибраимов утверждает, что русские убили одного батыра, а сам К.Карабашев был ранен: «А русские де убили у них, башкирцов, до смерти одного батыря, а как его зовут не знает, а ево де, Кармышака, ранили»². О других потерях он не знает, но свидетельствует о том, что ранено много лошадей, причем как башкирских, так и драгунских. Еще одно косвенное подтверждение неточности сведений Арсеньева - если принять за истину количество огнестрельных залпов, которые совершили драгуны по восставшим, пострадавшим, бесспорно, должно было бы быть больше. Тогда возникает вопрос - почему потери повстанцев незначительные, но притом так много подстреленных лошадей?

Вряд ли это было стратегическое решение, при численности в пять тысяч человек, разумнее и эффективнее было стрелять именно по восставшим, потому как отстреливаться и бороться они могли и без лошадей. Сдержанный тон и краткость донесения Арсеньева может объясняться потрясением и желанием не упоминать о дезориентированности войск. Он не называет подробности боя, не сообщает о погибших бунтарях, о переговорах с последними.

В сказке же наоборот, более подробно, чем у полковника, дано описание переговоров с повстанцами. По словам К.Карабашева, башкиры предложили полковнику И.С.Арсеньеву уйти, забрав обоз Гладышева, угрожая в случае отказа расправой. Судя по всему, сами по себе государственные войска не особо раздражали башкир, бунт подогревался именно захватом вотчин и самим фактом строительства Оренбурга. Это может объяснить небольшое

¹ Сказка башкира Катайской волости абыза Тахтамыша Ибраимова В. Н. Татищеву об окружении Сибирского драгунского полка башкирами и о их переговорах с полковником И. С. Арсеньевым. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 115.

² Там же.

количество пострадавших, ведь при численном перевесе восставшие могли уничтожить весь драгунский полк. Однако вместо этого башкиры соглашались на переговоры и даже обещают отпустить команду Гладышева, при условии, что последние покинут башкирские земли: «И потом стали они, воры, ему, полковнику, говорить, чтоб он шел домой, да с собою и Гладышева взял, а ежели де не поедите назад, то де мы все зберемся с малыми робяты и всех вас побьем, а вас де с правянтном туда не допустим, и земли де под строение города вам не дадим, а ежели воротитесь назад, то де мы и проводим»¹.

Конечно, вполне объяснимо, почему полковник в своем рапорте стремится преувеличить угрозу, с которой столкнулся его полк и подчеркнуть заслуги драгун, подробнейшим образом перечисляя израсходованные в сражении боеприпасы. Однако, объективности ради следует отметить, что в башкирском донесении так же есть попытка, правда более грубая, обратить внимание на свое особое рвение в выполнении правительственных распоряжений: «А наши де башкирцы драться с ними ворами и хотели, токмо за малолюдством убоялись, да и полковник де им говорил, чтоб они не дрались, понеже тепере нас малолюдство, а поступайте де тихо»².

По данным документов, между бунтарями и драгунами произошел обмен заложниками, полковнику разрешили направить сообщение обозникам с предложением отступить: «те воры просили у полковника 2-х человек аманатов, чтоб ему, полковнику, воротиться и з Гладышевым назад, то де и мы дадим аманатов 2-х же человек, чтоб и им проводить нас безсорно. И потом он, полковник, им дву человек в аманаты и дал, а они, воры, ему, полковнику, 2-х же человек дали... .. говорили ему (полковнику – прим. Т.Ч.): ты де своих людей к нему, Гладышеву, посылай, мы их не тронем»³.

---

¹ Сказка башкира Катайской волости абыза Тахтамыша Ибраимова В. Н. Татищеву об окружении Сибирского драгунского полка башкирами и о их переговорах с полковником И. С. Арсеньевым. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 115.

² Там же.

³ Там же.

Арсеньев опять же несколько откорректировал ситуацию, утверждая, что бунтовщики потребовали переводчиков, которые и были направлены: «воры башкирцы для переговору стали просить толмача, и посыланы к ним были от нас башкирцы ж, которые с нами были ... Сибирской дороги, Салжеутской волости Иткул Лушинков, Катайской волости Абдула Каскин. И на переговоре сказали им Юсуп и Жиянбай, что полковника с людьми до отокочанного правянта не пропустим, а буде же вперед пойдет, то будем дратца и до последняго человека, все тут на своей земле помрем, а правянт не токмо до Оренбурха, но до Верхояицкой пристани не допустим же»¹.

Как видно при сравнении, претензии восставших были до предела ясны - они отстаивали неприкосновенность своих вотчин. В данном вопросе прослеживается согласие между сказкой и донесением, поэтому сомневаться в этой части документов не приходится. Этот факт служит дополнительным подтверждением того, что сибирские башкиры не приняли бы участия в восстании, если бы действия чиновников не спровоцировали их на это. Планы по закреплению в Зауралье посредством крепостей и налаживанию регулярных поставок провизии к месту строительства Оренбурга, привели бы не только к изъятию земель у местного населения и массовому появлению в районе «пришлых», но и привело бы к увеличению податей - прежде всего подводной, что осложняло положение сибирских башкир, и так плативших казне больше, чем восточные и центральные.

После переговоров, полковник Арсеньев соглашается на условия повстанцев и направляет несколько человек к Гладышеву. Но последний отказывается отступить, заявив «я де здесь умру, а с правянтским обозом без указу е.и.в. назад не пойду»². Эту информацию содержит сказка башкира, но почему то, не сообщает Арсеньев. Наоборот, вместо того, чтобы доложить о судьбе обоза, и тех сведениях, которые от них получили, о проявленной пра-

¹ Сказка башкира Катайской волости абыза Тахтамыша Ибраимова В. Н. Татищеву об окружении Сибирского драгунского полка башкирами и о их переговорах с полковником И. С. Арсеньевым. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 115.

² Там же.

порщиком верности или о том, почему решение принято им, а не майором Шкадером, Арсеньев подробно рассуждает о сложностях похода и лишениях. Он досконально перечисляет чиновников, не предоставивших подводы и людей: « а дворян, детей боярских, служилых людей русских и татар и других чинов по требованию по нижеписанное число не прислано. А о присылке из дистриктов, выписанных, по указу из Сибирской канцелярии, крестьян в помощь к драгунскому полку от управителей требовано многократно и под правиа́нт и фураж ста подвод к ним писано, по которому требованию из Шадринска и Окуневского дистриктов прислан, а из Исецка и из Ялуторовска крестьян в помощь и подвод и по нижеписанное число не прислано. И оттого учинилось от них, управителей Карамышева и Протопопова, походу немалое задержание»¹. В завершении, ссылаясь опять-таки на нехватку фуража и людской силы, докладывает, что принял решение отступить: «Того ради генваря 14 дня из нынешняго маршу из отоки за малолюдством и за сильным воровским нападением, и за немалою вредостию людям и лошадям, и за неимением правиа́нта и фуража возвратились к Течинской слободе»².

Возникает закономерный вопрос - почему показания двух очевидцев так разняться, и почему делают акцент совершенно на разные аспекты. Вполне понятно, что Арсеньев всячески старается оправдать собственную неудачу, перекладывая ответственность на неудовлетворительную подготовку своего отряда местными чиновниками, не выполнившими указ губернской канцелярии. Без сомнения, невыполнение приказа о поставке людей, продовольствия и фуража, также является преступлением, но этим нельзя объяснить или оправдать стремление полковника переложить вину за его военную неудачу на других. Также очевидна причина, по которой Арсеньев не пишет о решении Гладышева, в противном случае у властей может возникнуть вопрос: почему прапорщик, рискуя жизнью, старается выполнить приказ импе-

¹ Доношение полковника И. С. Арсеньева В. Н. Татищеву о столкновениях с восставшими Сибирского драгунского полка, переговорах с ними и о возвращении в Теченскую слободу. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 113.

² Там же.

ратрицы, а полковник подобного рвеня не проявил. Это же объясняет, не вполне понятную на первый взгляд фразу из донесения Арсеньева: «и требовано от губернской канцелярии для сикурсу отокованного правианта знатную персону и с ним регулярного войска пяти полков, да к тому других чинов изо всех городов немалого числа конных и ружейных, и чтоб у всех был порох и свинец со удовольствием немалым»¹.

После отступления полка драгун, все силы бунтарей были сосредоточены против обоза. Татищев дает распоряжение Арсеньеву вернуться на выручку². Однако, прорвать окружение не получилось ни у Тевкелева, ни у «верных» башкир³. Ситуация только усложняется, надежды на помощь у обозников не осталось, поэтому в конце концов Гладышев и Шкадер отступают к Теченской слободе⁴.

После данного крупного успеха, башкиры во главе с Ю.Арыковым в январе 1736 г. вынудили правительственные войска покинуть Верхнеяицк. Одновременно с этим уничтожаются «верные» башкиры, мишари, чуваша⁵. В конце января – начале февраля были разорены башкирские аулы Козыбаево, Сергеево, Рахмангулово, татарские аулы Кыйгы и Атау, несколько чувашских и марийских деревень⁶. Были приняты специальные меры против тех, кто информировал местные власти о намерениях восставших, перевозил письма и распоряжения первых. В начале февраля башкирский феодал Бугушев извещал в этой связи Татищева: «вор Юсуп на Кунгурскую, Екатеринскую и Уфимскую дороги разослал для караула человек с 200, чтоб русских,

¹ Доношение полковника И. С. Арсеньева В. Н. Татищеву о столкновениях с восставшими Сибирского драгунского полка, переговорах с ними и о возвращении в Теченскую слободу. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 113.

² Сказка башкира Сибирской дороги, Кушинской волости Кабаса Байшанова в канцелярии Оренбургской экспедиции об осаде башкирами провиантского обоза и о возвращении его в Теченскую слободу. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 117.

³ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С.235.

⁴ Сказка башкира Сибирской дороги, Кушинской волости Кабаса Байшанова в канцелярии Оренбургской экспедиции об осаде башкирами провиантского обоза и о возвращении его в Теченскую слободу. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 117.

⁵ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С.235.

⁶ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 266.

башкирцев, ясашных татар и протчих, котория поедут с указами, ловить и письма у них отбирать и жечь, а их рубить»¹.

В этой обстановке правительство приказало генералу Румянцеву «огнем и мечом» подавить бунт. «Румянцев получил приказание идти в башкирские селения и всякими мерами искоренять непокорных, дома их разорять, зачинщиков бунта казнить, прочих с женами и детьми ссылать на работы в рудниках, малолеток и женщин раздавать тем из русских, кои пожелают их взять, отбирать пожитки и хлеб на войско и в запасные магазины, лошадей препровождать в драгунские полки»². В Башкирию были направлены дополнительно регулярные полки, мобилизованы дворяне и крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья. Крестьянам-переселенцам были обещаны земли башкир, которые они арендовали. В распоряжении Румянцева было больше 22 тысяч регулярных солдат и казаков, не считая мобилизованных дворян и крестьян. Им был разработан план карательных акций: подавление движения на Ногайской дороге было поручено И.К.Кирилову, Сибирской - В.Н.Татищеву. Разгром повстанцев на Казанской и Осинской дорогах Румянцев взял на себя³.

Не позднее середины января 1736 г. восставшие получили сведения о выступлении против них команды А.И. Тевкелева. Его жестокость в отношении к повстанцам была хорошо известна жителям Зауралья. Первой их реакцией была челобитная уфимским властям с просьбой отменить карательный поход. Прошение подписано 17 представителями 10 волостей Сибирской дороги⁴. Подписи Юлдаш муллы Суярембетова из Кудейской, Бепени муллы Торопбердина из Куваканской волостей, которые впоследствии сыграют важную роль в движении, стоят на первом месте⁵. Вероятно в начале 1736 г. они занимали еще достаточно пассивную позицию, надеясь на уступки вла-

¹ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 266.

² НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д. 1. Л. 86 об.

³ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 266.

⁴ Там же. – С. 267.

⁵ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.12. Д. 39. Л. 219–221, 236, 252, 276.

стей. Примечательно, что в челобитной нет подписи предводителя повстанцев - Юсупа-батыра Арыкова¹. Поэтому можно предположить, что челобитная была составлена по инициативе не восставших, а тех башкир, которые хотя и были недовольны организацией Экспедиции, и строительством на своих землях Верхнеяицкой крепости, но сами еще не включились в борьбу².

Повстанцы же, не желая идти на примирение и переговоры с властями, развернули подготовку для сопротивления Тевкелеву, сумели сформировать для этого крупные отряды. В допросных листах одного из повстанцев, жителя Айлинской волости Минликаева говорится, что в Кущинской волости восставших «было на собрании тысяч с 6..., а хотели иттить против полковника Тевкелева и в свои башкирские улусы ево не пустить»³.

Был составлен план разгрома команды Тевкелева вблизи р. Ай, на стыке Балыкчинской и Мурзаларской волостей, где дорога пролегла по узким горным проходам. В операции должны были участвовать и жители этих волостей.

Однако реализовать планы восставшим не удалось. Узнав о намерениях повстанцев и местного населения, Тевкелев жестоко уничтожает деревню Сеянтусы (Балыкчинская волость Сибирской дороги). По словам очевидца П.И.Рычкова, около «1000 человек с женами и детьми их в этой деревне перестреляно и от драгун штыками, а от верных башкир и мещеряков копьями переколото, сверх того 195 человек собраны были в один амбар и тут огнем сожжены»⁴.

После этих событий Тевкелев применял свой «опыт» расправы повсеместно. 27 января в своем донесении в центр объяснял свои действия желанием напугать восставших: «...пошли для искоренения и выискивания воров в ...Балыкчинскую волость, и с чего может и то воспоследовать, что оные с

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.12. Д. 39. Л. 257.

² Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 267.

³ Цит по: Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 267.

⁴ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 20.

ворами Юсупом и Тюлькучурой бунтующия согласными, могут притить в страх и в разделение, ибо принуждены будут своих жен и детей охранять, а не соединено воровать»¹. За короткий срок каратели разорили и сожгли 51 деревню, убили свыше двух тысяч взрослых и детей в волостях Сибирской и Осинской дорог².

Весть о злодеяниях вызвала взрыв недовольства в крае. Восставшие Зауралья развернули в ответ массовые операции против правительственных команд и их сторонников. Борьба в Зауралье приобрела ожесточенный характер.

Массовое движение в Зауралье беспокоило главного командира. Начиная с 1.02.1736 г. общее командование по подавлению восстания в Зауралье А.И. Румянцев возложил на В.Н. Татищева.

Известия о размахе восстания были умело использованы Кириловым, который в это время находился в Санкт-Петербурге, чтобы убедить правительство в том, что единственным решением «башкирского вопроса» является военное подавление³ (кстати, Румянцев также стал склоняться к силовому решению проблемы, убедившись, что переговоры ни к чему не привели). Составленная Кириловым и одобренная Румянцевым Мензелинская программа мероприятий по подавлению бунта и последующей деятельности Оренбургской экспедиции легла в основу именного указа от 11.02.1736 г.⁴

Указ содержал массу пунктов, главное предназначение которых заключалось в том, чтобы не допустить новые бунты в Уфимской провинции. Мещеряки, тептяри и бобыли поощрялись за верность властям - первые получали земли, арендуемые на тот момент у башкир, с последних был снят оброк⁵. Бунтовщиков обязывали платить штраф, и даже после раскаяния и повинной

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.12. Д. 39. Л. 229.

² НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.12. Д. 39. Л. 229–230 об.; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 269.

³ Доношение И. К. Кирилова в Кабинет с предложением плана подавления башкирского восстания. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 128–129.

⁴ ПСЗ РИ. Т. IX. – СПб., 1830. – № 6890. – С. 741–745; Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. – СПб., 2013. – С. 339–340.

⁵ ПСЗ РИ. Т. IX. – СПб., 1830. – № 6890. – С. 742.

подвергались наказанию (участников нападений на правительственные войска и другие убийства - казнили, «воров» ссылали)¹. Башкирам запрещалось носить ружья, и иметь у себя в поселениях кузнецов, собирать «сборища». Вместо волостных старост отныне выбираются старшины, сроком на год, обязанные информировать власти о любых недовольствах в крае. На каждой дороге назначался один ахун². Крайне важным пунктом было разрешение продавать/покупать башкирские земли³. Ряд мероприятий был направлен на увеличение числа переселенцев в крае⁴ - государство таким образом формирует себе социальную базу.

16.02.1736 г. был подписан новый указ, ознаменовавший начало правительственного курса на крайне жестокое подавление восстания. Против повстанцев были направлены регулярные части, отряды казаков и крестьян общей численностью в 22 тысячи человек⁵.

В марте военное командование начинает реализацию созданных планов. «В половине марта Румянцев доносил государыне, что около Уфы, на сибирской и осинской дорогах более двух тысяч башкир искоренено и несколько десятков деревень разрушено»⁶. Румянцев совершает карательный поход по реке Дема, «около тысячи башкир обоего пола было побито, более сотни деревень повыжжено»⁷. Кирилов докладывал, что он 24 марта вышел на ногайскую дорогу и «воров башкир разными партиями гнали как скотину»⁸. По Белой, Уршаку, Тору и Селеуку, «где было гнездо бунтующих, сожгли около 200 деревень, разорили первую в целой орде мечеть Азиева, в которой башкиры имели обыкновение делать совещания о возстании и целовали коран; казнили более 150 человек, побили обоего пола около 700 человек,

¹ ПСЗ РИ. Т. IX. – СПб., 1830. – № 6890. – С. 742.

² Там же. – С. 743.

³ Там же. – С. 744.

⁴ Там же. – С. 743, 744.

⁵ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 270.

⁶ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д. 1. Л. 86об.

⁷ Там же. Л. 87.

⁸ Там же.

взяли живыми в плен около 160 башкир, послали на службу в отзейские полки»¹. Но власти не достигли желаемых целей.

Весной 1736 г. восстание возобновилось. В мае нападению подверглись Утяцкая и Крупихинская слободы, Окуневский острог, Полевский завод и др.

Основную движущую силу составили рядовые башкиры. В движении участвовали и феодалы, но большая часть выступила на стороне правительственных войск. Во главе движения по-прежнему стоял Ю. Арыков.

В отличие от борьбы предыдущего года в ходе движения 1736 г. повстанцы Зауралья, наряду с нападением на крепости и сражения с правительственными войсками, разоряли русские села и деревни. Сохранились сведения о нападении восставших на 5 слобод, 2 села, 32 деревни, в столкновениях убиты 152 крестьянина, ранено 67, взято в плен 12, угнано больше 1100 лошадей². Это явилось ответом на жестокость Тевкелева, Арсеньева и других карательных отрядов³.

Постепенно восстание разрасталось, охватив северо-запад Сибирской дороги и Осинскую дорогу. Бунтовщики Ногайской дороги весной 1736 г. совершили нападение на обоз, направлявшийся из Табынска в Оренбург⁴.

Летом восставшие пытались отбить Кусюмова и других товарищей, попавших в плен к А. Румянцеву, но тщетно.

Напуганные размахом народного движения правительственные войска летом 1736 г. перешли в решительное наступление. К концу июня В.Н. Татищев специальной грамотой призывает принести повинную, угрожая в противном случае карательной акцией. Это было новым в общении с бунтовщиками. В июле - августе принесли повинную башкиры ближних к сибирским слободам волостей во главе с их предводителем Кутукаем.

Схожую тактику использовал и А.И. Тевкелев, что нашло отражение в его донесении об основании Челябинской крепости. Впрочем, это донесение

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д. 1. Л. 87.

² НА УФИЦ РАН Ф.3. Оп.12. Д. 40. Л. 433–434.

³ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 237.

⁴ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 275.

сохранило не только информацию о новой крепости и повинной, принесенной предводителями нескольких групп восставших, но и свидетельствует о коварстве российских чиновников. Одна фраза в источнике написала латинскими буквами: «iusupp wor ssabanomm oderzani»¹, что можно прочесть как «Юсуп вор с Сабаном одержаны», что явно доказывает вероломства российских офицеров - башкиры, пришедшие принести повинность, были попросту арестованы. Схожее обращение с башкирскими делегатами в 1735 г. привело к тому, что возмущенное местное население берется за оружие, поэтому, скорее всего, фраза была зашифрована. Смысл написанного не должен был стать известен повстанцам, в случае предательства либо гибели гонца. Речь в тексте, вероятно, идет о главаре бунтовщиков - Юсупе Арыкове.

На Ногайской дороге «усмирением» занимался И.К. Кирилов. По его распоряжению на территории дороги было основано 6 крепостей.

В сентябре произошла смена главного командира правительственных войск: вместо А. Румянцева назначен бригадир М.С. Хрущев.

Когда башкиры узнали о приезде нового командира, у них появилась надежда на достижение соглашения с ним. От имени повстанцев в середине сентября с письмом к М.С. Хрущеву обратился К. Нурушев. Он просил отвести все карательные отряды, действовавшие в Башкирии. В конце месяца Кильмяк и Султанмурат вновь обратился к Хрущеву с письмом, в котором добивались прощения повстанцев по-старому, то есть без уплаты штрафных лошадей и личной явки для присяги в команды². Однако надежды восставших не оправдались.

Восставшие и их предводители понимали, что продолжать борьбу становится все труднее, все больше чувствовалось неравенство сил. Власти к тому же не шли ни на какие уступки. В этой обстановке повстанцы для продолжения сопротивления пытались найти союзников. Они послали своих представителей к казахам Средней Орды с просьбой о помощи.

¹ Цит. по: Дегтярев И.В. Челябинская старина. – Челябинск, 1996. – С. 10.

² Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 119.

Но с самого начала восстания И.К. Кирилов натравлял ханов и феодалов Малой и Средней Орды на башкир, не жалея при этом подарков и обещаний. Казахские ханы не только отказались поддерживать башкир, но и через некоторое время внезапно напали на Ногайскую дорогу и нанесли жителям южной Башкирии серьезный урон¹.

Как и его предшественники, М.С. Хрущев беспощадно расправлялся с восставшими и их семьями. Продолжался процесс изъятия лошадей. Вскоре начался голод. Осенью 1736 г. массовое движение на Казанской, Ногайской и Сибирской дорогах прекратилось. В начале сентября с повинной пришли 2403 человека. Однако покорились не все. На Казанской дороге бунтующие сгруппировались вокруг Султанмурата Дюскеева и Абдуллы Акаева (сын Акая Кусюмова, внук Кусюма Тюлекеева). Отказалась принести повинную часть восставших Ногайской дороги во главе с Кильмяком Нурушевым. Они настаивали, чтобы были прощены без взимания штрафных лошадей и личной явки для присяги. Но в целом движение пошло на спад.

С самого начала восстания власти уделяли особое внимание поимке предводителей, считая, что это приведет к прекращению борьбы. К концу 1736 г. в руках властей оказалось большинство предводителей повстанцев (А. Кусюмов, Ю. Арыков, в феврале 1737 г. явился с повинной К. Нурушев). Восстание было обезглавлено.

Продолжившаяся деятельность Оренбургской экспедиции, категоричное отношение к требованиям местного населения и безжалостное подавление бунта 1735–1736 гг., обременительные условия принесения повинной для повстанцев, а также насилия «верных» башкир - в совокупности это провоцирует новый подъем восстания. Голод, вызванный карательными экспедициями, еще больше обострил обстановку в крае и толкал массы к борьбе.

Правительство понимало, что окончательно проблема не решена, и скорее всего, с началом весны башкиры предпримут попытки вновь перейти

---

¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 239; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. – Уфа, 2004. – С. 386.

в наступление. Поэтому, государство усиливает военное присутствие в крае. В январе 1737 г. сибирский губернатор П.И. Бутурлин докладывает в Петербург о выполнении указа - «из городов служивых людей собрать до тысячи человек и содержать оные в ближних местах от башкирских жилищ»¹. В.Н. Татищев, по распоряжению генерал-майора М.С. Хрущева «команду принял в свое ведомство и поставил бы близ к башкирской границе ко употреблению их в случае нужды в воинские потребности»². Кирилову приходит указ императрицы «доброе и верное свое радение приложить чтоб башкирские замешания как возможно наискорейше прекращены и совершенно успокоены и одиножды на пребудующие времена в безопасность приведены»³.

В апреле 1737 г. Кирилов докладывает императрице об усмирении местного недовольства, но просит прислать подкрепления, на случай возобновления вооруженного движения - «хотя башкирские беспокойства уже и прекращены однакож в нынешнее лето для безопасности в строении вновь городков и протчие работ о наряде нерегулярных войск подтвердить особыми Указами»⁴. Данные указы были разосланы, в распоряжение Кирилова поступали «из служилые мурз тысячу, яицкие казаков тысячу, сибирских дворян и казаков тысячу»⁵.

На втором этапе бунта усугубляются отношения внутри местного общества. Большая часть феодалов открыто поддержала правительство и приняла участие в подавлении восстания.

Наиболее крупной операцией бунтовщиков было нападение, совершенное тысячным отрядом Кусюпа на лагерь генерала Л.Я. Соймонова, который в конце января был назначен главой Комиссии башкирских дел и прибыл в Мензелинск в мае 1737 г.

Весной 1737 г., после кончины И.К. Кирилова, руководство Оренбургской экспедицией было возложено на В.Н. Татищеву.

---

¹ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 5. Л. 30.

² Там же. Л. 31.

³ Там же. Л. 31об.

⁴ Там же. Л. 67.

⁵ Там же.

В это же время башкирские повстанцы вновь обратились за поддержкой к киргиз-кайсакам. Башкиры были заинтересованы в военной помощи и безопасном тыле. Кроме этого, надеялись найти убежище на время карательных походов¹. Султаны Среднего жуза, пытаясь использовать тяжелое положение башкир в своих интересах, выставляли различные условия: одни требовали, чтобы башкиры признали их власть и с семьями перешли жить в их владения, другие хотели навязать башкирам в качестве правителей своих родственников.

Условия казахов вызвали у большинства восставших негодование. Они не намеревались переходить под власть Абулмамбета - султана или Шаммухамета - мурзы. В конце концов, Абулхаир запретил искать убежища в его землях, более того, осенью 1738 г. киргиз-кайсацкий феодалы по призыву правительства участвовали в подавлении восстания². Другой была позиция рядовых казахов. Несмотря на запрет своих ханов, они приняли некоторое участие в восстании.

Власти добились отхода от движения татар, чувашей, удмуртов, мари, мордвы, которые на первом этапе поддерживали башкир. Власти умело использовали противоречия между пришлым и коренным населением по земельному вопросу. За участие в подавлении восстания им обещали башкирские земли, которые они сейчас арендовали.

Обращает на себя тот факт, что изменилось отношение правительства к земле. Если раньше администрация признавала, что земля в крае принадлежит башкирским родам, то отныне землей в крае распоряжается государство. Оно не только раздает наделы бывшим «арендаторам», но и переселяет сюда новых людей. Например, в феврале 1737 г. претендент на калмыцкое ханство Дондук-Даши получает грамоту императрицы с повелением дабы «между калмыцким народом ... никакого смятения и между усобия не было и упреждая то зло повелеваем ... тебе со всеми твоими улусы ... от Астрахани а имян-

---

¹ Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 124.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 241.

но к новопостроенной недавно на Орь реке крепости где имеются к кочеванию улусов твои степи доволные и воды такие ж какие и в Волге хорошие и рыбою предоволные и тамо могут кочевать со всяким удовольствием»¹. Тем самым, правительство стремилось решить две проблемы - удалить от калмыцкого хана Дондук-Омбы конкурента и противника Дондука-Даши, и наполнить Башкирию верными подданными. Калмыкам обещали защиту на новом месте - «також улусы твои от всякие неприятелей повелим мы охранят и защищат тамошним командиром регулярными воиски»². Задачи были столь важны для государства, что правительство не скупилось - Дондуку-Даши обещалось «жалованья тысячу рублей» и «хлеба давать» по прибытии на новое место³.

В августе 1737 г. была создана Исетская провинция, включавшая земли Зауральской Башкирии. В.Н. Татищев предлагал увековечить факт «окончательного подчинения башкир» в гербе Исетской провинции. В «Представление о гербах» Оренбургской и Исетской провинций им было предложено два проекта, в первом «в черном поле стена каменная белая в знак утверждения сей страны новопостроенными крепостями, к той стене прикован желтый пес в знак покорения башкир...»⁴. Второй вариант также абсолютно однозначный: «в черном поле белой полисад, перед которым к приколу привязан верблюд, значит то же; над счислом та же корона татарская или графская, а над нею верблюжья голова»⁵.

Осенью 1737 г. бунтовщики прекратили активные действия и начали переговоры. Они настаивали на том, чтобы российская администрация отпустила на свободу Кильмяка, Акая и других арестованных к тому моменту предводителей и отказалась от идеи выплаты штрафных лошадей⁶. Однако,

¹ ГАОО. Ф.1. Оп.1. Д. 5. Л. 34.

² Там же.

³ Там же. Л. 34об.

⁴ Цит. по: Соболева Н.А. Старинные гербы российских городов. – М., 1985. – С. 77.

⁵ Там же.

⁶ Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. – М.–Л., 1950. – С. 113 – 114.

теперь командиры не шли ни на какие уступки, и осенние переговоры не привели к успокоению края.

Неуступчивостью командиров были недовольны башкиры Ногайской дороги. Однако их выступление существенно задержалось по причине вмешательства в дела башкир киргиз-кайсацких феодалов во главе с Абулхаиром. С августа 1737 г. Абулхаир стал посылать на Ногайскую дорогу вооруженные отряды и требовать у башкир принесения повинной, а в декабре сам приехал в Башкирию¹. Увидев нежелание повстанцев следовать его призывам, Абулхаир начал лавировать между ними и царской администрацией. Командирам обещал успокоить бунтовщиков, а последних заверял, что добьется для них уступок от властей. На самом же деле никаких уступок он не добился, но своими действиями только отвлекал башкир от борьбы². Но важен сам факт готовности башкир идти на переговоры «по старому образцу», и четко выраженная новая линия администрации. В конечном счете, борьба уже шла против этой самой линии, против реализации Мензелинской программы.

Вновь начавшаяся в Приуралье борьба не превратилась в широкое движение. Активные действия повстанцев прекратились и в Зауралье. Часть повстанцев во главе с Бепеней Торопбердином и Алланзиангулой Кутлугузидом пытались продолжить борьбу, обратились за помощью к казакам Среднего жуза. Ничего не добившись, в сентябре 1738 г. Бепеня и Алланзиангул принесли повинную³. Осенью 1738 г. завершился второй этап восстания в Башкирии.

Характеризуя обстановку в крае после разгрома восставших, начальник Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев писал в Кабинет: «...две опаснейших - Казанская и Ногайская дороги так разорены, что едва половина осталась, а протчия - Осинская и Сибирская дороги - хотя не столько людей про-

¹ Письмо ахуна Майсура Абдрахманова В. Н. Татищеву о пребывании Абулхаир-хана у башкир Ногайской дороги. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 536.

² Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. – М.–Л., 1950. – С. 97.

³ Там же. – С. 114.

пало, однако ж у всех лошади и скот пропали, деревни позжены, и, не имея пропитания, многие с голода померли»¹. Татищев высказывал уверенность в том, что башкиры вряд ли сумеют снова поднять восстания.

В обстановке замирения власти решили произвести всеобщую перепись населения в Башкирии, ибо без нее невозможно было приступить к осуществлению намеченных в указе от 11.02.1736 г. и в ряде решений мероприятий, направленных на дальнейшее укрепление царской администрации в Башкирии.

Перепись началась в январе 1739 г. Башкиры, поняв цель этого мероприятия, оказали решительное сопротивление его проведению. В марте 1739 г. на Сибирской дороге на ряде съездов были приняты решения об отказе от переписи, саботировании распоряжений властей. Башкиры Зауралья обратились к Л.Я. Соймонову с требованием выдать им паспорта для поездки в Петербург с челобитной (традиционная вера в «доброе царя»). Подобная картина наблюдалась и на Ногайской дороге. Перепись была сорвана. Недовольные башкиры объединились вокруг Сеитбая Алкалина и Рысабая Игембетова. Думая о возобновлении борьбы, они обратились за поддержкой к казахам Среднего жуза². 5.05.1739 г. Кабинет принял решение о прекращении переписи. Здесь мы видим ставший закономерным в предыдущих восстаниях отказ от непопулярных мер, вызвавших восстание. Но в этом не стоит видеть возвращение к старым принципам, т.к. отказавшись от малого, государство все же не собиралось отказываться от главной цели - полной интеграции Башкирии с систему централизованного управления империей. В этом и состоит главное отличие восстаний 30–50-х гг. XVIII в. от предыдущих.

Решение Кабинета о прекращении переписи несколько разрядило обстановку в крае, но не привело к полному успокоению. Башкиры были недо-

¹ Доношение В. Н. Татищева в Кабинет об окончании башкирского восстания, о положении в крае и о необходимых изменениях в управлении им. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 601–602.

² Доношение Л. Я. Соймонова о поездке для переговоров с казахами сына Мандара Карабаева – Мавлюта и о принятых, в связи с этим, предосторожностях. // Материалы по истории Башкортостана. Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – Уфа, 2002. – С. 640.

вольны продолжавшимся сбором штрафных лошадей с участников движения 1737–1738 гг. Государство, пожалуй, впервые проводит свои решения в Башкирии в жизнь без оглядки на отношение к ним местных жителей. Поистине имперская политика!

Как отмечал В.Н. Татищев, потери башкир были столь велики, что летом и осенью 1739 г. им не удалось начать широкое движение. Сказывается усталость населения от затянувшейся борьбы.

В подобных условиях для активизации бунта нужен был какой-то особый толчок. Инициативная группа башкир принимает решение выдвинуть фигуру хана как символ борьбы и попытаться консолидировать вокруг него недовольных¹. Выбор пал на рядового башкира Юрматынской волости Нагайской дороги Миндигула Юлаева, названного ханом Карасакалом, «наследником джунгарского хана»². Допросные листы участников восстания подтвердили низкое социальное происхождение «башкирского хана»: «в прошлом 739-м году приехал во оную деревню Нагайской дороги, Юрматынской волости башкирец Миндигул Юлаев, он же Карасакал или Черная Борода, и жил месяца с 3 и объявлял, что в Юрматынской волости... есть у него дом и ... мать Емакай, брат больше[й] Сетемость, другой меньшей Бек-Булат, жена Кышты, дочь Рахам-бика, и отошел от него весною в другия деревни у башкирцов робит. ... И жил в Кара-Табынской и Барын-Табынской волостях по разным деревням в работе... И слышал он Ракай от башкирца Барын-Табынской волости ... что видел оного Мингула в Тарнаклинской волости... и называют ево Миндигула главные воры ханом Султан-Гиреем и якобы он прибыл ис Кубани. И от многих слышал он, что подлинно оного башкирца Миндигула воры ханом называют»³.

¹ Шакурова Ф.А. Подданство или протекторат? Анализ поведения башкирской элиты в период восстаний. // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Всероссийская научно-практическая конференция. – Уфа, 2004. – С. 172.

² Игнатъев Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии. // Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. VII. 1880–1881 годы. – Уфа, 2013. – С. 23.

³ Объявление башкира Сибирской дороги, Барын- Табынской волости Ракая Анкеева в Канцелярии Течинской слободы о происхождении Карасакала и о жизни его до начала восстания. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – М.–Л., 1936. – С. 582.

Принимая решение выдвинуть хана, организаторы, прежде всего, стремились поддержать зачахшее восстание, убедить соплеменников продолжить борьбу. Об этом свидетельствуют и материалы допросов восставших. А. Кутлугузин во время допросов говорил, что он и другие недовольные башкиры провозглашали «со общего согласия Миндигула ханом» с целью поднять восстание¹. Пленные повстанцы А. Тлявгулов и другие также показали на допросах, что борьба началась «от главных воров и зачинщиков бунта Алланзиангула, Аиткула, Мандара, Исмангула», которые «разглашения в Башкирии во все волости живущим по Сибирской дороге произносили и к бунту склоняли более тем, что сыскали бы себе сами хана»².

Башкирские общины рассматривали ханскую власть в качестве института, прибегать к которому следует только в определенных политических обстоятельствах, требующих максимальной мобилизации социальных ресурсов общества. Сами башкиры считали подобный вариант политической структуры общества вынужденным и временным³.

Скорее всего, принимая решение о возобновлении вооруженной борьбы, башкиры рассчитывали на новые уступки со стороны правительства. Материалов, свидетельствующих о реальном отказе от русского подданства и стремлении создать собственное ханство, нет. Столкнувшись с силой империи, вряд ли восставшие действительно верили в возможность создания суверенного государства. Вновь созданное ханство, истощенное борьбой и материально и физически, оказалось бы не в состоянии защитить суверенитет перед лицом сильных соседей - казахских жузов и естественно Российской империи. Не стоит отказываться в здравомыслии и элементарной логике инициаторам восстания. Им необходимо было поднять и сплотить народ, только мощным народным движением они могли убедить петербургскую администрацию пойти на замирение и уступки. Нужен был символ борьбы за вековые

---

¹ Цит. по: Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 131.

² Там же.

³ Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. – Уфа, 2016. – С. 267.

права, и таким символом мог стать только хан. Реально же ставить новым правителем над башкирами хундордного человека никто не собирался.

Очевидно, М. Юлаева провозгласили ханом в начале 1740 г. Чтобы привлечь башкир к восстанию и подстегнуть борьбу был распространен слух о том, что у хана много сторонников не только в Джунгарии, а так же в киргиз-кайсацких степях, и его 82-тысячное войско располагается у Астраханского моря¹. Изначально это помогло активизировать борьбу, многие колеблющиеся пополнили ряды бунтовщиков. Появление «хана» оправдало свою цель.

В феврале 1740 г. восставшие начали активные действия. К середине марта бунт охватил значительную часть волостей Сибирской дороги.

После ряда поражений на Сибирской дороге повстанцы, понеся крупные потери, в конце марта были вынуждены отступить в горную местность. Мингул с отрядом перебрался на территорию Ногайской дороги. Как и на предыдущих этапах, первые удары были направлены против «верных» башкир. К середине апреля восстание распространилось на все юго-восточные волости Ногайской дороги. В конце апреля Мингул возвратился на Сибирскую дорогу, что способствовало возобновлению активных действий бунтовщиков в Зауралье.

С середины мая власти повели решительное наступление на повстанцев. Все столкновения с войсками заканчивались для повстанцев тяжелыми поражениями.

С середины июня и до конца сентября правительственные войска осуществили операцию по уничтожению повстанцев, укрывавшихся в горах Сибирской и Ногайской дорог. Скот и имущество отбирались, а деревни и посевы сжигались. С целью оставить у башкир «потомственный страх» В.А. Урусов, в 1739 г. возглавивший Оренбургскую комиссию, устраивал публичные казни².

---

¹ Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 80.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 247.

Бунт был подавлен крайне жестоко. Согласно неполным данным, в 1739-1740 гг. погибло в боях, было казнено, сослано на каторгу, роздано в центральные уезды страны свыше 16 тысяч человек. Материальные потери также были велики. С июня по сентябрь 1740 г. на Сибирской и Ногайской дорогах каратели сожгли 725 деревень, отобрали 5298 лошадей¹.

Всего за время восстания погибших и сосланных с семьями было 28 491 повстанец² (см. Приложение 4). Потери правительственных войск и их сторонников не подсчитаны до сих пор.

Но эти цифры не единственный результат восстания 1735 - 1740 гг. Ее итогом стала программа, составленная в Мензелинске, и меры, направленные на ее воплощение в жизнь. Идет формирование нового курса взаимоотношений государства со своими башкирскими подданными.

XVIII в. внес массу изменений в жизнь российского общества. Затяжные военные кампании, которые вела Россия в начале века, оказали непосредственное влияние на промышленное развитие Урала. Промышленное освоение Уральского региона, проводившееся по инициативе государства, явилось абсолютно новым фактором во взаимоотношениях правительства с башкирскими подданными. Планы Петра I, мечтавшего о широком хозяйственно-экономическом освоении края, о превращении Башкирии в плацдарм для продвижения в Среднюю Азию, продолжают оставаться на повестке дня. Его сподвижники предлагали различные проекты по реализации данных идей. В 30-е гг. XVIII в. назрела необходимость окончательного решения «башкирского вопроса», преодоления пережитков XVI в. и периферийности края. Башкиры должны были быть включены в политико-правовую, хозяйственно-экономическую инфраструктуру империи. Начинается формирование нового курса взаимоотношений государства с башкирскими подданными, протекающее в русле тенденций фронтальной модернизации, а также сложной

---

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д. 1. Л. 87об.

² Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887.– С. 64; Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. – Уфа, 2002. – С. 96.

обстановке деятельности Оренбургской экспедиции и башкирского восстания 1735–1740 гг.

Поводом для экспедиции и колонизации Башкирии стало обращение в 1730 г. киргиз-кайсаков Младшего Жуза, признавших над собой протекторат России. Для упрочения связей с новыми поданными планировалось строительство города в устье р. Орь. И.К. Кирилов, автор одного из проектов освоения Башкирии, был назначен главой Оренбургской экспедиции, в 1734 г. прибывшей в Уфу. Деятельность команды Кирилова и резкое обращение с местным населением администраторов приводит к взрыву колоссального недовольства и выливается в самое кровопролитное башкирское восстание (1735–1740 гг.), хотя изначально руководителями экспедиции им отводилась важная роль в налаживании контактов с киргиз-кайсаками. Отличительной чертой этого бунта стало то, что инициаторами и главной движущей силой выступают жители не зауральских волостей, а Ногайской и Казанской дорог, традиционно более лояльных к русским властям. Но, несмотря на это, государство стремительно наступало на их льготы и вольности. Для подавления восстания был создан специальный орган управления краем - Комиссия башкирских дел, во главе с А.И. Румянцевым. Происходит институционализация взаимодействия правительства с башкирскими подданными, чего никогда не было при подавлении прежних восстаний. Это является еще одним подтверждением того, что империя создает развернутую бюрократическую систему управления всеми регионами, объединяя тем самым огромную страну в единый слаженно функционирующий организм.

Причины восстания были традиционными, требования бунтующих не отличались оригинальностью. Однако реакция властей на это восстание определила поворотный пункт в освоении края, включении его в административную систему абсолютистского государства. Правительство, обновляя саму систему отношений с башкирами, приняв окончательное решение закрепить свое присутствие в регионе, планомерно наращивает здесь свое присутствие. Идут поиски действенных методов подавления бунта. На смену компромиссам при-

ходит силовое решение, на смену переговорам - ультиматумы и угрозы карательных походов. Восстание с периодическими затуханиями длилось больше 5 лет и охватило все дороги Башкирии. Столкнувшись с открытым и яростным сопротивлением, российские чиновники не сразу определили вектор действий, И.К. Кирилов выступал за силовое решение, А.И. Румянцев придерживался идеи компромиссного подхода. Формирование нового курса взаимоотношений Российской империи с башкирами в условиях бунта шло нелегко, но в начале 1736 г. администраторы осознали несостоятельность переговоров с повстанцами, требующими сворачивания Оренбургской экспедиции. Итогом было создание Мензелинской программы, которая легла в основу указа 11.02.1736 г. и содержала целый комплекс мероприятий по усмирению башкир и включению Уфимской провинции в общую административную систему империи, воплощая в жизнь атрибуты фронтальной модернизации (от стимулирования миграционной активности до милитаризации края) .А.И. Румянцев, И.К. Кирилов, В.Н. Татищев, А.И. Тевкелев жестоко подавляют очаги восстания, организуя карательные походы вглубь региона, сжигая деревни и конфискуя скот и имущество. До этого периода у правительства просто не было ресурсов для подобных акций. Сейчас же ситуация в корне изменилась. Впрочем, следует помнить, что террор был обоюдным, и если потери башкирского населения можно оценить благодаря работам П.И. Рычкова, то потери небашкирского населения и правительственных войск до сих пор не уточнены. Переговоры с бунтовщиками отныне носят ультимативный характер. Российские чиновники не гнушаются использовать переговоры как предлог, чтобы арестовать предводителей восстания (К. Нурушев, А. Кусюмов, Ю. Арыков), хотя в XVII в. послы обладали иммунитетом, а принесшие повинность отпускались по домам. Отныне действуют новые правила - заочные повинные не принимаются, каждый должен явиться лично, уплатить штраф и ответить за содеянное. П.И. Рычков приводит точную статистику казненных, сосланных и розданных в крепостные с условием принятия православия.

Власти стремятся создать себе в регионе социальную опору, для чего вбивают клин между башкирами и пришлым населением, пообещав последним земли, арендуемые у башкир. Тем самым государство подчеркивает свой особый статус единственного властителя всех земель в государстве, фактически в одностороннем порядке отменяя договоры эпохи Ивана IV. Разрешение покупать земли у башкир создают правовую базу для колонизации края. Государство прилагает усилия, чтобы не допустить союза башкир с киргиз-кайсаками или калмыками.

Башкиры, осознавая масштаб притязаний государства и неотвратимый ход наметившихся изменений, также идут на крайние меры. В 1739 г., когда главные предводители восстания уже были арестованы, бунтовщики выдвигают фигуру хана Карасакала, вокруг которого должны были аккумулироваться уже изрядно ослабевшие силы повстанцев. Любопытно, что на «должность» хана был избран рядовой общинник М. Юлаев, житель Ногайской дороги. Очевидно, это был тактический ход, чтобы поддержать затухающее восстание. Другой целью могла стать провокация, призванная вынудить власти пойти на уступки башкирам. Реальное суверенное государство в геополитических реалиях XVIII в. башкиры создать просто не могли, они оказались зажаты между Россией и принявшими ее подданство киргиз-кайсаками. Реальной альтернативы, равнозначной России, у которой башкиры могли бы искать защиты и протекторами, в регионе не было. Поэтому, башкиры продолжали кровопролитную борьбу за автономию внутри Российской империи.

Империя же, прекрасно осознавая безвыходное положение башкир, не собиралась идти на попятную. Восстание было подавлено, главные цели Оренбургской экспедиции реализованы, власти стремительно закреплялись в крае.

Глава 6. Реализация новой государственной политики в отношении башкирских подданных (30–50 гг. XVIII в.)

6.1. Религиозная политика государства в 30–40 гг. XVIII в.

Новый виток пристального внимания к мусульманам со стороны государства начинается в 30-е годы XVIII в. В 1731 г. в Свияжске была создана Комиссия новокрещенских дел, а на ее основе в 1740 г. Новокрещенская контора. Причины создания конторы вполне укладываются в, уже ставшую традиционной, конфессиональную политику государства. В самом указе о ее создании обозначено, что государство продолжает политику Петра I, введшего льготы для неофитов. Однако с течением времени, петровские льготы, хоть и не были отменены официально, де-факто их применять перестали. Прежде всего, с этим упущением и должна была покончить Новокрещенская контора: «понеже в Казанской, Астраханской, Сибирской, ... губерниях ... еще при жизни...Петра Великаго несколько тысяч душ обращено (в православие – прим. Т.Ч.) ... от рекрутских поборов освобождены ...; однако ж потом ...известно учинилось, что не все так исполняется, как надлежало с новокрещенными, поступать, а иное и забвению предано»¹. Как мы видим, последовательной политики по христианизации народов Поволжья не было. Выполнение указов, принимавшихся одним правителем исходя из насущных потребностей государства, не контролировалось его приемниками. В свою очередь это приводило к тому, что на местах эти указы и вовсе сводились «на нет» и переставали действовать. Поэтому необходимы были новые указы, чтобы как то «оживить» религиозную политику. Примечательно, что указ 11.09.1740 г. вновь обходит стороной территорию, заселенную башкирами. Хотя, после основания Оренбурга и подавления башкирского восстания 1735–1740 гг. данные земли полностью включаются в административное и правовое пространство империи. Тем не менее, власти в вопросах религии продолжают традиции XVI–XVII вв. Возможно это было связано с тем, что

¹ ПСЗ РИ. Т. XI. – СПб., 1830. – № 8236. – С. 248.

подавление восстания было весьма затруднительной и обременительной процедурой, и провоцировать башкир на новый бунт попросту не хотели. Другой причиной могло быть то, что часть повстанцев приняла православие ради прощения их за участие в бунте.

Восстание 1735–1740 гг. было не только самым кровопролитным за историю башкирских бунтов, но и является своеобразной вехой в истории русско-башкирских отношений. В числе прочих были внесены изменения в духовную жизнь башкир.

Башкирия до 30–40-х гг. XVIII в. находилась на периферии религиозной политики государства, и испытывала лишь косвенное влияние принятых законов о новокрещенах. Прежде всего, это проявлялось в увеличении количества переселенцев-беженцев из соседних регионов. Они пытались скрыться от властей и не почувствовать экономические последствия своего решения остаться мусульманами. Вместе с ними уезжали и исламские ученые, и религиозные деятели. Именно влияние мусульманского духовенства, вызывающего симпатию среди коренного населения, повлекло новую волну исламизации башкир. В то время мусульманское вероисповедание осознавалось не только как духовное учение, но и как фактор «национального самосознания» башкир, как идеология, вокруг которой можно сплотиться против нарушения договоренности со стороны правительства и массовой колонизации крестьян из центральных областей России. Говорить же о проникновении веры глубоко в людские сердца в то время не стоит. Башкиры «закон мусульманский соблюдали недобросовестно», и богослужение посещали редко¹.

Прибывшее духовенство вносило раздор, провоцируя башкир на вооруженные выступления против властей. Поэтому вполне логично выглядит решение государства ввести жесткий контроль над мусульманским духовенством. Но трудность заключалась в том, что ислам не имел церковной структуры, институтов священства и монашества. Это затрудняло установление государственного контроля над духовной жизнью российских мусульман.

---

¹ Старостин А.Н. Ислам в Башкирии. – Уфа, 1996. – С. 111.

Важным шагом на пути становления системы государственного регулирования и управления исламом в России стал указ от 11.02.1736 г., который предусматривал введение в четырех областях Башкирии должностей ахунов. Ахун - глава и духовный лидер мусульманской общины - приносил присягу на верность государству, в которой был пункт о недопущении прозелитизма¹. Вручая управление внутренними делами мусульманских общин ахунам, государство оставляло за собой право контролировать их деятельность, а также запрещалось без специального разрешения строить новые мечети и школы.

Здесь необходимо помнить, что просветительская деятельность христианской церкви также находилась под контролем государственных органов². Причем контроль над строительством новых православных храмов был введен еще в 1722 г., когда появились указы, запрещающие без санкции Синода строить новые церкви. Отныне, прежде чем заложить церковь необходимо было подать в Синод прошение с очень подробной информацией о планируемом строительстве: «на каком месте и на чьей земле каменную или деревянную церковь построить кто желает, и во чье имя, и какая его нужда к тому новой церкви строению ведет, и чем он будет священнослужителей довольствовать, и откуда она церковь ко всегдашнему священнослужению потребная получать будет, ... и при коликих какого звания приходских дворах быть имеет, и те дворы до того времени в которых приходах и в коликом расстоянии от онаго места обретаются...»³. Однако почему то данное ограничение не вызывает таких негативных эмоций, в отличие от аналогичного требования к строительству мечетей. Притом, что именно мечети выступают местами консолидации недовольных башкир, где абызы и муллы (К. Нурушев, А. Кусюмов, Б. Торопбердин, А. Исекеев) призывали к восстаниям и принимали клятвы бунтовщиков на Коране. Это привело к тому, что при подавле-

¹ Самсонов Н.В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI–XVIII вв. (историко-правовой аспект). / Автореф. дис... канд. юр. наук. – М, 2007. – С. 21–22.

² Пулькин М.В. Православный приход и власть в середине XVIII– начале XX в. (По материалам Олонецкой епархии). – Петрозаводск, 2009. – С. 36.

³ ПСЗ РИ. Т. VI. – СПб., 1830. – № 4122. – С. 791–792.

нии восстания была разрушена крупнейшая мечеть Башкирии, а после усмирения края государственная власть стремилась контролировать эти «очаги сепаратизма», минимизировать их влияние на ясачное население.

Именно в период подавление башкирского восстания 1735–1740 гг. впервые против башкир-вероотступников была применена казнь через сожжение. Ранее, нерадивое исполнение неофитами норм православия так жестоко не каралось, наоборот, подчеркивалось, что даже штраф с них за это брать не следует, только епитимию. Что же заставило власти, в лице начальника Оренбургской комиссии В.Н. Татищева, применить к обвиняемым такое суровое наказание. Тем более что переходы от вынужденного православия обратно в ислам не были единичны, тем еще интереснее, почему некоторые понесли кару, каковы были отягчающие факты, приведшие их на костер.

Следует сразу же подчеркнуть, что казнь через сожжение живого человека отвратительна по своей антигуманной сути! Никто с этим и не спорит. Но вопрос остается открытым, - за какие прегрешения людей подвергали таким пыткам?

Первым, кто был приговорен к сожжению, является башкир Айлинской волости Сибирской дороги Тойгильда Жуляков, казненный 20.04.1738 г. При рассмотрении ситуации детально, выясняются интересные подробности. Прежде всего, Жуляков был не просто рядовым башкиром, не устоявшим перед соблазном вернуться к привычной и понятной религии предков, а закоренелым преступником. Участник восстания, приговоренный за свои разбойные действия к смертной казни, и помилованный после принятия им православия. Однако ни о каком раскаянии речь не шла, смена веры была лишь способом спастись от законного наказания¹. Поэтому получив свободу, он переходит обратно в ислам, не задумываясь о том, как это скажется на двух его сыновьях, отданных в сентябре 1737 г. в услужение воеводе Исетской провинции, фактически на положение аманатов. Далее Т. Жуляков не скры-

---

¹ Чупин Н.К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. // Русская старина. – 1878. – № 10. Т. 23. – С. 310.

вает своей приверженности исламу, тем самым демонстрируя пренебрежение к законам Российской империи. Это приводит к тому, что информация об отказе от православия некоторыми башкирскими семьями, стала к 1738 г. все чаще поступать в канцелярию В.Н. Татищева. Тот повелел разобраться в ситуации и учинить строгое расследование по каждому из этих случаев, чтобы исключить их повторение впредь. 11.03.1738 г. полковнику И. Арсеньеву, командиру Сибирского драгунского полка, было отправлено предписание о конвоировании для проведения следствия одного из таких башкир – Т. Жулякова. Арсеньев с драгунской командой выехал в Теченскую слободу, где и задержал Жулякова и трех его сыновей (16, 14 и 12 лет)¹. Не доезжая немного до Екатеринбурга, Т. Жуляков расковал колодки, освободил сыновей и напал на конвой. Один из конвоирующих гренадеров был ранен. Башкиры пытались скрыться, но были схвачены². Примечательно, что против них не было использовано оружие, хотя при нападении на конвой, гренадеры имели на это полное право. На допросе, Жуляков оправдывался тем, что восставшие удерживают в плену его жену и младшего сына³. За сыновей, находящихся у русских, Жуляков почему-то совсем не боялся. Однако разжалобить власти в очередной раз Жулякову не удалось, учитывая рецидивистский характер его преступлений, отступничество от православия, отягощенное попыткой убийства гренадеров, Жуляков был по всей строгости закона приговорен к смертной казни через сожжение. Официальный приговор, в соответствии с действующим законодательством (которое еще со времен Соборного Уложения 1649 г. узаконило сожжение как меру наказания за переход из христианства в ислам), содержал обвинения не только в вероотступничестве: «Тойгильду, за то, крестясь в веру греческого исповедования, принял паки махометанский закон и тем ... в богомерзкое преступление впал... на страх другим таковым, кои из махометанства приведены в христианскую веру, при собрании всех

¹ Ислам на Урале: энциклопедический словарь. – М., 2009. – С. 54.

² Чупин Н.К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. // Русская старина. – 1878. – № 10. Т. 23. – С. 311; Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. – М., 1964. – С. 92–93.

³ Чупин Н.К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. // Русская старина. – 1878. – № 10. Т. 23. – С. 311.

крещеных татар велено казнить смертью - сжечь»¹. Далее подчеркиваются отягчающие обстоятельства дела: «...как везли сюда, дорогою, вымысля коварственно...двух гренадеров рубил...и имел намерение к побегу, чрез что и наивящее злодейство свое проклятое умножил, и не только за оное твое преступление, но и за сие содеянное зло, учинил себя достойно смерти»². Жестоко ли это? Однозначно - да! Но это были не экстраординарные меры, принятые государством в момент подавления бунта, такое наказание существовало на Руси к тому моменту уже почти 90 лет. Взрослый мужчина, глава семьи, отец 6 сыновей, должен был осознавать, к чему ведут все его поступки.

Весной 1739 г. в Екатеринбурге по приказу В.Н. Татищева была казнена Кисябика Байрясова³. Уроженка села Сакаул Катайской волости была пленена во время башкирского восстания, крещена и отдана в крепостные писателю и переводчику К. Кондратовичу. Пожилая женщина (ей на тот момент было почти 60 лет) совершает три попытки побега, причем две первые, закончившиеся неудачей, она совершает в компании других женщин. В первый раз (18.09.1737 г.) - «с девкою-полонянкою», жившей у В.Н. Татищева, второй раз (26.09.1737 г.) бежала из Екатеринбурга вместе с «дворовой женкой» секретаря «горной власти» Ивана Зорина⁴. За первый побег была наказана розгами, но видимо наказание не привело к каким-то тяжелым телесным увечьям, т.к. уже через 8 дней башкирка совершает новый побег. Во второй раз ее приговаривают к битью кнутом. Согласно указам от 23.02.1721 г. и 6.05.1736 г. беглые наказывались телесно «по указу ...1721 года февраля 23 дня, велено ... всем беглым при выпуске чинить наказание кнутом или кошками, плетьюми или батогами»⁵. Таким образом, беглые женщины получили наказание, в соответствии с действующим на территории всей империи законом. Через год, осенью 1738 г. К. Байрясова бежит снова, добирается до род-

¹ Цит по: Чупин Н.К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. // Русская старина. – 1878. – № 10. Т. 23. – С. 312.

² Там же.

³ Ислам на Урале: энциклопедический словарь. – М., 2009. – С. 55; Старостин А.Н. Ислам в Свердловской области. – М., 2007. – С.28.

⁴ Старостин А.Н. Ислам в Свердловской области. – М., 2007. – С.28–29.

⁵ ПСЗ РИ. Т. IX. – СПб., 1830. – № 6951. – С. 809–810.

ной деревни, однако в ней не остается, бежит дальше в горную часть края, где месяц живет у «верного» старшины Мандара, но после того, как тот узнает, что башкирка из новокрещен, велит ей возвращаться в Екатеринбург и сдать властям и даже пишет для нее сопроводительное письмо¹. Однако, судя по всему, планов вернуться у женщины не было, ибо она отправляется в совершенно другую сторону. Добравшись до Дуванской волости, Кисябика остановилась у брата Разге Байрясова. Здесь ее и задержал абыз Махмут Мемелин, и под конвоем других «верных» башкир отправил в Екатеринбург². За регулярные побег и за возврат к исламу была приговорена к смерти и казнена. В приговоре от 8 февраля 1739 года говорится: «... за три побега и что она, будучи в бегах, крещеная обасурманилась, учинить смертную казнь - сожечь»³. Как и в истории с Т. Жуляковым, рецидивистский характер подсудимых, отягченный переходом в ислам, приводит к суровейшему наказанию, однако оба в силу возраста прекрасно представляли, на какой риск шли, совершая преступления.

Подобная же ситуация была и с жителем Табынской волости Ногайской дороги, ставшим после крещения казаком Табынской крепости Романом Исаевым⁴. В 1740 г. Исаев был приговорен к смертной казни, за то, что вместе с женой бежал, и вернулся в ислам: «...казак Исаев до солдатства, волею своею из татар и с женою своею крестился, и по тому из солдатства и с женою своею бежал в Уфимской уезд и обасурманился и во время бунта при главных ворах башкирцах Килмяке с товарищи, при нападении на генерал и кавалера Румянцова, статского советника Кирилова и на вологодския роты, был же, и по силе де е.и.в. указов давно он подлежит смертной казни...»⁵. Понятно, что речь идет о заслужившем наказание преступнике, бунтовщике, непосредственно участвовавшем в нападениях и убийствах в период бунта.

¹ Старостин А.Н. Ислам в Свердловской области. – М., 2007. – С.28–29.

² Там же. – С. 29.

³ Цит по: Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 46.

⁴ Грекулов Е.Ф. Православная инквизиция в России. – М., 1964. – С. 93.

⁵ ПСЗ РИ. Т. XI. – СПб., 1830. – № 8125. – С.135.

Конечно, нельзя не признать порочность практики прощения уголовных преступлений в случае перемены обвиняемым веры. Власти подталкивали иноверцев к ложному принятию христианства, что, разумеется, ничуть не шло на пользу самому православию. Но данная мера к тому времени уже давно и прочно закрепилась как одна из форм «льгот» неопитам. Естественно, что получив прощение и свободу, многие возвращались к традиционному укладу жизни, но казнены были единицы. Вывод очевиден - к казни через сожжение были приговорены лишь рецидивисты, осознанно использующие таинство святого крещения для того, чтобы уйти от кары за свои преступления. Но даже после помилования, не желая мирной жизни, продолжали совершать противоправные действия. Неудивительно, что власти приговаривают их к высшей мере наказания. Как раз таки было бы странно, если бы закоренелые преступники вновь были прощены. Подобная демонстрация слабости власти могла привести не только к разгулу преступности и «частным трагедиям», но и к новым бунтам и социальным конфликтам. Государство же, не пощадив нескольких преступников, наглядно показало, что законы в империи выполняются и имеют беспрекословный приоритет. Здесь проявляется сложность встраивания фронта в страновое пространство, вылившаяся в трагические события, участники которых абсолютно по-разному трактовали происходящее. Башкиры, подвергшиеся наказанию, даже отдавая отчет в противоправности своих действий, наверняка не знали все нюансы российского законодательства и вряд ли предполагали настолько суровое наказание за свои поступки. Но незнание закона не отменяет того факта, что преступления ими были совершены, и с точки зрения властей они являлись преступниками. Российские чиновники, воспринимая Башкирию как составную часть страны, а башкир как подданных государства, апеллировали к официальному законодательству, не выводя коренное население в какую-то особую касту. Поэтому вряд ли стоит обвинять власти в излишней жестокости, рассуждая о том, что «оторопь берет от дела о сожжении Тойгильда Жулякова»¹. При из-

---

¹ Бердников Л.И. «Казнить смертью и сжечь...». Хроники российской инквизиции. // Новая Юность. – 2010.

менении статуса Башкирии, преодолении черт ее периферийности, подобные проявления цивилизационных различий были неизбежны.

Восстание 1735–1740 гг. хоть и охватило огромную территорию, и потребовало немалых усилий для его подавления, в целом не изменило религиозную политику государства. Сразу после усмирения башкир принимается указ о создании Новокрещенской конторы, причем текст указа крайне интересен для характеристики тактики властей после башкирского бунта.

В указе Анны Иоанновны от 11.09.1740 г. регламентируются не только экономические льготы, гарантируемые новокрещенам, но и просветительская сторона деятельности священнослужителей: «новообращающимся в христианскую веру показать со всяким благим усердием о ... всех важнейших Христианских догматах и преданиях; також обучать их молитвам Иисусовой ... с толкованием, чтоб каждый всему оному неотменно наставлен, обучен и в том утвержден был»¹. Особенно важно то, что в указе четко и однозначно запрещалось принуждать местные народы к смене религии: «ежели некоторые из них (иноверцев – прим. Т.Ч.) Святаго Крещения воспринять не пожелают, таковым принуждения ко крещению отнюдь, и им за то ничем не угрожать»².

Не вполне обоснованной является идея о том, что Новокрещенская комиссия опиралась на вооруженные команды, с целью христианизации местного населения. Вооруженная охрана необходима была для защиты проповедников, в их поездках вглубь региона, а также для защиты казны: «когда кому для надзирания обучения оных новокрещенных и призывании вновь ко крещению иноверцев из духовных управителей надлежит ехать в города и уезды, тогда для охранения в пути денежной казны и всяких посылок даны были б из солдат Казанскаго гарнизона по три человека»³. Вряд ли три человека, пусть даже являющиеся профессиональными военными, могли обеспе-

---

– № 2(95). – С. 38.

¹ ПСЗ РИ. Т. XI. – СПб., 1830. – № 8236. – С. 248–249.

² Там же. – С. 249.

³ Там же. – С. 248–249.

³ Там же. – С. 249.

чить насильственную массовую христианизацию под страхом физической расправы.

В этом же указе дана подробнейшая инструкция служителям Новокрещенской конторы. Прежние льготы, дарованные еще Петром I полностью подтверждались: «по указам ... Петра Первого ... повелено Казанской губернии новокрещенным разных народов людям, ... которые впредь Святое крещение воспримут, во всех государственных сборах и из дел давать льготы на три года... с новокрещенных в те три года подушных денег и других ... поборов... не спрашивать, ... а которые из оных иноверцов определены к поташным заводам и к другим казенным работам, оных от тех работ освободить»¹. Здесь проявляет себя еще одна интересная особенность - государство, при всей своей поощрительной религиозной политики, не готово было безвозмездно отказываться от тех налогов, которые поступали в казну от иноверцев. Поэтому, покрывать расходы, которые терпело государство, должны были ясачные люди, оставшиеся верны своим верованиям: «оставшие иноверцы в тех местах, где оные новокрещенные вместе с ними жили, будут за них подушныя деньги платить и провиант ставить»².

Однако, реальная ситуация на местах подчас не соответствовала формально-юридической стороне вопроса. Некрещенные иноверцы, не собираясь платить за неофитов, принуждали последних продолжать платить налоги и участвовать в выполнении государственных повинностей. Что вызывало недовольство властей, нашедшее отражение все в том же указе от 11.09.1740 г.: «некрещенные иноверцы привлекают их с собою в складку рекрутскую и берут с них насилем деньги, и тем оных бедных новокрещенных, в противность вышепомянутаго указа напрасно изнуряют; того ради с упомянутых новокрещенных иноверцов и которые впредь православную веру примут, как рекрут, так и в рекрутския складки денег отнюдь никому не спрашивать»³.

¹ ПСЗ РИ. Т. XI. – СПб., 1830. – № 8236. – С. 253.

² Там же. – С. 251.

³ Там же. – С. 254.

Власти в целом понимали, что иноверцы не горят особым желанием менять веру, иначе не понадобилась бы постоянная стимуляция процесса христианизации. С другой стороны данная стимуляция приносила свои плоды, и государство готово было продолжать поощрять неофитов: «в обычаях своих бывают весьма замерзлы и ко крещению никто из них по благоволению не придет, разве кого привлечет к тому какая нужда»¹.

Поэтому, льготы не заканчивались только «налоговыми каникулами», а распространялись на многие стороны жизни, вплоть до заключения брака: «кто из них будут брачиться, с венечных памятей не токмо лазаретных, но и с венечных памятей денег никогда не брать»².

Указ также предполагал всевозможные подарки новообращенным. При чем интересно, что подарки различались в зависимости от социального статуса крестившегося и его пола: «приходящим ко крещению в награждение ... давать каждому по кресту медному, весом каждой по пяти золотников, да по одной рубахе с порты и по сермяжному кафтану с шапкою и рукавицы; а кто познатнее, тем при крещении давать кресты серебряные по четыре золотника, кафтан из сукон крашенных, какого цвета кто похочет, ценою по 50 копеек аршин, женскому полу волосники и очельники, по рубахе холщевой, да от денег мужеска пола, кои от рождения выше 15 лет, по рублю по 50 копеек, а от 10 до 15 лет по рублю, а кои ниже 10 лет, тем по 50 копеек; женска пола от 12 лет и выше по рублю, а прочим, кои ниже 12 лет, по 50 копеек...»³.

Несколько раз в тексте указа подчеркнута необходимость лояльного отношения к новокрещенам. Многие историки считают создание Новокрещенской конторы новым этапом наступления на ислам, отныне принявшим институциональный характер. Однако в анализируемом указе, в отличие от строгих требований к новокрещенам, выдвигаемым в конце XVI в., запрещаются всякие санкции против тех, кто приняв православие, не соблюдает всех положенным устоев новой религии: «а которые от безстрашия лености же и

¹ ПСЗ РИ. Т. XI. – СПб., 1830. – № 8236. – С. 249.

² Там же. – С. 254.

³ Там же.

нерадения своего в церковь...приходить не будут, на таковых вместо денежного штрафа полагать легкую церковную епитимию»¹; «всякое снисхождение, сколько возможно, им показывать, дабы чрез такие ласковые к ним поступки..., прочим иноверцам к восприятию христианского закона придать охоту»²; «новокрещенным иноверцам всякую милость и благодеяние показывать и ни малейшего озлобления не чинить»³.

В дополнении к вышеназванным льготам и привилегиям, для обеспечения просветительской работы власти объявили о строительстве школ, причем обучение должно было вестись крайне толерантно: «для обучения иноверческих детей учредить 4 школы: в Казани..., в дворцовом селе Елабуге,...в городе Цивильске...в Царевококшайске и обучать оных новокрещенных детей русской грамоте ...однако ж притом за ними смотреть, чтобы они и своих природных языков не позабыли»⁴. Уже одно это требование подтверждает тезис о том, что государство не планировало уничтожить национальное многообразие Урало-Поволжья, т.к. язык является важнейшей частью этнической самоидентификации.

Для характеристики реального положения дел при реализации религиозной политики правительства в крае, интерес представляет собой указ императрицы о беспрепятственном святом крещении иноверцев⁵. Данный документ, датированный 1746 г., лишний раз ставит под сомнение массовую насильственную христианизацию башкир. В тексте прямо указывается на то, что местные священники часто отказывали желающим принять православие и отправляли их в Новокрещенскую контору, тем самым усложняя переход в новую веру: «...в селах священники святым крещением их не просвещают, якобы им быть какое опасение, а посылают в Новокрещенскую контору, которые за дальностью и за неведение а больше страха ради у босурман паки возвращаются во свои жилища приходят в раскаяние и потому остаются

¹ ПСЗ РИ. Т. XI. – СПб., 1830. – № 8236. – С. 249.

² Там же.

³ Там же. – С.251–252.

⁴ Там же. – С. 255.

⁵ ГАОО. Ф.172. Оп 1. Д. 675.

впредь в своем заблуждении»¹. Чтобы пресечь подобную практику был издан указ о беспрепятственном святом крещении иноверцев: «всем священнослужителям уяснить следующее и вышеписанное: некрещенных иноверцев охотно приходящих в веру Христову и требующих с того крещения во всех селах священнослужителей невозбранно покрещать принимать и обучать в познании Бога»².

Очевидно, что при всем государственном содействии процессу христианизации, на местах священники не всегда добросовестно выполняли свои обязанности, отсылая желающих в Новокрещенскую контору. Хотя, конечно, были и другие, с особым, а подчас излишним, рвением занимавшиеся обращением мусульман в христианство. Насильственные меры были большей частью частной инициативой отдельных архиереев³. Прежде всего, это те служители церкви, которые занимали высокие посты и были лично заинтересованы в «успехах» возглавляемых ими миссионерских центров (архиепископ Казанский и Свияжский Лука Конашевич, архимандрит и управляющий делами новокрещенных Казанской епархии Дмитрий Сеченов). Л. Конашевич был инициатором указа Правительствующего Сената от 19.11. 1742 г. «О недопущении в Казанской губернии строить мечети»⁴. Указ предусматривал «все имеющиеся в Казанской губернии новопостроенные за запретительными указами мечети ...а наипаче в таких местах, где восприявшие веру греческаго исповедания жительство имеют, сломать и впредь строить не допускать»⁵. Если же мечети находились на территории, заселенной только мусульманами, необходимо было составить точную опись с подробной информацией о времени строительства, расстоянии до ближайших мечетей, о количестве дворов поблизости, и отправить запрос в Синод и «ожидать конфирмации»⁶.

¹ ГАОО. Ф.172. Оп 1. Д. 675. Л. 2.

² Там же. Л. 2 об.

³ Батунский М.А. Россия и ислам. – М., 2003. – С. 104; Самсонов Н.В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI–XVIII вв. (историко-правовой аспект). / Автореф. дис... канд. юр. наук. – М, 2007. – С. 18.

⁴ Ислаев Ф. Г. Борьба мусульман против политики христианизации в Российской империи. URL: <http://peij.livejournal.com/41935.html> (дата обращения: 17.01.2018.).

⁵ ПСЗ РИ. Т. XI. – СПб., 1830. – № 8664. – С. 719.

⁶ Там же.

За короткий срок в Казанском уезде, Сибирской и Астраханской губерниях было снесено 545 мечетей¹.

В этом же документе от 19.11.1742 г. приказывается губернаторам и воеводам провести следствия об «обращенных в магометанский закон ново-крещенных людей»². Это свидетельствует о том, что не только православные священники вели «борьбу за адептов», но и мусульманское духовенство так же стремилось увеличить число последователей Пророка. Поэтому, мечети в глазах властей, как и в период недавно подавленного башкирского восстания, продолжают оставаться не только местом отправления культа мирных мусульман, но, прежде всего, центрами антигосударственной пропаганды.

Впрочем, никто не отрицает тот факт, что крайние меры, используемые отдельными миссионерами, быстро становились известны среди населения, в том числе стараниями мусульманского духовенства, вносили раздор и раскол, нагнетали недовольство властью. С 30–40-х гг. XVIII в. с созданием Новокрещенской конторы впервые появился специальный институт, отвечающий за взаимодействие православного государства с мусульманскими подданными. И, хотя в целом, принципы религиозной политики с конца XVII в. не изменились, сводясь к поощрению христианизации и защите православных от исламизации, их реализация принимает более последовательный и упорядоченный характер. Поэтому вполне правомерно говорить об интенсификации религиозной политике в Башкирском крае во время и после подавления восстания 1735–1740 гг. Всего за время деятельности Новокрещенской конторы (1731–1764 гг.) в Поволжье и Приуралье в православие было обращено 362 420 человек. Если на первом этапе (1731–1740 гг.) было крещено всего 2 654 иноверца, то в 1741–1755 гг. - 335 789³. Однако большую часть неофитов составили не мусульмане, а язычники - чуваш

¹ Загидуллин И. К. Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII – начале XX в. (исламское богослужение и мечети). // Автореф. дис. ... док. ист. наук. – Казань, 2006. – С. 56.

² ПСЗ РИ. Т. XI. – СПб., 1830. – № 8664. – С. 719.

³ Ислаев Ф.Г. Становление веротерпимости в России: исторический контекст. // Православие в поликонфессиональном обществе. – Казань, 2006. – С. 110 – 121; Ислаев Ф.Г. Религиозная политика Российского государства и ее реализация в Волго-Уральском регионе (XVIII век). / Автореф. дис... док. ист. наук. – Казань, 2005. – С. 26.

(178 130), марийцы (58 729), мордва (40 668) и вотяки (36 505), татар всего 12669 (около 7 %)¹. Так же не стоит забывать, что крестившись по принуждению, основная часть новокрещен фактически оставались мусульманами или язычниками².

Что касается непосредственно башкир, то некоторые исследователи говорят о массовой христианизации коренного населения Уфимской провинции в 30–50 гг. XVIII в. и об использовании ее в качестве «карательной меры» против повстанцев³. На завершающем этапе восстания (1738–1740 гг.) 10 тыс. бунтовщиков с семьями были крещены и сосланы в центральные области страны в качестве крепостных⁴. Это приблизительно 3–4 % населения (см. Приложение 5), а учитывая массовые людские потери во время восстания, то и того больше. Но даже при такой статистике сложно говорить о массовости процесса христианизации среди башкир. Принятие православия вчерашними бунтовщиками позволило им сохранить свою жизнь, в противном случае кара за разбой и убийства была бы значительно страшнее. К тому же для государства решающим фактором оставалась лояльность населения к власти⁵ – «верные» башкиры не подвергались религиозному давлению. После урегулирования ситуации в Башкирии и окончательного подавления восстания интенсивность христианизации практически сходит на нет, случаи принятия христианства становятся единичными⁶. В 1742–1753 гг. было крещено от 202 до 231 башкира, в Зауралье было обращено в православие: в 1767 г. – 83 баш-

¹ Ислаев Ф.Г. Религиозная политика Российского государства и ее реализация в Волго-Уральском регионе (XVIII век). / Автореф. дис... док. ист. наук. – Казань, 2005. – С. 22.

² Ермаков В.В. Челнинская история. – Набережные Челны, 1999. – С. 72–73; Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. – Казань, 2001. – С. 43–46; Сергеев Ю.Н. Православное духовенство Южного Урала: очерки истории духовного сословия (вторая половина XVI – XVIII вв.). – Уфа, 2004. – С. 112–113; Ислаев Ф.Г. Ислаев Ф.Г. Религиозная политика Российского государства и ее реализация в Волго-Уральском регионе (XVIII век). / Автореф. дис... док. ист. наук. – Казань, 2005. – С. 26–27.

³ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 39; Сергеев Ю.Н. Православная церковь в Башкортостане (вторая половина XVI–середина XIX в.). – Уфа, 1996. – С. 30; Худайгулов Т.С. Башкирское восстание 1755–1756 гг. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2008. – С. 20; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. – Уфа, 2016. – С. 347–348.

⁴ Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 39; Сергеев Ю.Н. Православная церковь в Башкортостане (вторая половина XVI–середина XIX в.). – Уфа, 1996. – С.30.

⁵ Осипова Я.В. Интеграция Южного Урала в состав империи в 30–90-е гг. XVIII в.: этноконфессиональный аспект российской политики. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Челябинск, 2007. – С. 21.

⁶ Там же.

кира, в 1776 г. - 93, в 1779 г. - 75 башкир¹. Стоит соотнести эти данные с общей численностью башкирского населения, П.И. Рычков, под 1754 г., помещает следующие сведения о числе башкир: в Уфимской провинции - 86384 обоего пола, в Исетской - 19792 души. Как мы видим ни о какой массовой христианизации говорить не приходится - всего 0,3% крещеных (см. Приложение 5).

Государственные меры сводились к финансовой заинтересованности самих мусульман, принимавших православие в обмен на льготы и разнообразные ценные подарки. Что в свою очередь приводило к расколу внутри мусульманской общины, недовольствам и нервозности, призывам радикально настроенных духовников к сопротивлению властям. Учитывая множество челобитных от башкир (поданных при новых захватах земель, повышении налогов и притеснении религии), вывод напрашивается сам собой. Башкирия становится бурлящим котлом, бунтарское содержимое которого склонно к неповиновению и по экономическим, и по политическим, и по религиозным мотивам². Последствия принятых мер можно в полной степени просмотреть в последнем башкирском восстании первой половины XVIII в. - восстании 1755–1756 гг., получившем имя духовного лидера муллы Батырши Алиева.

6.2. Восстание 1755 – 1756 гг. и новые методы реагирования властей на недовольства местного населения.

Государство все активнее стремилось освоить Башкирию и полностью подчинить ее своей власти, постепенно отменяя или заменяя привилегии коренного населения, зафиксированные в жалованных грамотах, тем самым завершая период интеграции края. В 1744 г. была учреждена Оренбургская губерния, что способствовало унификации управления краем. Продолжалось массовое изъятие земель. Только в 1742 - 1745 гг. было возведено 18 крепостей и множество форпостов и редутов между ними, в том числе третий

---

¹ Сергеев Ю.Н. Православие в Башкортостане. // Истоки. – Красноярск, 1995. – № 6. – С. 10–15.

² Щипков А.В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. – СПб., 1998. – С. 211–214.

Оренбург, большие и мелкие крепости по Яику, Самаре, Ую, Миассу и другим рекам¹.

Даже если на этих землях не было кочевий местного населения, они с одной стороны - могли принадлежать башкирам по древним жалованным грамотам, а с другой - строительство свидетельствовало об усилении царской администрации в крае, что также не могло не вызвать недовольства башкир и их озлобления против русских властей.

В 40-х гг. XVIII в. возобновилось прерванное восстанием строительство заводов. К середине 50-х гг. на территории Башкирии было возведено 20 новых заводов, из них 9 - на землях Ногайской дороги².

В полной мере проявлялась новая политика в отношении края, определенная Мензелинской программой и указом 11.02.1736 г. Прежде всего, при содействии администрации разворачивается дворянская и массовая крестьянская колонизация Башкирии³. Это не могло не сказаться на башкирском хозяйстве и благосостоянии народа. И не случайно, именно население Ногайской дороги, где в 40–50-е гг. было построено большинство крепостей и заводов, выступило инициатором и основной силой начавшегося в 1755 г. движения.

Исключительно обременительными были феодальные повинности. Башкир по-прежнему привлекали на строительство крепостей. Отягчалась военная служба. Вводились новые повинности. В 1735 г. было установлено регулярное почтовое сообщение между Уфой и центром страны, а в 1752 г. между Оренбургом и Казанью. Содержание почтовых станций с 1751 г. возлагалось на башкир⁴. Эта служба оказалась гораздо тяжелее по сравнению с прежней подводной гоньбой в силу своей регулярности.

---

¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 251; История и культура Башкортостана. – Уфа, 2003. – С. 248.

² Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. – М, 1947. – С. 361–368; Порталь Р. Урал в XVIII веке. Социально-экономическая история. – Уфа, 2003. – С. 107; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 252.

³ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2 Д. 28. Л. 22–46.

⁴ Вельская Т.Б. О характере восстания 1755 года. // Ученые записки БГУ. – Уфа. 1970. – С. 148; История башкирского народа. Т.3. – Уфа, 2011. – С. 231.

Правительство также осуществило в Башкирии налоговую реформу. Указом Сената от 16.03.1754 г. ясак с башкир, мишарей и служилых татар Оренбургской губернии был снят. Отныне они должны были покупать соль из казны по 35 коп. за пуд¹. До этого времени башкиры пользовались солью из местных источников бесплатно². Некоторые историки считают, что это решение правительства вызвало взрыв возмущения населения тем, что покупка соли обходилась в 3 - 6 раз дороже, чем уплата ясака³. Соляные месторождения, которые башкиры считали своей собственностью, в связи с введением казенной монополии на соль отошли в распоряжение правительства. Но если обратиться к тексту указа, перед нами предстанет другая картина - башкиры видели в отмене ясака приравнивание себя к служилому сословию, что давало определенные привилегии («башкирцы и мещеряки охотно к тому приступили и за отягощение себе не вменяют, рассуждая из того пользу, что они без платежа ясака единственно служивыми будут, так, как и казаки»). Более важной для них была земля - «токмо б земли их, из Высочайшей е.и.в. милости, указом были им подтверждены»⁴, так как для башкир ясак служил гарантией их вотчинных прав на землю. Хотя стоит отметить, что речь, скорее всего, идет о «верных» башкирах, консервативные же слои во главе с духовенством все равно были резко против отмены ясака.

Так насколько ухудшилось положение башкир с введением платы за соль? И, что не маловажно, насколько это положение отличалось от положения других тягловых людей. Раз говорим о полном включении башкирских земель в систему управления государством, необходимо понять, это выража-

¹ О снятии ясака с башкирцев, мещеряков и татар, между ними живущих, и о продаже у них вместо сево соли из казны. Сенатский. 16 марта 1754 г. // Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – Уфа, 1999. – С. 52 – 53.

² НА УФИЦ РАН Ф. 23. Оп. 1. Д. 5. Л. 99.

³ Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. – Свердловск, 1991. – С. 111; Порталь Р. Башкиры и Россия в XVIII в. // Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. – Уфа, 2005. – С. 152; История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 137; Худайгулов Т.С. Башкирское восстание 1755–1756 гг. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2008. – С. 21.

⁴ О снятии ясака с башкирцев, мещеряков и татар, между ними живущих, и о продаже у них вместо сево соли из казны. Сенатский. 16 марта 1754 г. // Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. – Уфа, 1999. – С. 52 – 53.

лось только в формально-административном управлении или население Башкирии становится обычным среднестатистическим налогоплательщиком, наравне с населением центральных губерний.

Как уже отмечалось ранее, ясак башкир был незначительным, необременительным, даже символическим. Главным их «трудом» была защита границы. То есть в отличие от крепостного крестьянина, на которого фактически была возложена вся тяжесть пополнения казны (в условиях непрекращающихся войн, реформирования армии и строительства флота), башкирам на протяжении нескольких поколений вообще не приходилось об этом задумываться.

В 1718 г. подписан указ о начале подушной переписи населения, для определения нового подушного налога. До окончания переписи, исходя из предполагаемой цифры в 5 млн. душ подушный налог в 1722 г. устанавливается в размере 8 гривен (80 коп): «объявить дворянам, чтоб платили со всякой души мужеска полу по 8 гривен, а более того с них никаких податей, подвод и прочаго не будет»¹. Размер подушной подати был определен исходя из предполагаемых расходов на содержание армии и флота. Расходы на содержание армии в размере 4 млн. руб. возложили на крестьян. В 1724 г., по окончании переписи, размер подати был снижен до 74 коп.: «по нынешней переписке...на содержание армейских и гарнизонных полков собирать по 74 копейки с души»². Для государственных крестьян был установлен дополнительный сбор в 40 коп., получивший впоследствии название «оброчной подати». Дворцовые крестьяне продолжали исполнять ряд обязательных (служебных) работ для дворцового ведомства, в том числе, и за денежное вознаграждение³. Указом 8 февраля 1725 г. размер налога был понижен до 70 коп. с души и до царствования Елизаветы оставался без изменения⁴.

¹ ПСЗ РИ. Т. VII. – СПб., 1830. – № 4425. – С. 206.

² ПСЗ РИ. Т. VII. – СПб., 1830. – № 4503. – С. 282.

³ Дунаева Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.): историко-правовое исследование. – СПб., 2006. – С. 37.

⁴ ПСЗ РИ. Т. VII. – СПб., 1830. – № 4650. – С. 413.

Содержание флота было возложено на посадское население. Размер подати был установлен равным 1 руб. 14 коп.¹ Подушные собирались в три срока: зимой, весной и осенью. Подушная подать, которая была выше прежней, подворной, была распространена на значительно большее число лиц, ранее свободных от податей. Это позволило существенным образом увеличить государственные доходы. Прямые налоги в результате проводимых реформ увеличились с 499 тыс. руб. в 1680 г. до 4731 тыс. руб. в 1724 г., т.е. почти в 10 раз².

Как мы видим, положение крестьян было не в пример тяжелее, нежели башкир. Конечно, никто не оспаривает тот факт, что башкиры также вносили вклад в государственную казну, и что защита границ и связанные с этим расходы лежали полностью на плечах местного населения. Однако необходимость увеличения налога и изменения самой процедуры налогообложения назрела уже давно. Большая часть населения прошла через эту неприятную процедуру почти на полстолетия раньше, чем башкиры. Теперь, когда Башкирский край был встроен в единое государственно-правовое пространство, не стоит удивляться тому, что изменения затронули все сферы, в том числе и фискальную. Однако остается вопрос - насколько финансово тяжелым было это изменение?

Вернемся к вопросу о покупке соли. 35 коп. за пуд. Насколько это много? Сколько вообще времени нужно человеку, чтобы съесть пресловутый «пуд соли»? Оказывается, не так уж и много - примерно четыре года. Так утверждают современные диетологи, которые подсчитали: ежедневное потребление соли среднестатистическим европейцем возросло с 5-6 гр. в день в середине прошлого века в ежедневные 10-12 гр. в наше время³.

То есть при потреблении 5-6 гр. пуд соли съелся бы за 7 лет. Исходя из цены в 35 коп. получается 5 коп. в год. На первый взгляд немного. Однако напомним, что раньше ясак платили с дома, фактически подворно. Теперь же

---

¹ Теория и история налогообложения. – М., 2011. – С. 137.

² Там же.

³ Диетология. – СПб., 2012. – С. 245.

каждый человек вынужден покупать соль, то есть своеобразный переход на подушную подать. Если в семье было 10-12 человек, то указанный пуд соли расходовался в 10 раз быстрее, вынуждая платить не 5 коп., а 50-60 коп. (см. Приложение 5). Напомним, что раньше ясак составлял примерно 20 коп. с двора.

Учитывая полукочевой образ жизни башкир, и особенности их национальной кухни, для заготовки впрок мяса или рыбы не требовалось какого-то огромного количества соли, покупка которого могла сказаться на финансовом положении семей. Пищевой рацион скотоводов, в первую очередь, характеризовался сезонностью. Летом в их питании преобладали молочные кушанья; к осени и зиме употребление молока сокращалось вследствие уменьшения надоев¹. Зато увеличивалось употребление мясных блюд, которые играли значительную роль в питании кочевых и полукочевых народов. Увеличение количества употребляемого мяса наблюдалось с наступлением холодов, когда наступало время забоя скота. Зимой мясо хранили в замороженном виде, при необходимости используя его в пищу. Мясо употреблялось преимущественно в вареном виде. Широкое распространение имело также угощение, состоящее из накрошенного вареного мяса в сочетании с вареным тестом, именуемое «бишбармак»². К весне оставшееся мясо сохраняли впрок путем вяления, копчения или высушивания; сходными были и способы приготовления колбас³. Очевидно, ни для одного из названных способов консервации мяса не требовалось большого количества соли.

Таким образом, говорить об увеличении тягла в 6 раз не стоит.

¹ Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. – Уфа, 2006. – С. 113; Мигранова Э.В. О сходстве в традициях питания башкир, казахов, киргизов и узбеков. // Исторические и историко-культурные связи башкир с народами стран ШОС и БРИКС. Сборник статей. – Уфа, 2015. – С. 56.

² Мигранова Э.В. Традиционная система питания башкирского народа. // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию С.Н. Шитовой. – Уфа, 2006. – С. 29–35.

³ Мигранова Э.В. Башкиры. Традиционная система питания: историко-этнографическое исследование. – Уфа, 2016. – С. 101.

Справедливости ради отметим, что в центральных областях казенная цена соли вплоть до Екатерины II составляла 50 коп., и только при ней была снижена до 30 коп. за пуд.¹

Государство хоть и увеличило налог башкирским подданным, изменив сам подход к налогообложению, но увеличение это было не настолько резким, как об этом говорят некоторые исследователи, и башкиры продолжают оставаться в более выгодном положении по сравнению с российскими крестьянами. Однако психологически, конечно, это был тяжелый удар, которому башкиры попытались дать отпор. Вероятнее всего на простое увеличение ясака они бы среагировали легче, чем на его полную отмену и ликвидацию монополии на соляные источники. Это разрушало многовековую картину мира. Вновь проявляется сопротивление фронта унификации и стремлению центра минимизировать черты периферийности. Неудивительно, что, несмотря на тяжелейшие последствия предыдущего восстания, на жертвы и лишения, башкиры вновь поднимают стяг недовольства и вооруженной борьбы за свои права.

Немаловажным был и другой вопрос. Российская администрация держала под своим контролем деятельность мусульманского духовенства. Ахуны и муллы были ответственны за соблюдение закона о запрете строить новые мечети и школы. Государство не запрещало башкирам жить по законам шариата, хотя и поощряло их переход в православную веру. Однако, как было сказано выше, мусульманское духовенство, испытывая усиление контроля со стороны государства, теряя привычный статус и привилегии, разжигало недовольство среди своих адептов и призывало их к вооруженной борьбе. Духовенство особенно сильно задевало вмешательство светской администрации в религиозные дела, назначение ахунов, ответственных перед властями, запрет на строительство мечетей. Частная инициатива отдельных православных священнослужителей, особо рьяно подошедших к задаче христианского

---

¹ Теория и история налогообложения. – М., 2011. – С. 138.

просвещения местных народов, принуждение креститься вопреки всем указам центральной власти, также усиливала накал недовольства.

Представители местной администрации также не способствовали нормализации обстановки в крае, злоупотребляя своей властью: «причиною возмущения были нехорошия отношения русскаго народа к магометанам, ...запрещение брать соль из горных мест и в озерах, нанесенія побой и нередкия убийства»¹. Не в меньшей степени коренное население края страдало от своеволия башкирских, мишарских и татарских старшин, сотников. Все это вызывало острое недовольство масс башкир, мишарей и других народов края.

Таким образом, новая политика последовательно отменяла те привилегии, которые получили башкиры, добровольно войдя в состав Русского государства, и закономерно привела к сопротивлению в крае. Весной 1754 г. башкиры стали готовиться к вооруженному движению. Были налажены связи с жителями Сибирской и Осинской дорог, обратились за помощью к киргизкайсакам Среднего Жуза и получили обещание поддержать их. Традиционный алгоритм подготовки вооруженного сопротивления.

Слухи о готовящемся восстании дошли до мусульманского духовенства во главе с муллой Абдуллой Алеевым (Алиев, Галиев), по прозвищу Батырша. Он происходил из мишарей деревни Карыш Сибирской дороги, был известен как один из образованных и уважаемых мулл Башкирии².

В марте 1755 г. Батырша получил известие о решении башкир Ногайской дороги выступить в конце мая. При подготовке к выступлению башкиры - ногайцы решили, видимо, воспользоваться популярностью Батырши с целью расширения рядов своих единомышленников за счет населения северо-западной части Башкирии³. Батырша написал воззвание к мусульманско-

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.23. Оп.1. Д. 1. Л. 88.

² Васильев С.М. Роль Батырши в восстании 1755 г. в Башкирии. // Страницы истории Башкирии. – Уфа, 1974. – С. 26; Ислаев Ф. Г. Православные миссионеры в Поволжье. – Казань, 1999. – С. 68.

³ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. – М.–Л., 1940. – С. 69 – 70.

му населению края¹. Никогда еще чаяния башкир и их протесты против усиления власти в крае не были изложены так ясно и красноречиво. В воззвании указывалось на тяжелое положение населения, разоблачалась политика правительства, эксплуатация и произвол местной феодально-патриархальной верхушки. Батырша привывал население на священную войну против неверных - русских: «... Божию повелению повинуйтесь ...оных неверных россиан разорять начнем те и их с земли своей изженем и сгубили те и в жилищах своих мечети и училищи построим и правя наша веры ко укреплению попечемся...»². Батырша отрицательно относился и к верным правительству местным старшинам. Призывы Батырши не отличались оригинальностью и сводились к старым требованиям полной автономии края: «... с неверными россианами в согласии не быть, правоверных не разорять и кровь их не проливать, имения не грабить и самим в слуги и в плен не имать и им, неверным россианам, головами вашими и имением во всякой службе ... не быть и им, неверным, городов не строить ... на подводах ваших не возить, ясака и фуражу не давать и на землях и водах, искони дедам и отцами вашими владеющих, им, неверным, города, крепости и заводы строить воли не давать...»³. Список традиционных жалоб расширился новой: замена привычного ясака соляной монополией: «...Ис казны божией получаемую из гор и озер соль брать воспретили, а ис казны своей покупать принудили, и насильно издревле за вотчинные земли платимой ясак платежей оставили»⁴. Воззвание называло определенный срок начала выступления - 3.07.1755 г.

15.05.1755 г. жители Бурзянской волости во главе с Джиланом Иткулом и Худайбердой-муллою расправились с начальником горно-изыскательной партии Брагиным и его помощниками: «около 15 числа сего мая из ближних к Яику башкирских жилищ Бурзенской волости воры башкирцы ... во-первых бывших между теми жилищами определенных от кабинета е.и.в. ка-

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 12. Л. 17–21.

² Там же. Л. 18.

³ Там же.

⁴ Там же.

менотесцев, а потом некоторых проезжих и другими случаями попавшихся им людей, всего человек до 40-ка в разных местах, умысля злодейски, до смерти побили и все что при них ни было разбойнически пограбили»¹.

Оренбургский губернатор И.И. Неплюев докладывал в Сенат о начавшихся в Башкирии волнениях: «...тут определенного от кабинета е.и.в. для отыскания в Башкирии цветных камней каменотесца Брагина, которой в тех местах у онаго дела несколько уже лет благополучно находился и с работниками своими пристанище имел, блись той же почты с ево товарищи, мужеска полу 4 да женска 2 души бывшие при нем ...из тутошных скольких жилищ Бурзенской волости башкирцы, от которых и в преждней башкирской бунт вячшее злодейство было, отважась убили до смерти и тот стан... раззорили, а потом и проезжим некоторым смертное, ж убийство причинили; да и из находящихся на тех станах на залоге 4-х человек драгун не находится»².

Проведенное следствие установило, что убийство команды Брагина было не спонтанной, а заранее запланированной акцией, в подготовке к которой принимали участие ученики каменотосца из местных башкир: «сего 1755 году по зиме пред начатием весны команды ево отставной старшина Алкаш Сююндюков, сотники ... приезжали к нему в разные числа, объявляя, что находящаяся при каменотесце Брагине ученики башкирцы Джилан-Иткул и Кудай-Берда мулла... говорят и соглашаются оного Брагина убить»³.

Причиной данного преступления было желание освободиться от повинностей, сотники говорили старшине, что «они и команды их, також и других команд башкирцы, нарядами на службу к подводною гоньбою, а не менее и от каменотесца Брагина работами, весьма отягощены, от чего инаго спосо-

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 19. Л. 480.

² Доношение оренбургского губернатора И. И. Неплюева в Сенат о начавшихся в Башкирии, волнениях и о принятых им военных мероприятиях. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. URL:<http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 16.08.2018).

³ Следственное дело особого присутствия Оренбургской Губернской Канцелярии об обстоятельствах, подготовивших восстание башкир Бурзенской волости и убийство каменотесца Брагина. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. URL:<http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 16.08.2018).

бу свободится они найти не чают, как токмо по прежним примерам усилится и... Брагина с товарищи убить»¹.

Если желание повстанцев избавиться от «надоевшего» администратора еще можно объяснить усталостью людей от «непосильных» повинностей и работ, то дальнейшие планы башкир демонстрируют не отчаяние «притесненного местного населения», а хладнокровную расчетливость преступников: «а как за Брагина от русских людей на них нападение будет, тогда бунт начать и всем заодно стоять, к чему и он старшина согласился и приказал для того всей свое команде оружие готовить»². Инициаторов восстания совершенно не смущали возможные потери среди башкир, они были заинтересованы в том, чтобы использовать карательную экспедицию как катализатор для эскалации повстанческого движения.

Узнав о начале восстания, прекратили обслуживание почтовых станций Исетского тракта башкиры, исполнявшие подводную повинность. Весь тракт, ведущий из Оренбурга в Челябинск, практически перестал функционировать.

Но восстание не получило дальнейшего развития. Старшинская верхушка выступила за прекращение борьбы. Старшины были назначены и несли личную ответственность за спокойствие в крае - Мензелинская программа в действии оправдывала себя. В этой обстановке повстанцы, памятуя о карательных операциях во время прошлого восстания, ушли с семьями в казахские степи: «ведая, что им за толь тьяское их злодейство без достойной по указам казни не пробыть, и услышав движение военных людей, собрався семей до 100 з женами и з детьми и, отыскав воровской перелаз между речек Кизыла и Урдасыма перелезши чрез Яик, в Киргиз-Кайсацкую орду бежали»³.

Новое отношение к восставшим было уже отрепетировано в 1735–1740 гг., поэтому губернская администрация оперативно отреагировала на начало

¹ Следственное дело особого присутствия Оренбургской Губернской Канцелярии об обстоятельствах, подготовивших восстание башкир Бурзенской волости и убийство каменотесца Брагина. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. URL:<http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 16.08.2018).

² Там же.

³ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 19. Л. 480.

движения. 22.05.1755 г. в Бурзянскую волость прибыла карательная команда, возглавляемая подполковником Н. Исаковым. В помощь им были мобилизованы «верные» башкирские старшины. Карательные команды последовательно исполняли предписание губернатора И.И. Неплюева «для показания злодеям чувства, а другим иноверцам страху ... в жилищах их корень их находить и искоренять, не жалея ничего, что бы от них не осталось, а которые тому воровскому зборищу другие подозрительны явятся, тех, забирая, под крепким караулом скованных сюда [в Оренбург] присылать»¹. Репрессии снова приняли массовый характер.

Отныне власти закрепляли успехи карательных акций. С этой целью, например, в центре Бурзянской волости была основана Зилаирская крепость. Восстание дало правительству возможность претворить в жизнь еще одну идею новой политики по преодолению автономности края: на должности арестованных башкирских старшин и сотников были назначены верные правительству мишари. Так правительство укрепляло свою социальную опору в крае. С другой стороны вбивался клин между народами, еще 20 лет назад выступавших совместно против усиления правительства в крае.

Но, несмотря на первые неудачи, башкиры планировали продолжать борьбу. В начале августа бурзянцы возобновили вооруженную борьбу. Повстанцы нападали на почтовые станции, действовавшие и строящиеся заводы, на правительственные команды и крепости, уничтожали дрова, заготовленные для заводов². Восставшие захватили Вознесенский медеплавильный завод, разрушили Ташлинский рудник, отряд повстанцев под предводительством Кучукбая разорил Преображенский завод и сжег Покровский завод³.

В это же время начинается массовый уход жителей бунтующих волостей за Яик, к киргиз-кайсакам. Люди бежали от безусловной кары за поднятие восстания. Но отъезд за Яик не означал сворачивания движения. Оставив

¹ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, Ч. I. – Уфа, 1956. – С. 196.

² Там же. – С. 197.

³ Акманов И.Г. Кучукбай батыр. // Башкирская энциклопедия. – 2013. URL: <http://www.башкирская-энциклопедия.рф/index.php/component/content/article/2-statya/13771-kuchukbaj>. (дата обращения: 14.04.2018.).

на новом месте свои семьи и скот, повстанцы возвращались в Башкирию и продолжали борьбу: «после того их побегу из прокравшихся из них паки в Башкирь 5 человек поимано да 6-й убит, а потом некоторые из них же и еще оттоль на сю стороны прокрадывались, и между башкирскими жилищами шатались и человека убили»¹.

Активные действия повстанцев в юго - восточной Башкирии продолжались до конца 1755 г. Несмотря на это, восстание 1755 г. проходило в абсолютно новой политической обстановке и это не могло не сказаться на масштабе и активности повстанцев. Несмотря на длительную подготовку, действия повстанцев носили разрозненный и несколько непоследовательный характер. Что в итоге и привело к быстрому подавлению очагов восстания. У восставших также не оказалось решительного лидера, готового повести за собою в бой. Довольно часто это восстание называют по имени Батырши, признавая его выдающимся деятелем национально-освободительного движения². Однако это не вполне оправданно. В отличие от предыдущих главарей повстанцев, действовавших в конце XVII–первой половине XVIII вв., Батырша не проявил требуемой смелости. Бесспорно, в силу своей образованности он успешно агитировал людей на восстание, но реальное его участие в движении практически равно нулю.

Для человека, призывающего местные народы к вооруженной борьбе, утверждающего, что получил согласие на бунт от всех четырех дорог, Батырша вел себя крайне странно. Так, например, особую активность в другом повстанческом районе (несколько волостей Осинской и Сибирской дорог) проявляли башкиры Гайнинской волости Осинской дороги и в июне - июле 1755 г. неоднократно сообщали Алиеву о своей готовности к выступлению. Когда в августе стало известно о новой волне бунта на Ногайской дороге, гайнинцы вновь прибыли к мулле с призывом начать борьбу. Батырша отправил в Гайнинскую волость несколько своих последователей.

---

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 19. Л. 487.

² Ислаев Ф. Г. Православные миссионеры в Поволжье. – Казань, 1999. – С. 72.

Сохранились допросные листы сторонников Батырши Алиева, которые отражают непоследовательность действий последнего. Ясашный татарин Исмаил Апкин (Исмагил Апкеев), обучавшийся грамоте у Батырши, на следствии рассказал, что был вынужден под угрозой физической расправы со стороны Алиева, летом 1755 г. в компании еще шестерых человек отправиться в Кайнскую волость к мулле Акчюре Чюрагулу и передать тому письмо. Согласно показаниям, Исмаил, услышав от Батырши о планах восстания, отказывается от участия в этой аванюре, но испугавшись угроз, в итоге соглашается: «Батырша...сказал, что де с четырьмя дорогами имеет он, Батырша, о войне согласие...Исмаил... сказал, что он за таким делом не поедет, и оной де Батырша на то ему сказал, ... ежели не поедет, то собачей смерти предан будет; и не слыхал ли де он, Исмаил, что некоторые старшины сему делу противились, и те побиты...и убоясь тех Батыршиных речей...принужден нашелся повеление его исполнить»¹.

Исходя из сказанного, возникает несколько вопросов. Во-первых, почему Батырша не стал убеждать в своей правоте, а прибег к угрозам. Если уж он убедил поднять оружие представителей всех дорог Башкирского края, почему не прибег к своему красноречию и со своим учеником. Другой вопрос - насколько массово было желание развязать кровопролитие, если старшин приходилось «побивать». Да и вообще, зачем было отправлять с письмом к союзнику «неподготовленного» человека, ничего не знающего о готовящемся бунте. Еще один момент в документе обращает на себя внимание. Исмаил утверждает, что в данной поездке был всего лишь курьером, отвозящим письмо, и текст письма ни с кем не обсуждал, даже сам факт передачи послания скрыл от своих сопровождавших: «А по приходе де (от муллы Чюрагула – прим. Т.Ч.), також едуци от Батырши во оную Кайнскую волость на дороге, тем товарищам своим никому о том, что оной Батырша с ним, Исмаилом, к помянутому мулле Акчюре Чюрагулу послал письмо и что ж он

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 20. Л. 720.

тому Чурагулу оное письмо отдал, он, Исмаил, не сказывал»¹. Ниже говорится, что Исмаил не знает, были ли его сопровождающие осведомлены о намерениях Батырши². Однако, оправдывая себя за то, что не доложил властям о преступных намерениях Батырши, Исмаил ссылается как раз таки на страх перед теми, с кем был отправлен в поездку: «...письма он нигде не объявил затем, что де он с тем письмом послан не один... ежели б ему с тем письмом уйти, то б оныя товарищи, поймав ево, убили за то до смерти»³. Очевидно, что сторонник Батырши просто старается выгородить себя, представив муллу единственным инициатором бунта. К тому же, более ранние показания этого человека свидетельствуют о значительно более активном участии в подготовке восстания. В документе идет речь о том, что на первом допросе в провинциальной канцелярии сторонник Батырши рассказал о том, что вместе с муллой Чурагулу ездили они по деревням, читали письмо Батырши и призывали народ к восстанию: «Чюрагул ездил с ним, Исмаилом, и с вышеписанными товарищами ево по разным деревням и оное письмо объявлял в каждой деревне башкирцам, которое прочитая оное все единогласно говорили, что они учинить тот бунт готовы и к нему Батырше вскоре быть обещались... и с ним, соединяясь, намерены идти... к городу Уфе, дорогою деревни разорять и жечь... башкирцы говорили что Кайнская волость к бунту вся согласна и соберется их числом до 1200 человек»⁴. Впрочем позже, Исмаил утверждал, что такого не говорил, и ничего о предстоящем бунте не знал, а лишь поставил подпись под расспросным листом: «того де роспросу ему в той Уфимской Канцелярии читано не было, а только де велели ему к тому роспросу приложить руку, которую он и приложил»⁵. Также обвиняемый отрицает тот факт, что был специально направлен из Казанского уезда узнать настроение башкир и их готовность к бунту «... послали ево, Исмаила, в Уфимский уезд для разведывания, в каком намерении Уфимскаго уезду народ обстоит, и естли

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 20. Л. 721.

² Там же. Л. 729.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 726–727.

⁵ Там же. Л. 728.

станут башкирцы воевать, то б им дали весть и присланным к ним тогда немалое людство, к чему де и живущие в Казани слободския татары все согласны, и тогда де и они к той войне будут с ними готовы»¹. Конечно, все это вызывает обоснованное сомнение. Допрос в провинциальной канцелярии был проведен, во-первых «по горячим следам», во-вторых, с применением физического воздействия «роспрашиван с пристрастием, под битьем плетьюми»². Есть вероятность, что под пытками человек оболгал себя. Но на наш взгляд, предположение о том, что преступник пытался оправдать себя задним числом, выглядит более логично и убедительно.

Батырша, в своем знаменитом письме к императрице Елизавете Петровне, также упоминает поездку Исмагила, однако о его нежелании принимать участие в подготовке к бунту речи не идет: «закончив составление ...воззвания, послал я своего ученика, по имени Исмагила, Казанского уезда, с этим воззванием ... дав ему наставление: «О, мулла Исмагил поезжай и доставь это письмо, вручи [его] наедине и скажи, что население степи проявляет усердие к предписанным в этом письме мероприятиям; вам также необходимо проявить усердие и действовать согласно этим предписаниям»³. Тот Исмагил отвез это послание и по возвращении сказал: «Хазрет, я исполнил ваше приказание»⁴.

Другие ученики Батырши - Ибрахим Темир-Газиев, Мир-Рахмет Акметов, Урыскул Исланов, на вопросы об участии в подготовке бунта дословно повторяли версию Исмаила Апкеева о полном неведении планов учителя⁵, что тоже странно. Тем самым складывается впечатление, что мулла Батырша был главным и чуть ли не единственным идеологом восстания.

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 20. Л. 728.

² Там же. Л. 719.

³ Доношение мишерского муллы Батырши Али-улы императрице Елизавете о причинах восстания в Башкирии в 1755 г. восстания в Башкирии в 1755 г. и о его собственной роли в подготовке волнений на Осинской, Сибирской и Ногайской дорогах. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. URL: <http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 16.08.2018).

⁴ Там же.

⁵ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 20. Л. 736, 741, 747.

Вполне понятно желание участников восстания оправдать себя перед властями, тем более уже после подавления бунта и ареста. Однако непоследовательное поведение Батырши во время самого бунта объяснить сложнее.

Используя приезд сторонников Алиева, башкирин Чурагул Минлибаев повел открытую агитацию за восстание и сформировал повстанческий отряд. Странно, что агитирует он, а не ученики Алиева. Впрочем, это не помешало, и достаточно крупный вооруженный отряд был сформирован и готов к выступлению. Отряд направился в д. Карыш Сибирской дороги к Батырше. Они прибыли в Карыш в первых числах сентября, однако Батырша вопреки ожиданиям не возглавил отряд, а пустился в бега. 1 сентября Батырша, вместе с семьей и учениками, ушел в лес. Жители Карыша и окрестных деревень были готовы поднять оружие по его призыву, и когда Батырша направился в лес, к нему подошло порядка ста пятидесяти вооруженных людей. Они ожидали указаний Батырши, но их не последовало, на открытое выступление он не решился и стихийно сформировавшийся отряд распался¹.

В допросных листах участника событий, ученика Батырши Девлетбая Козегулова сохранились сведения о поспешном бегстве наставника. Сам Козегулов, ясашный татарин Кунгурского уезда, также как и другие ученики Батырши, утверждал, что познакомился с Алиевым, когда приехал к нему «сам собою» изучать грамоту в 1753 г. и о готовящемся бунте ни от учителя, ни от других учеников ничего не слышал: «Батырша о злом своем умышлении, что он намерение имеет против России учинить бунт, и по какой притчине, и с кем он ко учинению того бунта согласился, ему, Девлетбаю, никогда не сказывал и от протчих того Батырши учеников...ни о чем не слышал»². Козегулов не участвовал в агитации и в поездке к Чурагулу не был, однако довольно подробно повествует о побеге Батырши из родной деревни: «в деревне Карыш собралось множество людей на лошадях с оружием ... и от тех людей ... учинился великой шум, и в то время помянутой Батырша, з женою

¹ Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. – М.–Л., 1940. – С. 106.

² НА УФИЦ РА. Ф.3. Оп.2. Д. 20. Л. 730.

и з детьми на лошадях, из той деревни поехал вон, а за ним де шли пешком бывшие в означенной школе ученики ево. ...и по выходе их из той деревни пришли они все в лес...бывшие во оной деревни люди, множественное число на лошадях со оружием ехали за ними, а по входе де их в тот лес оных людей уже он не видал. А будучи де в том лесу Батырша ему, Девлетбаю, о том, что де вышписанныя люди присланы от старшины Яныша для поимки ево, Батырши, и затем де он из дома своего в лес и побежал ...не сказывал»¹. Информация, конечно путанная, и явно прослеживается традиционная тенденция выгораживания себя. Повстанцы, ожидали распоряжений от муллы, но замешательство последнего и бегство, привело к дезорганизации бунтовщиков и к распаду повстанческого отряда². Ученики же, как ближайшее окружение Батырши, должны были понимать, что им скрыться будет сложнее, чем разъехавшимся повстанцам, поэтому и скитались с учителем по лесам: «Девлет-бай с помянутым Батыршею и с протчими вышписанными учениками ходил по лесам с месяц, а пропитание имели они имевшимися у того Батырши сухарями, тако ж поймав убили они двух чужих лошадей...»³.

Если же вышеназванный отряд действительно был послан «верным» старшиной Янышем, то непонятно почему он не попытался все-таки арестовать Батыршу, не преследовал его в лесу. Тем более, что Неплюевым было обещано очень крупное вознаграждение за Батыршу и его учеников. В грамоте от своего имени Неплюев обещает тысячу рублей тому, кто поймает и приведет Батыршу и пятьсот рублей за поимку десяти лучших учеников его. Были обещаны и другие награды⁴.

Удивительно и крайне непонятно выглядит поведение Батырши, за несколько месяцев до этого призывавшего к священной войне с неверными, но спасовавшего в последний момент. К тому же ситуация в районе располагала к восстанию. Население готово было поднять бунт, в крае практически не

¹ НА УФИЦ РА. Ф.3. Оп.2. Д. 20. Л.731.

² Худайгулов Т.С. Башкирское восстание 1755–1756 гг. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2008. – С. 23.

³ Там же.

⁴ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д. 1. Л. 88об.

было войск, так как все воинские силы были направлены в юго-восточную часть Башкирии. Но стихийная вспышка не переросла в крупное движение.

Новые методы реагирования властей на малейшие попытки восстаний оправдали себя. В 1755 г. борьба вылилась лишь в три локальных вспышки, разрозненных и не связанных между собой. Действия же правительства были согласованы и быстры. Оно и понятно: Россия в 1755 г. готовилась к войне с Пруссией. В этой обстановке правительство прибегло к решительным и энергичным мерам. За месяц число воинских сил в крае увеличилось от 25 тыс. (на начало восстания) до 36 тыс. человек в августе – сентябре¹. Правительственные войска усилили свое присутствие в восставших волостях, отрезав их от остальной части Башкирии. О переговорах теперь не шла и речь. Власти террором и репрессиями стремились запугать восставших, добиться их покорности. Если в 30-х гг. местная администрация еще только искала действенные методы подавления бунтов, то сейчас власти точно представляли, какие шаги им необходимо предпринять, чтобы не допустить эскалации движения.

Для успокоения недовольных масс царские власти прибегли к мерам психологического воздействия: 14.08.1755 г. оренбургский губернатор И.И. Неплюев обратился к башкирам с предложением прекратить восстание, обещая прощение². В противном случае губернатор грозил суровой расправой и лишением вотчинных земель. Это не были «старые» переговоры, где инициаторами выступали сами восставшие, чаще всего накануне зимы, чтобы спокойно перезимовать. Теперь условия ставило государство, и, укрепившись в крае, оно не только имело на это право, но и полностью его реализовывало.

Другим новшеством было использование политики натравливания одного народа на другой. В самом начале восстания Неплюев обратился к мишарям и татарам за помощью в подавлении движения. 26.09.1755 г. был опубликован указ императрицы, обращенный к служилым и ясачным мурзам

---

¹ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – Уфа, 1996. – С. 257.

² Там же. – С. 258.

и татарам. Татарам, направляемым на подавления башкирского бунта, было обещано жалование за два месяца вперед по норме казаков Донского войска, а также захваченное у «бунтовщиков» имущество и пленные¹. Одновременно правительство заявило об уступках мусульманскому населению Казанской губернии.

Эти мероприятия позволили администрации сохранить стабильность в Среднем Поволжье, а также привлечь казанских татар к подавлению башкирского бунта.

Башкиры по привычке и по традиции рассматривали единоверцев - татар и казахов - в качестве возможных союзников. Государство же хорошо выучило урок и запомнило события прежних восстаний. Неудивительно, что власти сразу же пытаются изолировать башкир, расстроить их планы по поиску военной поддержки.

Наиболее широко политику «разделяй и властвуй» правительство применяло к отношениям между башкирами и казахами. Оренбургский губернатор, с согласия правительства, сумел разрушить намечавшийся союз башкир и киргиз-кайсаков. Буквально с первых дней восстания завязывается активная переписка Неплюева с ханами Малого и Среднего жузов. Губернатор совершенно однозначно определяет российскую позицию по поводу возможного союза казахов с повстанцами: «ежели киргиз-кайсаки и их (беглых башкир – прим. Т.Ч.) ... примут, то уже и сами равными им сообщниками и яко против государства преступниками себя оказать могут»². Также предложил разграбить повстанцев, отобрав у них имущество и скот, а самих выдать карателям: «вам высокопочтенному хану наиприлежнейшим образом рекомендую как возможно наискоряе наисильнейшее старание свое употребить: во-первых, их, злодеев башкирцов, в киргиз-кайсацких улусах ограбить и разобрав по разным рукам, пленниками учинить, и потом добвозможным образом

---

¹ Порталь Р. Россия и башкиры: проблемы взаимоотношений (1662 – 1798). // Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. – Уфа, 2005. – С. 127 – 128.

² НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 19. Л. 481.

о возвращении их сюда способов искать»¹. При чем, Неплюев «дипломатично» умалчивает об острой необходимости государства подавить восстание в кратчайшие сроки и не допустить нарастания бунта, но зато подчеркивает, что союз с преступниками-бунтовщиками и их сокрытие от властей опасно, прежде всего, самим казахам: «от самих от них, яко от смертоубийц киргиз-кайсаком добраго ожидать нечего»².

При этом власти не скупилась на подкуп и обещания. В одном из писем к хану Младшего жуза Неплюев упоминает «от онаго Якова (переводчика – Т.Ч.) слышал я, что вы берете за себя молодую жену и потому, хотя прежде с ним, с Яковым, на платье пристойное к вам послал, но ныне для сего вашего случая и лисицу черную на шапку при сем к вам посылаю»³.

Хан Младшего жуза Нуралы (Нур-Али) и его приближенные первыми приступили к выполнению «рекомендаций» Неплюева: ««...вы, высокопочтенный хан ...объявляете...что кочующими около вас киргиз-кайсаками по отданному от вас приказу не только они в Джагал-Байлинском роде ограблены, и отчасти в разныя руки разобраны и пленниками учинены, но под именем их и киргиз-кайсацкому держателей их скоту досталось»⁴.

Однако понимая ситуацию, хан не упустил возможностью получить личную выгоду. В другом письме оренбургский губернатор упоминает требования казахского хана, выдвинутые им еще до начала «разорения» и пленения башкир: «Притом, по требованию вашему, во удовольстве ваше для увеселения вашего и протчих с вами присутствующих и правизию, а имянно 10 ведр вина, 3 ведра водки, 5 ведр вишневки, 5 ведра смородиновки, да особливо для вас ведро сладкаго винограднаго и ведро ж краснаго винограднаго ж вина, пуд сорочинскаго пшена, четверть пшеничной белой муки и

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 19. Л. 481.

² Там же.

³ Там же. Л. 488.

⁴ Там же. Л. 489.

осьмину просяных хороших круп к вам отправил»¹. Его примеру последовали султаны Среднего жуза.

Казахам разрешено было оставлять себе жен и детей башкир, а мужчин казахи выгоняли к Яику: «И тако, хотя я о женах и малолетних их детей докучать оставляю, хотя б они и в киргиз-кайсацких руках остались, но главная и необходимая ныне нужда в том состоит, дабы самыя те злодеи, которых числом, ... 124 человека бежало, чрез вас были собраны и ко мне отданы»². Неплюев «желая же еще более вражду между сими народами вкоренить», отдал приказ пропускать башкир через границу домой, предвидя, что они не успокоятся и собравшись с силами пойдут против казахов, чтобы вернуть свои семьи³. Расчет оказался верным.

В создавшейся ситуации башкирские повстанцы вынуждены были думать не о продолжении восстания, а об освобождении родственников. С начала 1756 г. нападения башкир на киргиз-кайсаков получают широкий размах. Провокационная политика принесла свои плоды: вчерашние союзники превратились во врагов. «Сие происшествие, - констатировал Неплюев, - положило такую вражду между народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна»⁴.

Причем, благодаря такой политике России в лице оренбургской администрации, не только башкиры теперь были озлоблены на казахов, но и последние так же испытали на себе негативные последствия башкирского восстания и бегства за Яик. Хан Нуралы заверял Неплюева, что «приходу их (башкир – прим. Т.Ч.) весьма не рад, ибо нам и без них напастей много бывает...да и те башкирцы по прибытии сюда не только сами себе места не нашли, но и тому улусу в которой пришли, великое разорение причинили, ибо

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 19. Л. 493.

² Там же. Л. 492–493.

³ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, Ч. I. – Уфа, 1956. – С. 201.

⁴ Неплюев И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева. – СПб., 1893. – С. 161.

киргисцы и собственного всего своего скота под именем башкирского лишились. .... И тако они больше от тех башкирцев...хулы и убытки понесли»¹.

Следует подчеркнуть, что меры, принятые Неплюевым для быстрого подавления очагов восстания, были полностью одобрены правительством. Идет планомерная реализация новой государственной политики в отношении башкир, целью которой являлось обеспечение стабильности края и функционирования его в рамках общегосударственной централизованной системы. В августе 1755 г. императрица Елизавета подписывает рескрипт оренбургскому губернатору с одобрением принятых мер по отношению к башкирам и казахам: «поступок ваш и учиненное старательство о привидении киргис-касаков до того, чтоб ... злодеи башкирцы в Киргиз-Кайсацкую Орду бежавшие тамо по рукам и в плен разобраны были, и здесь совершенно апробуется и может быть киргис-касаки по своему лакомству на сие и поступят»².

Также центральные власти требуют приложить все силы, чтобы после окончательного подавления бунта вернуть беглых и тем самым предотвратить повторения подобной ситуации: «когда оказывающееся ныне в Башкирии злоумышление останется без худых следствий, или совершенно будет унято и пресечено, тогда необходимо крайнее старание приложить, чтоб оных злодеев ... каким-либо способом получить назад в здешнюю сторону, понеже в противном тому случае подался бы тем повод башкирцам в случае какого-либо и впред злаго умысла искать себе в оной Орде надежное убежище и укрывательство»³.

До окончательного усмирения Башкирии, по мнению властей, следовало окончательно «рассорить» соседские племена и убедить тем самым башкир не искать более убежища за Яиком: «обратное получение оных злодеев от киргис-касаков нужно для того, чтоб здешние беглецы тамо впредь приниманы не были, ... так, кто б какую из тамошних иноверцов продерзость ни учинил, то видя, что сии в Киргис-Касацкой орде приняты, а особливо что

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 19. Л. 492–493.

² Там же. Л. 498.

³ Там же. Л. 498–499.

живут на свободе, избывая надлежащего за то наказания, там же убежища своего искать будет, сверх того, будучи они свободными, более способов и удобства возымеют их киргис-касаки и на явные к стороне нашей противности развращать»¹.

Остается лишь признать, что прагматизм и цинизм, возведенный в ранг государственной национальной политики, дал не только быстрые результаты в подавлении конкретного восстания, но и имел долгосрочную перспективу - предприими теперь власти попытку присоединения казахских земель, башкиры, думается, с легкостью согласились бы участвовать в этих мероприятиях, памятуя о «предательстве» казахов.

Общее успокоение в Башкирском крае наступило летом 1756 г. Но аресты и наказание бунтовщиков начались уже осенью 1755 г. Официально не было подписано ни одного смертного приговора. Однако, многие погибли при подавлении восстания, часть участников была отдана в солдаты и матросы, другие - отправлены на каторжные работы в Рогервик.

Еще в начале восстания Неплюев направил воззвание к тептерям и мещерякам, которые находились в зависимости от башкир до Оренбургской экспедиции и последующего подавления башкирского восстания 1735–1740 гг. Неплюев призывает их к участию в подавлении бунта, утверждая, что настоящая причина возмущения башкир - их желание обратить мещеряков и тептярей в прежнее рабство². 8.08.1756 г. мещеряками был пойман Батырша³. Его поймал и отослал к коменданту Залаирской крепости 80-летний старик, мещеряцкий старшина Сулейман Деваев. Он был вызван в Оренбург и умер на пути, 14-летний сын его получил в награду за отца 1000-рублевую саблю, богато убранный камнями, серебряный с позолотой ковш, парчовый кушак и парчовую шапку с лисьим околышем⁴.

¹ НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.2. Д. 19. Л. 499.

² НА УФИЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д. 1. Л. 88об.

³ Там же. Л. 89.

⁴ Там же.

В декабре 1758 г. был вынесен приговор по делу Батырши. Он был избит кнутом и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Находясь в тюрьме, написал подробное письмо - покаяние на имя императрицы, в котором пытался объяснить обстановку, приведшую к восстанию. Примечательно, что Батырша в начале письма называет себя «мятежным рабом» императрицы, тем самым подчеркивая свой статус подданного и ни о каком отказе от этого статуса речь не идет¹. В словах муллы также прослеживается традиционный «наивный монархизм», вера в доброго и справедливого правителя, поэтому Батырша не обвиняет центральные власти в притеснении, а виновником их называет местных администраторов: «Ни о каких злодеяниях со стороны самого падишаха лично слухов нет, и если бы о наших делах правдиво докладывали бы падишаху, возможно, что все наши дела были бы хороши»². Батырша подробно описывает историческую обстановку в Башкирии в середине XVIII в. На конкретных фактах показывает притеснения и издевательства над местным населением царских чиновников. Он пишет о недовольстве башкир и мишарей указом о соляном налоге, о насильственном крещении мусульман; приводит много фактов о взяточничестве чиновников. Говоря о новом налоге, Батырша сам подчеркивает, что местное население вольно трактовало указ о покупке соли в угоду привычного уклада: «От ее величества пришел указ, он был прочтен,- и мы услышали: «Если хотите брать соль с гор и из озер - берите, а если хотите, берите в крепостях»... пришел указ и от генерала, мы услышали: «вы будете брать соль в крепостях». Мы по смыслу указа нашего падишаха, всем народом ... решили: брать соль с гор и из озер. И не согласны брать в крепостях. Начальники не приняли такого их ответа, некоторых из них обругали, некоторым надавали пощечин, а некоторым вырвали бороды»³.

---

¹ Доношение мишерского муллы Батырши Али-улы императрице Елизавете о причинах восстания в Башкирии в 1755 гг. восстания в Башкирии в 1755 г. и о его собственной роли в подготовке волнений на Осинской, Сибирской и Ногайской дорогах. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. URL: <http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 18.04.2018.).

² Там же.

³ Там же.

В злоупотреблениях и притеснениях со стороны местной администрации автор видит корень причин, приведших башкир к восстанию: «угнетение начальников находящихся в крепостях, перешло все границы, народ отчаялся в том, чтобы ездить в крепости за судебным решением и правосудием в каждом [нужном] случае»¹. Далее мулла приводит пример «19 пребывавших в качестве начальников в Уфе и Челябинске, истцы и обвиняемые, ездившие к ним, кончали дела: некоторые - за 10, некоторые - за 30, а некоторые - за 50 руб. Дела, которые можно закончить в один день, они с целью обогатиться затягивали на месяц, а дела, которые можно кончить в месяц, - на год. Так же и некоторые волостные старшины, совершая безграничные злодеяния, ели народное добро, пьянствовали, рубили людей шашкой, отрубали [им] руки ... Однако люди власти ... не обращали правосудия против этих злодеев»².

Свое участие Батырша не называет определяющим, говоря, что присоединился к восставшим уже позже. Таким образом, полностью снимает с себя роль инициатора бунта: «В то время, как народ вследствие упомянутых вновь возникших гнусных дел, находился в состоянии ропота и негодования, начал распространяться ... слух, что башкиры Ногайской дороги готовят тайным образом, боевое орудие»³.

Другой веской причиной бунта были названы взаимоотношения с православными священниками, однако опять обвинения касались именно местного духовенства, Батырша не говорит о христианизации как о государственной политике: «архиереи русской церкви, или попы, и прочие ... правоверных мусульман, [живущих] по окраинам, то есть в Казанской, Оренбургской и Тобольской губерниях, переводят из веры ислама в русскую веру путем угроз, хитрости, запугивания и как только можно, путем принуждения и, при отвращении [со стороны] тех, составляли прошения, якобы с согласия и по

¹ Хусаинов Г.Б. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне как историко-литературный источник. // Южноуральский археографический сборник. – Уфа. 1973 – Вып. 1. – С. 124.

² Доношение мишерского муллы Батырши Али-улы императрице Елизавете о причинах восстания в Башкирии в 1755 г. восстания в Башкирии в 1755 г. и о его собственной роли в подготовке волнений на Осинской, Сибирской и Ногайской дорогах. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. URL: <http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 18.04.2018).

³ Там же.

желанию самих мусульман, и те прикладывали свои тамги»¹. Батырша пишет о том, что закон о запрете насильственной христианизации местными чиновниками не выполняется: «некоторые говорили, что, по слухам соращение с веры запрещено указом. Какая от того запрета нам польза, говорили другие, если не установился справедливый суд....»².

Батырша приводит примеры притеснения мусульман, их рассуждения о том, как несправедливо с ними поступают местные власти, хотя существует указ о запрете «соращения с веры». Но рассуждения мусульман об истинной вере, от которой их принуждают отречься, несколько смазаны воспоминанием Батырши о том, в какой обстановке проходили собрания «недовольных» в Салджугутской волости: «Башкиры собрались из многих аулов, - муллы и простые люди, во множестве строив круг, угощали народ кумысом. Когда опьянение овладело народом, стали говорить много слов, то веселясь, то печальясь»³. Удивительно, что ни приехавшие муллы, ни сам Батырша, не напомнили собравшимся о запрете употребления алкоголя согласно нормам шариата. Очевидно, что людей, находящихся в состоянии алкогольного опьянения, проще подбить на восстание. Подобная же ситуация повторялась и в других волостях: «Выпивая вина и меда, они (жителя Уранской волости – прим. Т.Ч.) пьянели, веселились и вели разные беседы»⁴.

Недовольство религиозной политикой государства с одной стороны было прекрасным предлогом для восстания, с другой - косвенно переплеталось с социально-экономическими изменениями традиционного уклада. Батырша упоминает разговор с есаулом Мансуром, в котором тот говорит о финансовых убытках, связанных с христианизацией народов края: «окрестив

¹ Доношение мишерского муллы Батырши Али-улы императрице Елизавете о причинах восстания в Башкирии в 1755 г. восстания в Башкирии в 1755 г. и о его собственной роли в подготовке волнений на Осинской, Сибирской и Ногайской дорогах. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. URL: <http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 18.04.2018).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

моего работника, которой мне должен был 80 рублей, они разорили мое имущество»¹.

Интересно то, что башкиры, выступавшие на этих встречах, трактовали предыдущие восстания как единственный эффективный способ донести до верховной власти сведения о творящихся в крае беспорядках: «Мы с давних пор привыкли..., что известия о перешедших все границы злодеяниях начальников и об обидах [среди] населения до тех пор не дойдут до падишаха, пока с этими злодеями не будет сделано то, что они делают [с нами]»². Привычный алгоритм («восстание-отмена непопулярных мер»), выступая своеобразной ментальной константой, продолжает довлеть над башкирами и определять их действия и поступки: «Давайте и мы оскорбив их веру, призовем в свою веру и разорим их имущество; тогда и наши вести дойдут до падишаха и суть наших дел будет разобрана с полнотой и со справедливостью. Испокон века в подобных случаях от падишаха поступал всемилостивейший указ: «Мои рабы башкиры! Вас жалую [милостью]. Преступники, чинившие вам злодеяния, умерли собачьей смертью. Вы у себя на родине живите в безопасности»³.

Это вновь наводит на мысль о противоречивости той политики, которая была выбрана российской властью, начиная со времени первых башкирских бунтов. Компромиссы, на которые шла центральная администрация, в долгосрочной перспективе только усугубляли ситуацию, формируя привычку у коренных народов Урало-Поволжья реагировать на все новшества и реформы в крае вооруженным сопротивлением. Башкирами выстраивалась прямо пропорциональная зависимость между их верностью короне и соблюдением правителями условий подданничества: «если мы обязались навеки нести определенные повинности и, условившись о нашем безмятежном существова-

¹ Доношение мишерского муллы Батырши Али-улы императрице Елизавете о причинах восстания в Башкирии в 1755 г. восстания в Башкирии в 1755 г. и о его собственной роли в подготовке волнений на Осинской, Сибирской и Ногайской дорогах. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. URL: <http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 18.04.2018).

² Там же.

³ Там же.

нии, отдали свои головы на обет и на суд одного падишаха и если этот падишах ... не подвергает изменениям и заменам положенных навеки этим обетом повинностей и не накладывает на нас необязательных по этому обету дел, не разрывает условие нашего благополучия и никоим образом не нарушает данного [им] слова, то мы ... должны жертвовать своими головами и жизнью на службе того, соблюдающего свой обет, падишаха, ни в коем случае не теряя свою верность»¹. Отмена государством оговоренных в XVI в. условий башкирами рассматривалась не как модернизация устаревших договоренностей и необходимое преодоление периферийности края, а как отказ от соглашения в целом. Менялась морально-нравственная установка. Фактически все последующие действия - неподчинение властям, вооруженное сопротивление, убийства - уже не оценивались местным населением как клятвoprеступление: «было бы безусловно запретным для нас быть преступными и мятежными в отношении справедливого падишаха .... Однако когда возложенные на нас по древнему обету повинности меняются и заменяются, и на нас накладываются тягости, не предусмотренные обетом, и чинятся притеснения в делах нашей веры, окончательно разрушено условие нашего взаимного благополучия. Если так, то мы обязаны примкнуть и помочь своим единоверцам и постараться о возвышении нашей веры по способу, предписанному шариатом»².

Впрочем, патетические речи о долге перед единоверцами на практике приобретали циничный оттенок. Мещеряки, активно агитирующие башкир к бунту, не планировали сразу принять в нем участие. Один из мулл откровенно заявляет о том, что надо занять выжидательную позицию: «каргалинцы отправили [своих людей] в поход, с [таким] наставлением: если башкиры

¹ Доношение мишерского муллы Батырши Али-улы императрице Елизавете о причинах восстания в Башкирии в 1755 г. восстания в Башкирии в 1755 г. и о его собственной роли в подготовке волнений на Осинской, Сибирской и Ногайской дорогах. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. URL: <http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 18.04.2018).

² Там же.

окажутся сильнее и возьмут верх, то присоединитесь ним. Если же окажутся слабее то постарайтесь, чтобы они спаслись и не погибли»¹.

Несмотря на то, что причины местного населения были выражены вполне объективно, и автор уповает на справедливость и правосудие императрицы, следует понимать, что письмо это составлено Батыршей уже после провала восстания, его ареста, суда и приговора. Конечно, очевидно, что Алиев пытается оправдать свои действия и действия восставших, поэтому о безусловной непредвзятости его слов не может быть и речи. Несмотря на это, документ является важным источником информации о положении дел в Башкирии середины XVIII в.

Власти жестоко расправлялись с повстанцами, тысячи башкир были арестованы и осуждены. В то же время правительство заявило об отмене наказания всем добровольно возвращающимся из Казахстана. Сроки возвращения башкир на родину продлевались в течение 10 лет². Затем были продлены еще на год³. Интересен тот факт, что вернувшимся башкирам выдавали деньги, хоть и незначительные, своеобразные суточный, для возвращения на прежнее место жительства: «башкирка...к жительству на прежнее ее место или куда подлежательна будет ...сего февраля с 6 по 21 числа итого на 15 дней кормовых денег на каждая по три деньги ...с нарочным отправлена»⁴.

Правительство, полностью интегрировав Башкирию в систему управления, ведет себя в крае как полновластный законный хозяин. Все уступки, которые сделало правительство - восстановлено право башкир обращаться с прошениями непосредственно к императрице, в редконаселенных районах Башкирии упразднены почтовые станы, - были ничтожными⁵. Их скорее нужно рассматривать как поощрение верных башкир за неоказание поддерж-

¹ Доношение мишерского муллы Батырши Али-улы императрице Елизавете о причинах восстания в Башкирии в 1755 г. восстания в Башкирии в 1755 г. и о его собственной роли в подготовке волнений на Осинской, Сибирской и Ногайской дорогах. // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. II. URL: <http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 18.04.2018).

² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, Ч. I. – Уфа, 1956. – С. 202.

³ ЦГИА РБ. Ф.И.–6. Оп.1. Д. 665. Л. 2–2об.

⁴ ЦГИА РБ. Ф.И.–6. Оп.1. Д. 666. Л. 25–26.

⁵ Худайгулов Т.С. Башкирское восстание 1755–1756 гг. / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2008. – С. 25.

ки восставшим, как стимул вернуться из казахских степей, нежели отступ от новой политики, основанной на Мензелинской программе и указе от 11.02.1736 г.

К середине XVIII в. Башкирский край (с 1744 г. Оренбургская губерния) встраивается в общегосударственную систему управления, благодаря успешной реализации новой политики по отношению к местному населению. Положения Мензелинской программы и указа от 11.02.1736 г., внедренные в жизнь, кардинальным образом меняют отношения между Российским государством и башкирами. Изменения земельных отношений и интенсификация дворянской и крестьянской колонизации края отменили уникальное положение башкир как практически единственных вотчинников в регионе. Это в свою очередь повлияло на социально-экономические отношения и сформировало новый пласт землевладельцев как социальной опоры в крае. Продолжается строительство крепостей и заводов. Усиливается военное присутствие властей, в том числе за счет казаков. После подавления бунта 1735–1740 гг. за башкирами был установлен жесткий контроль, назначаемые старшины обязаны были докладывать властям о настроениях местного населения и любых недовольствах. Не обошло государство вниманием и вопрос вероисповедания. Естественно, во время подавления восстания 1735–1740 гг. христианизация резко набирает обороты, однако связано это было с объективными причинами - бунтовщикам, принявшим христианство, даровалось помилование. Впрочем, и тогда масштабы христианизации не превышали нескольких процентов. Нередки были случаи возврата в ислам. В случае с рецидивистами власти применяли суровое наказание, вплоть до сожжения. Что впрочем, являлось нормой права еще с 1649 г. Никаких экстраординарных мер против башкир-отступников применено не было. Во время подавления восстания были уничтожены мечети, на каждую дорогу назначены ахуны, деятельность которых также была взята под строгий контроль. Однако это объяснялось самой логикой борьбы, потому что мечети были местом агитации бунтовщи-

ков, а многие духовные лидеры встали на сторону повстанцев и ярко призывали к сопротивлению властям.

В 1740 г. на основе Комиссии новокрещенских дел создана Новокрещенская контора. И здесь также видно стремление властей решить вопрос не просто очередным указом, а созданием специального органа, отвечающего за миссионерскую деятельность. Несмотря на длительное кровопролитие, охватившее край в 1735–1740 гг., принципы конфессионального воздействия на коренное население Урало-Поволжья остаются прежними - экономические льготы неофитам и защита православного населения от исламизации. Государством не был взят курс на массовую христианизацию башкир, в открывающихся при миссии школах уделялось внимание, в том числе, изучению национального языка. Местные руководители Новокрещенской конторы подчас проявляли чрезмерное усердие, принуждая население к смене вероисповедания, но это было частной инициативой, которую не одобряло и пресекало правительство. После усмирения края случаи принятия башкирами христианства становятся единичными.

Реализация новой политики проходила последовательно и интенсивно, без оглядки на желания самих башкир. В середине XVIII в. были пересмотрены, видоизменены или отменены полностью те условия, на которых зиждилась автономность Башкирского края. С этого периода можно говорить о том, что процесс интеграции региона в состав Российского государства завершается, были преодолены черты периферийности, укрепляется значимость характеристик, сближающих регион с цивилизационно-страновым ядром.

Недовольство новой политикой накапливалось, подогревалось муллами, потерявшими свое привилегированное положение, и вскоре вновь выливается в вооруженное сопротивление 1755–1756 гг. Поводом для бунта послужила отмена ясака, и замена его на покупку соли из казны. Причем цена для башкир была более доступна, нежели для жителей центральных областей России, тем не менее, размер выплат увеличился примерно в 3 раза. К тому

же для башкир ясак являлся не просто государственной податью, а финансовым олицетворением их вотчинных прав, поэтому отмена ясака воспринималась фактически как отмена прав на землю. Подстрекаемые своими духовными лидерами, башкиры берутся за оружие. Восстание 1755–1756 гг. явилось ответом на расхищение башкирских земель, новую налоговую политику правительства, различные притеснения со стороны царских властей и собственных феодалов. В отличие от предыдущих восстаний в широком масштабе восставшие прибегали к такой пассивной форме протеста, как массовый уход в казахские степи, что было вызвано, прежде всего, репрессивными методами подавления восстания. Губернские власти в лице И.И. Неплюева, обладая опытом борьбы с башкирскими бунтами, без промедлений применяют весь комплекс новых методов реагирования на недовольства местного населения - от увеличения числа войск и решительных карательных операций до дипломатических способов устранения опасности увеличения числа повстанцев. Оперативно мобилизовали силы и подавили немногочисленные очаги движения, не допустив их объединения и перерастания в новый полномасштабный бунт. Дипломатическими путями был внесён раздор между башкирами и казахами, не допуская их совместных действий против правительственных сил. Предводители восстания, в том числе А. Алиев (Батырша) не проявившие решительность и напорство, арестованы и наказаны. Новая политика, проводимая российскими властями в Башкирском крае, доказала свою эффективность.

Заключение

С середины XVI в. Московское государство начинает позиционировать себя гегемоном в Урало-Поволжском регионе, поэтому необходимо было наладить диалог с многочисленными народами бывшего Казанского ханства. Перед Русским царством встает сложная задача объединения в единое страновое пространство цивилизационных матриц, значительно отличающихся друг от друга и этно-конфессиональной принадлежностью (православные славяне - мусульмане тюрки), и образом жизни (оседлость - кочевность), и хозяйственным укладом (земледелие - скотоводство). Необходимо было найти способ, который позволил бы минимизировать напряженность и заложить основу для конструктивного диалога. Государство сумело заинтересовать местное население, - присоединение значительной территории прошло мирно, не потребовав от правительства напряжения материальных и людских ресурсов. Иван IV, предложив народам бывшего Казанского ханства подчиниться Москве, сохранив привычный уклад, сподвиг большинство башкирских племен добровольно принять российское подданство. Тем самым был решен ряд проблем, стоящих перед обеими сторонами. Московские власти закреплялись в регионе без потерь, что давало возможность сосредоточить внимание на западном (европейском) направлении. Положение башкир, особенно после падения Казани, было противоречиво. Часть племен освободилась от власти казанского хана, другие рода ощущали нарастающие претензии ногайцев, разоряющих непомерными налогами и призывающих поменять кочевья и уехать с ними за Волгу и Яик. Принимая решение о вхождении в состав Московского государства, башкиры проявили интересную черту своей ментальности, которая формировалась еще с X–XIII вв. - стремление сохранить собственные земли, добровольно подчиняясь сильнейшему государству в регионе. Политическая традиция башкир искать компромиссный выход из сложнейшей ситуации приводит к тому, что подавляющее большинство племен и родов, в отличие от других народов Казанского ханства, добровольно признают себя подданными Москвы. Реализованная система подданничества почти на

век обеспечила стабильность в крае, мирное сосуществование периферии и центра.

Важно, что в этой ситуации, не только государство, но и башкирские племена получили ощутимые выгоды. Башкиры не только расширили свои кочевья, но и получили от государства статус вотчинников, что укрепило их материальное положение. Были оставлены в неизменном виде традиции и уклад жизни, что позволило сохранить уникальные черты башкир и косвенным образом способствовало завершению процесса башкирского этногенеза. Государство, принимая решение сохранить религиозные традиции местного населения, пусть и неосознанно, идет по пути формирования многонациональной цивилизации с чертами веротерпимости. Башкиры не первый неславянский народ, включенный в состав Российского государства, но с присоединением Урало-Поволжья можно говорить об интенсификации, углублении и необратимости процесса создания цивилизации евразийского типа. Конечно, не стоит говорить о толерантности в современной трактовке, и правительство не раз еще затронет религиозные чувства населения, но изначальная интенция на принятие инородных элементов как «полноправных» подданных государства, крайне важна. Московские власти подтвердили местную систему самоуправления, официально закрепив ее за местными биями, князьями, мурзами, тарханами, старостами, чем заложили основу для автономности Башкирского края. Еще одним важным моментом является объяснение башкир, причем ясак воспринимался как наглядное выражение русско-башкирского соглашения. Незначительность башкирских выплат по сравнению с другими «налогоплательщиками», дает право говорить о привилегированном положении башкирских племен. Взамен государство рассчитывало на выполнение башкирами пограничной службы, которую они добросовестно выполняли на протяжении многих десятилетий, защищая границы от калмыков, казахов и других степняков.

Учитывая раздробленность башкирских родов нет ничего удивительного в том, что включение в состав Московского государства оказалось пролон-

гировано. Особенно сложная ситуация была с зауральскими башкирскими племенами, присоединение которых было усложнено их политической ориентацией на ногайцев или шибанидов. И хотя большинство, в конечном счете, признало власть Москвы, треть была завоевана, что сказалось, прежде всего, на имущественном положении. При механическом расширении Россией своих границ и включении инородных элементов, очевидно, что появятся точки разлома, в которых проявится «столкновение цивилизаций». Такими точками стали завоеванные северо-восточные рода, потерявшие земли и обложенные большим ясаком. Еще до русского проникновения зауральские тюбы находились в состоянии гражданской войны, а потеря кочевий и вынужденный статус припущенников, только усугубляли ситуацию.

При всех очевидных плюсах русско-башкирских соглашений середины XVI в., они не могли не содержать ряд противоречий. Прежде всего – не оговаривался срок действия привилегий, возможность их реформирования или отмены в одностороннем порядке, способы реагирования на подобные изменения. Решая насущные, злободневные задачи, ни одна из сторон не задумалась о долгосрочной перспективе, что в целом можно объяснить как очевидными моментальными выгодами, так и традиционностью мышления. Хотя Московское государство и башкирские племена находились на разном уровне развития, но в середине XVI в. интересы и претензии сторон совпали, что дало возможность найти общий язык и заключить соглашение.

В XVII в. происходят кардинальные изменения Российского государства. После воцарения новой династии и ряда реформ по централизации управления и по укреплению верховной власти, можно говорить о начале крупномасштабной модернизации страны. Процесс этот был небыстрый, и болезненный для всего населения страны. Национальные окраины также ощущали эти изменения. Трансформирующееся государство, увереннодвигающееся к абсолютизму, начинает ограничивать автономность Башкирского края, в одностороннем порядке пересматривая прежние договоренности. С каждым витком централизации все более явно проявлялся резонанс в отношениях

центра и периферии. Общегосударственные цели и внешнеполитические стремления для правительства превалируют над правами отдельной категории подданных. В Башкирии идет строительство городов и крепостей, соответственно изымаются вотчинные земли. Причем администрация подчас идет даже на подлог. Но в XVII – начале XVIII вв. говорить о значительном проникновении в край переселенцев не стоит, для русской колонизации Башкирия в это время была непривлекательна. Религиозная политика государства в отношении народов Урало-Поволжья была неоднозначна. Государство лавировало между интересами православных и мусульманских подданных. Власти быстро определили решающий аргумент в этом противостоянии - приоритет всегда оставался за потребностями самого государства. Поэтому власти в XVII–XVIII вв. не проводили последовательную религиозную политику. Даже при отсутствии планомерной принудительной христианизации, действия правительства дестабилизировали регион. Финансовое стимулирование христианизации очень быстро привело к расколу инородческого общества и добавило нервозность в отношения с подданными национальных окраин. Но стоит учитывать и провокационное влияние переселенцев из Казанского уезда. В начале XVIII в. затяжные и крайне тяжелые для страны военные кампании потребовали напряжения сил всех слоев населения, идет резкое усиление налогового гнета. Шаги государства по включению Башкирского края в страновое пространство, унификация отношений к подданным активизируют точки разлома и приводят к ряду вооруженных конфликтов.

Со второй половины XVII в. начинается период многочисленных башкирских восстаний, которые явились не только реакцией башкир на политику верховной власти, но и проявлением цивилизационных различий, усложняющих синхронизацию разноуровневых компонентов. Но важно стремление обеих сторон сохранить единство. Башкиры брались за оружие, считая подобное сопротивление способом восстановить изначальную систему отношений. Власти, не обладая достаточным административным ресурсом в крае,

долгое время откладывали решение башкирского вопроса, методом консолидации пограничья и центра был избран путь компромиссов.

Уже в первых башкирских восстаниях наблюдается формирование своеобразного алгоритма действий, причем обеих сторон. Накалывание ситуации постановлениями правительства, стремящегося включить Башкирский край в политико-правовую и социально-экономическую структуру государства, приводит к вооруженному конфликту. Башкиры с оружием в руках отстаивают незыблемость своей автономии, не принимая тех изменений, которые происходят с Российским государством. Это выливается в кровопролитные сражения и нападения на мирное население края, происходящие с календарной периодичностью. Власти, понимая слабость своих позиций в крае, идут на поводу у повстанцев, призывая к переговорам, даруя прощения и выполняя требования бунтовщиков. Причем первыми на контакт с властями шли башкиры Казанской и Ногайской дорог, апеллируя к Жалованным грамотам Ивана IV. В качестве союзников башкиры привлекали калмыков, киргиз-кайсаков и других соседей, но сведений о желании башкир выйти из состава Московского государства и поменять правителя, нет. В геополитической ситуации XVII–XVIII вв. на этих территориях не было более сильного игрока, чем Российское государство, а башкирские племена уже признали его власть над собой. Далее шел адаптационный период, приспособление к меняющимся политическим обстоятельствам, привыкание периферийного региона к распоряжениям центра. Целью восстаний был не отказ от российского подданства, а стремление сохранить автономию в составе этого государства.

Дополнительную сложность для правительства составляло то, что башкирские бунты совпадали с военными кампаниями, в которых принимало участие Российское государство (русско-польская война 1654–1667 гг., русско-турецкой войны 1672–1681 гг., Северная война 1700–1725 гг.), а также всплесками недовольства внутри страны (восстания 1662, 1682 гг. в Москве, волнения крестьян в Белгородском, Ярославском и Ростовском уездах в на-

чале 80-х гг. XVII в., народные движения в Астрахани и ее пригородах в 1705–1706 гг., восстание 1707–1709 гг. под предводительством К.А. Булавина). Первое логично объясняется тем, что во время войн повышаются налоги и другие подати, ухудшается материальное положение подданных. В это время государство тратило силы и ресурсы на решение сложных внешнеполитических задач, поэтому центростремительная интенция ослабевала, более ярко проявлялись различия между компонентами империи, не завершившей период интеграции. Второе явно свидетельствует о том, что башкиры не находились в каком-то исключительном положении, притесняемые властью по национально-религиозным признакам. Многочисленные бунты, вспыхивающие в стране, являются своеобразным индикатором унификации отношения власти к своим подданным, создания единого странового пространства.

В начале XVIII в. Россия входит в решающую стадию формирования абсолютистской системы правления в стране. Это сказалось не только на реализации масштабных внешнеполитических проектов, но прежде всего на взаимоотношениях с подданными. В процессе подавления продолжительного башкирского бунта 1704–1711 гг. прослеживается формирование новой политики в отношении Башкирского края, но пока она находилась в зачаточном состоянии. Масса проблем стояла перед страной в тот момент, и они не давали возможности этой новой политике окончательно оформиться. Петр I планировал создать из Башкирии плацдарм для продвижения в Среднюю Азию. Башкиры, ощущая надвигающуюся волну изменений, отчаянно и яростно сопротивлялись ей. Впервые башкиры ищут союза с Османской Турцией и Крымским ханством. При всех чаяниях властей подавить восстание, заставив башкир подчиниться требованиям верховного правителя, сил на реализацию данного подхода у государства не было. Поэтому при анализе восстания начала XVIII в. четко прослеживаются обе тенденции - новая, принуждающая, и старая, компромиссная.

Уступки, на которые шло государства, только усугубляли ситуацию. Правительство, идя на попятную, лишь откладывало необходимые реформы,

консервировало причины недовольства и повод для будущих конфликтов, убеждая своими действиями башкир в том, что восстания могут стать решением проблемы. Неизбежное разрешение разногласий в конечном итоге должно было привести к новому недовольству, кровопролитию и человеческим жертвам, что и происходит в 30-х гг. XVIII в. Разница между восстаниями XVII и XVIII веков заключалась в реакции центра на недовольство своих башкирских подданных.

Как и многие явления XVIII в. изменения в отношениях с башкирами были вызваны экономическими нуждами формирующейся империи и тенденциями фронтальной модернизации. Промышленное освоение Среднего Урала косвенным образом приводит к смене векторов колонизации. Правительство начинает вмешиваться во внутреннюю жизнь Башкирского края, желая вернуть беглых работников на заводы. Трагизм заключался в том, что желание империи укрепить и расширить границы шло в разрез с традиционным мировоззрением подданных. Недовольные политикой правительства, они не осознавали конечную их цель, их глобальный замысел, видя лишь частное - притеснение собственных прав. Но запущенный Петром I модернизационный процесс продолжал набирать обороты. К 30-м гг. XVIII в. назрела необходимость освоения фронтальной зоны, т.е. окончательного решения «башкирского вопроса», стимулируемая политическими событиями в киргиз-кайсацкой орде. При Анне Иоанновне администрация приступает к реализации плана по активному освоению Башкирии и полному включению ее в административную инфраструктуру Российской империи. Проект обер-секретаря Сената И.К. Кирилова был одобрен Сенатом, и лег в основу организации Оренбургской экспедиции. Тогда и начинается полноценное присоединение Башкирского края к России. Этот процесс характеризуется разновекторной диффузией, являющейся атрибутом фронтальной модернизации. С одной стороны - башкиры были включены в проект, участвовали в дипломатических переговорах с киргиз-кайсаками Малого Жуза, способствовали претворению в жизнь важного правительственного решения, с другой - реа-

лизация проекта должна была полностью изменить облик провинции, создать условия для масштабной колонизации края, практически полностью отменить все привилегии башкир, положить конец периферийности. Столь категоричное решение по масштабному изменению русско-башкирских отношений не могло не натолкнуть на столь же решительное сопротивление и выливается в самое кровопролитное восстание 1735–1740 гг. Причиной восстания стал целый комплекс нерешенных ранее проблем, обостренный тем, что российская администрация не собиралась отступить и шла по пути наращивания своего присутствия в крае. Правительство впервые создает специальный орган - Комиссию башкирских дел, задачей которого является урегулирование положения в Башкирском крае. На лицо институционализация и формализация отношения верховной власти к башкирским мятежникам.

Главным итогом восстания 1735–1740 гг. было принятие указов на основе Мензелинской программы, которые способствовали модернизации края. Рост миграционной активности был обеспечен разрешением покупать земельные угодья у башкир. Башкирский край полностью включается в административную систему империи, создаются новые институты, регулирующие разные сферы жизни, призванные укрепить позиции правительства и отменить привилегированное положение башкир. Важность обеспечения стабильного развития в условиях пограничья привела к милитаризации региона. Идет строительство крепостей, формируются иррегулярные войска, составившие чуть позже ядро Оренбургского казачьего войска.

Однако, необходимо подчеркнуть, что никаких экстраординарных мер в отношении башкир принято не было, - как и в центральных областях было отменено местничество, подворный налог заменен на «подушный», духовенство подчинено государству. Конечно, со своими национальными особенностями, но суть проведенных мероприятий сводилась именно к этому. Центральные регионы страны претерпели эти изменения еще в XVII – начале XVIII вв. Национальные окраины же почти полвека продолжали пользоваться выгодами прежних отношений. Причем периодически поднимая бунты в

тяжелый для страны период. Поэтому властям, мечтающим о сильном государстве, необходимо было это пресечь. Жестокость по отношению к восставшим, была вынужденной мерой, призванной в дальнейшем удержать людей от «бессмысленного и беспощадного» сопротивления происходящим переменам.

Империя имела право и возможность не только на силовое решение проблемы, но и на дальнейшее управление краем исходя из собственных интересов, без оглядки на местных жителей. Не отступила империя от своих принципов и в 1755–1756 гг., когда башкиры выступили против нового правительственного курса, сопротивляясь окончательной интеграции края. Отмена ясака и замена его на соляной налог была логичным продолжением отмены соглашений времен Ивана IV, вводя фактически «подушный» налог для местного населения.

Восстание 1755–1756 гг. было последним башкирским восстанием первой половины XVIII в. Правительственные войска быстро и жестоко подавили разрозненные повстанческие отряды. Была применена тактика натравливания одного этноса на другой. Прагматизм и цинизм возводятся в ранг государственной национальной политики. Край превращается в благонадежный плацдарм для продвижения в Среднюю Азию.

К середине XVIII в. все привилегии, полученные башкирскими племенами в середине XVI в. были отменены или претерпели кардинальные изменения. Вотчинное право фактически было отменено в тот момент, когда часть башкирских земель была передана в собственность переселенцам, поддержавшим правительство во время бунта. Разрешение продавать/покупать башкирские земли подорвало монополию коренного населения на земельные угодья. Система назначаемых старшин вносит изменения в социальный уклад башкирского общества. Через систему назначаемых ахунов устанавливается контроль государства за религиозной жизнью населения. Завершающим шагом стала отмена ясака. Цель - включение Башкирского края в административную инфраструктуру империи, унификация отношений с башкирскими

подданными - была достигнута. Избываются черты периферийности, укрепляется значимость характеристик, сближающих регион с цивилизационно-страновым ядром.

Такова была эволюция отношений Российского государства со своими башкирскими подданными. Находящиеся на разном уровне развития, отличающиеся политически, ментально, культурно, элементы разных цивилизационных систем прошли сложнейший путь слияния в единое целое. Путь от механического соединения до органического срастания, от формального подтверждения существующей управленческой структуры до создания обновленной системы управления Уфимской провинции как части общеимперской. Интеграционный период растянулся на два века, что в целом немного, учитывая изначальную разницу компонентов и ту стремительную модернизацию, которую осуществило государство в начале XVIII в. Подобное слияние не могло не сопровождаться сложностями, кризисами, тем более, что правительству приходилось решать башкирский вопрос параллельно с другими задачами, стоящими перед страной. Несмотря на это, к середине XVIII в. интеграция завершилась. Башкирский край наполняется пришлым населением, причем это были не только неимущие искатели удачи, но и крупные землевладельцы, служилые люди. Формируется новое казачье войско - Оренбургское, в силу местного расположения готовое в кратчайшие сроки выступить на защиту спокойствия края. Прорусски настроенные переселенцы наполнили социальную лестницу, разбавляя коренное население. Должностные лица были обязаны докладывать властям о любых недовольствах башкир, старшины несли ответственность за действия подконтрольного им населения. Все эти меры были подкреплены разногласиями между нерусским населением края. Конечно, завершение интеграции не означало автоматического решения всех проблем, и того, что башкиры (как и другие подданные) не будут сопротивляться политике правительства, но это будет происходить уже в рамках единой цивилизации. Власти сумели добиться того, что башкиры, пусть и

вынужденно, принимают новую систему взаимоотношений с Российским государством.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

Документы и материалы государственных архивных учреждений

1. Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА)
Ф.108. Башкирские дела - (коллекция) из фонда Посольского приказа.
Оп. 1. – Д. 2.
Фонд 119. Калмыцкие дела.
Оп. 1. – 1645 г. Д. 1; 1648 г. Д. 1; 1655 г. Д. 1.
Фонд 210. Разрядный приказ.
Оп. 13. – Ст. 158.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)
Фонд 1. Оренбургская экспедиция, г. Уфа Оренбургской губернии
1734–1737гг.
Оп. 1. – Д. 3, 5.
Фонд 172. Оренбургское духовное правление г. Оренбург Оренбург-
ская губерния 1739–1859 гг.
Оп. 1. – Д. 675.
3. Научный архив Уфимского федерального исследовательского цен-
тра РАН (НА УФИЦ РАН).
Фонд 3. Институт истории языка и литературы.
Оп. 1. – Д. 1.
Оп. 2. – Д. 12, 19, 20, 28, 35.
Оп. 12. – Д. 39, 40, 112.
Фонд 23. Материалы личного происхождения Волкова Д.С. Источники
по истории города Уфы и Уфимской губернии.
Оп. 1. – Д. 1, 5.
4. Центральный Государственный Исторический Архив Республики
Башкортостан (ЦГИА РБ)
Ф. И–1. Оренбургское губернское правление.
Оп.1. – Д. 432а.

Фонд И-6. Канцелярия Оренбургского гражданского губернатора.

Оп. 1. – Д. 665, 666.

Законодательные акты и нормативно–правовые документы

5. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. (Акты археографической экспедиции.) [Текст] – СПб.: в типографии II отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1836. – Т.4. – 654 с.

6. Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. [Текст] / Сост. Ф.Х. Гумеров. – Уфа: Китап, 1999. – 567 с.

7. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. В 2 т. [Текст] / Сост. А.И. Добросмыслов. – Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. – Т. I. 1734 год. – 303 с.

8. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. В 2 т. [Текст] / Сост. А.И. Добросмыслов. – Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. – Т.2. 1735 и 1736 годы. – 279 с.

9. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. в 50 т. [Текст] / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. I. – № 103, 113, 606, 616.

10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. в 50 т. [Текст] / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. II. – № 633, 700, 867, 923, 944.

11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. в 50 т. [Текст] / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. III. – № 1588.

12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. в 50 т. [Текст] / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. V. – № 2734, 2741.

13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. в 50 т. [Текст] / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. VI. – № 3636, 3637 4122.

14. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. в 50 т. [Текст] / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. VII. – № 4425, 4503.

15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. в 50 т. [Текст] / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. IX. – № 6571, 6890.

16. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. в 50 т. [Текст] / Под ред. М.М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. XI. – № 8125, 8236, 8664.

17. Соборное Уложение 1649 года. [Текст] / Ред.кол.: В.И. Буганов и др. – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1987. – 448 с.

18. Царская грамота в Казань, о построении слободы с церковью и переводе туда из уезда новокрещенов, поколебавшихся от соседства с иноверцами в православной вере, о разрушении татарских мечетей, с запрещением впредь строить оные, и о недозволении русским людям жить в услужении у татар и немцев. 18 июля 1593 г. [Электронный ресурс] // К истине – через документы // Эхо веков, № 1/2. 1999. – Режим доступа: http://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1580–1600/Fedor_I/gram_kazan_sloboda_novokresen_18_07_1593.php. (дата обращения: 08.11.2017.).

Сборники документов

19. Абд ар-Рашид ал-Бакуви, Китаб Талхис ал-асар ва аджайб ал-малик ал-каххар («Сокращение книги о «Памятниках» и чудеса царя могучего»). [Текст] / Издание текста, перевод, примечания, приложения З. М. Бунятова. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1971. – 162 с.
20. Абу-л-Фида Книга упорядочения стран. [Текст] // Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. / Отв. ред. В.А. Попов. – М.: Восточная литература, 2002. – Т. 4. Арабские источники XIII–XIV вв. – 627 с.
21. Башкирские шежере. [Текст] / Сост., перевод и комментарии Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башиздат, 1960. – 304 с.
22. Башкирское народное творчество. Эпос. [Текст] / Сост. М.М. Сагитов. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. – 544 с.
23. Башкирское народное творчество. Исторический эпос. [Текст] / Гл. ред. Н.Т. Зарипов. – Уфа: Китап, 1999. –Т. 10.– 392 с.
24. Галяутдинов, И.Г. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова. [Текст] / И.Г. Галяутдинов ; АН СССР, Урал. отд-ние, Башк. науч. центр, Ин-т истории, яз. и лит. – Уфа: Башк. кн. Изд-во, 1990. – 238 с.
25. Диван лугат ат-тюрк («Словарь тюркских наречий»). [Текст] / Перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой.– Алматы: «Дайк-Пресс», 2005. – 1288 с.
26. Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). [Текст] / Сост.: И.М. Гвоздикова (руководитель группы), Б.А. Азнабаев, И.И. Буляков, И.М. Васильев, Н.С. Корепанов, В.С. Тольц. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – 548 с.
27. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подготовка к печати Л.В.Черепнина. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 597 с.

28. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даства. [Текст] / Перевод Д. А. Хвольсона. – Спб.: Типография Императорской академии наук, 1869. – 199 с.
29. Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. [Текст] / Пер. А.И. Маленина. – Спб.: Тип. А.С. Суворина, 1911. – 232 с.
30. Книга Большому Чертежу. [Текст] / Под ред. К. Н. Сербиной. – М.,Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. – 232 с.
31. Коновалова, И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. [Текст] / И.Г. Коновалова. – М.: Восточная литература, 2006. – 325 с.
32. Кулбахтин, Н.М. Грамоты русских царей башкирам. [Текст] / Н.М. Кулбахтин. – Уфа: Гилем, 2007. – 228 с.
33. Материалы по истории Башкирской АССР. [Текст] / Отв. Ред. А.П. Чулошников. – М.Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. – 632 с.
34. Материалы по истории Башкирской АССР. [Электронный ресурс] / Под ред. Ш.И. Типеева. – М.Л., 1940. – Т. II. – Режим доступа: <http://ufagen.ru/node/28950>. (дата обращения: 16.08.2018).
35. Материалы по истории Башкирской АССР. [Текст] / Сост. Н.Ф.Демидовой. – М.Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. – 691 с.
36. Материалы по истории Башкирской АССР. [Текст] / Сост. Н.Ф.Демидовой. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 4, Ч.2. Экономические и социальные отношения в Башкирии. Управление Оренбургским краем в 50 – 70-х гг. XVIII в. – 494 с.
37. Материалы по истории Башкортостана. [Текст] / Сост. Н.Ф. Демидова. Под ред. Н.В. Устюгова. – Уфа: Китап, 2002. – Т. 6. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х гг. XVIII в. – 768 с.
38. Матфей Парижский. Великая хроника. Арабески истории. [Текст] / Ред. А.И. Куркчи. – М.: Русский разлив, 1993. – 558 с.

39. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина. Никоновская летопись. [Текст] / Под ред. С.Ф. Платонова. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. – 302 с.

40. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. [Текст] / Под редакцией И.Ю. Крачковского. – М–Л: изд. Академии наук СССР, 1939. – 228 с.

41. Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. [Текст] / Сост. В.Г. Тизенгаузен. – СПб: Типография Императорской академии наук, 1884. – Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – 565 с.

42. Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. [Текст] / Сост. В.Г. Тизенгаузен, обраб. А.А. Ромаскевич, С.Л. Волин. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. II. Извлечения из персидских сочинений. – 308 с.

Источники личного происхождения

43. Неплюев, И.И. Записки Ивана Ивановича Неплюева. [Текст] – СПб.: Издательство им. А. С. Суворина, 1893. – 197 с.

44. Сказания князя Курбского. [Текст] / Под ред. Н. Устрялова. – СПб: Типография Императорской академии наук, 1868. – 494 с.

Научные труды администраторов

45. Жуковский, П. В. Дополнение к «Истории Оренбургской» П. И. Рычкова. [Текст] // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. – Оренбург, 1916. – Вып. 33. – С.99–116.

46. Кирилов, И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. [Текст] / Предисловия Л.А. Гольденберга и др.; коммент. Л.А. Гольденберга, С.М. Троицкого; АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР. – М: Наука, 1977. – 444 с.

47. Неплюев, И.И. Проект Неплюева о преобразовании Яицкого войска. [Текст] / Предисл. В. Витевский // Русский архив. – 1878. – Кн. 2, Вып. 5. – С. 5–33.

48. Новиков, В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства, составленный В. А. Новиковым в 1879 году, продолженный и дополненный до 1902 года депутатом Уфимского дворянства Н. А. Гурвичем. [Текст] / Под редакцией Н.А. Гурвич. Второе издание. – Уфа: Печатня Н.Н.Блохина, 1903. – 319 с.

49. Рычков, П.И. Топография Оренбургской губернии. [Текст] – Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1887. – 405 с.

50. Рычков, П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. [Текст] / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. – Уфа: Уфимский НЦ РАН, 2002. – 201 с.

Литература

Монографии и брошюры

51. Азаматов, Д.Д. Оренбургское магометанское собрание в конце XVIII – XIX вв. [Текст] / Д.Д. Азаматов. – Уфа: Гилем, 1999. – 193 с.

52. Азнабаев, Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в.: монография. [Текст] / Б.А. Азнабаев. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – 370 с.

53. Азнабаев, Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.). [Текст] / Б.А. Азнабаев. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 200 с.

54. Акманов, И.Г. Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века. [Текст] / И.Г. Акманов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 156 с.

55. Акманов, И.Г. Башкирские восстания XVII–начала XVIII вв. [Текст] / И.Г. Акманов. – Уфа: Китап, 1993. – 224 с.
56. Акманов, И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. [Текст] / И.Г. Акманов. – Уфа: Китап, 2016. – 376 с.
57. Акманов, И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. [Текст] / И.Г. Акманов. – Уфа: Изд-во БГУ, 1977. – 84 с.
58. Александер Дж. Т. Емельян Пугачев и крестьянское восстание на окраине России в 1773–1775 гг. [Текст] / Джон Т. Александер; Центр этнологич. мониторинга Исполн. К-та Всемир. Конгр. татар; отв. ред. д.и.н. В. Я. Мауль; авторизованный пер. с англ., вступ. ст. и прим. канд. ист. наук И.В. Кучумова. – Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2011. – 164 с.
59. Альшиц, Д.Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. [Текст] / Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. – 246 с.
60. Антонов, И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). [Текст] / Лаборатория археологического источниковедения и историографии Института исторического и правового образования БГПУ им. М. Акмуллы. / И.В. Антонов. – Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. – 308 с.
61. Асфандияров, А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). [Текст] / А.З. Асфандияров. – Уфа: Китап, 2006. – 504 с.
62. Асфандияров, А.З. История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей Российской Федерации. [Текст] / А.З. Асфандияров, К.М. Асфандиярова. – Уфа: Китап, 2002. – 188 с.
63. Асфандияров, А.З. История башкирских сел и деревень Пермской и Свердловской областей. [Текст] / А.З. Асфандияров, К.М. Асфандиярова. – Уфа: Китап, 1999. – 253 с.

64. Асфандияров, А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. [Текст] / А.З. Асфандияров. – Уфа: Китап, 2009. – 744 с.
65. Багaley, Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. [Текст] – М.: Университетская тип. (М. Катков), 1887. – 634 с.
66. Бакланов, И.Б. Техника металлургического производства XVIII века на Урале. [Текст] // Известия государственной академии истории материальной культуры имени Н.Я. Марка. – Л: ГАИМК, 1935. – Вып. 134. – 324 с.
67. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. [Текст] / Н.В. Бикбулатов, Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова, Ф.Ф. Фатыхова. – Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. – 248 с.
68. Батунский, М.А. Россия и ислам. [Текст] / М.А. Батунский. – М.: Прогресс–Традиция, 2003. – 349 с.
69. Валиди Тоган, А.-З. История башкир. [Текст] / Перевод с тур. А.М. Юлдашбаева. – Уфа: Китап, 2010. – 352 с.
70. Витевский, В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. [Текст] – Казань: Типолитограф. В.М. Ключникова, 1897. –Т.1–2. – 708 с.
71. Волков, В.А. Войны и войска Московского государства. [Текст] / В.А. Волков. – М.: ЭКСМО, 2004. – 572 с.
72. Галигузов, И.Ф. Народы Южного Урала: история и культура. [Текст] / И.Ф. Галигузов. – Магнитогорск, МаГУ, 2000. – 497 с.
73. Гвоздикова, И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. [Текст] / И.М. Гвоздикова. – Уфа: Китап, 1999. – 512 с.
74. Грекулов, Е.Ф. Православная инквизиция в России. [Текст] / Е.Ф. Грекулов. – М.: Наука, 1964. – 129 с.

75. Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. [Текст] / Ред. Р.В. Грищенко. – СПб.: Кристалл, 2001. – 770 с.
76. Дегтярев, И.В. Челябинская старина: сб. ст. и материалов по истории Челябинска раннего периода (30–е годы XVIII – середина XIX века). – Челябинск: Центр. ист.-культ. наследия, 1996. – 119 с.
77. Диетология. 4-е изд. [Текст] / Под ред. А.Ю. Барановского. – СПб.: Питер, 2012. – 1024 с.
78. Добросмыслов, А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. [Текст] // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург: Типолитография Ф.Б. Сачкова, 1900. – Вып. 8. – 104 с.
79. Долгих, Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. [Текст] / Б.О. Долгих. – М: Изд-во АН СССР, 1960. – 662 с.
80. Доннелли, А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. [Текст] / Пер. с английского Л. Р. Бикбаевой. – Уфа: Башкортостан, 1995. – 287 с.
81. Дунаева, Н.В. Удельные крестьяне как субъекты права Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX в.): историко-правовое исследование. [Текст] / Н.В. Дунаева. – СПб.: Библиотека Российской академии наук, 2006. – 281 с.
82. Ермаков, В.В. Челнинская история. [Текст] / В.В. Ермаков. – Набережные Челны : Изд-во Кам. политехн. Ун-та, 1999. – 202 с.
83. Иванов, В.А. Путь Ахмеда ибн-Фадлана. [Текст] / В.А. Иванов. – Уфа: Китап, 2010. – 64 с.
84. Ислаев, Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости. [Текст] / Ф.Г. Ислаев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 139 с.
85. Ислаев, Ф. Г. Православные миссионеры в Поволжье / Ф. Г. Ислаев. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1999. – 127 с.

86. История башкирского народа: в 7 т. [Текст] / Гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – М.: Наука, 2009. – Т.1 – 400 с.
87. История башкирского народа: в 7 т. [Текст] / Гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа: Гилем, 2011. – Т.3 – 476 с.
88. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. [Текст] / Н.А. Мажитов, А.Н. Султанова. – Уфа: Китап, 1994. – 359 с.
89. История Башкортостана с древнейших времен до 60–х годов XIX века. [Текст] / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. – Уфа: Китап, 1996. – 520 с.
90. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: В 2 т. [Текст] / Под ред. И.Г. Акманова. – Уфа: Китап, 2004. – Т. 1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века. – 488 с.
91. История и культура Башкортостана. [Текст] / Сост. Ф.Г. Хисамитдинова, З.Г. Ураксин. – Уфа: Гилем, 2003. – 280 с.
92. История татар с древнейших времен 7 т. [Текст] / Гл. ред. Р. Хакимов. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. – т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII в.) – 1032 с.
93. История Урала с древнейших времен до 1861 г. [Текст] / Отв. ред. А.А. Преображенский. – М.: Наука, 1989. – 608 с.
94. Ищеригов, П.Ф. Очерки из истории колонизации Башкирии. [Текст] / Ред. З.К. Ханова. – Уфа: Китап, 2003. – 40 с.
95. Карамзин, Н.М. История государства Российского. В 3-х книгах. [Текст] – СПб.: Издание И. Эйнерлинга, 1842. – Кн. 2, Т. V–VIII. – 632 с.
96. Кафенгауз, Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. [Текст] / Б.Б. Кафенгауз; Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. – Т.I. – 524 с.

97. Киреев, А.Н. Башкирский народный героический эпос. [Текст] / А.Н. Киреев. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1970. – 304 с.
98. Ключевский, В.О. Лекции по русской истории. Часть первая. [Текст] – СПб.: Издательство: Тип. В.О. Киршбаума, 1902. – 393 с.
99. Ключевский, В.О. Лекции по русской истории. Часть вторая. [Текст] – СПб.: Издательство: Тип. В.О. Киршбаума, 1902. – 336 с.
100. Кузеев, Р.Г. 400 лет вместе с русским народом: присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. [Текст] / Р.Г. Кузеев, Б. Х. Юлдашбаев. – Уфа : Башкнигоиздат, 1957. – 115 с.
101. Кузеев, Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. [Текст] / Р.Г. Кузеев. – М: Наука, 1974. – 576 с.
102. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. [Текст] // Кузеев Р.Г. Собрание научных трудов : в 7 т. Т. 6 / ИЭИ УНЦ РАН. – Уфа: Китап, 2016. – 444 с.
103. Кумеков, Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. [Текст] / Б.Е. Кумеков. – Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1972. – 156 с.
104. Любавский, М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. [Текст] / Отв. ред. А.Я. Дегтярев. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1996. – с. 682.
105. Любомиров, П.Г. Очерки по истории русской промышленности. XVII, XVIII и начало XIX века. [Текст] / Проф. П. Г. Любомиров. – М: Госполитиздат, 1947. – 763 с.
106. Лякишев, Н.П. Энциклопедический словарь по металлургии. [Текст] / Гл. ред. Н.П. Лякишев. – М.: Интермет Инжиниринг, 2000. – 2 т. – 408 с.
107. Мавлетов, В.С. История и культура Башкортостана. [Текст] / В.С. Мавлетов. – Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2008. – 383 с.

108. Макаров, Д.М. Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI–XVII вв. [Текст] / Д.М. Макаров. – Чебоксары: ЧГУ, 1981. – 102 с.
109. Медушевский, А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. [Текст] / А.Н. Медушевский. – М.: "Текст", 1993. – 320 с.
110. Мигранова, Э.В. Башкиры. Традиционная система питания: историко-этнографическое исследование. [Текст] / Э.В. Мигранова. – Уфа: Китап, 2016. – 296 с.
111. Миллер, Г.Ф. История Сибири. [Текст] – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1941 – Т. II. – 637 с.
112. Ногманов, А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в Российском законодательстве второй половины XVI – XVIII вв. [Текст] / А.И. Ногманов. – Казань: ФЭН, 2002. – 231 с.
113. Ногманов, А.И. Самодержавие и татары. [Текст] / А.И. Ногманов. – Казань: Тат. книжн. Изд-во, 2005. – 215 с.
114. Нольде, Б.Э. История формирования Российской империи. [Текст] / Б. Э. Нольде; пер. с фр. к.ф.н. Л.Ф. Сахибгареевой под ред. к.и.н. И.В. Кучумова; отв. ред. акад. РАН В.А. Тишков. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2013. – 848 с.
115. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. [Текст] / Отв.ред. В. В. Алексеев. – М.: Наука, 2000. – 244 с.
116. Очерки по истории Башкирской АССР. [Текст] / Под ред. А.П. Смирнова. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1956. – Т. I, Ч. I. – 303 с.
117. Очерки по истории СССР. Период феодализма. XVII в. [Текст] / Под ред. А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955 – 1032 с.
118. Подъяпольская, Е.П. Восстание Булавина. [Текст] / Е.П. Подъяпольская. – М: Академия наук СССР, 1962. – 215 с.

119. Покровский, И.М. Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. [Текст] / И.М. Покровский – Казань: Центральная тип-я, 1897. – Т. 1. – 534 с.
120. Порталь, Р. Урал в XVIII веке. Социально-экономическая история. [Текст] / Перевод Л.Ф. Сахибгареевой, Н.Н. Реуцкой, С.А. Калугина. – Уфа: Гилем, 2003. – 228 с.
121. Пулькин, М.В. Православный приход и власть в середине XVIII–начале XX в. (По материалам Олонецкой епархии). [Текст] / М.В. Пулькин. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – 424 с.
122. Рубцов, Н.Н. История литейного производства в СССР. [Текст] / Н. Н. Рубцов; предисл. акад. С. Струмилина. – М – Л: Изд. и 1–я тип. Машгиза в Л., 1947. – Ч. 1: IX–XVIII вв. – 276 с.
123. Руденко, С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. [Текст] / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов. – Уфа: Китап, 2006. – 376 с.
124. Сафаргалиев, М. Г. Распад Золотой Орды. [Текст] / М.Г. Сафаргалиев. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. – 279 с.
125. Сафонов, Д. А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.). [Текст] / Д.А. Сафонов. – Оренбург: Оренбургская губерния, 2003. – 92 с.
126. Сергеев, Ю.Н. Православная церковь в Башкортостане (вторая половина XVI–середина XIX в.). [Текст] / Ю.Н. Сергеев. – Уфа: Изд-во БГУ, 1996. – 74 с.
127. Сергеев, Ю.Н. Православное духовенство Южного Урала: очерки истории духовного сословия (вторая половина XVI – XVIII вв.). [Текст] / Ю.Н. Сергеев. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 207 с.
128. Соболева, Н.А. Старинные гербы российских городов. [Текст] / Н.А. Соболева. – М.: Наука, 1985. – 186 с.

129. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. [Текст] – СПб: Товарищество "Общественная польза", 1861. – Книга третья. Том XI – XV. – 800 с.
130. Старостин, А.Н. Ислам в Башкирии. [Текст] / А.Н. Старостин. – Уфа: Китап, 1996. – 157 с.
131. Старостин, А.Н. Ислам в Свердловской области. [Текст] / Под ред. проф. А. В. Малашенко. – М.: Логос, 2007. – 144 с.
132. Струмилин, С.Г. Чёрная металлургия в России и в СССР: технический прогресс за 300 лет [Текст] // Труды Института истории науки и техники. / С.Г. Струмилин. – М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1935. – 332 с.
133. Татищев В.Н. История Российская с самых древних времен. К. 5. – М., 1848. – 545 с.
134. Тихонов, Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. [Текст] / Ю.А. Тихонов. – М.: Наука, 1974. – 335 с.
135. Теория и история налогообложения. [Текст] / И.А. Майбуров, Н.В. Ушак, М.Е. Косов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 422 с.
136. Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды. [Текст] / В.В. Трепавлов. – М: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. – 752 с.
137. Трепавлов, В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. [Текст] / В.В. Трепавлов. – М: Восточная литература, 2012. – 232 с.
138. Ульянов, С.В. Научный отчет о результатах археологических разведок в Давлекановском, Стерлитамакском, Аургазинском районах Башкирской АССР. [Текст] / С.В. Ульянов – Уфа, 1985. // НА УНЦ РАН. Ф.1. Оп.6. Д. 123.
139. Усманова, М.Г. Имя земли отчей. Историко-лингвистическое исследование топонимии бассейна реки Сакмар. [Текст] / М.Г. Усманова. – Уфа: Китап, 1994. – 272 с.

140. Усманов, А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. [Текст] / А.Н. Усманов. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. – 336 с.
141. Усманов, А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. [Текст] / Под редакцией проф. Б. Кафенгауза. – Уфа: Башгосиздат, 1949. – 136 с.
142. Усманов, А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. [Текст] / А.Н. Усманов. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1960. – 198 с.
143. Устюгов, Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. [Текст] / Н.В. Устюгов; Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 156 с.
144. Федоров-Давыдов, Г.А. Общественный строй Золотой Орды. [Текст] / Г.А. Федоров-Давыдов. – М: Московский университет, 1973. – 181 с.
145. Фирсов, Н.А. Иностранное население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель. [Текст] – Казань, 1870. – 448 с.
146. Фирсов, Н.А. Положение иностранцев северо-восточной России в Московском государстве. [Текст] – Казань: Типография Императорского Казанского университета, 1866. – 268 с.
147. Хадыев, М. История башкир. [Текст] / М. Хадыев, А. Фахретдинов. – Уфа: Китап, 2007. – 136 с.
148. Хорошкевич, А.Н. Россия в системе международных отношений середины XVI века. [Текст] / А.Л. Хорошкевич; Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения, Федер. арх. служба России, Рос. гос. арх. древ. актов. – М.: Древнехранилище, 2003. – 620 с.
149. Цюрюмов, А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. [Текст] / А.В. Цюрюмов. – Элиста: Джангар, 2007. – 464 с.

150. Чаев, Н.С. Булавинское восстание 1707–1708 гг. [Текст] / Н.С. Чаев, К.М. Бибилова. – М.: Издательство Всесоюзного Общества Политкаторжан и Ссылочно–поселенцев, 1935. – 524 с.

151. Чулошников, А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. [Текст] / А.П. Чулошников, Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – 108 с.

152. Щипков, А.В. Во что верит Россия. Религиозные процессы в постперестроечной России. [Текст] / А.В. Щипков. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. – 297 с.

153. Юнусова, А.Б. Ислам в Башкортостане. [Текст] / А.Б. Юнусова. – Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. – 352 с.

Статьи и тезисы

154. Азнабаев, Б.А. Автономия как башкирская этническая парадигма. [Текст] // 1917 год в судьбах народов России. Том 1: сборник материалов Всероссийской научно–практической конференции с международным участием (г.Уфа, 29 ноября 2017г.). / Отв. ред. И.В. Фролова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 61–66.

155. Азнабаев, Б.А. Политическая ориентация зауральских башкир в середине XVI – начале XVII вв. [Текст] // Научные чтения памяти профессора А.З. Асфандиярова «Социально-экономическая и военная история Башкортостана (вторая половина XVI–XXI вв.)»: материалы Всероссийской конференции. / Отв. ред. И.Г. Акманов. – Уфа: Педкнига, 2017. – С. 42–49

156. Акманов, И. Г. Башкортостан и Россия: Взаимоотношения в середине XVI – первой половине XVIII в. [Текст] // Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. / Пер. с английского Л. Р. Бикбаевой. – Уфа: Башкортостан, 1995. – С. 17 – 28.

157. Акманов, И.Г. Восстание 1662 – 1664 гг. – первое массовое движение башкир. [Текст] // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии

в XVII – начале XX вв. / И.Г. Акманов. – Уфа: БНЦ УрО РАН, 1981. – С. 79–115.

158. Акманов, И.Г. Из истории Оренбургской экспедиции (характеристика «Проекта» И.К. Кирилова) [Текст] // Очерки истории дореволюционной России. / И.Г. Акманов. – Уфа, 1972. – Вып. I – С. 90–106

159. Акманов, И. Г. Кильмяк Нурушев. [Электронный ресурс] // Энциклопедия Челябинска. – Режим доступа: <http://www.book-chel.ru/ind.php?what=card&id=605>. (дата обращения 5.10.2013)

160. Акманов, И.Г. Кусюм Тюлекеев. [Электронный ресурс] // Энциклопедия Башкирии. – Режим доступа: http://ufa-gid.com/encyclopedia/kusum_tul.html. (дата обращения 5.10.2013)

161. Акманов, И.Г. Кучукбай батыр. [Электронный ресурс] // Башкирская энциклопедия. – Уфа: ГАУН «Башкирская энциклопедия», 2013– Режим доступа: <http://www.башкирская-энциклопедия.рф/index.php/component/content/article/2-statya/13771-kuchukbaj>. (дата обращения 14.04.2018)

162. Акманов, И.Г. О населении исторического Башкортостана в XVII – XVIII вв. [Текст] // Политическая и социально–экономическая история Южного Урала в XVI – XX в.: Мат. конф. / И.Г. Акманов. – Уфа: Китап, 1996. – С. 47– 68.

163. Акманов, И.Г. Организация Оренбургской экспедиции и начало восстания 1735 – 1740 гг. [Текст] // Очерки истории дореволюционной России / И.Г. Акманов. – Уфа: КИТАП, 1975. – Вып. 2. – С. 40 –139.

164. Акманов, И.Г. Основные этапы формирования многонационального населения Башкортостана (конец XVI – начало XX века). [Текст] // Ватандаш. / Гл. ред. Р.Р. Магадеева. – Уфа: Гилем, 2001. – № 7. – С. 25–34.

165. Акманов, И.Г. Челобитная башкир Уфимской провинции на имя императрицы России Анны Ивановны о своих нуждах от 1733 г. [Текст] // Ватандаш. / Гл. ред. Р.Р. Магадеева. – Уфа, 2005. – № 6. – С. 81–93.

166. Алексеев В.В. Фронтирная модернизация в имперской России. [Текст] // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Челябинск, 2017. – № 2. – С. 6–13.
167. Аннинский, С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. [Текст] // Исторический архив. – М.–Л., 1940. – Т. III. – С. 71–112.
168. Арсеньева, Г.В. Соборное Уложение 1649 г.: закрепление ответственности за преступления против церкви и религии. [Текст] // Achievement of high School–2013 Материалы IX Международной научно– практической конференции. – София, Изд-во: "Бял ГРАД–БГ" ООД, 2013. – С. 3–6.
169. Артёмов Е. Т. Урал в российской истории: диалектика «центр–периферийных» отношений. [Текст] // Вестник УрО РАН. – Екатеринбург, 2012. – № 2 (40). – С. 124–129.
170. Асфандияров, А. З. Ведомости башкирских и мишарских кантонных начальников о численности и социально–экономическом положении населения по деревням в середине XIX в. [Текст] // Южноуральский археографический сборник. / А.З. Асфандияров. – Уфа, 1976. – Вып. 2. – С. 196–343.
171. Асфандияров, А.З. Религиозная политика царизма в Башкортостане в период феодализма. [Текст] // Башкирский край. / А.З. Асфандияров. – Уфа: Литера, 1991. – Вып.1. – С. 17–18.
172. Баркаръ, Е. Волжская Булгария. [Текст] // Межвузовский сборник: Научные статьи студентов и аспирантов вузов Санкт–Петербурга. / Под ред. А.А. Волоковых. – СПб.: Изд-во Института «Высшая религиозно–философ–ская школа», 2005. – С. 72–77.
173. Бархин, И. Сожжение людей в России в XIII–XVIII вв. [Текст] // Русская старина. 1885. – № 1. – С. 187–192.
174. Башкиры. [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/009/9467.shtml>. (дата обращения 16.07.2018).

175. Бердников, Л.И. «Казнить смертью и сжечь...». Хроники российской инквизиции. [Текст] // Новая Юность. / Л.И. Бердников. – 2010. – № 2(95). – С. 34–45.

176. Бродников А.А. Сбор ясака: зависимость процесса объяснения от потестарно–политической ситуации в регионе (по материалам Восточной Сибири XVII в.) [Электронный ресурс] // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Вып. 1. Культурный космос Евразии. – Новосибирск, 1999. – С. 119–123. – Режим доступа: <http://zaimka.ru/brodnikov-tribute/> (дата обращения 23.02.2019).

177. Богоявленский, С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века. [Текст] // Исторические записки. / Отв. Ред. Б.Д. Греков.– М.: Академия Наук СССР, 1939.– Т.5.– С. 48–101.

178. Буканова, Р.Г. Была ли государственность у башкир? (размышления историка). [Текст] // Известия Башкортостана. № 51. / Р.Г. Буканова. – 18.03.1994. – С. 4.

179. Буканова, Р.Г. Взаимоотношения башкир с ногайцами, калмыками и казахами в XVI–XVIII вв. [Текст] // Ватандаш. 2010. / Р.Г. Буканова. – № 6. – С. 36–51.

180. Буканова, Р.Г. Русско-башкирско-калмыцкие отношения в первой половине XVII века. [Текст] // Социально–политические и этнодемографические процессы на Южном Урале . XVII–XX вв. / Р.Г. Буканова. – Уфа: Башк. ун–т, 1993. – С.71–80.

181. Валеев, Д.Ж. Таймас Шаимов. [Электронный ресурс] // Башкортостан: Краткая энциклопедия. – Режим доступа: <http://encycl.bash-portal.ru/taimas.htm>. (дата обращения 6.11.13).

182. Васильев, С.М. Роль Батырши в восстании 1755 г. в Башкирии. [Текст] // Страницы истории Башкирии. / С.М. Васильев. – Уфа, 1974. – С. 25–32.

183. Вебер, М. Политика как призвание и профессия. [Текст] // Избранные произведения. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–707.

184. Вельская, Т.Б. О характере восстания 1755 года. [Текст] // Ученые записки БГУ. / Т.Б. Вельская. – Уфа. 1970. – С. 148–162.

185. Выбор пути: Россия и Башкортостан. Отзывы о присоединении. [Текст] // Альманах «Памятники Отечества». / Отв. ред. Р.О. Свиридов. – Уфа: Китап, 1997. – № 38. – С. 6 – 17.

186. Димитриев, В.Д. Распространение христианства и чувашские народные массы в период феодализма (середина XVI–1861 г.). [Текст] // Проблемы религиозного синкретизма и развитие атеизма в Чувашской АССР. Труды НИИ Языка литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. / В.Д. Димитриев. – Чебоксары, 1978. – Вып. 86. – С. 81–119.

187. Ермолаев, И.П. Создание Приказа Казанского дворца как модели управления полиэтничным регионом. [Текст] // Окраины Московского государства и Российской Империи: инновационные подходы в изучении Имперской истории России. / И.П. Ермолаев. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2015. – С.19–34.

188. Загидуллин, И.К. «Наказная память» царя Ивана IV архиепископу Гурию как исторический источник. [Текст] // Казанское востоковедение: традиции, современность, перспективы: Тезисы и краткое содержание докладов международной научной конференции, 10–11 октября 1996 года. / И.К. Загидуллин. – Казань: Фест, 1997. – С. 260–263.

189. Загидуллин, И.К. Об указе царя Федора Алексеевича «об отписке у мурз и татар поместий и вотчин, и о выгодах, какие принявшим христианскую веру предоставляются» от 16 мая 1681 года. [Текст] // Из истории и культуры народов среднего Поволжья. / И.К. Загидуллин. – Казань: Изд-во Института истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2016. – № 6. – С. 62–93.

190. Загидуллин, И.К. Социальные аспекты христианского просвещения новокрещен в казанском крае во второй половине XVI – начале XVII вв. [Текст] // Средневековые тюрко-татарские государства. / И.К. Загидуллин. –

Казань: Изд-во Института истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2016 – № 8 – С. 146–166.

191. Злотников, М.Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов. [Текст] // Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов в 1735 г. / Предис. акад. М.А. Павлова. – М.: Государственное издательство «История заводов», 1937. – С. 11–67.

192. Игнатъев, Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии. [Текст] // Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). / Сост. М.И. Роднов. – Уфа, 2013. – Т. VII. 1880–1881 годы. – С. 19–50.

193. Ислаев, Ф. Г. Борьба мусульман против политики христианизации в Российской империи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://reij.livejournal.com /41935.html> (дата обращения 17.01.2018).

194. Ислаев, Ф.Г. Становление веротерпимости в России: исторический контекст. [Текст] // Православие в поликонфессиональном обществе. / Под ред. Р.А. Набиева. – Казань, 2006. – С. 110 – 121.

195. История города Верхнеуральска. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://verhneuralsk.wen.su/history.html> (дата обращения 6.11.13).

196. Катанов, Н.Ф. Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке. [Текст] // Ежегодник Тобольского губернского музея. – Тобольск, 1895. – Вып.5. – С. 234–238.

197. Конюченко, А.И. Споры вокруг имени основателя Челябинска. [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета Сер. История. // Глав. ред. А.Ю. Шатин, глав. ред. научного направления Н.Н. Алеврас. – Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2012. – № 7.– С. 115–121.

198. Кузеев, Р.Г. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству – поворотный пункт в истории края. [Текст] // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. / Р.Г. Кузеев. – Уфа, 1982 – С. 6–18.

199. Кузеев, Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX в. [Текст] // Археология и этнография Башкирии. / Р.Г. Кузеев. – Уфа: БФАН СССР, 1968. – т. III. – С. 327–371.
200. Кузеев, Р.Г. Этническая история башкир с конца I тысячелетия нашей эры до XIX века. [Текст] // Научная сессия по этногенезу башкир. / Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1969. – С. 98–111.
201. Лебедев, В.И. Башкирское восстание 1705–1711 гг. [Текст] // Исторические записки. / Отв. Ред. Б.Д. Греков. – М. 1937. – Т. 1. – С. 81–102.
202. Мигранова, Э.В. О сходстве в традициях питания башкир, казахов, киргизов и узбеков. [Текст] // Исторические и историко-культурные связи башкир с народами стран ШОС и БРИКС. Сборник статей. / Отв. ред. Ш.Н. Исянгулов. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 52–69.
203. Мигранова, Э.В. Традиционная система питания башкирского народа. [Текст] // Проблемы этногенеза и этнической истории башкирского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию С.Н. Шитовой. / Отв. ред. Ф.Г. Хисамитдинова, Р.М. Юсупов. – Уфа: Гилем, 2006. – С. 29–35.
204. Монгольские завоевания в 13 в. [Электронный ресурс] // Большая советская энциклопедия. – Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article/077793.html>. (дата обращения 05.08.2018).
205. Побережников, И. В. Азиатская Россия: фронт, модернизация. [Текст] // Известия УрГУ. Сер. 2: Гуманитарные науки. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (96). – С. 191–203.
206. Побережников, И. В. Модель фронтальной модернизации (на примере восточных регионов России в XVIII–XIX вв.). [Текст] // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало–Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты. – Новосибирск, 2010. – С. 34–41.
207. Побережников, И. В. Модернизации в истории России: Направления и проблемы изучения. [Текст] // Уральский исторический вестник. / Гл.

ред. Е.Т. Артемов. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2017. – № 4 (57). – С. 36–45.

208. Побережников, И.В. Особенности фронтальной модернизации (на примере Урала XVIII–XIX вв.). [Текст] // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2010. – Вып. 11. – С. 202–210

209. Побережников, И. В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтальной модернизации) [Текст] // Восьмые Татищевские чтения. – Екатеринбург, 2010. – С. 308–310.

210. Побережников, И.В. Урал в истории Российского государства: постановка проблемы. [Текст] // Уральский исторический вестник. / Гл. ред. Е.Т. Артемов. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2012. – № 2. – С. 118–126.

211. Побережников, И.В. Урал в российской истории (XVI– начало XX в.): Методология исследования. [Текст] // Уральский исторический вестник. / Гл. ред. Е.Т. Артемов. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2013. – № 1 (38). – С. 16–21.

212. Побережников, И.В. Урал в Российской истории: интеграция региона в страновое пространство. [Текст] // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. / Под ред. Запарий В.В. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014. – С. 121–125.

213. Побережников, И.В. Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен. [Текст] // Россия реформирующаяся. / Отв. ред. М.К. Горшков. – Москва: Новый хронограф, 2013. – № 12. – С. 246–274.

214. Побережников, И. В. Фронтальная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации. [Текст] // Уральский исторический вестник. / Гл. ред. Е.Т. Артемов. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УРО РАН, 2018. – № 4 (61). – С. 72–80.

215. Порталь, Р. Башкиры и Россия в XVIII в. [Текст] // Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России / Р. Пор-

таль, пер. с фр. и нем. С. А. Калугина, Н. Н. Реуцкой, Л. Ф. Сахибгареевой – Уфа: Гилем, 2005. – С. 148–163.

216. Порталь, Р. Россия и башкиры: проблемы взаимоотношений (1662 – 1798). [Текст] // Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России / Р. Порталь, пер. с фр. и нем. С. А. Калугина, Н. Н. Реуцкой, Л. Ф. Сахибгареевой – Уфа: Гилем, 2005. – С. 78–148.

217. Псянчин, А.В. Урало-Поволжье в восточной средневековой географической традиции (предварительные наблюдения). [Текст] // Научное наследие Ризы Фахретдинова и актуальные проблемы востоковедения: Матер, республ. научн. конф. / А.В. Псянчин. – Уфа: РИО РУНМЦ МНО РБ, 2001. – С. 81–87.

218. Рязанов, С.В. Ранние мусульманские государства Поволжья и освоение рудных ресурсов Урала в средние века. [Текст] // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе. / Отв. ред. Р.Ф. Талипов. – Уфа, 2010. – С. 263–265.

219. Самигулов, Г. Х. Материалы сыска тобольского дворянина Ивана Полозова 1695 года в свете вновь выявленных документов. [Текст] // Научный диалог. / Г. Х. Самигулов. – Екатеринбург: Центр научных и образовательных проектов, 2016. – № 9 (57). – С. 217–229.

220. Сергеев, Ю.Н. Православие в Башкортостане. [Текст] // Истоки. / Гл. ред. С.Т. Прохоров. – Красноярск, 1995. – № 6. – С. 10–15.

221. Смирнов, Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. [Текст] // Вестник СамГУ. – 2007, №5/3 (55) – С. 158–166.

222. Умняков, И.И. Самая старая турецкая карта мира. [Текст] // Труды Самаркандского государственного педагогического института. / И.И. Умняков. – Самарканд, 1940. – Т.1, вып. 1.– С. 103–131.

223. Устюгов, Н.В. Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. [Текст] // Исторические записки. – М.– Л: Академия наук СССР, 1947. – т.24. – С. 30–110.

224. Фазылова, В.В. мирный этап христианизации народов Башкирии (вторая половина XVI – 70-е гг. XVII вв.). [Текст] // Этносы и культуры Башкортостана: история и современность: Материалы научно-практической конференции молодых ученых. / Отв. ред. Ю. Т. Каранаев. – Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. – С. 67–70.

225. Феодализм. [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/106/106451.shtml>. (дата обращения 28.11.11.).

226. Филоненко В.И. Башкиры. [Текст] // Вестник Оренбургского учебного округа. / Ред. М. А. Миропиев. – Уфа: Электрическая Типо-Литография Товарищества Ф.Г. Соловьев и К°, 1913. – № 2. – С. 31–40.

227. Филоненко В.И. Башкиры. [Текст] // Вестник Оренбургского учебного округа. / Ред. М. А. Миропиев. – Уфа: Электрическая Типо-Литография Товарищества Ф.Г. Соловьев и К°, 1914. – № 5. – С. 218–229.

228. Филлюшкин, А.И. Дискурсы Ливонской войны. [Текст] // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. / Отв. секр. И. Герасимов. – 2001. – № 4. – С. 46–80.

229. Хусаинов, Г.Б. Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне как историко-литературный источник. [Текст] // Южноуральский археографический сборник. / Г.Б. Хусаинов. – Уфа, 1973 – Вып. 1. – С. 122–127.

230. Чулошников, А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв. [Текст] // Материалы по истории Башкирской АССР. / Отв. Ред. А.П. Чулошников – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – Ч. 1. – С. 6–65.

231. Чупин, Н.К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. [Текст] // Русская старина. 1878. – № 10. Т. 23. – С. 309–313.

232. Шаскольский, И.П. Русско-ливонские переговоры 1554 г. и вопрос о ливонской дани. [Текст] // Международные связи России до XVII в. / И.П. Шаскольский. – М.: АН СССР, 1961. – С. 376–399.

233. Шакурова, Ф.А. Подданство или протекторат? Анализ поведения башкирской элиты в период восстаний. [Текст] // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Всероссийская научно–практическая конференция. / Отв. ред. И. Г. Илишев. – Уфа: Гилем, 2004. – С. 171–174.

234. Шакурова, Ф.А. Правовой статус башкирских земель в период позднего феодализма (методологический аспект проблемы). [Текст] // Социальные и этнические аспекты истории Башкирии. / Отв. ред. Ф.А. Шакурова. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. – С. 97–103.

Авторефераты

235. Амантаев, И.Ф. Башкирское восстание 1739–1740 гг. [Текст] / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2012. – 21 с.

236. Загидуллин, И. К. Положение ислама в Европейской части России и Сибири в середине XVIII – начале XX в. (исламское богослужение и мечети). [Текст] / Автореф. дис... док. ист. наук. – Казань, 2006. – 71 с.

237. Имангалин, И.К. Башкирский край в первой трети XVIII в. и оренбургская экспедиция. [Текст] / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2013 – 26 с.

238. Ислаев, Ф.Г. Религиозная политика Российского государства и ее реализация в Волго-Уральском регионе (XVIII век). [Текст] / Автореф. дис... док. ист. наук. – Казань, 2005. – 38 с.

239. Мауль, В.Я. Социокультурное пространство русского бунта: по материалам Пугачевского восстания. [Текст] / Автореф. дис. ... док. ист. наук. – Томск, 2005. – 34 с.

240. Менщиков, В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. [Текст] / Автореф. дис... док. ист. наук. – Курган: Изд-во КГУ, 2004 г. – 49 с.

241. Надергулов, М. Х. Историко-функциональные жанры башкирской литературы: генезис, типология, стиль и традиции. [Текст] / Автореф. дис... док. филол. наук. – Уфа, 2009. – 32 с.

242. Осипова, Я.В. Интеграция Южного Урала в состав империи в 30–90-е гг. XVIII в.: этноконфессиональный аспект российской политики. [Текст] / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Челябинск, 2007. – 26 с.

243. Самсонов, Н.В. Правовое положение мусульман в России во второй половине XVI–XVIII вв. (историко-правовой аспект). [Текст] / Автореф. дис... канд. юр. наук. – М: УОНИиРИД МосУ МВД России, 2007. – 23 с.

244. Худайгулов, Т.С. Башкирское восстание 1755–1756 гг. [Текст] / Автореф. дис... канд. ист. наук. – Уфа, 2008. – 27 с.

Библиографические указатели, справочная литература, энциклопедии

245. Жуковский, И. Краткое обозрение достопамятных событий Оренбургского края, расположенных хронологически с 1246 по 1832 год. [Текст] – СПб.: Типография Н. Греча, 1832. – 79 с.

246. Ислам на Урале: энциклопедический словарь. [Текст] / Сост. и отв. редактор Д. З. Хайретдинов. – М.: Издательский дом «Медина», 2009. – 404 с.

247. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. [Текст] / Ред. Г.В. Соболева. – Екатеринбург: Изд-во Весть, 1994. – 796 с.

248. Политология: Краткий энциклопедический словарь–справочник. [Текст] / Отв. секретарь Борцов Ю.С., науч. ред. Коротец И.Д. – Ростов–на–Дону: Феникс, 2008. – 608 с.

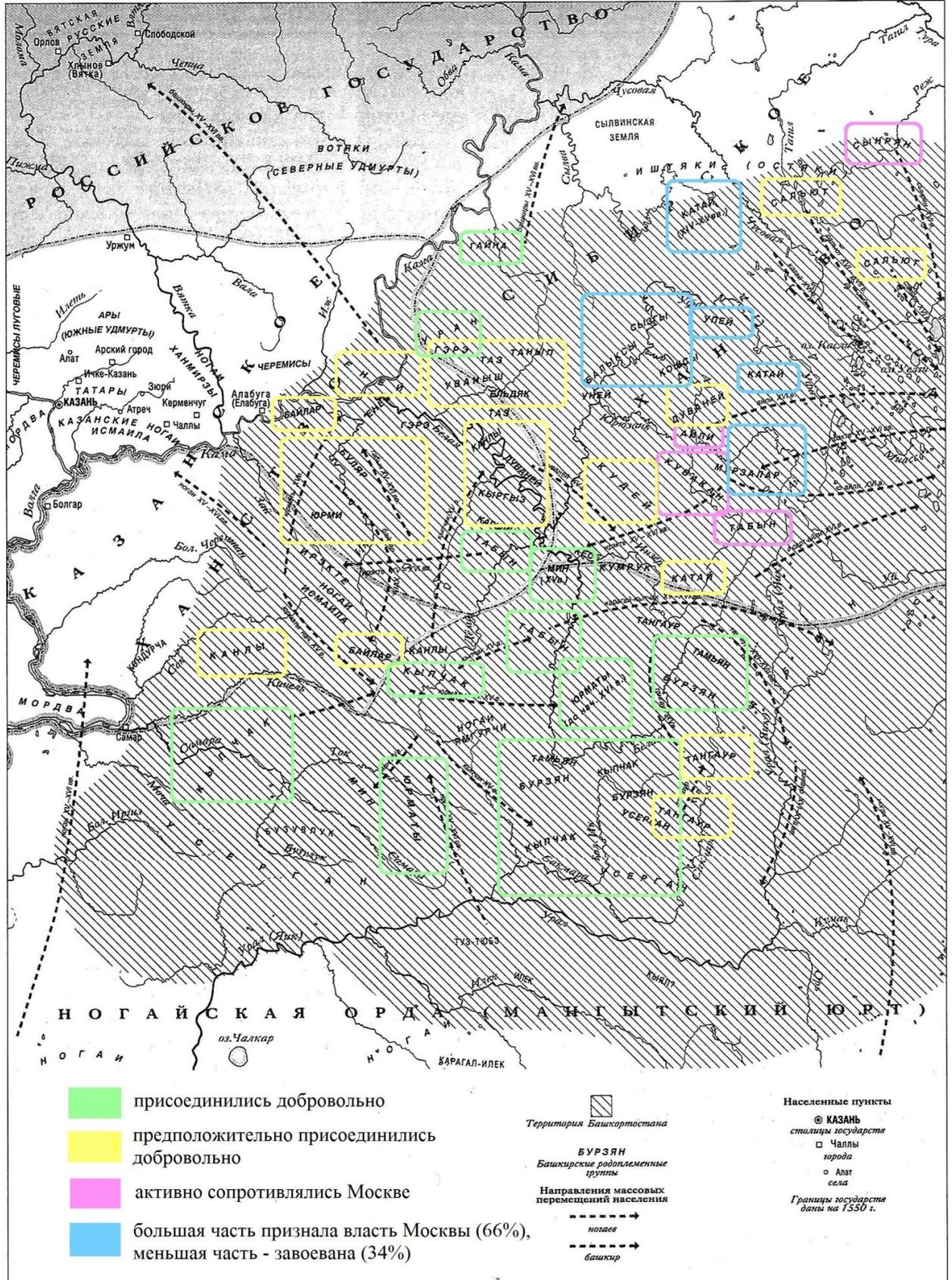
249. Ранняя история окрестностей Уфы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.gorodufa.ru/?p=41>. (дата обращения 07.08.2018).

250. Философия: Энциклопедический словарь. [Текст] / Под редакцией А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

251. Философская энциклопедия. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/779. (дата обращения 03.11.2017).

Приложения.

Приложение 1. Принятие башкирскими племенами российского подданства.

Приложение 2 составлено по: История Урала с древнейших времен до 1861 г. [Текст] / Отв. ред. А.А. Преображенский. – М.: Наука, 1989. – 608 с.

Приложение 3. Численность башкирского этноса в начале XVIII в.

Сведения о башкирах, собранные кунгурским бургомистром Юхневым во время его поездок в 1725 – 1726 гг.

Дорога	Волости	Количество дворов	Число душ «мужского пола, которые могут воевать»
Сибирская	Салаутская	138	414
	Катайская	206	618
	Мекотинская	45	135
	Терсятская	40	120
	Сыгранская	40	120
	Белокатайская	112	336
	Каратабынская	325	975
	Чирлинская	120	360
	Айлинская	530	1590
	Сискинская	152	456
	Сардинская	135	405
	Кубаканская	315	945
	Кудинская	225	675
	Трухменская	217	651
	Тубеляцкая	57	171
	Мурсинская	222	666
	Дуванская	100	300
	Кушинская	79	237
	Уфимская	76	228
	Шигиринская	37	111
	Балакчинская	120	360
	Умитская	130	390
	Таныпская	170	510
Кусинская	120	360	
Всего по Сибирской дороге		3711	11135
Ногайская	Емуран-Табинская	500	1500
	Питер-Табинская	700	2100
	Пелевская	700	2100
	Кубеляцкая	600	1800
	Верхне-Тамиянская	1000	3000
	Бурсенская	не пустили	
	Сункипшаская	не пустили	
	Тингаурская	не пустили	
	Усингирская	не пустили	
	Нижняя Тамиянская	1300	3900
	Кипшаская	не пустили	
	Юрматинская	1000	3000
	Меркитская	700	2100
Кси-Табинская	650	1950	
Карчир-Табинская	600	1800	

	Кумрун-Табинская	650	1950
	Дуван-Табинская	550	1650
	Бешанульская	не пустили	
	Такеинская	1150	3450
	Минская	не пустили	
	В семи волостях, в которые Юхнева в 1725-1726 гг. башкиры не пустили, но в которых он по торговым делам побывал ранее	4900	14700
Всего по Ногайской дороге		15000	45000
Казанская	Кайманская	500	1500
	Дуванская	670	2010
	Каршинская	700	2100
	Юрминская	570	1710
	Шашкадинская	650	1950
	Шуранская	400	1200
	Гуляская	500	1500
	Мушкинская	400	1200
	Болярская (в т.ч. татары, мари)	1000	3000
	Енелчуская (в т.ч. татары, мари)	500	1500
	Циргиская	1000	3000
	Кайнигари	400	1200
	«Да еще в особых деревнях»	100	300
«Еще новокрещенные 25 деревень. . .»	250	750	
«Еще особо за Камой рекой»	200	600	
Всего по Казанской дороге		7840	23520
Осинская	Гарейская	450	1350
	Терсятская (в т.ч. мишари, мари, удмурты, чуваш)	200	600
	Уранская (в т.ч. мишари, мари, удмурты, чуваш)	800	2400
	Гайнинская	600	1800
	«Еще... в разных деревнях»	54	162
Всего по Осинской дороге		2104	6312
Всего по четырем дорогам		28655	85967*

*При оценке численности всего этноса следует учитывать, что Юхневым были подсчитаны только взрослые мужчины - 3 человека на двор, а башкирская семья составляла примерно 10-12 человек. Т.о. общая численность башкир составляла 257901-343868 человек.

Разделение башкирского народа по волостям и родам по Рычкову П.И.

Дорога	«Настоящие роды, или волости»	Количество дворов	«Произшедшие от оных тюбы и аймаки»
--------	-------------------------------	-------------------	-------------------------------------

Ногайская	Минская	477	Чубинский, Кыркулинский, Яиксубянский, Кули-Минский, Слы-Минский, Ногай-Лар-Минский, Миркитский, Уршек-Минский. Илькей-Минский, Саралинский, Кубовский, Ик-Минский
	Табынская	387	Биш-Аулинский, Кси-Табынский, Юрман-Табынский, Калчир-Табынский, Кумрутский, Дуван-Табынский, Мялля-Табынский
	Юрматынская	521	Мешер-Юрматынский, Тяльтинский, Бакаевский, Арларский, Биш-Казанский, Макаровский
	Кыпчатская	1332	Бушмаский, Сунь-Кипчатский, Чанкимский, Сарыш-Кипчатский, Герясь-Кипчатский, Карагай-Кипчатский
	Бурзенская	448	Жанса-Бурзенский, Байулинский, Мушашевский, Емашевский, Карагай-
	Усергенская	381	Бурзенский, Дир-Бурзенский, Ногайларский
	Тингаурская	80	Ай-Усергенский, Жаутюбя-Усергенский, Шишайлярский, Бишайлярский, Сурянский, Чурашевский
	Тамьянская	196	Урман-Тингаурский, Ялан-Тингаурский
	Табынская	472	Коянецкий, Мылтыцкий, Мясауцкий, Ик-Тамьянский
	Катайская	300	Кубеляцкий, Телевский, Карагай, Кси, Емурантаянский Идиль-Катайский, Кошек-Катайский, Инзер-Катайский, Кузгун-Катайский

Сибирская	Кудейская	475	Урман-Кудейский, Билекей-Кудейский, Кир-Кудейский. Шетань-Кудейский, Ногайларский, Зюббердинский, Усрак-Кудейский, Урусба-Кудейский, Куллар-Кудейский, Дуван-Кудейский, Трухменский, Лямес-Трухменский
	Таныпская	335	Кыр-Таныпский, Балахчинский, Су-Таныпский, Унларский, Кыр-Унларский, Су-Унларский, Байкинский, Кайпанский, Укунщинский
	Айлинская	113	Аршинский, Елаи-Айлинский, Упейский, Дувапский, Таз-Дуванский, Сызенский, Еирлииский, Мурзаларский, Тарпаклинский, Кара-таулинский, Сартовский, Тюбелясский, Чублисызгинский
	Куваканская, «ведомства Исетской провинции»*		Елан-Куваканский, Тау-Куваканский, Сатка-Куваканский, Сагит-Куваканский, Киркули-Куваканский
	Барын-Табынская «в Исетской провинции»*		Аила-Табынский, Кукзюрряк-Табынский, Кыпчак-Табынский, Мусюл-Табынский, Акшураз-Табынский
Кара-Табынская «в Исетской провинции»* Китайская «за Уралом»*		Бала-Катайский, Бучкурский, Синрянский, Сызгинский, Баллы-Китайский, Чирлинский, Терсатский, Бекатинский, Чалжаутский, Сартларский	

Казанская	Каршинская	77	Акбашевский, Карганарский, Кадряевский
	Кайлинская	123	Идиль-Кайлинский, Кир-Кайлинский, Юрактау-Кайлинский, Актау-Кайлинский
	Елдятская	201	Уфа-Елдятский, Кир-Елдятский, Бура-Елдятский
	Гирейская	273	Урман-Гирейский, Идиль-Гирейский
	Тугузларская*		
	Енейская	400	
	Байлярская	561	
	Дуванская	82	Дуванейшев, Аджеево-Дуваней, Рысмекеевский, Бакаевский, Талбазинский
	Иланская	382	Кыр-Иланский, Идиль-Иланский, Бадрацкий
	Зирян-Юрты*		
	Киргизская	113	
	Бюлярская	231	
Осинская	Газларская*		
	Уваньшская*		
	Уранская	218	
	Ирехтинская	148	
	Гайнинская	562	Муль-Гайнинский, Туль-Гайнинский
Всего дворов		8888**	

* Данные о количестве дворов в данных волостях у П.И. Рычкова отсутствуют.

** В тексте «Топографии Оренбургского края» автор указал, «в Уфимской провинции 86384, в Исетской провинции 19792, а всего 106176 душ. По дворовому ж числу считается ныне одной Уфимской провинции, кроме живущих за Уралом... 8892 двора».

Приложение 3 составлено по: // Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / Сост. Н.Ф.Демидовой. М.Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – № 546. – С. 483-487; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. / Ред. Р.Г.Кузеев – Уфа: Китап, 1999. – 312 с.

Приложение 4. Потери башкир в ходе подавления восстания 1735–1740 гг. (по П.И. Рычкову).

«Табель, сколько с начала последняго башкирскаго замешания, т.е. с 1735 по 1740 г. командированными командами и партиями воров башкирцев искоренено и прочее».

Годы	По Оренбургской комиссии				По Башкирской комиссии				В обеих командах
	Побито	Сослано	Роздано	Итого	Побито	Сослано	Роздано	Итого	
1735	500	–	20	520	–	–	–	–	520
1736, 1737	4500	–	200	4700	692	1652	1457	3801	8501
1738, 1739, 1740	2134	135	1862	4131	8746	1449	4843	15038	19169
«Сверх того при команде генерал-лейтенанта князя Урусова наказано при Сакмарске при урезании носов и ушей»	301	–	–	301	–	–	–	–	301
Всего	7435	135	2082	9652	9438	3101	6300	18839	28491

Штрафы, взятые с повстанцев в казну.

	По Башкирской комиссии	По Оренбургской комиссии
«Лошадей в штраф и партиями побито»	11282	1001
Коров, овец, верблюдов	5872	204
«Деньгами за штраф и за проданныя лошади»	9828 руб. и 29 коп.	
«Раззорено деревень жилых»	396	300

Приложение 4 составлено по: Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. [Текст] / Отв.ред. Р.Г.Кузеев. – Уфа: Уфимский НЦ РАН, 2002. – 201 с.

Приложение 5. Расчеты приведенных в исследовании цифр.

Расчеты по фискальной системе.

Род Юрматы платил 100 куниц в качестве ясака.

100 куниц $\times$ 55 коп. (максимальное значение, указанное в шежере) = 5500 коп. со всего союза Юрматы.

5500 коп. $\div$ 300 дворов = 18,33 коп. со двора.

Род Мин должен был поставлять 171 куницу и 18 батман меда. В 50-е гг. XVII в. большой казанский батман меда (4,095 кг) стоил 40 алтын (120 копеек).

171 куниц $\times$ 55 коп. (макс. значение) = 9405 коп.

18 батман $\times$ 120 коп. = 2160 коп.

9405+2160=11565 коп. со всего союза Мин, что почти в два раза больше, чем ясак юрматынских башкир. Значит с уверенностью можно утверждать, что их численность в тот период приближалась к 600 дворам.

11565 коп. $\div$ 600 дворов (максимальное значение) = 19,275 коп. со двора.

Натуральный ясак составлял:

171 куница $\div$ 600 дворов = 0,285 куниц со двора.

18 $\times$ 4,095 кг = 73,71 кг.

73,71кг $\div$ 600 домов=0,12285 кг со двора.

Исходя из правила округления чисел допустимо говорить о том, что денежный ясак составлял порядка 20 коп. со двора, а натуральный – 0,3 куницы и 125 кг меда со двора.

Расчеты по христианизации населения Уфимской провинции в начале XVIII в.

250-300 тыс. чел. – численность башкирского этноса в начале XVIII в.

300 дворов приняли православие к началу XVIII в.

В каждом дворе проживало 10-12 человек.

300 дворов $\times$ 12 человек = 3600 православных.

I. 250000 – 100 %

3600 – x %

$X = (3600 \times 100) \div 250000 = 1,44 \%$

II. 300000 – 100 %

3600 – x %

$X = (3600 \times 100) \div 300000 = 1,2 \%$

Расчеты по христианизации населения Уфимской провинции при подавлении башкирского восстания (1735–1740 гг.)

10 тысяч крещеных бунтовщиков (1738–1740 гг.).

I. 250000 - 100 %

10000 - x %

$X = (10000 \times 100) \div 250000 = 4 \%$

II. 300000 - 100 %

10000 - x %

$$X = (10000 \times 100) \div 300000 = 3,3 \%$$

Расчеты по христианизации населения Уфимской провинции в 30–40 гг. XVIII в.

В 1742-1753 гг. было крещено от 202 до 231 башкира.

В 1754 г. в Уфимской провинции - 86384 башкир.

86384 – 100 %

231 – x %

$$X = (231 \times 100) \div 86384 = 0,27 \% \text{ (округляем до } 0,3 \%)$$

Расчет по изменению тяжести выплат после замены ясака покупкой соли.

Употребление соли 6 гр×365 дней в году = 2190 гр.

16 кг соли (пуд) ÷ 2190 гр. = 7,3 года

35 коп. за пуд ÷ 7 лет = 5 коп. в год на человека

5 коп. × 10 человек = 50 коп. в год со двора.

5 коп. × 12 человек = 60 коп. в год со двора.

Приложение 5 составлено по: Башкирские шежере. / Сост., перевод и комментарии Р.Г. Кузеев. – Уфа: Башиздат, 1960. – 304 с. ; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения.– М: Наука, 1974. – 576 с.; Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). – Уфа, Китап, 2006; О снятии ясака с башкирцев, мешеряков и татар, между ними живущих, и о продаже у них вместо сево соли из казны. Сенатский. 16 марта 1754 г. // Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. / Сост. Ф.Х. Гумеров. – Уфа, Китап, 1999. – С. 52 – 53; Диетология. 4-е изд. [Текст] / Под ред. А. Ю. Барановского. – СПб.: Питер, 2012. – 1024 с.